

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2007

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон 124-34-42

E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва

Научно-производственное объединение
«Издательство “Наука”»

© Российская академия наук, 2007 г.

© Редакция журнала “Российская археология”
(составитель), 2007 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2007

К юбилею журнала

Нам 50, или от “Советской археологии” – к “Российской археологии” <i>Беляев Л. А., Макаров Н. А., Мунчаев Р. М.</i>	5
Создание журнала “Советская археология”. Первые его годы <i>Мунчаев Р. М.</i>	13
Новые произведения палеолитического искусства с Зарайской стоянки <i>Амирханов Х. А., Лев С. Ю.</i>	22
Могильники и погребальные комплексы эпохи мезолита в лесной зоне Восточной Европы <i>Ошибкина С. В.</i>	36
Дворцово-храмовый комплекс на Северном Гонуре <i>Сарианиди В. И.</i>	49
Формирование культурного ландшафта в бассейне Москвы-реки от бронзового века к средневековью <i>Кренке Н. А.</i>	64
Античные древности Крымского Приазовья. Взгляд через полвека <i>Масленников А. А.</i>	79
Новые исследования средневековых могильников с кремациями на севере Европейской России <i>Макаров Н. А., Зайцева И. Е.</i>	89
В поисках Гнездовского порта <i>Мурашева В. В.</i>	106
Срубные постройки древнего Новгорода (вопросы сложения и эволюции) <i>Фараджева Н. Н.</i>	115
Золотоордынские чаши в стене собора монастыря Влатадон в Фессалониках <i>Полубояринова М. Д., Седов Вл. В.</i>	126
Лапидарная эпиграфика Москвы XV–XVII вв.: современные проблемы <i>Беляев Л. А.</i>	133

Публикации

Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) <i>Балахванцев А. С., Яблонский Л. Т.</i>	143
Некоторые итоги археологических исследований на Старой Нисе <i>Пилипко В. Н.</i>	150
Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам <i>Миняев С. С., Сахаровская Л. М.</i>	159
Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац <i>Храпунов И. Н.</i>	167
Иранская чаша XII в. из Биляра <i>Валиулина С. И.</i>	176

К характеристике Старорязанского клада 2005 г.

Чернецов А. В.

182

Критика и библиография

Французский сборник по искусству Афганистана

Кошеленко Г. А.

189

Сдано в набор 16.10.2006 г.

Подписано к печати 18.12.2006 г.

Формат бумаги 60 × 88¹/₈

Офсетная печать

Усл. печ. л. 24.0

Усл. кр.-отт. 22.7 тыс.

Уч.-изд. л. 25.6

Бум. л. 12.0

Тираж 930 экз.

Зак. 2001

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Издатель: Академиздатцентр “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 1, 2007

To celebrate the anniversary

We are fifty, or from the Soviet Archeology – to the Russian Archeology <i>Beliaev L. A., Makarov N. A., Munchaev R. M.</i>	5
The creation and the first years of the Soviet Archeology <i>Munchaev R. M.</i>	13
Paleolithic art from Zarsk New finds of <i>Amirkhanov H. A., Lev S. Yu.</i>	22
Mesolithic burial grounds and burial complexes in the forest zone of Eastern Europe <i>Oshibkina S. V.</i>	36
Palace-temple of the Northern Gonur <i>Sarianidi V. I.</i>	49
Formation of the cultural landscape in the Moskva river basin from the Bronze Age up to the Middle Ages <i>Krenke N. A.</i>	64
Classical antiquities of the Crimean Azov Coast: a survey of the fifty years' investigations <i>Maslennikov A. A.</i>	79
New investigations of Medieval burial grounds with cremations in the North of European Russia <i>Makarov N. A., Zaitseva I. E.</i>	89
In search of the Gnezdovo port <i>Murasheva V. V.</i>	106
Log buildings in ancient Novgorod (appearance and development) <i>Faradjeva N. N.</i>	115
Golden Horde bowls on the façade of the wall of Vlatadon Monastery Cathedral in Thessaloniki <i>Poluboyarinnova M. D., Sedov V. V.</i>	126
Current studies of the inscribed gravestones of the 15 th –17 th -century Moscow <i>Beliaev L. A.</i>	133

Publications

Achaemenid enamel from Filippovka and the chronology of the monument <i>Balakhvantsev A. S., Yablonsky L. T.</i>	143
Some results of archeological investigations at Old Nisa <i>Pilipko V. N.</i>	150
An elite complex of Xiongnu burials in the Tsaraam valley <i>Miniaev S. S., Sakharovskaya L. M.</i>	159
Ceramic vessels in the form of a ram from the Neizatz burial ground <i>Khrapunov I. N.</i>	167

The 12 th -century Iranian chalice from Biliar <i>Valiulina S. I.</i>	176
To characterize the hoard discovered in 2005 at Staraya Ryazan' <i>Chernetsov A. V.</i>	182

Critics and bibliography

French digest on the Afgan art <i>Koshelenko G. A.</i>	189
---	-----

НАМ 50, ИЛИ ОТ “СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ” – К “РОССИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ”

© 2007 г. Л. А. Беляев, Н. А. Макаров, Р. М. Мунчаев

Институт археологии РАН, Москва

Юбилей чрезвычайно полезен. Они отрывают от “текучки”, рутинной работы. Юбиляров они составляют найти силы для проработки накопившихся мыслей, сформулировать свое видение пройденного пути и поделить планами. Воспользуемся и мы преимуществом, которое предоставляет журналу его пятидесятилетний юбилей. Наш журнал читают многие и в России, и за рубежом: он есть в библиотеке каждого крупного университета. Однако читатели, особенно молодые, вряд ли много знают о самом журнале. Юбилей – хороший случай представиться: рассказать о прошлом и настоящем нашего журнала; о том как он делается, каким мы видим его программу, его будущее развитие¹.

Как издательский проект наш “квартирник” имеет предысторию и возник не на пустом месте: ему предшествовали ежегодные альманахи “Советская археология” (выходили в 1936–1959 гг.), еще раньше – Известия ИАК, Археологические известия и заметки МАО и другие. Однако среди существующих отечественных периодических изданий по археологии “Российская археология” – старейший. Много десятилетий он оставался не только ведущим, но и единственным в стране. Созданный в 1957 г., он был в полной мере детищем Института археологии (тогда – Институт истории материальной культуры). В его создании активнейшее участие приняли академик Б.А. Рыбаков; заведующий кафедрой археологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Арциховский; многие другие выдающиеся археологи середины XX в.

Создание журнала представляло собой одну из акций в ряду мероприятий по структурированию и централизации научной работы, проводившихся в середине XX столетия в СССР. В ходе этого процесса возникли два типа информационных изданий: известия институтов Академии наук (“сообщения”, “краткие сообщения” и т.п.) и журналы по

областям знаний, которые мыслились как всеобщие, освещавшие работу в данной отрасли советской науки в целом, в каком бы подразделении Академии, вузе или НИИ она ни проводилась. Одним из таких журналов стала и “Советская археология”. Редакционное обращение 1957 г., очерчивая области интересов журнала, включило в них не только собственно археологию, но и вспомогательные исторические дисциплины (эпиграфика, нумизматика, сфрагистика); этнографию; некоторые естественно-научные дисциплины (антропология, геология). Кроме строго научных задач предполагалось освещать проблемы преподавания археологических знаний, популяризации и пропаганды; вопросы реставрации, музейного дела, охраны памятников (О задачах..., 1957. С. 6). Заключительный абзац редакционного обращения звучит и через 50 лет так современно, что его можно повторить и даже подчеркнуть: “Мы хотели бы, чтобы журнал ... был не только научным органом, интересующим узкий круг ученых-специалистов, но и изданием интересным и нужным всем тем, кому близки и дороги достижения археологии и истории, – изданием, рассчитанным не только на археологов-профессионалов, но и на ученых, работающих в других областях науки, на преподавателей истории, краеведов, музейных работников и других представителей ... интеллигенции” (там же).

На протяжении истекших десятилетий журнал исполнял свое предназначение быть ведущим фундаментальным научным изданием по археологии страны. По сути дела, он стал единственным общеполитическим изданием, выходящим на протяжении минувшего полувека и без существенных потерь, а также и без хронологического разрыва, пережившим переход от СССР к России. Подшивка журнала за эти 50 лет – исключительный, уникальный компендиум по археологии. Ознакомление с ней обеспечивает полное, без сколько-нибудь существенных изъятов, знакомство с предметом. Не будет большим преувеличением заявить, что 200 вышедших номеров журнала – это полная энциклопедия археологии северо-востока евразийского континента, вполне заменяющая знакомство с целой библиотекой монографий, сводов и сборников, поскольку подавляющее боль-

¹ К теме развития журнала мы неоднократно обращались как в статьях специальных (Беляев, Гуляев, 1999), так и общеполитического содержания, на Круглых столах и т.п. (например: Гуляев, Беляев, 1995). В них давалась оценка журнала в сравнении с аналогичными зарубежными изданиями, а также на фоне истории археологической периодики переломной эпохи 1990-х годов в России.

шинство их материалов публиковалось здесь по мере написания.

На страницах журнала печатались как статьи корифеев науки (М.И. Артамонов, В.Д. Блаватский, А.Я. Брюсов, Н.Н. Воронин, С.В. Киселев, Т.Б. Пассек), так и молодых ученых, а ныне академиков (Т.И. Алексеева, М.Г. Бонгард-Левин, А.П. Деревянко, В.И. Молодин, В.Л. Янин); многие из них в разные годы входили в состав редколлегии (О.Н. Бадер, М.К. Каргер, В.В. Кропоткин, Е.И. Крупнов, В.М. Массон, А.П. Смирнов; академики В.П. Алексеев, А.П. Окладников, Б.Б. Пиотровский, В.В. Седов; ответственным секретарем редакции в 1960–1964 гг. был член-корреспондент РАН Р.М. Мунчаев, в 1991–2003 гг. – директор Института археологии; сейчас – председатель редакционного совета журнала). Первые два десятилетия существования (1957–1978 гг.) главным редактором “Советской археологии” оставался создатель кафедры на историческом факультете МГУ и Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховский. В 1978 г. его сменил академик Б.А. Рыбаков, затем – С.А. Плетнева, выдающийся исследователь средневековых древностей Степи (главный редактор в 1988–1995 гг.); ее преемником стал специалист по древностям Южной Америки, Ближнего Востока и Скифии В.И. Гуляев (в то время заместитель директора Института археологии; главный редактор в 1996–2001 гг.).

Все выдающиеся открытия, возникавшие в нашей науке новые направления и идеи так или иначе были представлены на страницах журнала. Вспомним хотя бы новгородские берестяные грамоты и Аржан-I, античные памятники Причерноморья, открытия зарубежных экспедиций, работавших в Болгарии, Египте, Йемене, Ираке, Сирии. В 1950-е годы публикации в “Советской археологии” прокладывали дорогу в археологию естественным и точным наукам; в 1950–1960-х годах именно здесь развернулась работа по глубокому изучению жизни древнерусского города, сохранялась традиция исследований памятников церковной археологии и иконографии. В 1970-х годах журнал существенно помог справиться с обобщением и публикацией данных на первом этапе “информационного скачка”, связанного с потоком материалов, получаемых при резко активизированных охранных работах. В 1980–1990-е годы журнал вступил в борьбу за сохранение научных связей между археологами региональных центров, давая возможность ученым России и соседних стран, вопреки внезапному распаду единого культурного пространства, знакомиться с результатами работ друг друга и узнавать имена молодых коллег.

Журнал стал хорошей школой подготовки руководителей и научных кадров: работа в нем предполагала особо четкое выполнение сотрудниками

обязанностей, а личные и письменные контакты с сотнями коллег внутри страны и за ее пределами расширяли научный кругозор, формировали способность уверенно ориентироваться в самых разных областях истории и археологии. К сожалению, никого из первых членов редакционной коллегии и редакции журнала с нами уже нет, но мы рады отметить, что многие авторы, чьи статьи украшают (в прямом смысле) первые годовые комплекты журнала, и сегодня успешно работают в науке.

Журнал был зарегистрирован как печатный орган центрального археологического учреждения страны – Института археологии РАН. Наличие развитой издательско-полиграфической базы у Академии наук (Издательство АН СССР, позже получившее название “Наука”) решило вопрос о втором соучредителе. Таким образом, у журнала оказалось двое “родителей” – Институт археологии и издательство “Наука”, структурные подразделения одной организации, Академии наук. На этой основе сложилась издательская структура журнала, отражающая две стадии его производства, для которых необходимо взаимодействие соучредителей.

Редколлегия и редсовет² отвечают научным авторитетом своих членов за качество публикуемых материалов, определяют тематическое направление журнала и, опираясь на Институт археологии, обеспечивают первый этап подготовки номера (сбор материалов; их рецензирование и обсуждение коллегами на совместных заседаниях; доработка в соответствии с рекомендациями рецензентов и научное редактирование принятых к печати статей). Для этого в состав редакции делегируются научные сотрудники Института, профессионалы-археологи, проходящие редакционную стажировку непосредственно в ходе работы; при отборе кандидатов, кроме профессиональных и личных качеств, в последние годы все более важным считается желание работать в журнале. Дальнейшая редакционная подготовка собранного номера (вычитка текстов, доводка иллюстраций), его макетирование, печать и передача для распространения через почтовые отделения обеспечивается издательством “Наука”. Оперативную связь между Институтом и Издательством, а также руководство технической частью редакционного процесса осуществляет постоянный штатный сотрудник Издательства в редакции (зав. редакцией).

Получивший при создании название “Советская археология”, журнал сохранял его до второго номера 1992 г., начиная с которого стал имено-

² Редакционный совет создан в 1995 г. с целью укрепления связей с регионами и сохранения роли журнала как ведущего археологического периодического печатного органа на постсоветском пространстве. Члены редсовета – авторитетные специалисты разных областей археологии ряда регионов России – утверждаются распоряжением бюро Отделения истории РАН.

ваться “Российская археология”. Но это далеко не единственная перемена: за истекшие полвека иными стали его внешний вид и полиграфические особенности. В 2000 г., после передачи журнала в МАИК “Наука” – “Интерпериодика”, была проведена его серьезная реорганизация (переход на компьютерный способ приемки статей, изменение формата и объема и т.д.). В 1990-х годах осуществилось техническое перевооружение журнала, и с 2000 г. редакция перешла на электронные носители и связанное с ними оборудование; сейчас ее технические возможности приближаются к оптимальному уровню (пять компьютеров с необходимыми дополнениями и современными программами; аппаратура для звукозаписи и фотоработы; постоянная связь с сетью Интернет). Создание и поддержку технической базы, начиная с 1980-х годов, обеспечивают два источника: Институт археологии РАН и научные фонды (РФФИ и РГНФ).

Переходя к оценке содержательной части журнала, сравним две его годовые подборки. Одна – за 1957 г., первый год издания, другая – за 2006, предъюбилейный. В них много различий, как технических и полиграфических, так и системных, смысловых.

Номера 1957 г. явно принадлежат классическому “толстому” научному журналу. Этому соответствует все. Строгая, но не лишенная изысканности обложка с надписями, набранными рубленным шрифтом типа “антиквы”, с единственным символическим украшением: силуэтом ажурного вятического височного кольца. Плотная кремовая бумага обложки хорошо сочетается с сепиевой надписью и оливковой зеленью кольца. Благодаря крупным буквам на широком корешке название видно на полках с большого расстояния. Достоин упоминания и уровень исполнения иллюстраций: черно-белые и ретушированные цветные таблицы на мелованном “кюнгспепире” напоминают о фототипиях и литографиях начала столетия; профессионально обтянутые тушью прорисовки прекрасно читаются и искусно вкомпанованы в текст. Ясный, прозрачный набор и аппарат, сохраняющий традиционный стиль XIX в. (подстрочные комментарии с прямыми ссылками на литературу), существенно облегчают работу со статьями.

К сожалению, вклейки продержались чуть более 10 лет, встречаясь все реже и реже (последняя появилась в № 3/1968). В годы перестройки несколько уменьшился формат журнала, резко ухудшились бумага и полиграфия (с № 1/1989); с 1993 г. на 3 учетно-издательских листа сократился годовой объем. В 2000 г. журнал приобрел типовой для научных журналов РАН формат, близкий А4, и объем номеров еще более сократился (изначально каждый включал до 30 авторских листов плюс иллюстрации, а в новом формате он составил всего около 23 листов). Изменился и тираж издания,

упав в 3,5 раза (№ 1/1990 – 3630 экз., № 1/2000 – 1067 экз.), а в отдельные годы и более. Тем не менее в сравнении с другими научными журналами стабильный тираж объемом около 1000 экземпляров (что примерно равно изначальному, пятидесятилетней давности) признается высоким – ведь даже считавшиеся ведущими литературные журналы страны сократили его с сотен тысяч до сотен экземпляров. Такой тираж удерживается последние 7 лет, что позволяет говорить о стабильно высоком интересе к материалам журнала. Постепенно улучшается его полиграфия, а в 2005 г. издательство, идя навстречу нашим потребностям, согласилось время от времени включать подготавливаемые силами Института археологии РАН цветные таблицы (отсюда – их появление и в данном номере).

В научной ориентации и структуре журнала до начала 1990-х годов существенных перемен не происходило, хотя кое-какие рубрики исчезли, и вместо них появились новые. Так, журнал отказался от популярных или краеведческих статей, направленных на развитие практической деятельности по созданию музеев, преподаванию, охране памятников (в первых номерах они занимали значительное место, хотя и набирались мельче остальных, эта рубрика так и называлась – “В помощь учителю и краеведу”, и для нее писали уже широко известные в то время, выдающиеся исследователи Д.А. Крайнов, Б.А. Колчин и др.). Как многие базовые гуманитарные периодические и неперидические научные издания (“Византийский временник”, “Древнерусское искусство” и др.) археологический журнал Академии наук строился как исключительно научный. Выбор был сделан в пользу усиления специализации, профессионализма, фундаментальности подхода.

Распад СССР повел к нарушению сложившихся связей “археологического пространства” и затруднил связь журнала с авторами из бывших союзных республик, а отчасти и с археологами региональных научных центров. С изменением политического строя государства трансформировалась академическая, в том числе издательская, система; произошла значительная децентрализация работ в области археологии, резко возросло количество научных центров и число работающих в области археологии (особенно в полевой ее части) – но при этом число ученых, занятых фундаментальными исследованиями в системе Академии наук, ведущих университетах и музеях, заметно сократилось в сравнении с теми, кто вовлечен в эту работу через органы охраны памятников, структуры коммерческой (“контрактной”) археологии и другие организации, ранее исследованиями не занимавшиеся. Все это не могло не вызвать существенных перемен в подходе к формированию журнала, который нацелен на сохранение устойчивого контакта с кругом своих традиционных читателей.

Одна из важных причин, диктующих изменения в политике журнала, который в прошлом был, по сути, монополистом, – наступившая “печатная полифония”. Со второй половины 1980-х годов, и особенно в 1990-х, в гораздо большем количестве начали появляться ежегодные и непериодические издания (санкт-петербургские “Археологические вести”, московский “Opus”); “нумерованные” региональные труды по археологии (типа тверских археологических сборников); возник новый общероссийский журнал – “Археология, этнография и антропология Евразии” (Новосибирск)³. Они приняли на себя существенную часть публикационной нагрузки, позволили справиться с многократно выросшим потоком информации, что дало возможность “Российской археологии” перейти к активному обсуждению проблем исследовательской стратегии, осмыслению идущих в науке процессов, возбуждению дискуссий на фундаментальные, научно-организационные и научно-социальные темы.

Это оказалось очень своевременным: перемены последних десятилетий в нашей стране повели к серьезным трансформациям в археологии как науке. Мир современной археологии стал, как никогда ранее, зависим от развития полевых и, особенно, лабораторных естественно-научных технологий. В ее практику на всех уровнях, от полевого исследования до теоретического, прочно вошли компьютерные технологии. Во многом изменилось представление об исследовательской стратегии: археологи все реже имеют шанс открыть неизвестный город (тем паче новую цивилизацию), зато возросла возможность добиться прорыва в знаниях на совсем небольших по размеру раскопках. Современный археолог живет в мире деталей, которые ранее давали сравнительно мало информации. Археология все более специализируется и в то же время испытывает проблемы с переработкой скачкообразно возрастающего потока информации.

Молекулярная биология по-новому обрисовала картину распространения *homo sapiens*; domestikации зерновых; развития производящего хозяйства в Европе. Химический, спорово-пыльцевой и другие анализы позволяют раскрыть малейшие детали археологических комплексов: определить типы вин из гробницы Тутанхамона и “меню” погребальной трапезы царя Мидаса в Гордионе (700 г. до н.э.); восстановить посезонное распределение типов растительности под курганами бронзового века (Эйвбери, Южная Англия); подсчитать количество топоров (59), использованных для затески бревен сооружения в Сихендже (Восточная Ан-

глия) в эпоху бронзы. Изучая физические особенности и ДНК, можно представить “физическую” историю жизни отдельных индивидуумов: историю болезней; питания; тренировки и повседневных занятий; даже передвижений в пространстве – так, анализ на стронций костей “лучника из Эймсбери” (ок. 2470 г. до н.э., юг Англии) показал, что детство он провел в Центральной Европе (см.: Fagan, 2006. Р. 19–23).

Конечно, археология всегда живет в ожидании новых полевых открытий – но степень привлечения современных методов, степень “междисциплинарности”, все более определяет их значение для реконструкции истории. В этой связи можно указать на стремительное развитие междисциплинарных исследований в Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (подробнее см.: Деревянко и др., 2005), позволяющих получать достоверную информацию о древнейшем прошлом человечества. Ключевым звеном археологических исследований все в большей степени становятся не отдельные раскопы, пусть и большой площади, а более широкие обследования древнего ландшафта. Археология ландшафта (археология расселения) вышла на новый уровень, включающий использование географических информационных систем и рассмотрение памятников в изменчивом природном контексте, динамическая реконструкция которого (в том числе – реконструкция “ментальных ландшафтов”, их образ в мировидении людей прошлого) становится возможной благодаря компьютерным программам. Археология получает все больше данных о расселении, взаимоотношении центра с периферией, использовании ландшафта и его осознании в прошлом.

Впрочем, сохраняются и возможности расширения области исследований, которая совмещает экстенсивные и интенсивные методики: это продвижение работ в зоны ниже уровня современного моря. Уже ведутся подводные работы на Балтике, где датские археологи исследуют раковинные кучи, жилища и челны; на Черном море российские ученые поднимают на поверхность памятники античной эпиграфики и искусства. Но обследование основной части шельфа и тем паче океанских глубин, скрывающих остатки кораблекрушений, – в основном дело будущего.

Современная археология все больше стремится не столько открывать памятники и регистрировать свои открытия (что она тоже научилась делать несравненно лучше), но и объяснять поведение людей прошлого; она задается социальными и гендерными вопросами; соединяет в своих выводах результаты физико-антропологических, генетических и климатологических исследований (они открывают как судьбоносные катастрофы прошлого, так и медленные, но неотвратимые изменения, имевшие значительное влияние на развитие соци-

³ Часть их издавалась и ранее, до перестройки, но в последние годы активизировала свой выпуск. В Институте археологии, например, возобновили выпуск базового для информации о полевой деятельности ежегодника “Археологические открытия” и “Кратких сообщений”.

альной сферы) с собственно археологическими наблюдениями, сделанными на основе продвинутой техники раскопок и фиксации. Междисциплинарные исследования дают гораздо более детальную картину формирования памятников, взаимоотношений человека с окружающей средой и его представлений о внешнем мире; мельчайшие каждодневные наблюдения все точнее рисуют портрет прошлого. Однако их воздействие на общую картину “большой” истории скажется и будет оценено, возможно, только через два-три поколения.

В археологии России перемены оказались связаны не только с внутренним развитием науки: сама ситуация в области использования исторического наследия принципиально иная, чем полвека назад. Неожиданно возник ряд проблем, глубоко связанных с современным обществом. Конечно, вся история археологии может быть представлена как процесс взаимоотношений с обществом, вплоть до усиления внимания образованной части социума к древностям во второй половине XIX в. и настоящего взрыва интереса во всех слоях общества в XX в. Этот интерес обеспечил возможность развития научной археологии, но от него же сегодня исходит вызов, грозящий разрушить археологию как науку.

За последние 10–15 лет в России отношения внутри общества по поводу памятников истории и культуры коренным образом изменились. До крушения советской системы само существование таких отношений было малозаметным: собственность на исторические объекты оставалась, условно, государственной. Недвижимые памятники находились (хотя это не осознавалось) в полном распоряжении тех групп ученых, которые стремились их изучать. Сегодня они оказались в сфере интересов разных групп общества, достаточно активных, обладающих большими материальными возможностями и властными функциями. Они претендуют на право распоряжаться археологическими объектами и по-своему решать связанные с этим проблемы. В обществе заметно стремление вывести “право собственности на прошлое” из-под исключительного контроля науки, которая ранее делила его только с государственной властью. Это заметно во всех областях истории, но в археологии обретает особую остроту, поскольку она, подобно таким областям, как музейное и архивное дело, работает не только с умозрительным, но и с материализованным прошлым.

Острота конфликтов очевидна, например в вопросе о правах исследования антропологических материалов. Ее яркие проявления – требования пересмотреть запреты на их вскрытие, которые раздаются из разных уголков мира (США, Ближний Восток, Сибирь). Наряду с этим мы наблюдаем широко развернувшийся в России в последнее вре-

мя не санкционированный наукой процесс вскрытия церковных погребений в ходе поиска мощей. Церковь стремится рассматривать участки своих храмов и монастырей и принадлежащих к ним владений как экстерриториальные, на которых научный контроль светской власти должен прекращаться или максимально ослабляться. И это лишь немногие части процесса вывода прошлого из монопольного владения научным сообществом, которое претендовало на него в течение почти столетия.

Заявка на владение как материализованной, так и нематериальной частями прошлого – самый существенный из вызовов, который слышен в области идеологизированной геополитики и спорах о коммерческом использовании объектов археологии. С областью идеологии археология соприкасается в силу того, что она оказалась исключительно мощным орудием национальной самоидентификации, что связано с особой способностью археологии вовлекать личность в контакт, в диалог с прошлым через прямое участие непрофессионалов в полевой работе. В современной России, где осуществляется поиск нового места в среде народов мировой истории, прояснение культурно-исторического генезиса (который все еще видится туманным даже элите общества), прямое и массовое общение с прошлым, его материализованными памятниками, выглядит особенно привлекательным. Отсюда – развитие движения не санкционированных наукой и органами охраны памятников, непрофессиональных раскопок.

Одним из факторов вторжения идеологии в археологию стало прямое политическое использование последней для манипуляции историческим прошлым, в спорах о культурно-историческом континуитете тех или иных наций, при обосновании “права наследования” территорий и т.п. Примеров “политархеологии” в странах бывшего СССР можно найти бесчисленное множество, включая погоню за сенсационными находками, подготовку “юбилеев” отдельных памятников, городов и т.п. (эта тема специально исследуется В.А. Шнирельманом, см., например: 1999; 2001).

Не менее опасно вторжение в область археологии коммерческих интересов. На поверхности этого явления – откровенно незаконная деятельность браконьеров, грабящих памятники и открыто продающих археологические находки, и деятельность их более респектабельных “партнеров” – частных коллекционеров. Последние давно не только любуются накопленным, но и публикуют “научные каталоги” своих собраний без единого слова о происхождении вещей, выставляют их (или даже дарят) государственным музеям. Некоторые вполне добросовестные ученые принимают по крайней мере пассивное участие в этом процессе, выступая в качестве экспертов, авторов или редакторов ка-

талогов. Ощущает дыхание этого “бизнеса” и редакция: делаются попытки публиковать браконьерские находки или коллекции, сводки вещей и т.п. Позиция журнала по этому вопросу та же, как в большинстве научных изданий мира: “нет происхождения – нет атрибуции”⁴.

Опасность для науки исходит, как ни странно, и со стороны “спасательной” (“охранной”) археологии. Для инвесторов и владельцев земли одним из удобных способов избавления от обременительных объектов наследия стала “очистка территорий от археологии” (культурного слоя, некрополя, остатков архитектурных сооружений) путем организации широких спасательных раскопок. Возникает симбиоз строительного и “археологического бизнеса” (термин нов, но явление хорошо известно по всей стране), участники которого едины в подходе: чем больше раскопать, тем лучше. Вместо защиты исчерпаемого культурного ресурса страны мы сталкиваемся с его превентивным уничтожением руками самих “археологов”, стремительно занимающих нишу под зонтиком строительных фирм и государственных систем охраны наследия. Такой подход ведет к массовой утрате предмета исследования, постепенному размыванию методических принципов исследования и, что еще страшнее, к утрате археологическим сообществом права целеполагания при исследовании, утрате научной цели в самом процессе раскопок.

Один из ведущих археологов западного мира, Брайан Фейган, в недавнем прогнозе развития науки выразил уверенность, что за ближайшие 50 лет будет сделано больше полевых открытий, чем за полтора предшествующих века. Причина этого не в “жадности” ученых, стремящихся раскопать побольше, а в индустриальном прогрессе и развитии городов, которые уничтожают ежегодно тысячи памятников. На этот “бульдозерный вызов” следует ответить развитием долгосрочных проектов (их планирование все равно растягивается на годы) и включением археологических учреждений в менеджмент объектов культурного наследия на этапе планирования (Fagan, 2006). Переход от спешной и деструктивной “спасательной” к медленной “proactive” (существенно предваряющей строительные работы) археологии сулит подлинную революцию в использовании ее ресурсов.

В этих условиях важно принять стратегические решения относительно вновь обнаруживаемых и исключительных по значению объектов древности. Известный положительный пример – решение правительства Китая отложить раскопки гробницы первого императора Китая, Шихуанди (ум. в 221 г. до н.э.) до тех пор, пока сама наука не почувствует, что для изучения и консервации объекта

обладает ресурсами, адекватными стоящей задаче. Такая задача решается сейчас применительно к малоизученным, но невероятно богатым памятниками Китаю и Индии, Таиланду, Южной Африке, Центральной Азии. Стоит эта задача и применительно к областям традиционного интереса российской археологии – городам Шелкового пути, памятникам Сибири, Берингии.

Резкое расширение спасательных работ, с одной стороны, и возрастающее стремление к специализации у профессионалов – с другой, углубляют разрыв между работой по использованию памятников культуры и чисто академическим исследованием. Он может быть сокращен только путем целенаправленного создания почвы для их сотрудничества и изменения принципов подготовки профессиональных археологов.

Итак, археология находится на пороге важных открытий. Усилия полутора веков позволили довольно ясно обрисовать картину жизни человечества и его ближайших предков более чем за 2500000 лет. Мы располагаем сегодня предварительной схемой начальной эволюции человечества; все более четким представлением о происхождении земледелия и скотоводства, обстоятельствах возникновения ранних цивилизаций; достаточно детальной картиной жизни в античную эпоху и тем паче в более поздние периоды. В то же время сохраняют актуальность насущнейшие и едва приоткрытые пока вопросы о происхождении человека, появлении и распространении *homo sapiens* в конце ледникового периода и первых шагах цивилизации. Но речь не только о древнейшей эпохе: даже в самых поздних периодах многое пока неизвестно и требует усилий археологов.

В то же время общественный интерес к археологии сегодня проявляется сильнее, чем когда-либо ранее. Археологию, образно говоря, несет волна социального прилива. Можно ли воспользоваться этой энергией во благо науки и как это сделать? Каким должен быть встречный шаг археологии (а такой шаг непременно нужен)? Ответ на этот вопрос будет зависеть и от читателей, и от авторов (часто это одни и те же люди), и от работы коллектива, объединяющегося вокруг журнала⁵.

Первостепенная, исключительно важная задача журнала в этих условиях – сохранение интеллектуальной традиции, привлечение на свои страницы новейших результатов фундаментальных исследовательских проектов (теоретические, обобщающие, интерпретационные и публикационные), задающих уровень российской и мировой науке. Сохраняя традиционный приоритет фундаментальных научных работ, мы занимаем активную позицию и в отношении происходящего в областях организации науки, ее взаимоотношений с обществом. В журнале стали чаще публиковаться

⁴ Журналом организован специальный Круглый стол по проблемам браконьерских раскопок в России (см.: Незаконные раскопки..., 2002).

⁵ См., например: Археология позднего периода..., 2005.

обзоры совместных совещаний государственных органов с академическими учеными (Макаров, 2005); законодательные документы, касающиеся охраны археологических памятников; обобщенные сведения о состоянии полевых исследований в нашей стране и опыте их охраны за рубежом (Сорокина, 2002; Дарвилл, 2005). Словом, все то, что требуется археологу в его повседневной деятельности, обеспечивает информацию и поддержку, необходимую при сотрудничестве с государственными организациями. Для выяснения позиций коллег мы не ограничиваемся обменом письмами, но собираем небольшие конференции в формате круглых столов, публикация которых встретила теплый прием у читателей. В будущем представляется важным обсудить в журнале такие проблемы современной науки, как развитие методов археологического датирования ископаемых объектов и соотношение их с естественно-научными датами (шире – методологию применения естественно-научных методов и выводов в археологических исследованиях); корректность использования в археологических исследованиях этнографических данных и подходы к изучению этнокультурных процессов древности на основе вещественных источников. При обилии выходящей сегодня информации, необходимой специалистам, нам особенно нужны статьи, находящие применение в разных областях, теоретические и историко-культурные обобщения.

Целью журнала остается донесение до читателя современного состояния археологии при ориентации на лучшие, выдающиеся образцы исследований, новые важные открытия и передовые разработки методов. В этой основной и традиционной области публикации научных исследований журнал старается уйти от механического распределения накопленных “материалов” по рубрикам очередного номера и от простой технической правки текстов. Метод составления номеров изменился. Спокойная сбалансированность “Советской археологии”, предоставлявшей равное место всем эпохам и всем формам публикаций, сочетается теперь с тематическим подбором. “Российскую археологию” трудно назвать сейчас типичным альманахом, где работы, тематически не связанные, просто расставлены по ячейкам. В номере особое внимание часто уделяется двум-трем проблемам или периодам, в силу чего он приобретает ясные “сюжетные” отличия. Это удобно для читателя – специалиста, поскольку весь необходимый рабочий материал собирается под одной обложкой. Но это хорошо и для археологов других направлений: они получают возможность ознакомиться с широкой картиной происходящего в смежной области науки. Конечно, журнал не превращается в серию сборников: полнота хронологического охвата в каждом номере сохраняется, но избранным в каждом случае направлениям уделяется больше вни-

мания. Полный же годовой комплект по-прежнему охватывает весь хронологический диапазон, от каменного века до раннего современного общества, включая также подборку по применению естественно-научных методов.

Тематическое составление номеров имеет ряд преимуществ и для работы над журналом: оно вовлекает в нее сложившиеся научные коллективы, которым интереснее работать над серией статей и вступать в полемику друг с другом. Это позволяет также составлять проекты не только отдельных номеров, но их годового комплекта; целенаправленно приглашать наиболее продуктивно работающих в избранном направлении ученых принять участие в дискуссии, выступить с концепцией, обзором, публикацией выдающихся результатов полевых работ. В ближайшее время журнал сможет перейти к анонсированию будущих номеров и отдельных статей в Интернете.

У читателя могло сложиться впечатление, что в журнале все-все благополучно и он не нуждается в поддержке и сотрудничестве. Ровно наоборот. Наша цель достаточно трудна: добиться, чтобы “Российская археология” стала настоящим центром научных дискуссий и информационного научного обмена. Усилий редакции, Института археологии и даже всех археологов Москвы для этого недостаточно: остро ощущается необходимость в сотрудничестве ученых всей страны. Журнал готов предоставлять свои страницы для их выступлений, ставить на обсуждение предлагаемые ими темы, в исключительных случаях – оперативно откликаться на сигналы тревоги. Нам нужны библиографические обзоры (тематические и просто локальные), которые помогут ориентироваться в обильно выходящей на местах литературе. Однако мы видим лидирующую роль журнала не в том, чтобы в автоматическом режиме открывать его двери для всех, кто готовится к защите квалификационных работ, или “технически” собирать по стране информационные материалы. Мы берем на себя обязанность выносить на обсуждение те проблемы археологии, которые кажутся нам самыми интересными и актуальными, причем будем использовать для этого не только страницы журнала, но и электронный сайт Института археологии, а также, кроме Круглых столов, конференции по отдельным проблемам археологии.

Более активная поддержка нужна нам и от руководства издательства “Наука”, которое на протяжении последнего десятилетия неоднократно шло нам навстречу. Однако мы все еще не можем добиться включения “Российской археологии” в состав журналов, выходящих кроме русского на английском языке⁶. А ведь именно журналы по археологии – среди наиболее востребованных за ру-

⁶ Материалы журнала выборочно переводятся на английский язык и публикуются издательством “Шарп” (США) в журнале “Anthropology and Archeology of Eurasia”.

бежом, их тиражи достигают цифр в десятки и даже сотни тысяч экземпляров (проведенный журналом по своей инициативе предварительный опрос зарубежных научных библиотек показал, что там существует спрос на сотни экземпляров, общий же тираж зарубежной подписки на англоязычный вариант журнала, включая электронную версию, может сравниться с русскоязычным тиражом).

Кроме того, нам кажется не просто разумным, но строго необходимым повысить полиграфическое качество журнала и дать возможность авторам регулярно публиковать наиболее яркие находки, фотографии и схемы в цвете. Вряд ли надо доказывать, что публикация вещей на бумаге для художественной печати – *sine qua non* археологического журнала, необходимая отнюдь не для декорирования номера, но для полного донесения до зрителя заложенной в вещах исторической информации, для проведения в журнале подлинно историко-научного подхода.

В заключение – несколько слов об этом номере и нашем плане на юбилейный год. Редколлегия не стремилась сделать его комплект парадным или “отчетным”. Не претендуем мы и на то, чтобы в один год систематически представить всю археологию России на современном этапе. При подборе статей мы хотели, чтобы они прозвучали эхом вопросов, стоявших перед нашими коллегами в 1957 г. Предпочтение отдавалось материалам, которые продолжают, развивают или корректируют позиции, заявленные 50 лет назад. Поэтому первые три номера мы постараемся составить в старой, традиционной манере альманаха (заключительный номер предполагается составить по материалам весенней юбилейной конференции 2007 г.). Мы надеемся порадовать читателей публикацией ярких полевых находок, сделанных в последнее десятилетие в России и странах бывшего СССР, и бу-

дем отбирать для номеров статьи, которые принято называть “просто интересными”.

Очень хотим, чтобы читатели “Российской археологии” во всем мире порадовались ее юбилею вместе с нами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология позднего периода истории // РА. 2005. № 1.
 Беляев Л.А., Гуляев В.И. Журнал “Российская археология”: проблемы и перспективы // РА. 1999. № 2.
 Гуляев В.И., Беляев Л.А. О современном состоянии археологии в России (полемиические заметки) // РА. 1995. № 3.
 Дарвилл Т. Охранная археология в Британии сегодня // РА. 1995. № 3.
 Деревянко А.П., Молодин В.И., Шуньков М.В. Междисциплинарные исследования Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН за последнее десятилетие // РА. 2005. № 2.
 Макаров Н.А. Круглый стол “Сохранение археологического наследия России” в Совете Федерации Федерального Собрания РФ // РА. 2005. № 1.
 Незаконные раскопки и археологическое наследие России // РА. 2002. № 4.
 О задачах журнала “Советская археология” // СА. 1957. № 1.
 Сорокина И.А. Полевая археология России на современном этапе: итоги и перспективы // РА. 2002. № 4.
 Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М., 1999.
 Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт. М., 2001 (англ. версия в журнале Inner Asia. 2001. V. 1. № 2).
 Fagan B. Archeology: the Next 50 Years // Archeology. 2006. № 5.

СОЗДАНИЕ ЖУРНАЛА “СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ”. ПЕРВЫЕ ЕГО ГОДЫ

© 2007 г. Р. М. Мунчаев

Институт археологии РАН, Москва

Предлагаемые вниманию читателя заметки не носят научного характера, а представляют собой всего лишь отдельные воспоминания, связанные с тем, как создавался и начал функционировать журнал “Советская археология”, и моей работой в редакции журнала в 1960–1964 гг.

Как известно, ни в дореволюционной России, ни в Советском Союзе до середины 1950-х годов XX в. не было фактически периодического издания в области археологии, рассчитанного на научную общественность всей страны. Между тем археологические исследования в СССР, особенно в послевоенные годы, приняли исключительно широкий размах и привели к открытию огромного числа памятников истории и культуры и постоянному и возрастающему с каждым годом накоплению разнообразного археологического материала. Необходимость ознакомления с этими открытиями широкого круга специалистов как в нашей стране, так и за рубежом и введения полученных новых данных в научный оборот настоятельно требовали организации у нас периодического издания в области археологии в виде академического журнала, который мог послужить в известной степени и координатором археологических исследований во всей нашей огромной стране. Ни “Вестник древней истории” – академический журнал, начавший издаваться еще в 1937 г. и печатавший некоторые материалы по археологии, ни “Краткие сообщения ИИМК АН СССР”, основанные также в предвоенные годы, ни, наконец, ежегодник “Советская археология” (первый выпуск издан в 1936 г.) с возникшими задачами справиться не могли. Каждое из этих изданий делало и сделало очень многое для развития советской археологии, но они, так же как и их предшественники (издания ГАИМК), не могли отразить результаты всех ведущихся в стране археологических работ. Создание журнала поэтому остро встало на повестку дня.

С декабря 1949 г. до конца 1953 г. я был аспирантом ИИМК АН СССР. Институт наш был небольшой и помещался в двухэтажном особнячке на улице Пятницкой. Он состоял из нескольких подразделений: секторов первобытной, скифо-сарматской, античной и славяно-русской археологии, а также лаборатории, ОПИ и Архива. Кол-

лектив отличался удивительной сплоченностью и дружбой. Все важнейшие вопросы, касающиеся как развития археологической науки в стране, так и в особенности жизни Института, открыто обсуждались и вырабатывались определенные решения. К их числу относился и нередко возникавший вопрос о необходимости иметь в Институте свой периодический печатный орган – журнал.

Известно, что до 1944 г. ИИМК АН СССР базировался в Ленинграде, а в Москве находилось его Отделение (МОИИМК). Там же в Санкт-Петербурге публиковались основные издания Института: “Материалы и исследования по археологии СССР” (МИА, с 1940 г.), сборники “Советская археология” (с 1936 г.) и “Краткие сообщения ИИМК АН СССР” (с 1939 г.). Всего было издано там несколько выпусков МИА, с I по XVI выпуски ежегодника “Советская археология” и I–XI КСИИМК. После перевода Института в Москву в 1944 г. (в Ленинграде было оставлено его Отделение – ЛОИИМК), здесь же постепенно начали готовиться и публиковаться все эти издания. Были утверждены новые составы их редколлегий. Ответственным редактором ежегодника “Советская археология” стал Б.А. Рыбаков (вместо М.И. Артамонова), а КСИИМК возглавил Б.А. Греков, заменив в должности ответственного редактора М.И. Артамонова. Данные издания и прежде всего “Советская археология” аккуратно публиковались Институтом и получили широкую известность и признание как ведущие археологические издания в стране. “Советская археология” состояла из следующих разделов: статьи и доклады, материалы и сообщения, критические статьи и рецензии, т.е. она была очень близка по структуре к научному журналу по археологии. Это обстоятельство, естественно, значительно облегчало превращение его в периодическое археологическое издание. Но к этому надо было еще готовиться и долго ждать. Действительно, если первый номер ежегодника “Советская археология” вышел в свет в 1936 г., то журнал “Советская археология” начал издаваться только с 1957 г., т.е. спустя 20 лет. И надо сказать, что Институт наш терпеливо ждал, а главное – настойчиво добивался создания своего журнала.

В середине 1955 г., когда я после короткого перерыва возвратился в ИИМК АН СССР, где, к

моему глубокому удовлетворению, пребываю до сего времени, работа по организации журнала начала постепенно, но довольно активно разворачиваться. В этот год в выпуске XXII “Советской археологии” была издана моя первая крупная научная статья (“Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита”) и сдана туда же для публикации другая большая работа в соавторстве с К.Ф. Смирновым (“Памятники эпохи бронзы в Дагестане. Курганы у ст. Манас”. СА, XXVI, 1956).

Хорошо известно, как невероятно трудно было в советские годы даже Академии наук СССР добиться создания нового журнала. Здесь было совершенно недостаточно ходатайства Ученого Совета Института и решения Бюро соответствующего Отделения АН СССР. Вопрос об этом не мог быть поставлен даже в повестку дня заседания Президиума АН СССР, пока не будет получено необходимой санкции от ЦК КПСС. Получить же такую санкцию было весьма нелегким делом. Прежде чем поставить вопрос о создании журнала на заседании Бюро Отделения истории АН СССР, необходимо было заручиться устной, неофициальной поддержкой как в Президиуме, РИСО и издательстве АН СССР, так и в Отделе науки ЦК КПСС, а также подготовить макет первого номера и содержание следующего номера журнала, в полном соответствии со структурой предполагаемого издания. Ведь тогда были уже собраны материалы для нескольких очередных выпусков ежегодника “Советская археология”. Сначала, как мне известно, было решено взять за основу первого номера журнала содержание очередного выпуска ежегодника “Советская археология”, но потом отказались от этой идеи и начали готовить специальный № 1 журнала “Советская археология”.

Вопрос с определением состава редколлегии журнала не составил особого труда. Главная задача при этом заключалась в том, кто будет во главе ее, другими словами, кого назначить ответственным редактором журнала. Ведь и состав редколлегии, и вопрос об ответственном редакторе нового периодического издания АН СССР необходимо было согласовать и утвердить в вышестоящих органах, вплоть до ЦК КПСС. Помнится хорошо, мнение в Институте, кто способен и должен стать во главе журнала, было, по сути дела, единодушным. Все, включая и ответственного редактора ежегодника “Советская археология” Б.А. Рыбакова, называли имя Артемия Владимировича Арциховского – крупного советского ученого, заведующего кафедрой археологии МГУ им. М.В. Ломоносова и по совместительству руководителя Отдела полевых исследований ИИМК АН СССР. Забегая несколько вперед скажу, что именно А.В. Арциховский и был утвержден ответственным редактором журнала и принял активное участие в его основании и последующем развитии.

Подготовкой макета первого номера журнала занималась группа сотрудников ИИМК АН СССР под руководством А.В. Арциховского. Деятельное участие в этой работе принимали, в частности, А.Я. Брюсов и И.Т. Кругликова. Они в дальнейшем вошли в состав редколлегии журнала, первый – Александр Яковлевич – как заместитель ответственного редактора, а Ирина Тимофеевна – в качестве ответственного секретаря. В макет первого номера журнала приходилось постоянно вносить различные изменения и дополнения. Вспоминаю, как очередной вариант макета журнала мне вместе с А.Ф. Медведевым поручили доставить в издательство АН СССР, в Подсосенский переулок, и он был возвращен в Институт с небольшими замечаниями.

Подготовительная работа, включая составление окончательного варианта макета первого номера журнала “Советская археология”, была полностью завершена к лету 1956 г., и вся необходимая документация вместе с макетом и рисунком эмблемы журнала в виде семилопастного вятичского височного кольца были представлены в соответствующие органы для принятия решения о создании в Институте истории материальной культуры АН СССР периодического печатного органа – журнала “Советская археология”. Уже в начале осени того же года Президиум АН СССР принял постановление, разрешающее ИИМКу издавать начиная с 1957 г. свой ежеквартальный журнал под названием “Советская археология”. Поскольку под этим же названием Институт издавал ежегодник, то решено было опубликовать подготовленные уже выпуски и на этом прекратить его издание. Действительно, так и поступили. Последний, сдвоенный под двумя номерами (XXIX–XXX), выпуск ежегодника был опубликован издательством “Наука” в 1959 г.

Возвращаясь к организации журнала отмечу, что 15 октября 1956 г. приказом (№ 124) по Институту была утверждена редакционная коллегия журнала “Советская археология”. В нее вошли ведущие сотрудники ИИМК, включая и его Ленинградского отделения, в частности А.В. Арциховский (ответственный редактор), А.Я. Брюсов (зам. отв. редактора), И.Т. Кругликова (ответственный секретарь), С.Н. Бибииков, В.Д. Блаватский, Л.А. Евтюхова, А.Л. Монгайт, А.П. Окладников, Т.С. Пассек, Б.Б. Пиотровский, Б.А. Рыбаков и А.П. Смирнов.

Между тем Институт переехал к тому времени с Пятницкой улицы в переулок Садовских, 2 (ныне Мамоновский), в самом центре Москвы. Редакцию журнала поместили в крошечное помещение на первом этаже небольшого двухэтажного здания. Первоначально основная работа в редакции журнала легла, кроме А.В. Арциховского, на И.Т. Кругликову, как ответственного секретаря,

Л.А. Евтюхову, которой было поручено руководить разделом публикации материалов, и О.Д. Дашевскую. Для работы в журнале (раздел “Статьи”) была принята в штат ИИМК Л.А. Голубева, имевшая большой опыт редакционной работы в издательстве “Советская энциклопедия”. Запомнилось, какой активностью отличалась И.Т. Кругликова, имевшая до этого многолетний опыт работы в качестве ответственного секретаря ежегодника “Советская археология”. Она поработала в журнале недолго, полтора года. Ее уже в 1958 г. заменил Г.А. Федоров-Давыдов, зачисленный в 1956 г. Институт по рекомендации А.В. Арциховского, специально для работы в журнале. Но и Герман Алексеевич проработал в журнале до начала 1960 г., когда он ушел преподавать на кафедру археологии МГУ.

Хорошо помню, как директор Института Б.А. Рыбаков пригласил меня к себе и предложил стать ответственным секретарем журнала вместо Г.А. Федорова-Давыдова. Это предложение было для меня настолько неожиданным, что я сразу же стал отказываться от него. Довод у меня был один – не имею никакого опыта редакционной работы. При этом разговоре присутствовал и мой учитель Евгений Игнатьевич Крупнов, являвшийся тогда заместителем директора ИИМК – Б.А. Рыбакова. Им удалось убедить меня в том, что опыт – дело наживное, его можно при желании и необходимости приобрести за определенное время и т.д., и т.п. Словом, я в конце-концов согласился и буквально на следующий день встретился с А.В. Арциховским. Но об этом и о том, как мне пришлось осваивать редакционную работу и в течение более четырех лет, до конца 1964 г., трудиться в редакции журнала “Советская археология”, я расскажу несколько позже.

Мы в Институте с некоторым волнением, должны отметить, ожидали выхода в свет первого номера своего журнала. Некоторые из нас знали, когда прошла первая корректура, затем следующая и когда ждут в редакции чистые листы. Наконец, примерно в середине марта 1957 г. появился долгожданный журнал. Это, бесспорно, одно из наиболее важных и памятных событий в истории развития нашего Института и всей отечественной археологии. Появление в стране первого периодического академического издания в области археологии было воспринято широкой общественностью и прежде всего специалистами-археологами и работниками многих музеев страны весьма одобрительно, даже с определенным энтузиазмом. Хотя в настоящее время в России публикуется немало число различных археологических изданий, включая издания периодического характера, этот журнал, переименованный в 1992 г. (начиная с № 2) в “Российскую археологию”, остается, без всякого преувеличения, ведущим периодическим изданием в стране в области археологии. Журнал

изменил свой внешний вид и формат, но нисколько не потерял своего значения, в нем по-прежнему публикуют свои труды ученые не только России, но стран СНГ, Европы и Америки.

Читатели первого номера журнала “Советская археология” обращали внимание в первую очередь на его содержание и на то, как распределены в нем публикуемые материалы, т.е. на структуру самого издания. Последняя оказалась достаточно оптимальной. Она состояла из следующих разделов: статьи, публикации, мелкие заметки, критика и библиография и, наконец, хроника. При необходимости вводились в отдельные номера журнала разделы “Дискуссии” и “В помощь учителю и краеведу”. Такую в целом структуру сохраняет наш журнал, как известно, до сего времени.

№ 1 журнала открывался передовой статьей «О задачах журнала “Советская археология”». В ней было отмечено, что журнал является преемником сборников, издававшихся АН СССР под тем же названием, но задачи его значительно шире, а возможности содействовать развитию исторической науки много больше. Среди важнейших задач были указаны вопросы изучения хозяйства и экономики древнейших обществ, проблемы первобытной идеологии и искусства и т.д. На контртитule журнала были указаны правила, которым должен придерживаться автор при подготовке статьи для издания в журнале, а на обложке – обращение к читателям относительно принимаемого ИИМК АН СССР начала составления археологической карты Советского Союза.

Главное же заключалось в содержании самого первого номера журнала. Оно было на высоком уровне. В разделе “Статьи”, например, были представлены такие работы, как “К вопросу о теории диффузии” (А.Я. Брюсов), “О происхождении и хронологии кобанской культуры” (Е.И. Крупнов), “Архитектурная математика древнерусских зодчих” (Б.А. Рыбаков), “Из истории русской художественной и политической жизни XII в.” (В.Л. Янин) и др. В следующем разделе были даны важные публикации материалов из Джейтуна и Кара депе (В.М. Массон), сельской территории европейского Боспора” (И.Т. Кругликова), фракийского города Севтополь в Болгарии (Д.П. Димитров) и т.д. Обращал на себя внимание не просто факт публикации в советском издании материалов по зарубежной археологии, и то, прежде всего, что автором статьи являлся иностранный (болгарский) ученый.

В разделе же “Критика и библиография” были помещены коллективная рецензия (О.Н. Бадера, А.Я. Брюсова и др.) на работу Б.Ф. Поршнева “Материализм и идеализм в вопросах становления человека” и статья Н.Я. Мерперта “К проблеме абсолютной датировки археологических культур энеолита и эпохи бронзы Европы (в связи с трудами Милойчича)”. А в “Хронике” были опублико-

ваны подробные информации об археологических пленумах и конференциях, состоявшихся в стране в 1956 г., в том числе о конференции по археологии, древней и средневековой истории и культуре Кавказа (Ереван, 22–28 октября), написанная мною.

Отмеченного вполне достаточно, чтобы понять, насколько содержателен был номер журнала, открывавший первое периодическое издание в области археологии в нашей стране. С самого начала была взята высокая планка, соответствующая необходимому уровню научного, академического издания. Помещенные в № 1 СА материалы касались археологии почти всех крупных регионов Советского Союза и отражали все историко-культурные эпохи, начиная от каменного века и до средневековья. Стало очевидным, что наша наука и ее главный печатный орган не будут стоять в стороне от участия в разработке общих проблем европейской и мировой археологии. Научный потенциал в стране к этому времени был подготовлен в немалой степени, и созданный журнал таким образом включался в реализацию ответственных задач, ставших перед Институтом и всей советской археологией. Журнал взял на себя задачу освещать прежде всего важнейшие вопросы развития отечественной археологии, вводить в научный оборот новейшие данные, знакомить с археологическими изданиями как в нашей стране, так и за рубежом, и т.д. Эту задачу, должен подчеркнуть, он в целом достаточно успешно выполнял.

Журнал быстро получил известность как авторитетное издание. Первый номер журнала вышел тиражом 1300 экз., а следующий был уже несколько больше. Тираж журнала рос из года в год. В 1964 г., когда я заканчивал свою работу в редакции “Советской археологии”, его тираж достиг 1950 экземпляров. В свое время я располагал точными сведениями, а сейчас просто не могу вспомнить, какая часть из этого тиража распространялась по подписке в нашей стране, какое количество шло в розничную продажу и, наконец, сколько экземпляров журнала закупала “Международная книга” для распространения за рубежом. Запомнилось только, что в магазины “Академкнига” в Москве (два магазина и несколько киосков в некоторых крупных Институтах АН СССР) поступало крайне ограниченное количество экземпляров нашего журнала, которое моментально расходилось. Не раз мне приходилось слышать жалобы, особенно от иногородних коллег, на то, что невозможно нигде достать наш журнал. Об этом же нередко писали и в редакцию журнала. Мне оставалось только отвечать: подписывайтесь своевременно на журнал и тогда не будет никаких проблем.

Что же касается объема журнала, то четыре его ежегодных номера должны были укладываться

примерно в 110 п.л., т.е. на каждый номер приходилось около 27.5 п.л.

А теперь я позволю себе возвратиться к началу 1960 г., когда директор Института Б.А. Рыбаков предложил мне работать в журнале “Советская археология” в качестве ответственного секретаря, и рассказать немного о жизни редакции и своей работе там. Видимо, сразу после нашей договоренности Б.А. Рыбаков поставил в известность А.В. Арциховского о том, что ответственным секретарем журнала назначается Р.М. Мунчаев и я вместо Г.А. Федорова-Давыдова буду введен в состав редколлегии после соответствующего решения Президиума АН СССР. Действительно, такое решение вскоре состоялось, и я был официально оформлен как ответственный секретарь и член редколлегии журнала “Советская археология”.

Наша первая встреча с Артемием Владимировичем состоялась буквально на следующий день после беседы с Б.А. Рыбаковым. Я был знаком с ним, конечно, до этого и даже в годы аспирантской учебы сдавал ему кандидатский минимум по археологии, а также слушал его выступления ни один раз на заседании Ученого совета Института. Но лично я с ним до работы в редакции журнала почти никогда близко не сталкивался, если не считать того случая, когда он принимал у меня аспирантский экзамен и остался, кстати, удовлетворен моими ответами.

Артемий Владимирович был по-настоящему знаковой фигурой в советской археологии. С его именем связаны, как известно, замечательные исследования в Новгороде и открытие там берестяных грамот. А сколько поколений отечественных археологов училось по его учебнику “Введение в археологию” и “Основы археологии”! Первое, что я узнал об А.В. Арциховском, став аспирантом ИИМК, это о его потрясающей памяти и обширных знаниях. Как я убедился впоследствии, это полностью соответствовало действительности. Его основной работой всегда оставался истфак МГУ, где он с момента основания кафедры и до последних дней своих был ее руководителем. Но Артемий Владимирович, как я уже упоминал, работал и в ИИМКе – ИА РАН, в частности до создания журнала заведовал Отделом полевых исследований.

Плотный, выше среднего роста, с большой головой, высоким лбом и красивой седой бородой, Артемий Владимирович выглядел всегда весьма колоритно. Внимание к нему еще более усиливалось, когда он начинал говорить. Писал и говорил он короткими фразами, но удивительно емкими. В его речи был с детства небольшой дефект – он не выговаривал букву “к”, вместо нее произносил букву “т”. Поэтому иногда, когда возникал разговор об А.В. Арциховском, некоторые коллеги пытались его копировать, говорить так, как сказал

бы он. Должен признать, что отдельным лицам это неплохо удавалось. Он был всегда хорошо одет. Очень любил юмор. Поражала в нем и хорошая осведомленность о работе и жизни многих научных учреждений и музеев страны, а также ученых, и не только коллег.

Образ Артемия Владимировича, который я попытался здесь воссоздать, далеко-далеко неполный, он не отражает многих черт и особенностей характера этого блестящего ученого и незаурядной личности, под руководством которого журнал “Советская археология” завоевал подлинный авторитет и большую популярность в научном мире.

Работая в редакции “Советской археологии” мне приходилось систематически, иногда почти ежедневно, встречаться с А.В. Арциховским. Но та встреча, когда мы встретились с ним, чтобы обсудить вопросы, касающиеся моей работы в журнале, запомнилась мне особо и надолго. Б.А. Рыбаков, вероятно, сообщил ему о моей обеспокоенности тем, что я совсем не обладаю опытом редакционной работы. Поэтому, видимо, Артемий Владимирович начал свою беседу со мной именно с этого вопроса. Он выразил уверенность, что я довольно быстро войду в курс редакционных дел, а также свою готовность мне в этом помогать. После этой памятной встречи, состоявшейся в помещении редакции, я уже кое-что узнал: каков будет круг моих обязанностей, как собирается номер журнала и как часто проводится заседание редколлегии, что подготовка номера и сдача его в издательство является одной из важных задач ответственного секретаря и т.д., и т.п. Мне показалось, что Артемий Владимирович был очень искренен в своих обещаниях помогать и поддерживать меня. И я не ошибся, за что всегда глубоко благодарен ему. Вместе с ним мне помогал весь небольшой коллектив редакции. Без ложной скромности скажу, в течение 1960 г. я приобрел некоторый опыт работы в редакции журнала и стал уверенно чувствовать себя в “кресле” ответственного секретаря.

Приказ дирекции Института о моем назначении ответственным секретарем журнала был издан 17 февраля 1960 г. и я сразу же приступил к исполнению новых для себя обязанностей. Основную тяжесть работы в редакции несли тогда Лина Анатольевна Голубева, руководившая разделом “Статьи”, и Лилия Алексеевна Евтюхова, ответственная за “Публикации”. Количество помещенных в каждом номере статей колебалось от 6 до 12, а публикаций – примерно в тех же пределах. Л.А. Голубева и Л.А. Евтюхова были истинными профессионалами в своем деле и много делали и сделали для журнала. Обе в очках, полноватые и довольно представительные, всегда уравновешенные, строгие, но добрые по характеру, они вместе с тем совсем не были похожи друг на друга. Как известно, и та, и другая являлись видными учеными –

Л.Я. Евтюхова в области археологии Сибири, а Л.А. Голубева – соответственно археологии Русского Севера. Поскольку Лилия Алексеевна выполняла работу и в Отделе полевых исследований Института, то у нее в журнале была помощница, как младший редактор. С 1956 г., с ней работала М.Д. Полубояринова, специально зачисленная в институт для работы в редакции. Затем некоторое время – Т.В. Равдина, но она плохо справлялась со своими обязанностями и пришлось ее заменить в 1962 г. на Н.Н. Терехову.

О Наталье Николаевне Тереховой следует также сказать особо. Когда Лилия Алексеевна стала заведовать Отделом полевых исследований Института и вынуждена была уйти из журнала, то ее место заняла Наталья Николаевна. Она проработала в журнале более 40 лет, столько, сколько ни один другой! Право же, Н.Н. Терехова заслуживает за свой многолетний и самоотверженный труд в журнале много-много похвалы. Наряду с большой работой в редакции, она подготовила и защитила диссертацию и активно трудилась и продолжает свою деятельность в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН, как старший научный сотрудник. Она выросла в Институте не только в редактора высшей квалификации, но и в крупного специалиста по истории древней металлургии. Будем надеяться и ждать, когда Наталья Николаевна напишет воспоминания о своей почти полувековой работе в нашем журнале.

В первой половине 1960-х годов в редакции журнала работал и Л.П. Зяблин, специалист по сибирской археологии. Это был трудолюбивый и дисциплинированный работник, с нелегкой судьбой. Он вел в журнале раздел “Мелкие заметки”.

Обстановка в журнале была в общем здоровая и благожелательная. Ее иногда омрачала своими непродуманными поступками заведующая редакцией С.В. Ласточкина. В частности, она часто ходила к директору Института Б.А. Рыбакову и говорила ему, что “Артемий Владимирович и Мунчаев постоянно уединяются и интригуют против вас”. Возможно, Борис Александрович верил этому до тех пор, пока не объяснился со мной и не убедился сам в том, что она не вполне здоровый человек. Это было действительно так, и поэтому мы ее прощали.

Поскольку речь зашла на эту тему, то не могу хотя бы кратко не коснуться вопроса о взаимоотношениях директора Института Б.А. Рыбакова и ответственного редактора журнала А.В. Арциховского. Мне было известно, что в прошлом они были больше, чем приятели, дружили, ценили и уважали друг друга. Но когда я начал работать в журнале, то быстро почувствовал, что отношения между ними далеко не дружеские, больше того – достаточно натянутые. Виновником этого в Институте многие считали Бориса Александровича. Дело в том, что Б.А. Рыбаков неожиданно для всех

предпринял попытку, как оказалось, весьма неудачную, пересмотреть хронологию древнего Новгорода. Он написал большую и резковатую статью “К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей”, направленную против А.В. Арциховского и Б.А. Колчина, которая была опубликована в № 4 “Советской археологии” за 1959 г. В том же номере журнала Артемий Владимирович ответил ему статьей “О новгородской хронологии”. Затем, когда я уже работал в журнале, в редакцию поступила новая статья Бориса Александровича, в которой он продолжил начатую им дискуссию в виде ответа на статью А.В. Арциховского.

Тем временем вопрос о хронологии Новгорода решили вынести на обсуждение расширенного заседания сектора славяно-русской археологии (или Ученого совета – ?) Института. Это заседание действительно состоялось в Институте весной 1960 г. Специалисты по древней Руси помнят о нем и знают, чем закончилась развернувшаяся там двухдневная дискуссия. Борис Александрович оказался в конечном итоге не прав. Человек очень ранимый, он долго и болезненно переживал свое фиаско в данном споре и стал еще более обозлен на А.В. Арциховского. Представленную им в журнал вторую статью, как ответ А.В. Арциховскому, и уже набранную, пришлось рассыпать. Неприязненные же отношения между этими выдающимися учеными сохранялись еще много лет. Мы же, работники редакции, особенно Л.А. Голубева и я, делали все от себя зависящее, чтобы взаимоотношения Б.А. Рыбакова и А.В. Арциховского как можно меньше или совсем не отражались на работе журнала. Должен отметить, что в той ситуации внешне, по крайней мере, очень спокойно и достойно держался А.В. Арциховский. Он по-прежнему регулярно бывал в редакции журнала, занимался готовившимся к сдаче очередным номером и подготовкой следующего. А Борис Александрович, напротив, в первое время после затеянной им дискуссии перестал бывать в редакции, но заседания редколлегии, следует признать, не игнорировал.

Я немного увлекся, вернусь к своей непосредственной работе в редакции журнала. Постепенно я освоил редакционное дело. Много времени у меня отнимала переписка с авторами, как известными советскими археологами, так и с еще молодыми специалистами – работниками различных научных центров, вузов и музеев нашей страны. Мне приходилось постоянно иметь дело с материалами, тематически и хронологически далекими от моих научных интересов. В результате мне удалось не только узнать многих из своих коллег-археологов, работавших почти во всех регионах Советского Союза, но и расширить свои знания в области археологии вообще. Словом, работа в журнале “Советская археология” стала для меня поистине большой школой как в профессиональном смысле, так и в жизненном отношении.

Кроме бюрократических дел, мне приходилось иногда заниматься редактированием заметок, рецензий и некрологов, а также отдельных статей по кавказской археологии. Одной из основных своих задач А.В. Арциховский считал составление проекта очередного номера журнала. И делал это он всегда вместе со мной. Как правило, в назначенное время, обычно после 17 часов, я вместе с каталогом всех поступивших в редакцию статей – “портфелем” журнала – приезжал домой к А.В. Арциховскому. Он жил в доме для профессуры МГУ на Ленинских горах. Иногда же мне приходилось ездить в санаторий АН СССР “Узкое”, где он имел обычное в последние годы отдыхать. К составлению очередного номера Артемий Владимирович относился крайне внимательно и ответственно. У него был принцип – необходимо сделать так, чтобы в каждом номере журнала были представлены материалы по археологии всех основных регионов страны. При этом желательно, если имеются такие материалы, дать в первую очередь статьи, касающиеся вопросов собственно отечественной археологии, таких как трипольская культура, скифо-сарматские древности, славяно-русская археология и т.д. Надо было стараться поместить в журнале и материалы по зарубежной археологии, а также как можно больше рецензий. После подготовки содержания очередного номера мы ужинали и продолжали еще обсуждать отдельные статьи (ужин в доме А.В. Арциховского был довольно традиционный – отварное мясо с гречневой кашей и чай с конфетами). Затем уже мы начинали готовить заседание редколлегии, чтобы утвердить к печати подготовленный номер и обсудить текущие дела.

За время моей работы в редакции “Советской археологии” было подготовлено почти 20 номеров журнала (с № 2 за 1960 г. до № 4 за 1964 г.), в которых были изданы около 180 статей и более 150 публикаций, 239 заметок и 73 рецензии, а также немалое количество хроникальной информации и некрологов. Помимо отечественных авторов были представлены труды ученых Польши, Венгрии, Чехословакии, Англии и др. стран, а также статья о некоторых проблемах археологии Африки.

Много приятных воспоминаний связано у меня с нашим журналом, его основателем и многолетним редактором А.В. Арциховским и отдельными работниками редакции той поры. С некоторыми из них я поделился выше. Но мне хотелось бы здесь рассказать еще о следующем.

Время работы в журнале оказалось плодотворным для меня и в научном плане. В тот год, когда я начал трудиться в “Советской археологии”, в план издательства “Наука” на 1961 г. была включена моя монография “Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа”. Я многим благодарен Артемию Владимировичу и, в частности, тем, что он

освободил меня тогда, в первый год работы в журнале, на целый месяц от дел в редакции, и я успел подготовить и сдать в установленный срок в издательство свою рукопись, которая вышла в свет в серии МИА под № 100 в 1961 г.

Должен признаться, что работать и общаться с А.В. Арциховским было очень приятно и весьма полезно. Он систематически интересовался моей научной работой и результатами экспедиционной деятельности. Именно благодаря ему я в годы работы в “Советской археологии” не пропустил ни одного полевого сезона. Северокавказская экспедиция под руководством Е.И. Крупнова, в составе которой я работал в качестве зам. начальника и руководителя одного из отрядов, проводила в те годы широкие исследования разновременных археологических памятников на всей территории Чечни, от равнинных районов до высокогорных. В 1962 г. на полученных экспедицией материалах был подготовлен и издан сборник “Древности Чечено-Ингушетии” (М., “Наука”, 1963). И тогда я с благословения Артемия Владимировича получил возможность подготовить для этого сборника две большие работы, в том числе “Луговой могильник” объемом 8–9 п.л.

Никогда не забуду о письмах А.В. Арциховского, которые он писал мне в экспедицию. Он, как известно, был человек очень обязательный. Сейчас уже опубликованы его письма на фронт своим ученикам Б.А. Колчину и В.В. Кропоткину. Мне также хочется привести одно из писем, присланное им мне в экспедицию в 1963 г. (письмо). Оно, мне кажется, довольно содержательным и свидетельствующим, в частности, о том, насколько Артемий Владимирович бывал озабочен делами журнала. Он действительно много и постоянно беспокоился за журнал. А как часто он мне звонил в редакцию и особенно домой! Его волновало буквально все: как идет подготовка к сдаче в издательство очередного номера журнала, возвратил ли такой-то автор верстку, будет ли получена в срок заказанная статья или рецензия, не превысит ли подготовленный номер положенный объем, и т.д.

В заключении мне хотелось бы вспомнить о нашей вместе с Артемием Владимировичем поездке в Италию в мае 1961 г. в составе туристической группы. Тогда только начинали открывать “ворота на запад” для советских граждан, и Институт наш одним из первых использовал эту возможность, организовав специализированную научно-туристическую поездку для своих сотрудников в Италию на две недели, со 2 по 17 мая. Нас было 23 человека. Это была первая моя, как и многих остальных членов группы, поездка за рубеж. В группу входили Б.А. и З.Г. Рыбаковы, А.Ф. Медведев, К.Ф. Смирнов, А.Л. Монгайт, В.Д. Блаватский, Д.Б. Шелов, Н.И. Сокольский и почти все остальные сотрудники сектора античной археологии ИА АН СССР и другие.

Накануне отъезда в Италию А.В. Арциховский пригласил меня к себе домой, чтобы рассмотреть содержание очередного номера и обсудить ряд текущих редакционных дел. Войдя к нему, я обратил внимание на письменный стол, заваленный книгами. Я подумал, что Артемий Владимирович работает над каким-то новым своим трудом. Оказалось, что на столе лежат книги по древнему Риму, Артемий Владимирович решил что-то восстановить в памяти и таким образом подготовиться к поездке в Италию.

Поездка была чрезвычайно полезной и очень интересной. Мы посетили Рим, включая Ватикан, Неаполь, Флоренцию, Венецию, Милан и, конечно, побывали в Помпеях и Геркулануме, а также в Пестуме, где сохранились древнегреческие храмы VI в. до н.э., и осмотрели экспозиции крупнейших музеев и ряда открытых музейных комплексов Италии (рис. 1). А.В. Арциховский, А.Ф. Медведев и я были почти всегда вместе (рис. 2). Вот тогда в первый раз я убедился, какой же необыкновенной памятью обладает Артемий Владимирович и как много он знает. Вспоминаю такой случай. Это было, если не ошибаюсь, в Неаполитанском музее. Мы с А.В. Арциховским осматривали мозаику из Помпей, когда к нам подошел А.Л. Монгайт и сказал: “Артемий Владимирович, хочу проверить вашу память, там где-то висит список римских консулов, знаете ли Вы их всех, давайте проверим”. Несколько подумав, Арциховский спокойно ответил: если кого-то и забыл, то одного или двух. Обескураженный таким ответом, Александр Львович не стал продолжать начатый разговор, сказав только: “Я не сомневался никогда в вашей памяти”.

Не могу здесь не вспомнить и такой случай, правда не совсем связанный с А.В. Арциховским. Мы возвращались из Геркуланума в Неаполь. Рядом со мной в автобусе сидела М.М. Кобылина, одна из наших самых видных специалистов по искусству античного мира. Она, мне показалось, была очень возбуждена. Естественно, я поинтересовался, в чем дело. Мария Михайловна ответила мне буквально следующее: на самом деле я очень взволнована, ведь я еще до войны выпустила книгу по искусству древнего Рима и только сегодня увидела своими глазами многое из того, о чем написала в той книге. Я об этом рассказал Артемию Владимировичу в тот же день и он после этого долго обменивался с ней впечатлениями от поездки в Геркуланум. Как я убедился во время этой незабываемой поездки в Италию, Артемий Владимирович знал историю и искусство древнего Рима просто прекрасно.

И последнее. Во время этой поездки меня приятно удивило и то, что Артемий Владимирович постоянно возвращался в разной связи к делам в нашем журнале. Не было дня, буквально, чтобы он не вспоминал о какой-нибудь статье, которую необходимо срочно дать в номер или которая задер-

Дорогой Рауф Магомедович!

Получил Ваше письмо. Хорошо, что у Вас интересные комплексы майкопской культуры. Значение этой культуры Вы по-новому показали, и дальнейшие открытия подтверждают Вашу концепцию. И хорошо, что Вы опять отдыхаете на родине.

Интересно было узнать значение Вашего имени. Я был уверен, что это одно из арабских священных имен.

Почти весь август я был в Новгороде. Для меня это морально важно, ведь в прошлом году там не пришлось побывать.

В "Советской Археологии" идет вторая корректура четвертого номера. Все там более или менее благополучно.

Я с II сентября до I октября буду снова в Узком. Как-то втянулся в этот отдых. Впервые там был в 1961 г., и вот уже столько раз.

В последних числах сентября нам с Вами надо будет заняться составлением очередных номеров. Я приеду для этого из Узкого, когда Вы известите меня о Вашем приезде. Редколлегия проведем в самом начале октября.

Если статью о Крупнове Вы привезете, она еще может успеть в первый номер. Ведь мы сдаем его 10 октября.

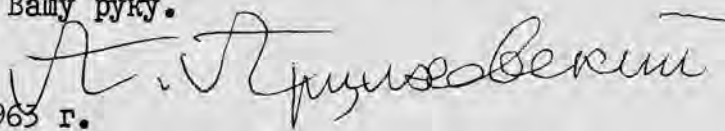
Я слышал, что в Дагестане скончалась М.И. Пикуль. Вероятно, надо напечатать у нас некролог.

Новостей здесь особых нет. Археологических сенсаций тоже, кажется, нет. Впрочем, многие экспедиции еще не вернулись.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш

7 сентября 1963 г.

жалась на рецензировании, что и кому нужно заказать и т.д., и т.п. В Италии, вдали от Москвы, Артемий Владимирович не забывал о своем журнале. Таким беспокойным за порученное дело человеком запомнился мне навсегда А.В. Арциховский.

Так случилось, что парижский аэропорт Орли, через который мы должны были лететь из Милана в Москву, взорвали ОАСовцы, и нам предложили возвращаться домой через Амстердам. Благодаря этому мы провели два дня в столице Голландии и вернулись в Москву лишь 19 мая. Пока мы

путешествовали, как выяснилось, наш Институт перевели из пер. Садовских в новое здание на ул. Дм. Ульянова, 19, где он пребывает и по настоящее время. Здесь в комнате 44, на первом этаже, до переезда на ул. Кржижановского, 14 в 1980-е годы находилась редакция журнала "Советская археология" и протекала в течение более трех лет моя дальнейшая работа в редакции.

Я отдал работе в редакции нашего журнала почти полные пять лет, сделав все, что мог. Передо мной встала новая задача — завершить начатый

Рис. 1. С А.В. Арциховским в Пестуме.

Рис. 2. С А.В. Арциховским в его номере в гостинице в Риме, 1961 г.

большой труд “Энеолит и раннебронзовый век Кавказа”. Поэтому, по моей просьбе, я был освобожден в конце 1964 г. от работы в журнале. С чувством исполненного долга я передал обязанности ответственного секретаря “Советской археоло-

гии” своему преемнику – Анне Ивановне Мелюковой. Счастлив, что более 40 лет, с тех пор вплоть до сегодняшнего дня, печатаюсь в этом журнале, связан с ним тесно и сопричастен к его деятельности.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА С ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ

© 2007 г. **Х. А. Амирханов, С. Ю. Лев**

Институт археологии РАН, Москва

С 1994 года и до настоящего времени экспедиция Института археологии РАН проводит в г. Зарайске Московской области раскопки памятника верхнего палеолита того типа, который традиционно определяют как стоябище охотников на мамонта. К настоящему времени на основном раскопе (раскоп № 4) вскрыто 225 м² культурных отложений; всего на памятнике раскопками изучено немногим более 350 м². Исследуемая часть стоянки на уровне низов культурных отложений представляет собой часть обширной жилищно-хозяйственной площадки с очагами, ямами различного функционального назначения (ямы-хранилища, ямы-клады, приочажные ямки, мусорные ямы) и полуземлянками. Обнаруживаемые в слоях памятника объекты составляют отчетливую планировочную структуру, хорошо узнаваемую по костенковскому образцу (Костенки I; слой 1), ставшему классическим для памятников одноименной культуры (рис. 1). Опираясь на данные, полученные на уже исследованном участке, и реконструируя на их основе жилищно-хозяйственную площадку в целом, можно сказать, что к настоящему времени раскопанная нами часть составляет чуть меньше половины площади этого палеолитического поселения.

Археологическая и геологическая стратиграфия Зарайской стоянки отличаются как от костенковской, так и от авдеевской. Совокупность геологических, археологических, палеокриологических, палеопедологических, палинологических фактов, подкрепленная большой группой согласующихся с ними радиоуглеродных датировок, позволяет расчленить толщу культурных отложений Зарайской стоянки на четыре хронологических этапа. Отложения последнего – верхнего этапа связаны с погребенной почвой (верхняя погребенная почва по номенклатуре, принятой для Зарайской стоянки). Эта почва с заключенными в ней культурными остатками сформировалась существенно позже времени затухания, имевших здесь ранее место масштабных процессов мерзлотного растрескивания. С палеоботанической точки зрения данный слой характеризуется отдельной палинозоной. Причем если спорово-пыльцевые данные для нижнего слоя указывают на криогигротические (первый и второй этапы накопления культурных отло-

жений) и предположительно межфазальные (третий этап накопления культурных отложений) условия, то растительность времени формирования описываемого слоя (четвертый этап) оказывается характерной для межстадиала (Шилова, 2000. С. 230–235). Для данного слоя имеется четыре радиоуглеродные даты¹. Разброс их значений – от 17900 ± 200 до 15600 ± 300.

Культурные отложения, залегающие под погребенной почвой, включены в единый, но варьирующий в деталях литологический горизонт красноватых (местами коричневатых) супесей или опесчаненных суглинков. Эта толща, доходящая на междуямных участках раскопа № 4 до 30 см, по археолого-стратиграфическим и криостратиграфическим показателям подразделяется на три этапа формирования. В пределах этого слоя два нижних этапа (первый и второй по общему счету этапов, идущему снизу вверх) отделяет от верхнего (третьего) развитая система мерзлотных трещин.

Спорово-пыльцевой спектр данного слоя составляет единую палинозону, подразделяющуюся на две подзоны. Одна из подзон соответствует первым двум этапам, вторая – третьему этапу формирования слоя. В сравнительном отношении эти подзоны характеризуют переход от холодных и влажных условий к влажному и несколько более теплomu климату.

Подавляющее большинство (13 из 15) радиоуглеродных дат, полученных для отложений ниже уровня указанной выше системы мерзлотных трещин (т.е. ниже третьего этапа), группируются в промежутке примерно от 23 до 20 тыс. л.н. Все три даты, относящиеся к третьему этапу (т.е. ко времени после образования данной системы трещин), ложатся в отрезок времени, примерно, 19100–19000 тыс. л.н.

Важность приведенных выше общих характеристик памятника (особенно стратиграфических) станет ясной, если заметить, что все известные до настоящего времени для Зарайской стоянки произведения искусства происходят из горизонта,

¹ Все приводимые даты получены в Радиоуглеродной лаборатории Геологического института РАН. Выражаем признательность руководителю этой лаборатории Л.Д. Сулержицкому за исследование образцов из Зарайской стоянки.

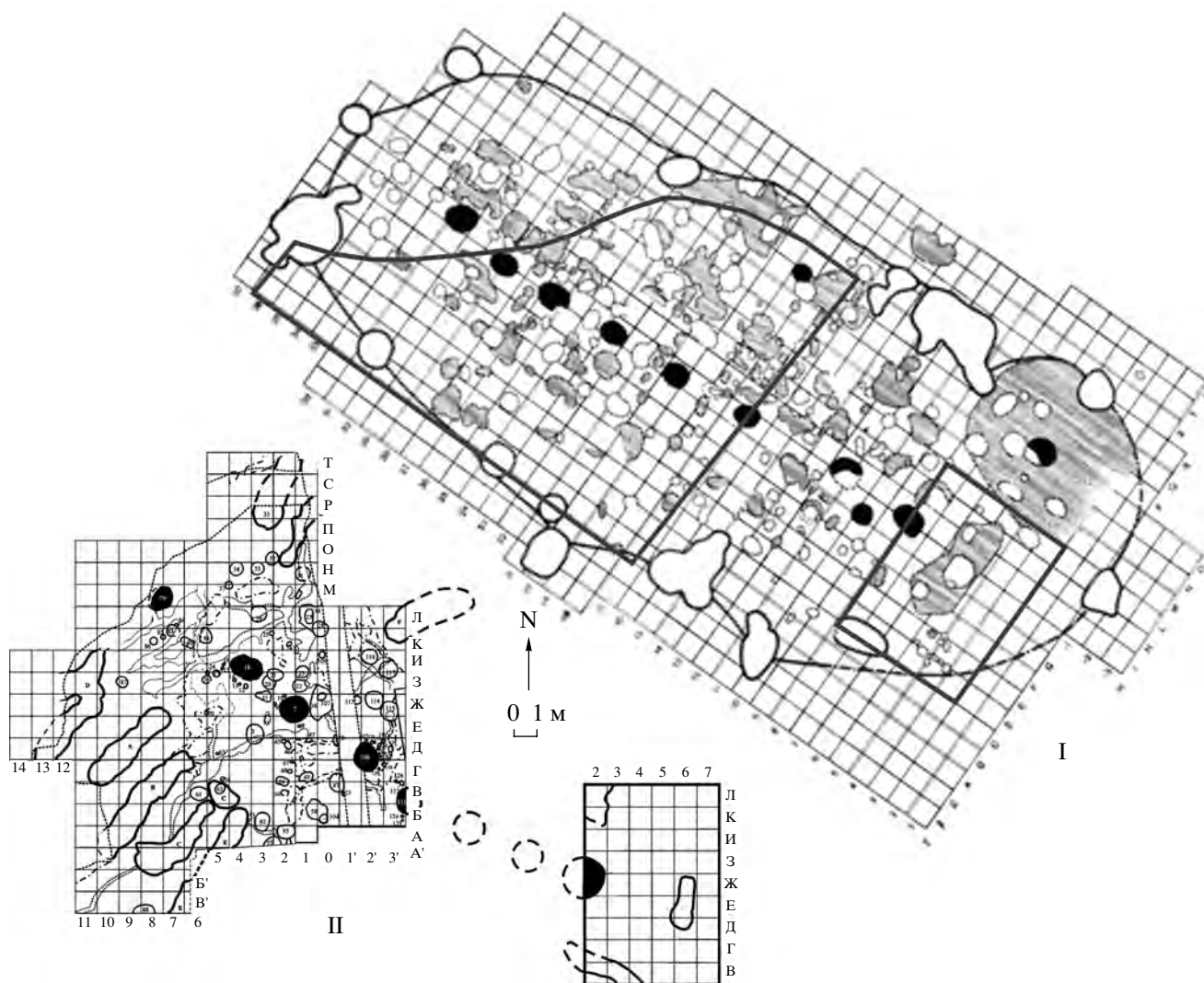

Рис. 1. Сравнение схематических планов Костенок 1, слой 1, комплекс 1 (I) и Зарайска, слой 2, второй этап накопления культурных отложений (II).

определяемого геоархеологически как второй этап накопления культурных отложений (рис. 2). В палеоэтнологическом смысле то же самое можно назвать вторым уровнем обитания. Именно с этим же самым уровнем обитания связаны и названные выше объекты культурных отложений, которые составляют планировочную структуру жилищно-хозяйственного комплекса, типичную для костенковской культуры.

Если оставить в стороне орнаментальную гравировку, то зарайская палеолитическая коллекция произведений искусства и украшений состоит из трех статуэток, одного скульптурного изображения метаподия зайца или песка из бивня мамонта, одного многофигурного гравированного изображения мамонтов на фрагменте ребра мамонта, одного ожерелья, составленного из 41 зуба песка и разрозненных зубов песка с прорезанными в кор-

невой части отверстиями. Ставшая уже известной благодаря своей исключительной выразительности и хорошей сохранности статуэтка бизона с Зарайской стоянки опубликована монографически (Амирханов, Лев, 2004). Из произведений искусства, доставленных старыми раскопками, до сих пор неопубликованным остаются ожерелье из зубов песка и названный метаподий. Остальные изделия (две статуэтки и два фрагмента ребер мамонта с гравировками) обнаружены в раскопе № 4 в ходе работ 2005 г.

После работ 2005 г. Зарайская стоянка становится в один ряд с памятниками Русской равнины, которые знамениты богатством произведений палеолитического искусства – такими как Костенки 1, Авдеево, Гагарино, Хотылево. С одной стороны, это не должно удивлять, так как в культурном отношении Зарайск входит в круг

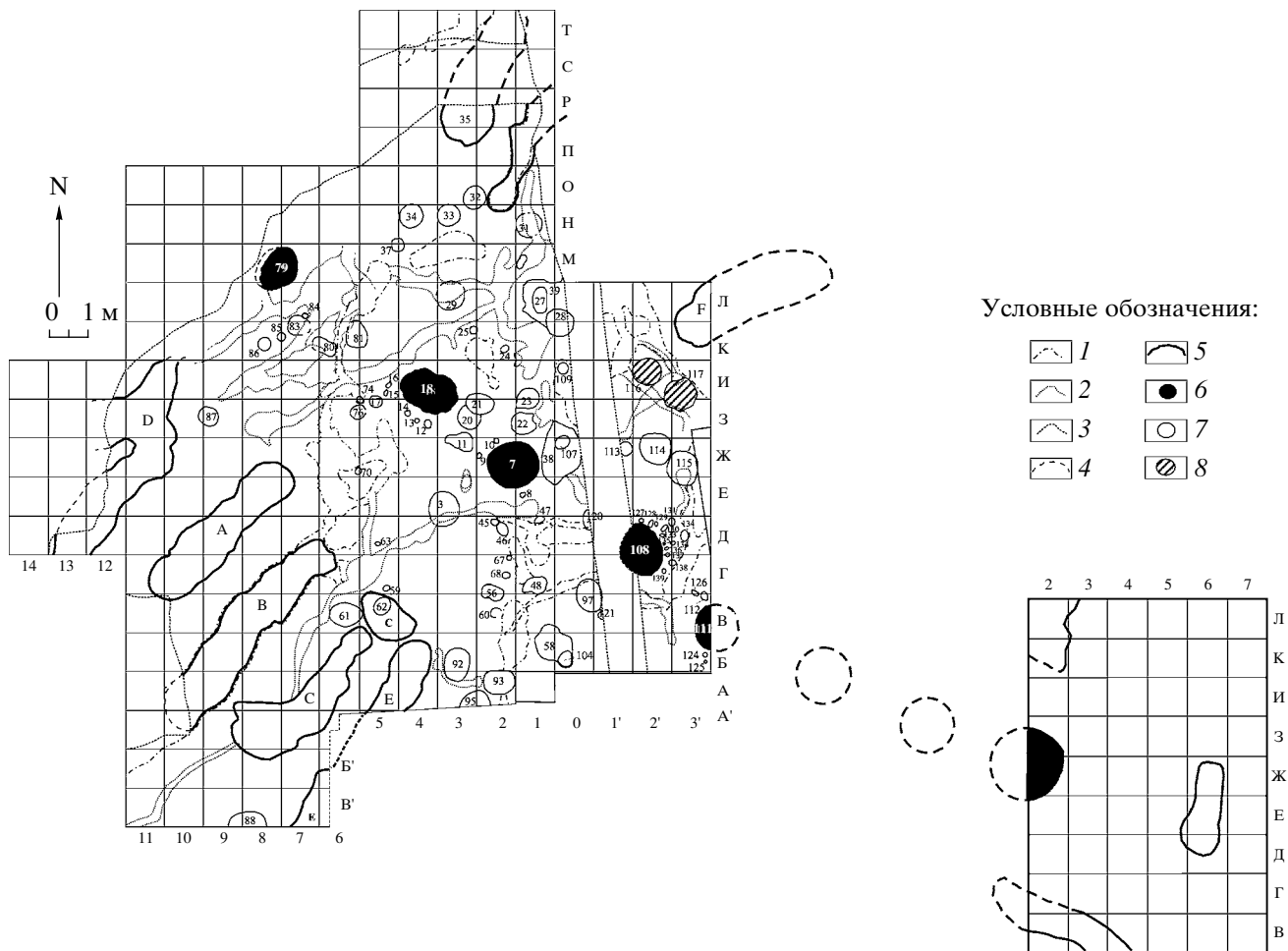

Рис. 2. Зарайская стоянка. Второй этап накопления культурных отложений. Схематический совмещенный план раскопов 4 и 1. Условные обозначения: 1 – мерзлотная трещина первой генерации; 2 – мерзлотная трещина второй генерации; 3 – траншеи, повредившие слой; 4 – предположительные границы объектов; 5 – границы больших ям (землянок); 6 – очаг; 7 – яма; 8 – ямы № 116 и 117 со статуэтками.

перечисленных памятников. Однако при всем этом в материалах рассматриваемой стоянки мы фиксируем специфику и даже наличие исключительно редких для памятников данной культуры проявлений, относящихся как к составу видов произведений искусства (например, наличие фигуративной гравировки), так и технологии обработки кости (использование техники сверления). Отмеченное своеобразие материала Зарайска представляет особый интерес. Данные памятника предоставляют основания для уточнений и дополнения обобщений, касающихся стилей и видов первобытного искусства на Русской равнине в среднюю пору верхнего палеолита. Обратимся далее к описанию конкретного материала.

Женская статуэтка № 1 (рис. 3) обнаружена в яме-хранилище № 116 (кв. И-2'), расположенной примерно в средней части большой жилой площадки костенковского типа и относящейся ко второму этапу формирования культурных отложений

памятника. Эта площадка реконструируется на основе совокупности уже раскопанных объектов стоянки. Яма находится в пространстве между центральной линией очагов и внутренним контуром овала (рис. 2, 4), образуемого крупными углублениями – “полуземлянками”. Край описываемой ямы № 116 зафиксирован на уровне –106 см от условной нулевой горизонтали. Форма ямы в плане круглая; диаметр – 73 см. Глубина ямы от уровня фиксации – 114 см (220 см от условной нулевой горизонтали). Стенки ямы извилистые – следствие мерзлотных явлений (?); дно – близкое к горизонтальному.

Верх юго-западной части ямы на глубину до –150 от условной нулевой горизонтали разрушен под воздействием мерзлотных процессов. Интересно наличие в верхней части заполнения ямы-хранилища лопатки мамонта с круглым отверстием в центре. Лопатка обнаружена стоящей круто наклонно вдоль северо-восточной стенки (нивели-

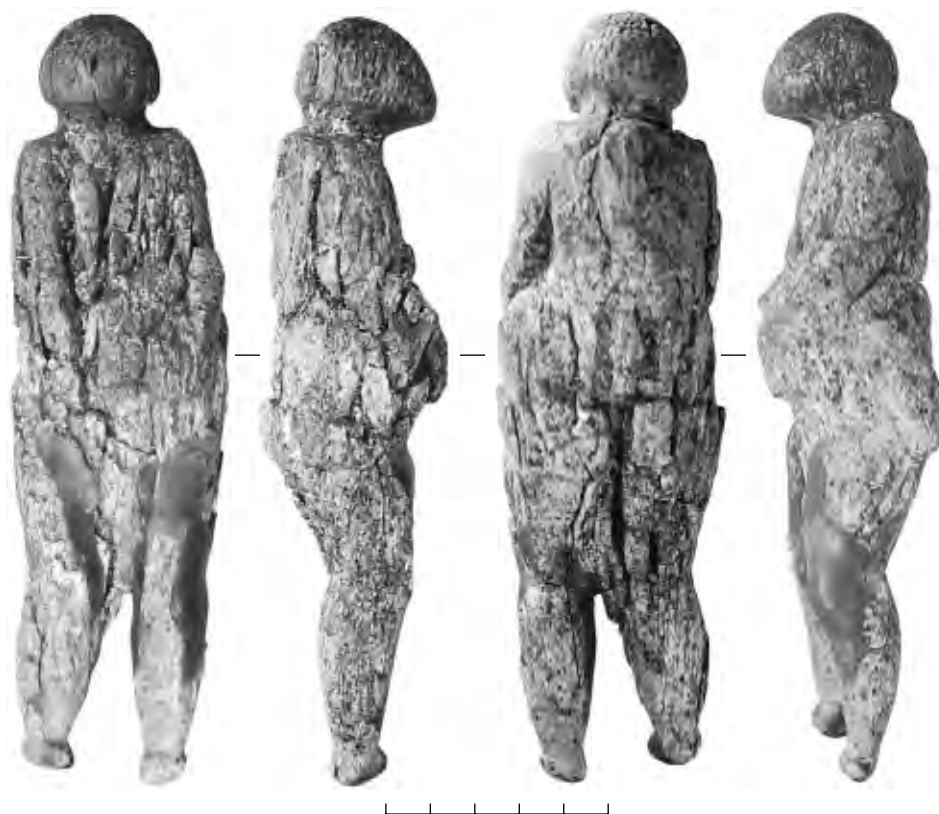

Рис. 3. Женская статуэтка из бивня мамонта из ямы № 116 (см. цветную вклейку № 1).

ровочная отметка низа –145). При этом суставная ее поверхность опирается непосредственно на край ямы. Это позволяет, во-первых, установить реальный уровень впуска ямы и, во-вторых, утверждать, что статуэтка изначально была перекрыта лопаткой мамонта. Впоследствии лопатка обрушилась в яму, к этому моменту яма была заполнена культурными наслоениями примерно на одну треть глубины.

Заполнение ямы выглядело следующим образом (рис. 5). Нижнюю часть его (до уровня отметки –190 см от дна) составляла темная серовато-оливковая мелкозернистая супесь с внедрениями оливкового песка (слой 8). Ее перекрывала темно-коричневая, интенсивно прокрашенная охрой супесь с содержанием мелких костных угольков и включением линз мелкозернистого песка (слой 7). В этом слое наблюдалась относительно неплохая сохранность костных остатков. Здесь обнаружен, в частности, крупный фрагмент ребра мамонта со следами продольного расчленения. Тут же найдены две пальцевые фаланги мамонта, а ниже – небольшой фрагмент тонкого костяного острия. Именно в подошве этого слоя обнаружена описываемая статуэтка. Ее контуры проявились на глубине –186 от условной нулевой горизонтали. При расчистке кистью стало понятно, что это изделие из бивня мамонта, так как четко проявилась внут-

ренняя конусовидная структура предмета. Последняя подверглась сильному разрушению – пластины конуса частично расслоились и сместились.

Если нижние слои заполнения ямы (слои 7 и 8) достаточно мощные, однородные и имеют спокойное горизонтальное залегание, то выше по разрезу заполнение ямы становится пестрым, нерегулярным по цвету, плотности и литологическому составу. Здесь заметно увеличивается количество костных угольков, Некоторые линзы насыщены углями особенно сильно (линза 5). Вдоль восточного края ямы на глубину до поверхности слоя 7 опускается вертикальная прослойка желтоватого мелкозернистого песка. На Зарайской стоянке такие прослойки представляют собой обычно затеки в сезонные мерзлотные трещины отжатия, пролежавшие по границе плотных материковых стенок и относительно рыхлого заполнения ямы.

Судя по взаимному стратиграфическому соотношению лопатки мамонта и указанной вертикальной прослойки, первая перекрывала яму еще какое-то время после образования и заполнения мерзлотной трещины (повторяющихся трещин) отжатия. После этого материал в яму поступал хаотично и нерегулярно, возможно в виде эпизодических замывов. Затем произошла частичная деформация верхней части ямы в связи с появлением системы масштабного мерзлотного растрескива-

Рис. 3

Рис. 7

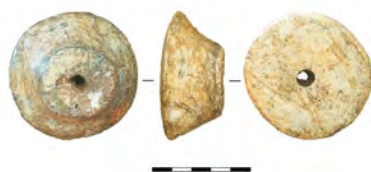

Рис. 9

Рис. 10

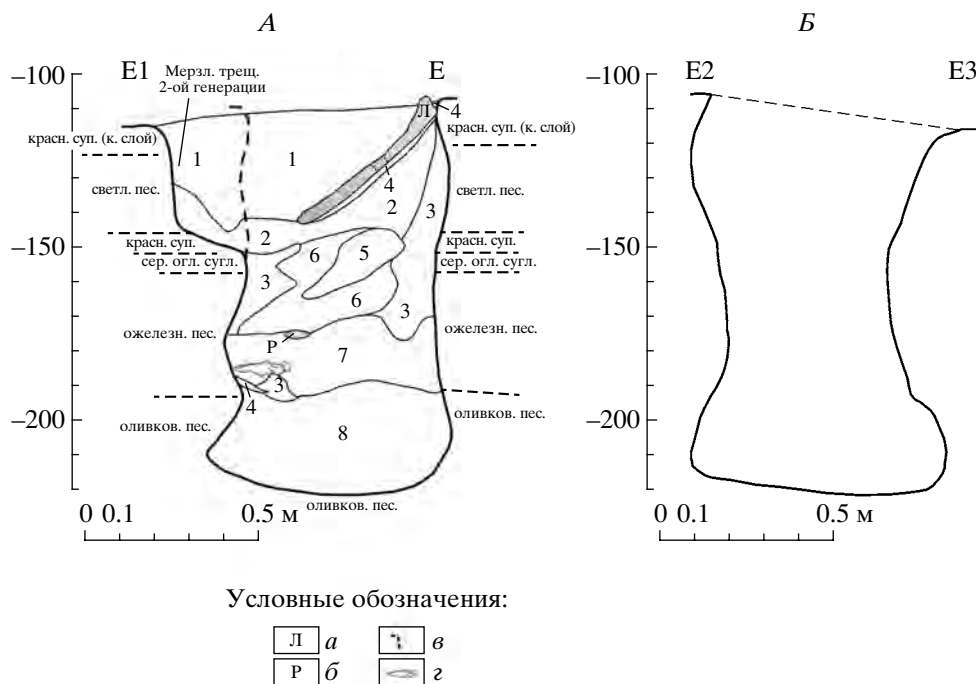

Рис. 5. Зарайск – 2005. Яма № 116. А – Разрез Е–Е1 (ЮЗ–СВ) на кв. И-2'. Вид с Ю–В; Б – Профиль Е2–Е3 (СВ–ЮЗ) на кв. И-2'. Вид с С–З. Условные обозначения: а – лопатка мамонта; б – ребро мамонта; в – предположительный контур борта ямы, разрушенный мерзлотной трещиной; з – женская статуэтка. Слои: 1 – коричневато-серая супесь с мелкими угольками; 2 – красноватая супесь с мелкими угольками; 3 – желтоватый мелкозернистый песок; 4 – углистость; 5 – коричневатая супесь с углями; 6 – зеленоватый мелкозернистый песок с редкими угольками; 7 – темно-коричневая, интенсивно прокрашенная охрой супесь; 8 – темная серовато-оливковая рассыпчатая супесь с внедрениями оливкового песка.

времени, когда в нее была положена статуэтка, яма уже не представляла собой то, чем она изначально являлась – крупным вместилищем, предназначенным для хранения утвари, материалов и припасов.

Сохранность фигурки плохая. Сама расчистка, изъятие предмета из слоя и дальнейшее сохранение составляли нелегкую задачу. В районе груди и живота произошло расслоение бивня по естественным пластинам. Со стороны спины статуэтки материал как бы растворился. Глубина разрушения здесь не равномерная, максимально – 5 мм. С лицевой стороны в области груди и живота имеются глубокие (до 0.7 мм) трещины по границе расслоения пластин бивня. В этих трещинах отмечались вросшие туда корешки современных растений. Произошла и общая деформация, проявляющаяся особенно в том, что левая часть статуэтки ниже пояса разбухла и выглядит заметно толще правой. Лучше сохранились голова и ноги. На них имеется даже залощенность, которая характерна для поверхностей большинства костяных изделий из палеолитических стоянок. Наличие залощенности свидетельствует о том, что последней операцией в технологии изготовления статуэтки было лощение поверхности мягким материалом. Выявить следы воздействий других орудий в ходе изготов-

ления предмета невозможно из-за плохой сохранности изделия.

Тщательнее всего у статуэтки оформлена, пожалуй, голова. На этой части статуэтки можно видеть обычную для костенковских фигурок попытку передать прическу и/или головной убор (Soffer et al., 2000. Р. 511–525; Демещенко, 2006. С. 5–17). Сделано это с использованием коротких ритмичных вертикальных насечек. Насечки образуют узкие кольцевые пояски, сужающиеся от основания головы к макушке. Аналогичное оформление головы женских статуэток хорошо известно в собственно костенковских материалах (статуэтка № 3 по Ефименко, 1958). В коллекции статуэток Костенок 1 (слой 1) отмечается сочетание гравировки описанного характера с нанесением рядов насечек, которые образуют линии, распространяющиеся пунктирно от макушки головы к основанию (статуэтка № 50 по Ефименко, 1958).

Плечи описываемой статуэтки существенно уже относительно области бедер; резко выделенные, прямые. Руки сложены в нижней части живота. Они четко выделены глубокой гравировкой, как с лицевой стороны, так и со стороны спины. Кисти рук не показаны. Живот акцентирован, выдается вперед, но не нависает. Бедра массивные, слегка гипертрофированные. Ноги вместо ступней имеют копытообразное завершение.

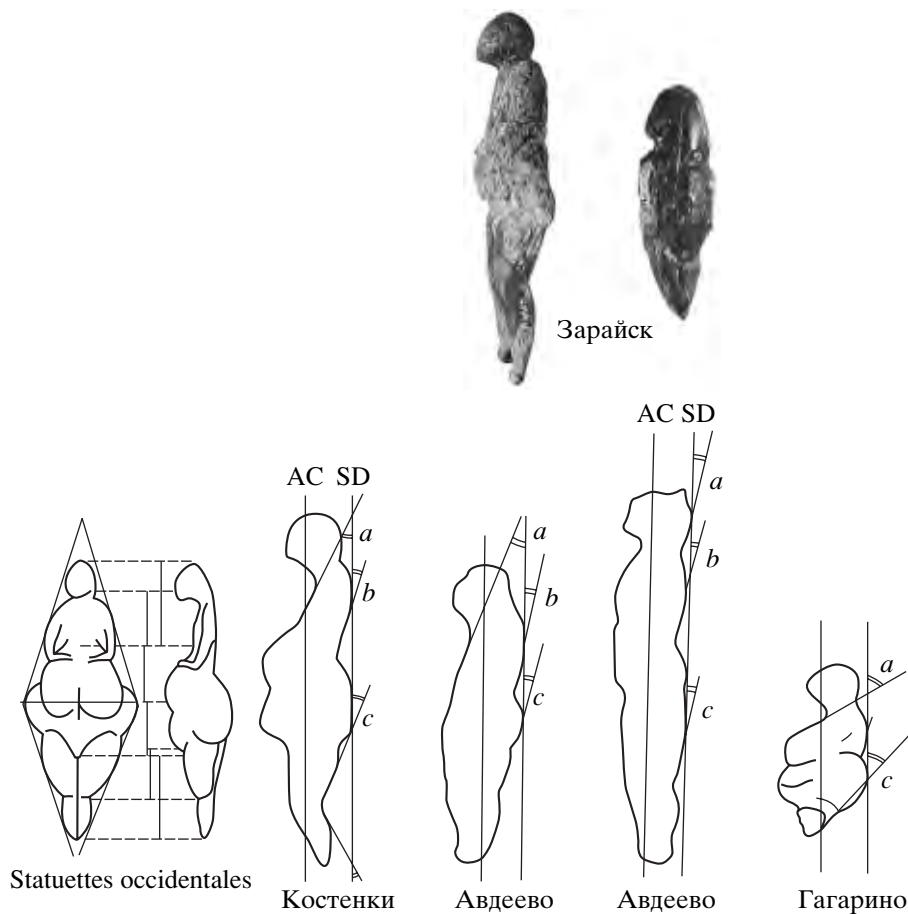

Рис. 6. Зарайские статуэтки в типологии (по М.Д. Гвоздовер) палеолитической антропоморфной скульптуры малых форм.

Размеры фигурки следующие: высота – 16.6 см; ширина у плеч – 4 см, у пояса – 5.1 см, у бедер – 5.5 см; толщина у плеч – 3 см, у пояса – 4.3 см, у бедер – 4.4 см. Соотношение длины туловища к длине ног равно 8.6 : 7.6 см.

Зарайская фигурка № 1 полностью соответствует общим канонам антропоморфной скульптуры малых форм, типичной для виллендорфско-костенковской культурной общности. Особенности изделия позволяют дать ей и более узкое типологическое определение. Статуэтка относится к той разновидности изделий этого рода, которая характеризуется безликостью, наклоненной вперед и вниз головой, стоячей позой при относительно вертикальной спине и раздельным изображением ног до уровня колен. В специальной литературе этот стиль обозначается как авдеевский (рис. 6).

Статуэтка № 2 (рис. 7) представляет собой незаконченную фигурку, предположительно женскую. Обнаружена она, как и предыдущая, в стандартной яме-хранилище (яма № 117) костенковского типа. Эта яма захватывает различные части квадратов З, И – 2, 3') и расположена в непосредственной близости от ямы, содержащей большую

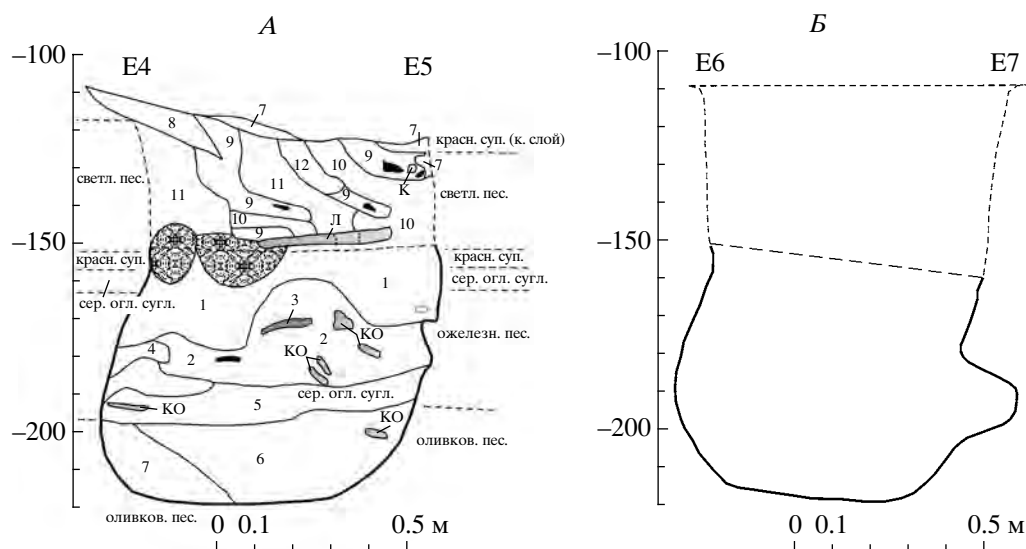
статуэтку. Она также была изначально покрыта лопаткой мамонта.

Стратиграфически описываемый объект относится ко второму этапу формирования культурных отложений стоянки. Реконструируемый уровень впуска ямы – 109 см от условной нулевой горизонтали. Форма ямы округлая с диаметром 73–78 см. Первоначальная глубина составляла 108 см. Верх ямы (выше уровня залегания лопатки мамонта, перекрывавшей яму, т.е. выше отметки –144 от условной нулевой горизонтали) сильно деформирован мерзлотными явлениями. Стенки ямы расширяются к низу (следствие деформации); дно – более или менее горизонтальное.

Многочастное заполнение ямы четко отбивалось от стенок. Заполнение предстает пестрым и косослоистым в той части, которая в наибольшей степени затронута мерзлотными процессами (рис. 8). Таков характер заполнения на глубину до 35 см от уровня впуска. На этом уровне лежит запавшая в яму и лежащая здесь горизонтально лопатка мамонта. Далее вглубь идет слой красновато-желтого мелкозернистого песка с мелкими костными угольками – слой 1). На контакте этого

Рис. 7. Женская статуэтка из бивня мамонта из ямы № 117 (см. цветную вклейку № 1).

Условные обозначения:

	<i>a</i>		<i>л</i>
	<i>б</i>		<i>р</i>
	<i>в</i>		<i>ж</i>
	<i>з</i>		<i>з</i>

Рис. 8. Зарайск – 2005. Яма № 117. А – разрез Е4–Е5 (СВ–ЮЗ) на кв. З, И-2',3'. Вид с С–З; Б – профиль Е6–Е7 (СЗ–ЮВ) на кв. З, И-2',3'. Вид с Ю–З. Условные обозначения: *a* – кремль; *б* – камень; *в* – кость; *з* – кротовина; *л* – лопатка мамонта; *е* – ребро мамонта; *ж* – проекция женской статуэтки; *з* – охристая линза. Слои: 1 – красновато-желтый мелкозернистый песок с мелкими угольками; 2 – темно-коричневая супесь, насыщенная углями, со слабой охристой окрасченностью; 3 – охра; 4 – зеленовато-бежевый песок; 5 – темная серовато-оливковая супесь; 6 – серовато-оливковый песок с внедрениями красноватой супеси; 7 – оливковый песок с редкими угольками; 8 – серовато-коричневая супесь; 9 – сиреневатая супесь, окрашенная охрой; 10 – оливковый песок с примазками красноватой супеси; 11 – желтовато-серая супесь с угольками; 12 – сероватая супесь.

слоя с подстилающим слоем 2 (слабоохристая темновато-коричневая супесь, насыщенная костными угольками), на уровне –165 от условной нулевой горизонтали или на глубине 56 см от уровня выпуска ямы и залегала описываемая статуэтка. Ниже по разрезу залегают оливковые сеноманские пески в чистом виде (слой 7) или в разной степени перемешанные с красноватой супесью (слои 5, 6). Находки в виде мелких фрагментов костей, костных уголков и разрозненных кремней встречались преимущественно в слоях 2 (в большей степени), 5 и 6. Слой же 1, в котором залегала статуэтка, был почти лишен находок, за исключением мелких костных уголков.

Фигурка лежала горизонтально в западном секторе ямы. Головой она была ориентирована в сторону центра ямы; ноги соприкасались со стенкой. В 3–4 см к северу от головы статуэтки зафиксировано залегающее горизонтально пятно минеральной краски бордового цвета размерами 11 × 4 см. Под фигуркой и немного южнее от нее отмечалась тонкая линза светлого мелкозернистого песка, не распространявшаяся далее. Статуэтка лежала на 2–3 см выше этой линзы песка.

Сохранность этой фигурки с внешней поверхности была лучше, чем у первой. Однако структура материала оказалась разрушенной. В момент обнаружения, предмет имел консистенцию пластилина, но с той разницей, что легкое прикосновение привело бы к его разрушению на мельчайшие, почти бесструктурные фрагменты. Другой тип изменений материала проявился в некотором разбухании одной из краевых частей и незначительном горизонтальном смещении внешней пластины дентина. Это смещение произошло, когда структура строения бивня еще сохранялась в заготовке прочной, и процессы мелкоструктурных внутренних изменений не зашли сколько-нибудь далеко. Об этом красноречиво говорит полное отсутствие на смещенной пластине каких бы то ни было трещин.

Материалом для изготовления статуэтки послужил продольный фрагмент внутренней части бивня. На основе наблюдений над характером расщепления бивня мамонта на Зарайской стоянке можно предположить, что, скорее всего, это был массивный отщеп. Заготовка доведена до той стадии, когда отчетливо выделены голова, торс и область ног. Голова выделена двумя полукольцевыми глубокими желобами, располагающимися с лицевой и затылочной сторон. Такой же, но несколько более широкий желоб сделан со стороны спинки на уровне, который соответствует (если бы статуэтка была завершена) участку от низа бедер до сгиба колен. Далее вниз от этого желоба заготовка утончается и приобретает в профиль клиновидные очертания.

Обработка бивневой заготовки осуществлялась с использованием таких приемов, как резба, строгание и скобление. Следы указанных операций отчетливо сохранились на поверхности предмета.

Давать бесспорную стилистико-типологическую атрибуцию незаконченного изделия такого рода непросто. Однако профиль и пропорции фигурки склоняют к тому, чтобы признать фигурку в морфологическом и художественном отношениях наиболее близкой к статуэткам авдеевского стиля.

Называя эту статуэтку незаконченной, мы, конечно, имеем в виду изобразительную сторону. Такое определение предмета оправдывает наличие в данной коллекции фигурки, которая по своей отделке подходит полностью под канон законченных произведений этого рода. Однако если исходить не только с эстетической точки зрения, но и учитывать почти не известную нам функциональную сторону этих изделий, то рассматривать данный предмет как незаконченный, возможно, будет неправильно. Женские статуэтки, которые можно было бы назвать незаконченными, довольно заметно присутствуют и в костяковых материалах. При этом контекст их залегания в слое (связь с конкретными объектами поселенческой структуры) и тафономия ничем не отличаются от положения и окружения самых совершенных произведений такого рода. Помня о том, что контекст находки неясного назначения, часто говорит о функции предмета больше, чем характеристики самого предмета, мы должны допускать, что с утилитарной стороны данная фигурка могла рассматриваться как вполне законченная с точки зрения той цели, для которой она предназначалась.

Переходя к другим видам изобразительной деятельности обитателей Зарайской стоянки, следует остановиться на находках предметов с гравировкой. В обобщенном виде использование техники гравировки на памятниках верхнего палеолита Восточной Европы представлено следующими тремя разновидностями: орнаментальная, функциональная и фигуративная. Первые два вида встречаются довольно широко. Иногда их трудно разграничить, поскольку не всегда легко определить, какая сторона главенствует в том или ином изображении – эстетическая или утилитарная.

Третья из названных разновидностей – гравировка фигуративная в культурном массиве “восточного граветта” Русской равнины до настоящего времени оставалась практически не известной. Лишь в материалах первого комплекса Костенок 1 в качестве “совсем особой категории вещей изобразительного характера” (Ефименко, 1958. С. 408) отмечалось наличие единичных гравированных изображений трудноопределимых фигур животных на фрагментах ребер мамонта. Одна из таких гравировок была обозначена предположительно

Рис. 9. Предмет из бивня мамонта в виде усеченного конуса с просверленным в центре узким сквозным вертикальным отверстием (см. цветную вклейку № 1).

как изображение овцебыка (Ефименко, 1958. Рис. 200).

Останавливаясь на характеристике изделий с гравировками из первых лет раскопок Зарайской археологической экспедиции Института археологии РАН нет необходимости, поскольку они уже опубликованы (Амирханов, 2000). Рассмотрим лишь предметы описываемого рода, обнаруженные раскопками последнего времени. В их перечне обращает на себя внимание мелкий фрагмент тонкой трубчатой кости предположительно птицы с гравировкой (яма № 117). Орнамент изготовлен рассчитанными движениями, которые можно было сделать острым угловатым выступом кремневого орудия. Гравировка относится к разновидности “косого крестика”. Предмет, к которому относился описываемый фрагмент, был украшен орнаментом в продольном направлении. В материалах костенковской культуры орнамент данного типа отмечается в украшении рукоятей и верхних краевых частей лопаточек, игольников из трубчатых костей птицы, браслетов, зооморфных “фибул” (“заколок”) и иногда крупных костяных наконечников.

Зарайская стоянка дает пример использования орнамента в декорировке еще одной, не известную ранее для костенковской культуры, категории изделий. Речь идет о предмете из бивня мамонта в виде усеченного конуса с просверленным в центре узким сквозным вертикальным отверстием (рис. 9). Вершина этого усеченного конуса имеет в диаметре 22 мм; диаметр основания – 37 мм. По кромке круглой площадки, формирующей вершину изделия, нанесен орнамент в виде “косого крестика”. Орнамент мелкий и плотный; крестики большей частью соприкасаются друг с другом.

Назначение описываемого орнаментированного предмета остается для нас неясным. Прямые аналогии ему в палеолитических материалах неизвестны. Более всего он похож на так называемые грузики дяковского типа, функция которых также остается загадкой.

Рассматриваемый костяной предмет имеет и исключительную для материалов костенковской культуры технологическую особенность. Она заключается в использовании при его изготовлении приема сверления. Изделие просверлено на всю толщину (14 мм). Техника сверления – встречающая. Учитывая, что диаметр сверлины остается практически неизменным на всю длину, нужно признать знакомство палеолитических зарайских мастеров с техникой сверления в ее довольно развитом виде.

Единственный пока для Зарайской стоянки образец фигуративной гравировки обнаружен в средней части заполнения ямы-хранилища (яма 117) на глубине –167 см от условного нуля. Он залегал в темно-коричневой супеси, насыщенной углями, со слабой охристой окрашенностью (слой 2) в непосредственной близости от статуэтки, найденной в той же яме (рис. 4). Напомним, что статуэтка была обнаружена ближе к борту ямы на контакте красновато-желтого мелкозернистого песка с мелкими костными угольками (слой 1) с подстилающим слоем 2 на уровне –165 от условной нулевой горизонтали. Изделия лежали на расстоянии 7 см друг от друга. Возникает вопрос, является ли случайностью совместное расположение столь не ординарных и, судя по всему, очень значимых в культовом отношении объектов?

Предмет, о котором идет речь, представляет собой фрагмент ребра мамонта длиной 18 см. Резьбой затронут лишь небольшой участок плоской поверхности этого обломка – это площадь размерами всего 3 см в длину и 2, 5 см в ширину. Резьба очень тонкая, неглубокая; сразу ее трудно даже заметить. Тем не менее основные линии изображения четкие, не рваные, проведенные уверенными непрерывными движениями. В степени выраженности линий присутствует определенная иерархия. Линии, отбивающие контуры изображения, шире и глубже. Те же, которые относятся к деталям – менее заметны.

В описываемой гравировке можно увидеть изображение трех перекрывающих друг друга

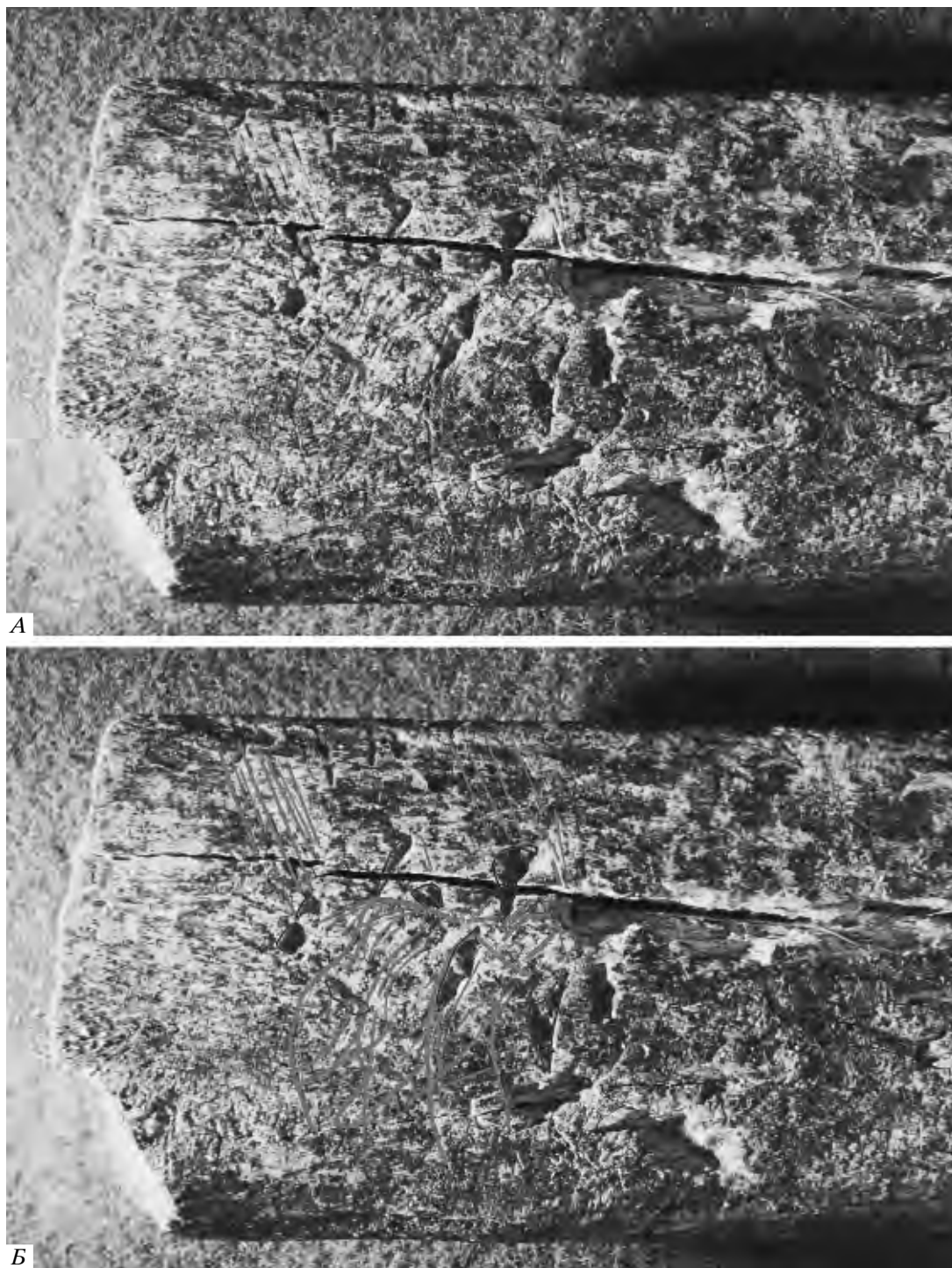

Рис. 10. Ребро мамонта с гравированным изображением. *А* – фотография части ребра с гравировкой; *Б* – прорисовка гравированного изображения поверх фотографии (см. цветную вклейку № 1).

фигур мамонтов, направленных слева направо (рис. 10; 11). Все фигуры показаны частично. Изображаются внешние контуры хоботов и голов, переход к спине и, по-видимому, бивни. Наиболее выразительным является первое – дальнее изображение. Здесь хорошо передан мясистый хобот и

акцентирована шишковатая голова мамонта. Отчетливо показана челка, выполненная короткими и гораздо более тонкими линиями.

В правильной пространственной соотнесенности фигур можно усмотреть определенный композиционный порядок. Наличие композиции предпо-

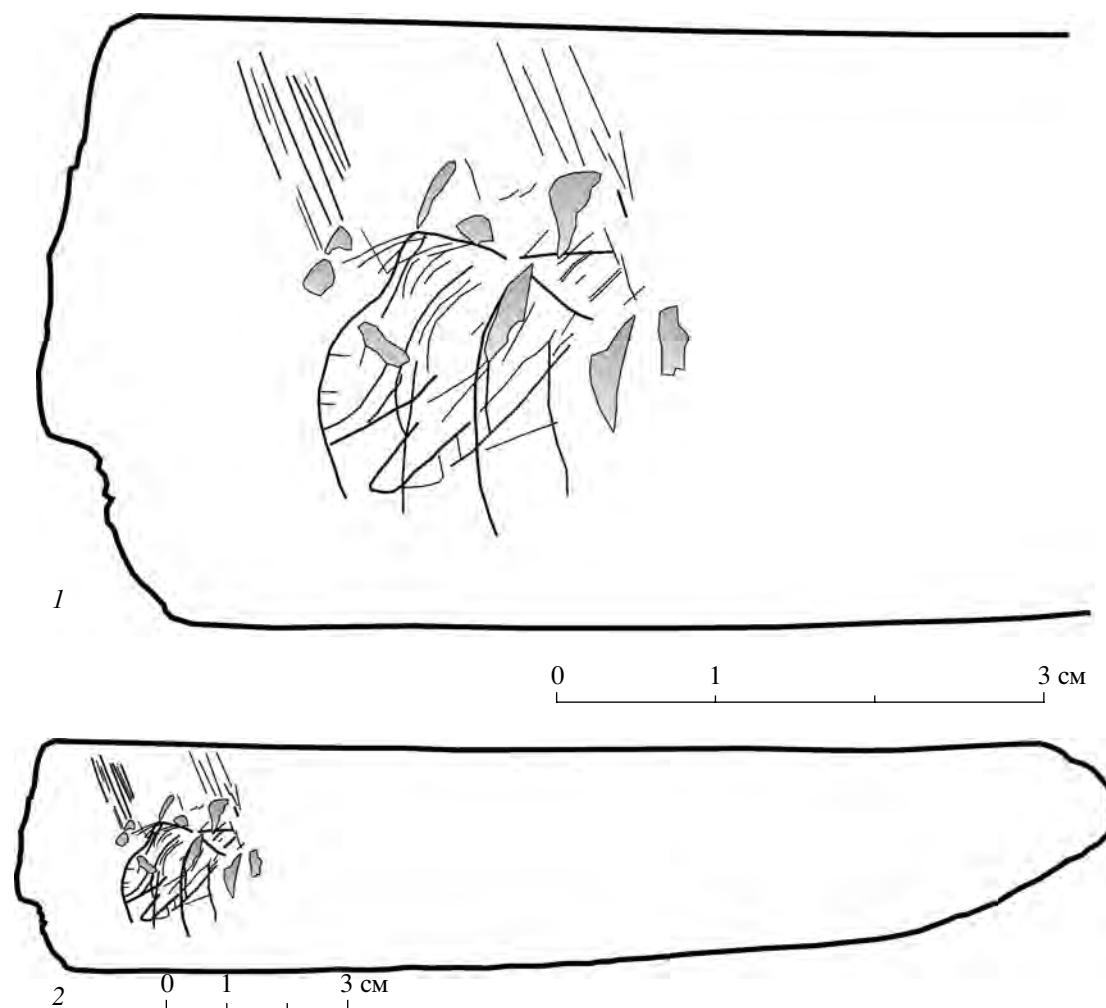

Рис. 11. Соотношение участка с гравировкой (1) к полной длине сохранившегося фрагмента ребра мамонта (2).

лагает передачу перспективы. Действительно, при взгляде на изображение возникает ощущение того, что перспектива существует, но перспектива обратная. Мамонт на дальнем плане показан более крупно, чем фигуры на переднем плане, и он выглядит идущим впереди остальных.

В стилистико-художественном отношении описываемое изображение, бесспорно, относится ко второму стилю палеолитического изобразительного искусства по А. Леруа-Гурану (Leroi-Gouran, 1995). Этот стиль (“второй примитивный”) связывают с граветтом – началом солютре. Изображение животных оформляется, как правило, “синусоидной” линией, которая обрисовывает шею и спину. Рога показываются в профиль или в фас в искаженной перспективе. Ноги часто отсутствуют или только обозначены. В некоторых случаях ноги не редуцированы и оформлены на всю длину. В полном соответствии с канон описываемого стиля показан мамонт на гравировке из родственного Зарайску памятника Дольни Вестонице. Все

изображение здесь ограничивается одной линией, передающей контур головы и спины. Хронологически данный стиль относят к периоду женских скульптурных изображений, называемых “палеолитическими венерами”.

Зарайская стоянка уже представила ранее возможность редкой по убедительности реконструкции смысла и назначения одного конкретного произведения искусства. Речь идет об использовании статуэтки бизона в ритуале охотничьей магии (Амирханов, Лев, 2004. С. 299–321). В качестве одного из важных элементов этого ритуала выделялся момент нанесения статуэтке преднамеренных сильных повреждений, имитирующих убийство зверя. Еще одним редким по яркости образцом использования художественных изображений в магических обрядах выступает многофигурное гравированное изображение мамонтов из Зарайской стоянки.

Помимо фигуративной части на гравировке имеются два пучка линий. Оба этих пучка направ-

лены в головы двух из трех изображенных мамонтов. В семантическом плане этот факт можно было бы поставить в один ряд с известными образцами наскальной палеолитической живописи, изображающими животных с направленными в них “стрелами”. Однако существует известная слабость в интерпретациях, которые относят эти изображения к имитации поражения животных в магических ритуалах. Здесь трудно исключать и другие толкования.

Другое дело – случаи, подобные рассматриваемому. Поверх изображения мамонтов из Зарайской стоянки наблюдаются явные повреждения. Они имеют характер лунок с рваными краями, которые могли образоваться только вследствие прямого удара острым предметом. Связь этих повреждений с участком с гравировкой, и только с ним не вызывает сомнений. По гравированному изображению мамонтов было нанесено не менее десяти ударов. О нацеленности этих ударов говорит то, что на остальной поверхности обломка ребра, которая превышает область, занятую гравировкой в шесть раз, нет ни одного следа удара. Необходимо было приложить определенные усилия для того, чтобы удары были столь акцентированными. Напомним, что гравировка занимает площадь равную лишь 3×2.5 см (рис. 11).

Таким образом, гравированное изображение из Зарайской стоянки наряду с фигуркой бизона предоставляет еще один факт использования обитателями этого поселения произведений изобразительного искусства в магических целях. В охотничье-промысловом характере этих религиозных действий вряд ли приходится сомневаться. Кстати, описываемый факт является чуть ли не единственным положительным аргументом из области изобразительного искусства палеолита Восточной Европы в делящемся среди исследователей первобытности больше столетия споре о том, охотился палеолитический человек на мамонта или нет.

Описанные выше новые находки обогащают общую коллекцию скульптуры малых форм палеолита Восточной Европы и расширяют географию конкретных типов художественных произведений. В Зарайске пока раскопана примерно половина площади жилищно-хозяйственного комплекса костенковского типа. Но уже сейчас можно сказать, что по богатству и разнообразию предметов искусства этот памятник становится в один ряд с такими знаменитыми памятниками, как Костенки 1, Авдеево, Гагарино, Хотылево. Соответственно и бассейн р. Ока на полных основаниях может быть включен в область распространения культуры средней поры верхнего палеолита Европы, характеризующейся наивысшими проявлениями духовной культуры, нашедшими отражение в палеолитическом искусстве.

Рассмотренный выше материал поднимает и собственно археологические проблемы, имеющие отношение к более глубокому пониманию всего феномена искусства виллендорфско-костенковской культурной общности, уточнению общих характеристик последнего, а также выяснению места и роли произведений искусства в установлении археологических единств различных рангов.

С точки зрения общих вопросов археолого-искусствоведческого анализа палеолитической скульптуры малых форм и с учетом материалов Зарайска мы должны констатировать, что не совсем верно относить искусство средней поры верхнего палеолита Восточной Европы к какому-либо одному стилю – реализму, натурализму или схематизму. Для указанного культурного явления мы обнаруживаем и первое, и второе, и третье. Однако в различных памятниках или группах памятников проявления эти выражены далеко не равномерно, и если рассматривать совокупность источников в самом общем виде, то нельзя не признавать более или менее выраженное доминирование одного из этих стилей. Для рассматриваемой стадии верхнего палеолита и Западной Европы (Leroi-Gouran, 1995), и Восточной Европы (в частности, Русской равнины) в качестве последнего выступает реализм (Kozłowski, 1992) с элементами стилизации и даже схематизма.

Произведения искусства, как и каменная индустрия, позволяют выявлять между памятниками общее сходство. В отличие от первых, в еще большей степени они способны устанавливать отличия самого мелкого плана между конкретными памятниками. Это свойство рассматриваемой категории источников имеет неоценимую важность для палеоэтнологических реконструкций. Так, например, наличие в Зарайске только одного (авдеевского) из трех типов женских статуэток, известных для Центральной и Восточной Европы (Gvozdover, 1995) могло бы и не рассматриваться как особо значимое, если бы не было других очень важных аналогий этого же плана. Можно указать, например, на то, что из всех памятников “восточного граветта” имитации метаподий животных, изготовленных из бивня мамонта, встречаются только в Авдеево и Зарайске. Указанное изделие, отражающее, по всей видимости, особые религиозно-магические представления, настолько специфично, что невозможно объяснить простой случайностью наличие его в одних памятниках и отсутствие в других.

Ритуалы и обряды охотничьей магии создателей узких археолого-культурных общностей, например носителей костенковской культуры, скорее всего, в своей основе не сильно отличались. Однако их материальное воплощение, судя по всему, было неодинаковым. Широко распространенную во все времена и у разных народов охотничью

традицию отпазначивания (отрезание лапки добытого на охоте животного), возможно, мы фиксируем на всех памятниках “восточного граветта” – находки костей лапок волка, зайца, песца в анатомическом порядке обычны для культурных слоев памятников указанного круга. Однако материализация магической идеи в такой изощренной форме, как изготовление скульптурного изображения метаподия одного из обычных объектов охотничьего промысла, не может быть выражена с одинаковой силой на всех, даже “родственных” памятниках, и она действительно не выражена.

Обычно одни только общие характеристики каменного и костяного инвентаря рассматриваются как достаточные для заключения о поразительном сходстве культуры Костенок и Авдеево. Это сходство объясняли даже принадлежностью людей, оставивших данные памятники людям одной и той же общины (Рогачев, 1957). Но насколько более тесным должно было быть родство обитателей Зарайской и Авдеевской стоянок, если в дополнение к общности их материальной культуры это население было привержено единому и сокровенному для них миру религиозно-мистических представлений?

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (Адаптация народов и культур к изменениям

природной среды, социальным и техногенным трансформациям) и гранта РФФИ № 05-06-80074.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000.
- Амирханов Х.А., Лев С.Ю. Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004.
- Демещенко С.А. Особенности украшений костенковско-авдеевской культуры // РА. 2006. № 1.
- Ефименко П.П. Костенки 1. М.; Л., 1958.
- Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит. МИА. 1957. № 59. Т. 3.
- Шилова Г.Н. Заключение о результатах спорово-пыльцевого анализа образцов из зарайской верхнепалеолитической стоянки // Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000.
- Gvozdozer M. Art of the Mammoth Hunters. The Finds of Avdevo // Oxbow Monograph. 1995. № 49.
- Soffer O., Adovasio J.M., Hyland D.C. The Venus Figurines: Textiles, Basketry, Gender, and Status in the Upper Palaeolithic // Current Anthropology. 2000. V. 41. № 4.
- Kozlowsky J.K. L'art de la Préhistoire en Europe orientale. CNRS éditions. 1992.
- Leroi-Gouran A. Préhistoire de l'art occidental. Nouvelle édition revue et augmentée par Brigitte et Gilles Delluc. Paris, 1995.

New finds of Paleolithic art from Zarsk

H. A. Amirkhanov, S. Yu. Lev

Summary

The article is devoted to works of art discovered in the course of excavations at the site of a mammoth-hunter camp which is being investigated by the RAS Institute of Archeology expedition in Zarsk (Moscow region) since 1994. The art collection consists of three figurines, one sculpture of a hare or polar fox metapodium carved from mammoth tusk, one multi-figure image of mammoths on a mammoth rib fragment, one necklace of 41 polar fox teeth, and separate polar fox teeth with holes at the root. Most of the finds are published for the first time, part of them was discovered during the 2005 season. The finds allow to compare the Zarsk site to other monuments of the Russian plain which are famous for the abundant works of art discovered there (Kostyonki 1, Avdevo, Gagarino, Khotylovo).

МОГИЛЬНИКИ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В ЛЕСНОЙ ЗОНЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2007 г. С. В. Ошибкина

Институт археологии РАН, Москва

Могильники каменного века, в том числе мезолитические, всегда привлекают особое внимание исследователей. Известно, что ритуалы, символика, помещенные в погребения предметы искусства позволяют обратиться к таким важным проблемам, как духовная жизнь древних и социальная организация первобытных сообществ.

Несмотря на интерес к изучению могильников и их поиски новые памятники, особенно мезолитические, чрезвычайно редки. Отчасти это объясняется условиями их расположения отдельно от поселений и стоянок, на острове или “за водой”, на берегах в наше время удаленных от современных водоемов. Возможно, при сооружении погребения скрывали, чтобы избежать разрушения людьми или животными, поэтому они могли не иметь внешних обозначений или такие обозначения исчезли со временем. Поэтому в лесной зоне и тундрах Северной Евразии, где известно множество стоянок мезолита, могильники или отдельные погребения явление достаточно редкое. Обращает на себя внимание и расположение известных в настоящее время погребальных комплексов эпохи мезолита (рис. 1). Однако во второй половине XX в. в Центре Русской равнины, в Приуралье и на Крайнем Северо-Востоке, вплоть до Большеземельской тундры проводились планомерные исследования и сборы случайных находок на разрушенных памятниках, открыты многочисленные стоянки каменного века, в том числе мезолитические (Чернов, 1985; Волокитин, 1997; Vugov, 1999), но никаких погребений не обнаружено. Возможно, это связано с подвижным образом жизни обитавших здесь охотников-собираателей. Оставляя свои одиночные захоронения, они могли особенно тщательно их скрывать, сами способы захоронения умерших могли быть такими, что следы могильников исчезали бесследно. Так или иначе, могильные комплексы группируются только вблизи так называемого Балтийского региона.

Известные в настоящее время могильники эпохи мезолита могут быть разделены на две группы – памятники, в которых сохраняется антропологический материал, и такие, где этого материала нет (рис. 1). В первую группу входят Оленеостровский могильник, комплекс Песчанца, могильники Попово, Милино 1 и 2 на Кубен-

ском озере, Звейниеки и отдельные погребения в Восточной Прибалтике. Вторую группу образуют погребения и небольшие могильники, известные в Карелии и Финляндии.

Оленеостровский могильник

Памятник находился на северной оконечности Южного Оленьего острова Онежского озера. В палеоантропологии часто его обозначают по имени острова, что не совсем точно, поскольку название могильника имя собственное. Кроме того, существует могильник железного века с таким же названием на Южном Оленьем острове Баренцева моря. Чтобы избежать пояснений и терминологической путаницы, археологи сохраняют название Оленеостровского могильника, принятое при его первой публикации (Равдоникас, 1956; Гурина, 1956).

По описанию исследователей могильник в первоначальном виде был гораздо больше. Он состоял из двух частей, может быть оставленных двумя родовыми группами. В расположении погребений не было особого порядка, но только в 12 случаях захоронения нарушали более ранние. Из этого следует, что здесь могли быть надмогильные сооружения. Выделено пять основных групп погребений – одиночные горизонтальные (116), двойные разноразмерные (16), двойные женские с ребенком (3), тройные (3), вертикальные (4). Кроме одного случая (п. 89), все захоронения ориентированы на восток, некоторые отклонения к северу и югу говорят об ориентации на восход солнца в разные сезоны года. Почти все могилы были засыпаны охрой, в ряде случаев очень слабой, светлой или розовато-желтой. В пяти случаях в погребениях отмечены каменные кладки – весь скелет обложен камнями (п. 50), череп обложен камнями (п. 51), камни на груди и колене (п. 45), полукруг камней в ногах (п. 16), ряд камней над погребением (п. 115). В ногах погребения 27 находился каменный очаг, заполненный охрой и прикрытый плиткой. В погребениях найдены кости лося, бобра, медведя и птиц. Инвентарь (более 7000 экз.) включает подвески из зубов животных (около 6000 экз.), орудия из камня и кремня (более 200 экз.), костяные и роговые предметы, художественные изделия (Равдоникас, 1956. С. 16; Гурина, 1956). В.И. Равдоникас предполагал, что некрополь создан населением, обитав-

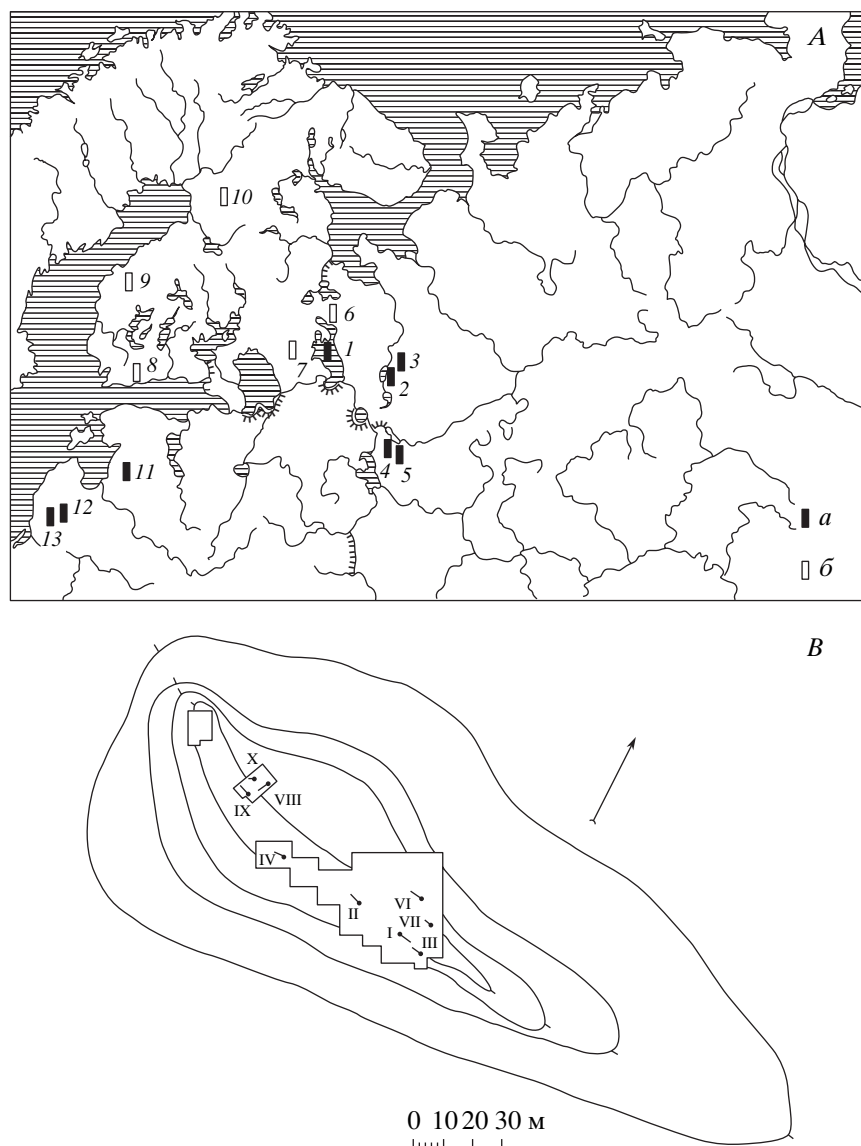

Рис. 1. Мезолитические могильники лесной зоны. 1 – Оленеостровский; 2 – Песчаница; 3 – Попово; 4–5 – Минино 1, 2; 6 – Черная губа; 7 – Сямозеро 2; 8 – Йонсас; 9 – Хавистонхарью; 10 – Йокела; 11 – Звейниэки; 12 – Спигинас; 13 – Дуонкальнис.

шим к востоку от Онежского оз., поскольку западнее, на территории Карелии, стоянки с аналогичным инвентарем в то время не были известны.

Первоначальный анализ антропологического материала Оленеостровского могильника проведен Е.В. Жировым (1940), по оценке которого в некрополе преобладало европеоидное население, кроме того, были представлены монголоидные индивидуумы. Эту точку зрения разделяли Г.Ф. Дебец, М.М. Герасимов, В.П. Алексеев (Алексеев, 1984). Так сложилась гипотеза о проникновении в неолите населения монголоидного типа в европейскую часть России. Палеоантропологические материалы могильника изучали и про-

должают к ним обращаться российские и зарубежные ученые. Фундаментальное исследование антропологических материалов было проведено В.П. Якимовым (1960; 1961). Учтено 46 черепов и некоторое число длинных костей. Как полагал исследователь, особая массивность и физическая сила оленеостровцев является результатом обитания в трудных условиях жизни. По большинству наиболее важных признаков население отличается от монголоидов и сближается с европеоидными сериями северной Европы, где с позднего палеолита известны варианты широколицего населения. Оленеостровский антропологический тип, по его мнению, сложился в пределах Восточной Европы и

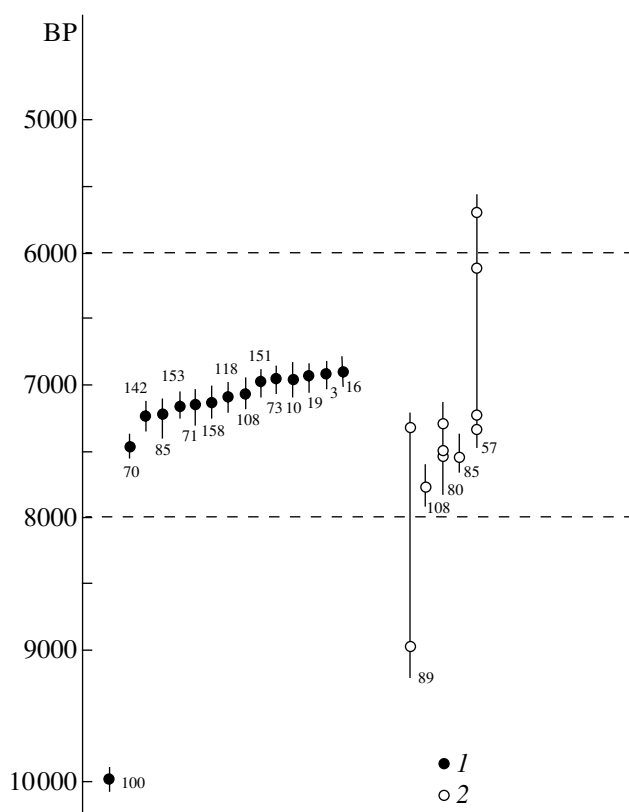

Рис. 2. Оленеостровский могильник. Даты ^{14}C . 1 – ГИН; 2 – ОхА.

распространялся на север и северо-восток по мере отступления ледника (Якимов, 1960. С. 311–313).

Недавно Ю.Д. Беневоленской проведено исследование 22 мужских и 20 женских черепов Оленеостровского могильника. Все женские черепа принадлежали европеоидам. Из мужских черепов пять обладали признаками монголоидности, причем бесспорных случаев только три (п. 1, 56, 158). Ю.Д. Беневоленская полагает, что в южной части могильника были сосредоточены монголоидные, а в северной части европеоидные индивидуумы (Беневоленская, 1984; 1990. С. 262).

После открытия ряда памятников мезолита в европейской части России и на севере Европы стало очевидно, что Оленеостровский могильник по характеру археологического материала имеет более древний возраст и относится к эпохе мезолита, что нуждалось в дополнительном исследовании и подтверждении. В 1985–1987 гг. группой исследователей было предпринято датирование памятника современными методами. Коллекция хранится в МАЭ, где отбор образцов костного материала для анализов по ^{14}C выполнен Ю.Д. Беневоленской, радиоуглеродные определения проведены Л.Д. Сулержицким. Выбор погребений для датирования по определенной программе сделан авто-

ром. Для датирования были намечены сначала вертикальные, тройные, двойные захоронения на северном и южном участках могильника, затем погребения, принадлежащие европеоидам и моноглоидам. Всего получено 15 дат ^{14}C (Мамонова, Сулержицкий, 1989; Oshibkina, 1989). На графике даты расположились довольно компактно (рис. 2), что показывает хронологическое единство могильника.

Радиоуглеродная дата вертикального погребения 100 оказалась значительно древнее остальных (9910 ± 80 ГИН 4836), что привело к возникновению ряда гипотез о происхождении населения, оставившего могильник. Наконечники на пластинах из погребения 100 (16 экз.) приводили в качестве доказательства проникновения в бассейн Онежского оз. населения свидерской культуры позднего палеолита. Сейчас от этой точки зрения отказались. Технологические приемы обработки кремня здесь совершенно другие, чем в свидерской индустрии (Желтова, 2000). Наконечники листовидного типа, аналогичные изделиям из п. 100 встречаются в сочетании с наконечниками других типов в датированных ^{14}C погребениях могильника, в том числе сравнительно поздних (Oshibkina, 1999). Общий состав инвентаря в п. 100 соответствует вещественному материалу других погребений. Однако не вызывает сомнения особая роль, которую отводили соплеменники мужчине из п. 100, который мог быть старейшиной или “фундатором”, по выражению А.Д. Столяра (2001. С. 166). С.К. Козловскому принадлежит наблюдение о принадлежности кремневых наконечников из погребения 100 и аналогичных изделий из других погребений Оленеостровского могильника северному технологическому комплексу и их сходстве с изделиями культурной группы кунда (Kozlowski, 1975. Р. 210). Традиции культуры кунда имеют много общих черт с мезолитическими памятниками культуры веретье Восточного Прионежья и с древнейшими памятниками мезолита у Онежского оз., в том числе в Оленеостровском могильнике. Есть основания считать названные группы населения близкими в этнокультурном отношении.

Даты Оленеостровского могильника в калиброванном варианте приобретают еще более компактный вид (рис. 3) и определяют возраст памятника концом VI тыс. до н.э. В Оксфорде получено еще несколько дат (рис. 2 и 3), которые немного удревняют могильник. Некоторые определения по костному материалу из одного погребения показывают большие расхождения (п. 57, 80), что объясняют применением разных методик (Price, Jakobs, 1989). Очевидно, сейчас и в дальнейшем исследователи будут приводить радиоуглеродные даты, а также их калиброванный вариант (Зайцева и др., 1997), причем указывать три варианта дат с поправками и процентом точности, как сейчас принято в западной литературе (Gramsch,

Schoknecht, 2000, S. 11) и наших специальных работах.

Погребальный комплекс Песчаница

Моги́льный комплекс в местности Песчаница и моги́льник Попово открыты сравнительно недавно у берегов оз. Лача в Архангельской обл. Оба памятника исследованы раскопками, предварительные результаты опубликованы (Ошибкина, 1982; 1994, 1998; Гохман, 1984, 1986; Мамонова, 1995).

Погребение в местности Песчаница находилось в 0,8–1,0 км от восточного берега оз. Лача, на возвышении пологого холма, у левого берега малой речки Кортыш, в современном ее истоке. В Песчанице местные жители в течение ряда лет добывали песок в небольшом карьере. В августе 1986 г. в карьере механическим ковшом был извлечен череп человека и передан мне с точным указанием места и глубины находки (1,5 м). Даже на первый взгляд череп имел морфологические особенности, отличающие его от современных серий. Череп густо покрывал белый краситель, хотя он извлечен из песчаных отложений. Этот факт показывал, что посыпка белым красителем являлась частью погребального ритуала. При зачистке стенки карьера проявилась глубокая яма конической формы (около 130 см), ее заполнение было окрашено красной охрой. Скопления костей рыб и птиц располагались пятнами в разных уровнях. Захоронения, ямы и скопления фауны представляли собой сложную структуру, частично нарушенную карьером. Раскопки моги́льного комплекса продолжались в течение нескольких лет, всего вскрыто 90 м².

Череп человека из разрушенного погребения, кости грудного и тазового отделов примыкали к стенке карьера. Они обозначены как объект 1. Ориентировано погребение на восток или СВ. Над ними на глубине 50–60 см располагались охристое пятно и захоронение ног человека (об. 2). Рядом с погребением, тоже на глубине 130 см, находилось овальное пятно темного цвета, по форме и размеру соответствующее моги́льной яме, по контуру выложенное полосой белой глины (об. 3). В заполнении обнаружены органика и костная крошка, примерно в центре пятна лежал нож из лопатки лося. Подобные широкие ножи являются массовым материалом на всех памятниках культуры веретье.

Захоронение антропологических остатков (об. 2) располагалось над восточной периферией ямы № 1. Площадка была выложена белым красителем. Кости ног человека, сложенные плотной пачкой, возможно, в свое время были связаны, судя по их расположению и тонким поперечным царапинам. В пачке были представлены бедренные, берцовые и надколенники, полностью отсутствовали кости стоп. Кости сохраняли анатомическую последова-

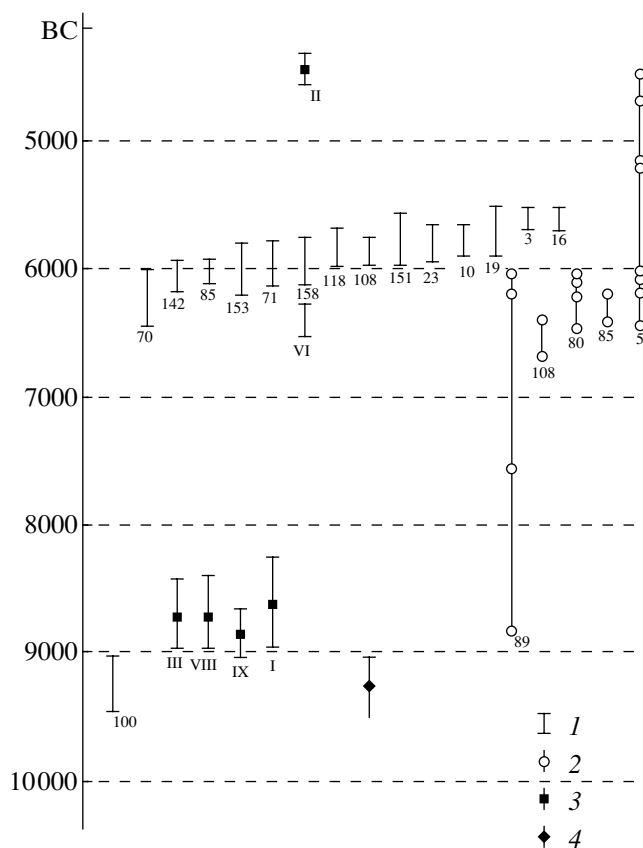

Рис. 3. Даты ¹⁴C (калиброванные). 1 – Оленеостровский (ГИН); 2 – Оленеостровский (ОхА); 3 – Попово (ГИН); 4 – Песчаница (ГИН).

тельность и имели следы дефлешинга. Около костей ног и под ними найдены отдельные кости животных – фрагменты длинных лося, позвоночные зайца, кости утки и глухаря. Вся площадка сверху была интенсивно засыпана охрой. В охристом песке, около костей человека, найдены три пластинки серого кремня, судя по изношенным краям выпавшие вкладыши составных орудий и изделие из птичьей кости с продольным распилом. Рядом найдена еще одна пластина – крупная, без следов применения, и мелкие угли. Захоронение костей ног сделано специально и, видимо, является примером парциальной магии.

Из четырех ям, расположенных вокруг погребений (рис. 4), три были вырыты в слоистых отложениях, по стенкам и на дне выложены белым красителем, содержали кости животных. В яме № 4, например, оказался грудной отдел туши лося и несколько пластинок темного кремня, видимо выпавших из орудий. Четвертая яма (№ 3) имела иное устройство: неглубокая, подквадратная в плане, с плоским дном, размером 140 × 140 см. Ее основание при сооружении было посыпано красной охрой, пятно которой выходило за пределы темного заполнения. Только в этой яме на полу найдены

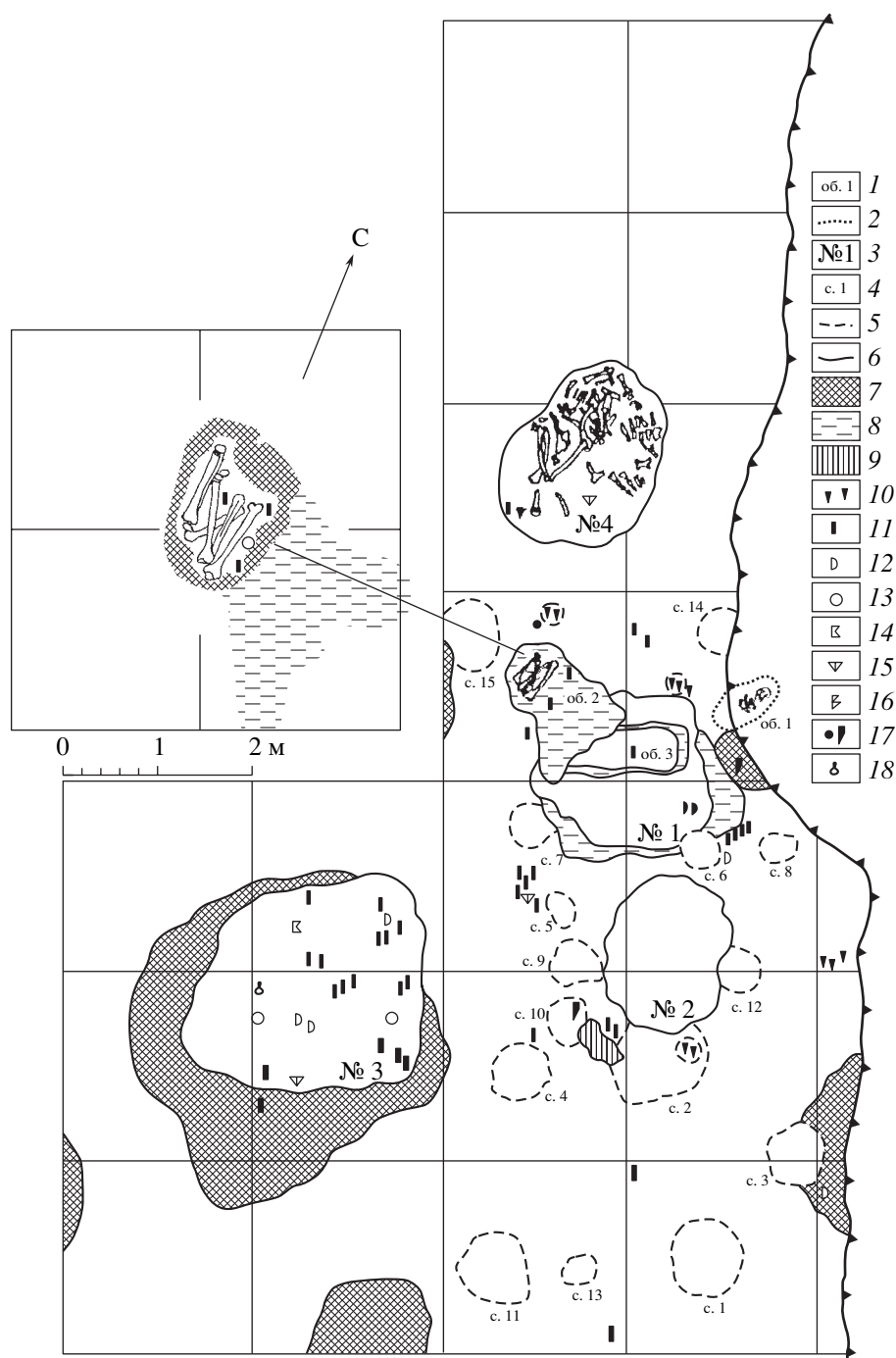

Рис. 4. Песчаница. 1 – объект 1; 2 – погребение; 3 – яма; 4 – скопление фауны; 5 – очертание скопления; 6 – очертание ямы; 7 – охристое пятно; 8 – мергель; 9 – фиолетовое пятно; 10 – угли; 11 – пластинка; 12 – скребок; 13 – орудие; 14 – скобель; 15 – нуклеус; 16 – резец; 17 – костяное орудие; 18 – проколка.

орудия – кремневые пластинки, резцы на углу пластинки, отщепы со следами использования, скребок из отщепа. Учитывая размеры охристого пятна, сооружение могло достигать в основании 3,5 м². Оно похоже на шалаш, который могли строить при проведении погребального обряда. Похожее сооружение обнаружено на окраине могильника Попово, о чем будет сказано ниже.

Скопления фауны окружали погребения и ямы в Песчанице. Они устроены на поверхности песчаной почвы, все засыпаны красной охрой, в одном случае красителем фиолетового цвета. В скоплениях находились преимущественно кости или черепа зайца-беляка (*Lepus timidus*), в некоторых скоплениях было 6–7 заячьих черепов (рис. 5). В двух случаях обнаружены в анатомическом по-

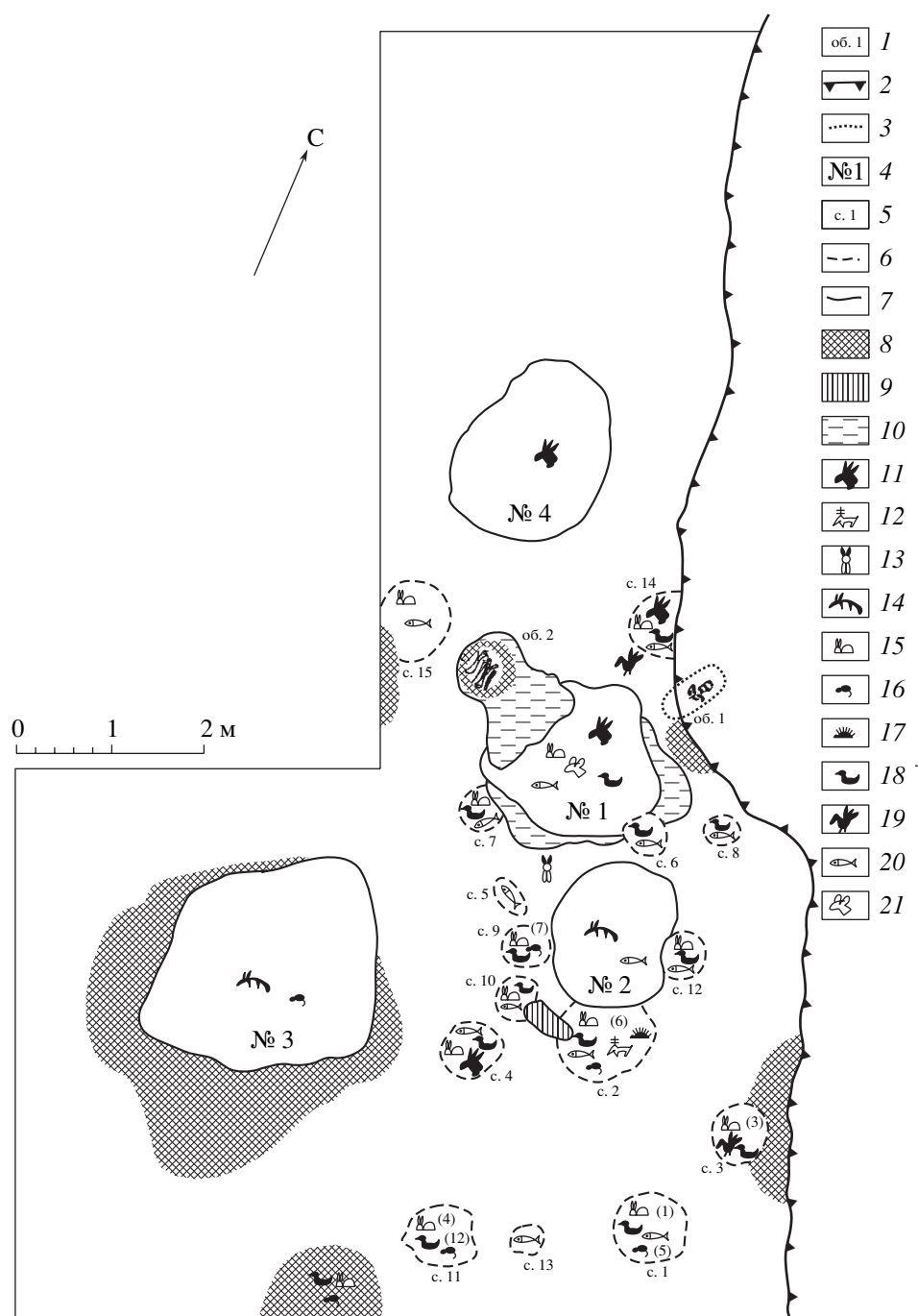

Рис. 5. Песчаница. Распределение фаунистических остатков. 1 – объект 1; 2 – карьер; 3 – погребение; 4 – яма; 5 – скопление; 6, 7 – очертания скоплений, ям; 8 – ограда; 9 – фиолетовое пятно; 10 – мергель; 11 – лось; 12 – северный олень; 13 – рысь; 14 – лисица; 15 – заяц; 16 – грызуны; 17 – еж; 18 – утки; 19 – глухарь; 20 – рыбы; 21 – куница.

рядке скелет утки (*Anas*) и крупного (42 см) лотия (*Lota lota*). Около скоплений найдены отдельные пластинки и фрагмент ножа, сделанного из ребра животного. (Определение птиц принадлежит Е.Н. Курочкину, рыб – Е.Н. Цепкину.) Состав животных в других скоплениях единообразный – зайцы, птицы, рыбы (рис. 5), причем представлены

одинаковые части скелетов. В скоплениях фауны белого красителя не было, его использовали только для оформления ям и погребений, что, очевидно, связано с регламентацией погребального обряда.

Используя термин “белый краситель”, я имею в виду минеральное вещество группы мергелей. Согласно определению, это рыхлая порошкообраз-

ная масса углекислого кальция, отложенная в водоемах озерно-болотного типа (Геологический словарь, 1973. С. 422).

Этот минерал древние люди регулярно использовали в погребальном обряде. Белым порошком засыпаны дно и поверхность ям, они перекрыты сверху, очерчена могильная яма (об. 3), засыпана площадка под погребением ног, покрыты череп и кости в разрушенном погребении человека. Если красную охру в древних погребальных действиях применяли как символ крови (Ebert, 1922) или огня (Гурина, 1956), то значение белого красителя остается неясным. Интересно, что в одном из мезолитических могильников Северной Германии кости погребенных, костяное оружие и подвески из зубов оленей были покрыты налетом белой извести. Кроме того, здесь найдены изделия в виде небольших пирамидок, вылепленных из глины с примесью толченой извести. Полагают, что их использовали при совершении погребального обряда (Gramsch, Schoknecht, 2000. Abb. 16).

В отношении черепа из Песчаницы у специалистов сложилось единое мнение. Череп принадлежит мужчине 45–50 лет с четко выраженными европеоидными чертами, близкими по антропологическому типу людям, представленным в европеоидной группе Оленеостровского и в могильнике Попово. В то же время череп имеет особенности, свидетельствующие об его исключительной архаичности (Мамонова, 1995; Герасимова, Пежемский, 2005). По фрагменту левой бедренной кости (об. 2) получена дата 9890 ± 120 (ГИН 4858). Возник вопрос о принадлежности черепа и костей ног одному индивидууму. Поскольку на правой скуле черепа и на длинных костях обнаружены сходные повреждения поверхности, принятые за следы остеопороза, их рассматривали как остатки скелета одного индивидуума. Известный криминалист профессор В.Н. Звягин при первом осмотре находок пришел к выводу, что они относятся к разным индивидуумам одного возраста. Новые радиологические и химические исследования костного материала подтвердили, что здесь представлены два разных индивида. Повреждения костной поверхности ног объясняют заболеванием периоститом, а их чрезвычайную массивность адаптацией к сильным физическим нагрузкам (Звягин, Куликов, 2005. С. 123).

Могильник Попово

Памятник находится на правом берегу р. Кинемы, впадающей с востока в оз. Лача, примерно в 1.5 км от Веретья 1 и стоянки Нижнее Веретье, на другом берегу реки, “за водой”. Это похоже на расположение Оленеостровского могильника на о. Онежского оз., что, по мнению его исследователей, связано с традиционными правилами, принятыми у древнего населения, хоронившего умерших

сородичей в отдалении от поселений (Равдоникас, 1956).

Сложенный моренными отложениями холм вытянут в направлении восток – запад. Мезолитические погребения занимают вершину холма, расположены двумя рядами (рис. 1, В). Раскопками вскрыто 433 м² и обнаружено 10 погребений, из них одно разрушено. Культурного слоя эпохи мезолита на холме не было. Погребения ориентированы на восток с небольшими отклонениями. Одно захоронение ориентировано на запад. Погребение двух престарелых мужчин (50–60 лет) скорее всего совершено одновременно и сделано по антитезе (Ошибкина, 1983. Рис. 42, I, III). Все погребения неглубокие, 30–40 см от древней поверхности. Могильные ямы узкие, с плоским основанием, некоторые по дну покрывала красная охра. Судя по положению костяков, умершие были плотно завернуты в мягкие покровы или связаны. Сверху погребенные посыпаны красным красителем, особенно интенсивно в верхней части туловища. В двух случаях на груди умерших насыпаны мелкие фракции мергеля. В погребениях найдены характерные вещи – каменные лезвия топоров, костяные ножи или гарпуны, подвески из зубов животных. Инвентарь из могил соответствует орудиям, характерным для культуры веретье первой половины бореала. В двух случаях в могилах оказались скелеты небольших рыб, лежавшие около правой (п. I) или левой кисти (п. VI) погребенного.

Вокруг погребений и рядом с ними находились ямы, вырытые в песчано-гравийной почве и ярко окрашенные примесью охры в красноватый цвет или органическими остатками в интенсивный темный. Создание ям приурочено к совершению захоронений, что особенно наглядно видно на примере погребений VI, VII (рис. 6). В погребении (VI) инвентаря не было, но в большой яме около ног погребенного найдены две сложенные вместе роговые пластины, обработанные по краям кремневым лезвием и густо засыпанные охрой. В погребении ребенка (VII) лежали нож из ребра животного, орудие из отщепы и маленький сланцевый топорик. Рядом в двух ямах найдены орудия и кости животных. На дне глубокой ямы (№ 12) находился очаг, в нем были угли, кости животных и обломки орудий. Над ямой найдены остатки двух собак в анатомическом порядке.

Представляет интерес погребение VIII, принадлежавшее мужчине примерно 20 лет (рис. 7). Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, ориентирован на ССВ, дно ямы и костяк покрывала красная охра. Вокруг пояса умершего был обернут пояс, обшитый подвесками из резцов и подъязычных костей лосей, еще одна подвеска найдена на груди. Количество подъязычных костей получено минимум от 29–30 лосей. Очевидно,

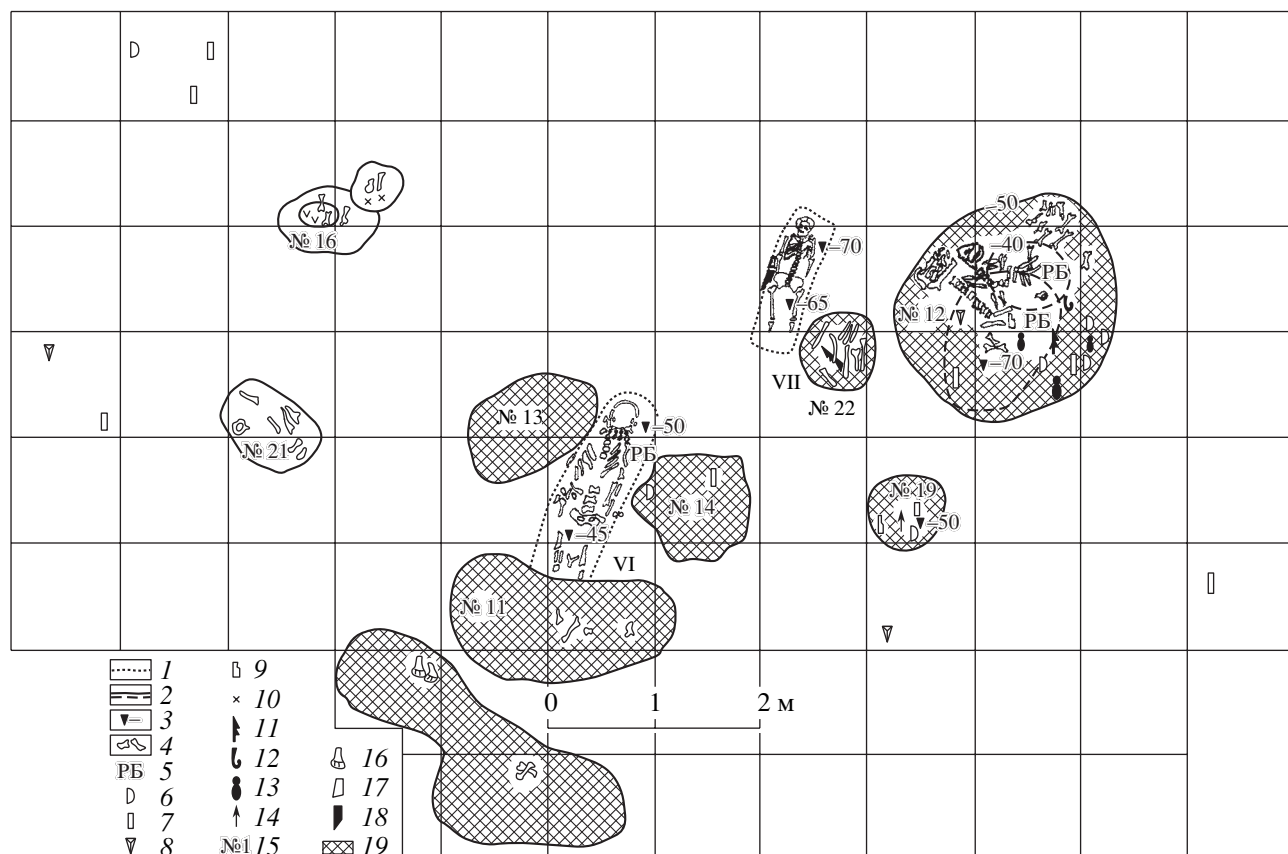

Рис. 6. Попово. Погребения VI, VII в окружении ритуальных ям. 1 – очертания погребений; 2 – очертания ям; 3 – глубина; 4 – кости животных; 5 – остатки рыб; 6 – скребок; 7 – пластина; 8 – нуклеус; 9 – резец; 10 – отщеп; 11 – гарпун; 12 – рыболовный крючок; 13 – подвеска; 14 – наконечник; 15 – № ямы; 16 – роговая пластина; 17 – топор; 18 – костяное орудие; 19 – охра.

здесь погребен молодой и успешный охотник. Над его головой лежал топор и костяная подвеска, зубчатыми краями напоминающая соляный символ, в ногах находилась яма и в ней найдены кости журавля (определение В.П. Данильченко). Под поясом и внутри тазовых костей мужчины оказалась кремневая пластина – фрагмент орудия, служившего причиной гибели (рис. 8). Очевидно, военные столкновения в это время были достаточно распространенным явлением. В Попово повреждения имеет еще женский скелет (п. IV), у которого под правой ключицей остался обломок костяного орудия.

Погребения в окружении ям – отдельные структуры, образованные при захоронениях и связанные с ритуальной практикой, принятой у рассматриваемой группы древнего населения. Таким образом, на могильнике Попово наблюдалась та же ситуация, что и в Песчанице, когда могилы окружены ямами и скоплениями костей животных, окрашенными охрой и содержащими угли. Состав костных остатков в ямах является отдельным предметом для изучения, поскольку отражает особенности погребального обряда. Нужно отметить,

что в четырех случаях в ямах найдены фаланги человека. В яме около погребения I это фаланга ступни, в яме около погребения II – кисти. Обе ямы удалены от погребений, случайное попадание антропологических остатков исключено. Фаланга руки без сустава найдена в яме № 12 около детского погребения VII. Особенно нагляден четвертый случай. На отдельном участке, где не было погребений, обнаружены остатки сооружения, подобного шалашу в Песчанице. На полу сооружения площадью около 10 м² располагался большой очаг глубиной около 60 см от древней поверхности. В темном заполнении очага, почти у дна, найдены три фаланги кисти человека. Других антропоморфных остатков здесь и в других ямах не было, поэтому находки нельзя считать результатом антропофагии, известной в палеолите и неолите (Фосс, 1938; Ульрих, 2004). Эти факты можно, скорее всего, сопоставить с обычаями папуасов-асматов Новой Гвинеи, где существовал обычай в знак траура по умершему отрезать фалангу на пальце. Это правило сохранялось еще в 60-х годах XX в. (Фальк-Ренне, 1986. С. 112).

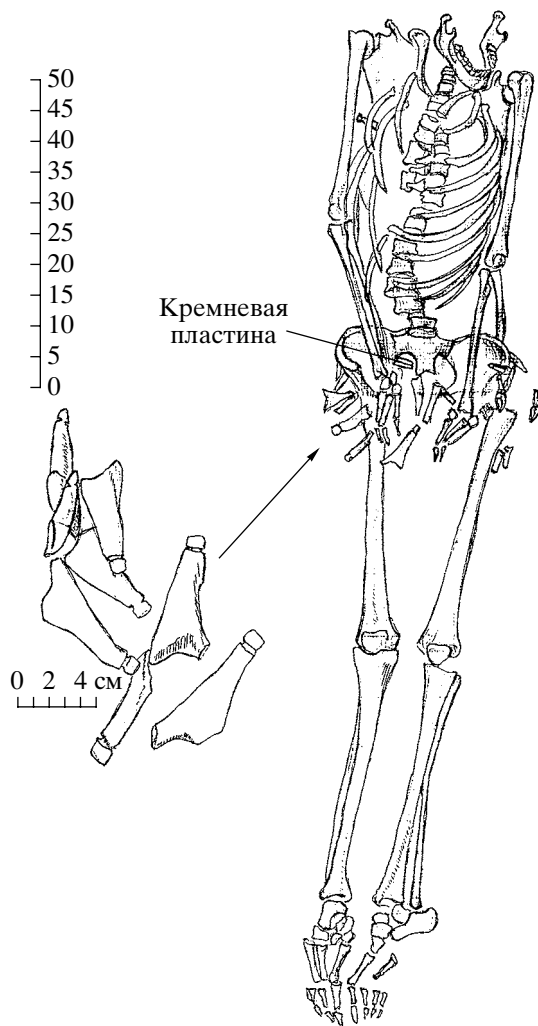

Рис. 7. Попово. Погребение VIII.

Несмотря на плохую сохранность антропологических материалов И.И. Гохману, В.И. Хартановичу и О.А. Сухановой удалось реконструировать четыре черепа из могильника Попово. По заключению исследователей здесь представлены отчетливо выраженные европеоиды, аналогии которым есть в Оленеостровском могильнике (Гохман, 1984; 1986).

По антропологическому материалу могильника получено шесть радиоуглеродных дат. Погребение I – 9430 ± 150 (ГИН 4447); III – 9520 ± 130 (ГИН 4442); VIII – 9520 ± 140 (ГИН 10210); IX – 9520 ± 100 (ГИН 10212). Калиброванный возраст в пределах 9300–9200 до н.э. (Cal. 95.4%). Дата из разрушенного погребения II может быть опущена. Дата погребения VI – 7620 ± 160 (ГИН 10211) или 7050 до н.э. (Cal. 95.4%), что нуждается в проверке и уточнении. Могильник датируется пребореалом, возник позднее погребения в Песчанице, до создания Оленеостровского могильника. На основании

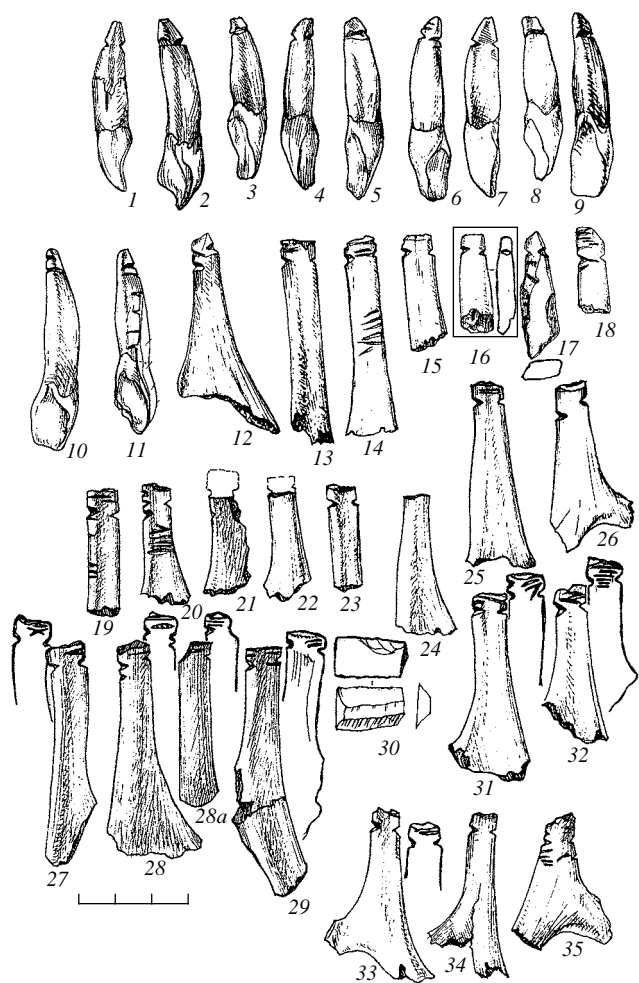

Рис. 8. Попово. Погребение VIII. 1–15, 17–29, 31–35 – подвески из пояса погребенного; 16 – подвеска нагрудная; 30 – пластина кремневая.

сходных особенностей погребального обряда и его деталей, а также сходства кремневого и костяного инвентаря можно говорить о культурной близости населения, оставившего памятники.

Могильники Монино I и II

К первой группе территориально близки два могильника у западного побережья Кубенского оз. – Монино I и II (Суворов, 1998; Суворов, Бужилова, 2004). В Монино I обнаружено 21 погребение, из них к мезолиту отнесены погребения 19 (три индивида) и 22 (три индивида). Погребенные ориентированы на СЗ или СЗЗ, охра в небольших количествах отмечена в верхней части могилы. Погребения коллективные, но в отличие от Оленеостровского могильника скелеты расположены один над другим, порядок посткраниального скелета нарушен. Инвентарь состоит большей частью из нашивок на одежду, сделанных из костей рыб, зубов животных, ребер птиц, осколков трубчатых костей. В погребении 19 (индивид 1) найдены об-

ломки костяного кинжала и три выпавших вкладыша. В погребении 22 остались расчлененные кости двух индивидов разного пола. Инвентаря здесь не было. На площадке, занятой могильником, культурные напластования разного времени имели мощность 45–90 см. В нижнем горизонте обнаружены артефакты эпохи бронзы и среднего мезолита. Исследование спорово-пыльцевым методом показало тем не менее пребореальный возраст нижнего слоя, датированного 9500–9300 лет назад (Суворов, Бужилова, 2004. С. 42). Для погребения 19 получено четыре даты – две по костям индивидов 2 и 3, две по артефактам. Возраст погребений в пределах 9435 ± 55 (AAR-5793) – 8790 ± 55 (AAR-5791) соответствует среднему мезолиту.

В Минино II исследовано четыре погребения каменного века, в их числе одно (два индивида) предварительно отнесено к мезолиту (Суворов, 1998). Ориентация погребения на ЮВ, в придонной части могилы отмечена окраска охрой. Инвентаря в погребении не было.

Могильники Минино I и II отличаются от описанных выше памятников первой группы ориентацией на СЗ и ЮВ, в них отсутствует инвентарь, посыпка захоронений охрой скорее является исключением, дно могильных ям бывает У-образной формы. Отмечены расчленение скелетов, одновременное захоронение индивидов, общая неординарность погребального обряда. Антропологические материалы не имеют характеристики или не поддаются реконструкции.

Вторая группа могильников на севере лесной зоны

Это своеобразные могильные комплексы, в которых не сохраняются антропологические остатки, но всегда прослеживаются могильные ямы, окрашенные примесью красной охры. Два могильника в Карелии открыты Г.А. Панкрушевым, который относил их к позднему мезолиту. Особенно эти памятники хорошо видны на примере могильника Сямозеро II. Он находится у северного берега Сямозера, расположенного между Онежским и Ладожским озерами (рис. 1, А). Могильник вытянут вдоль южного подножия оза, погребения совершены в каменистом грунте, хотя вершина моренного холма сложена песками и вполне пригодна для сооружения могил. Открыто 13 могил, отстоящих друг от друга на большое расстояние. Овальные в плане ямы по размерам соответствуют могилам. На дне могильных ям и рядом с ними находились жертвенные ямы. Скелеты не сохранились, предполагается, что они были ориентированы с СЗ на ЮВ. В погребении 13 линза охристого песка была перекрыта выкладкой из 26 валунов. В погребениях найдены сломанные каменные орудия и многочисленные осколки кварца и кремня. Судя по составу находок, погребения совершались в культурном слое и не содержали со-

проводящего инвентаря. Возраст могильника определен по аналогии, с расположенной от него в 200 м стоянкой Сулгу 4. Оба памятника датированы на основании высотного расположения второй половиной VII–VI тыс. до н.э. Однако для Сямозера высотные графики не точны из-за небольших размеров озера и слабого перепада его ванны (Панкрушев, 1978. С. 68). По всем показателям Сямозеро II отличается от могильников первой группы.

Могильник Черная губа находится на северо-восточном берегу Онежского оз., на террасе высотой 17 м. Здесь открыто восемь погребений. Могильные ямы овальной формы, размером 140–190 см в длину, 60–100 см в ширину, их глубина всего 20 см. Заполнение ям окрашено красной охрой, инвентаря в погребениях нет, костяки не сохранились. Ориентация ям различна. В могильных ямах и вокруг найдены обломки каменных орудий, очевидно захоронения совершены в культурном слое. На погребении 7 лежали 11 небольших валунов, другие были перекрыты углистыми пятнами. Памятник датирован IV тыс. до н.э. (Панкрушев, 1978. С. 69). Отсутствие антропологических остатков и другие особенности могильников Черная губа и Сямозеро II заставляют сомневаться в том, что здесь вообще существовали захоронения. Однако в Финляндии найдены подобные памятники, в которых удалось обнаружить следы погребений.

Могильник Йонсас находился в 12 км от Хельсинки, исследован в 1962, 1971–1977 гг. На песчаном холме высотой 32–36 м исследованы три поселения разного времени. Самое древнее оставлено населением культуры суомсарви, с которой связывают открытые здесь 14 погребений с красной охрой. Их возраст определен по высотным данным и стратиграфии, поскольку погребения располагались под торфяными отложениями на глубине 50–90 см. Могильные ямы имели овальную форму, в заполнении много охры, внутри могил выкладки из круглых камней, погребальный инвентарь отсутствовал. Камни уложены двумя рядами, часть из них стояла вертикально. Количество камней в могилах от одного до 60, но в могиле 4 их оказалось более 200. Погребения ориентированы С–Ю или ЮВ–СЗ. В Йонсас проводились специальные исследования (фосфатный анализ, съемка в инфракрасных лучах, фотограмметрия). В итоге только фосфатный метод показал, что охристые заполнения ям содержат костные остатки. Одиночные захоронения с красной охрой известны еще в двух пунктах на севере Финляндии – в Хавистонхарью и Йокела (Пурхонен, 1984. С. 41. Рис. 1, А).

Могильники Карелии и Финляндии имеют определенные общие черты. Для них характерно малое количество погребений, совершение захоронений в культурном слое стоянок или насыпок из него, большое количество красной охры в ямах, отсутствие сопровождающего инвентаря, отсут-

ствие ритуальных ям или очагов рядом с могилами. Зато часто встречаются выкладки из камней над могилами или внутри них. Все сказанное позволяет сделать вывод о существовании двух традиций погребального обряда, характерных для различных в культурном или этнокультурном отношении популяций мезолитического населения. Одна, оставившая могильники первой группы и обитавшая в Восточном Прионежье и позднее у Онежского оз., существовала в пребореале-бореале. Другая популяция занимала западную часть Карелии и Финляндию в конце бореала – начале атлантического периода.

Могильники Восточной Прибалтики

В Латвии на северном берегу оз. Буртниеку в 1964 г. открыт могильник Звейниеки, исследованный раскопками на площади 4200 м² в течение 1964–1971 гг. Здесь насчитывается 317 захоронений разного времени, вплоть до средневековых. Полагают, что всего могил было около 400. К позднему мезолиту отнесено 20 захоронений, в которых находились 24 индивида. Преобладают одиночные захоронения, есть двойные и одно тройное. Ориентация на СВ, С, СЗ, З. Умершие лежали в вытянутом положении на спине, на животе, на боку, были плотно завернуты или связаны, посыпаны охрой, особенно обильно в детских погребениях. У головы или около ног могилы выложены камнями. Сопровождающий инвентарь в погребениях: костяные наконечники, кинжалы, в том числе один с ручкой в виде головы лося, кремневые орудия и большое число подвесок из зубов животных и человека (два случая). Могильник датирован на основании аналогий в археологическом материале V тыс. до н.э. Ф. Загорскис отметил неустойчивость ориентации погребений и своеобразие в устройстве мезолитических могил, а также определенное сходство погребального обряда и археологического материала с северными могильниками лесной зоны (Попово, Оленеостровский) (Zagorskis, 1987. S. 126).

Для могильника Звейниеки в университетах Лунда и Оксфорда получена серия радиоуглеродных дат (Larsson, 1994; Denisova, 1994; 1996) и внесены некоторые поправки в датировку погребений. Наиболее ранним оказалось погребение 305, расположенное на восточной оконечности холма, где существовала стоянка мезолита. Дата погребения 305 – 8240 ± 70 (–3635). Плоский костяной гарпун из погребения соответствует этому времени. Погребение 154 датировано 7750 ± 70 (–3544), погребение 170 – 8150 ± 80 (ОхА 5969). Эти погребения относятся к концу бореала, остальные к атлантическому времени. Население, оставившее могильник, принадлежало европеоидам, но здесь представлены индивидуумы и с восточными чертами. Как полагает Р.Я. Денисова, на холме у оз. Буртниеку было два могильника. Население

позднего мезолита принадлежало северной европеоидной популяции (Denisova, 1994).

На западе Литвы у оз. Биржулис открыт могильник Спигинас, где обнаружено четыре погребения, из них три отнесены к эпохе мезолита (Butrimas, 1989). В одном погребении найдены длинные кости скелета и два кремневых наконечника типа конгемозе, в другом – отдельные части скелета. В погребении 4 обнаружен скелет женщины 30–35 лет, лежавший в вытянутом положении на спине, засыпанный красной охрой, ориентированный на ЮВ. В погребении найдены два кремневых лезвия с ретушью у острия и черешка, подвески из зубов лося и бобра со сверлинами в корневой части. Дата погребения 7470 ± 60 (ГИН 5571). Памятник относится к позднему мезолиту (Butrimas, 1989).

Могильник на поселении Дуонкальнис в Литве находится около оз. Биржулис. Здесь на территории неолитического поселения найдены восемь погребений, еще шесть разрушены карьером. Среди 14 погребенных – 7 мужчин, 4 женщины и трое детей. Два погребения парные, остальные одиночные, вытянутые на спине или на боку. Ориентация на З и ЮЗ. В погребениях было много сопровождающего инвентаря. Особенно интересно двойное погребение мужчины и женщины, рядом с которым находилось скопление камней, засыпанных красной охрой, что могло имитировать очаг или погребальный костер. Мужское погребение считают шаманским. На голове умершего было 25 подвесок из зубов лося и кабана. Они помещались на глазах, в ушах, во рту, в носу, на ногах. Вся могила была засыпана охрой. Еще в трех погребениях были подвески. В могиле 4 оказалось 83 подвески. Они помещались на скелете и были рассеяны по всей яме. В погребении 5, где захоронены двое детей, найдены 46 подвесок и ланцетовидный наконечник. Три погребения не имели инвентаря. Население определено Г. Чеснисом как мезобрахикранное, связанное происхождением со средой брахикранного населения Центральной Европы (Кункас и др., 1985). В первой публикации Дуонкальнис рассматривали как могильник позднего неолита. Сейчас его относят к позднему мезолиту (Rimantiene, 1994. С. 124. Fig. 57).

Закключение

Мезолитические могильники позволяют обратиться к истории заселения Восточной Европы, к этнокультурным и антропологическим особенностям существовавших в лесной зоне групп населения. Древнейшие могильники известны в Восточном Прионежье и на Онежском оз. Они оставлены архаичным европеоидным населением, о происхождении которого у археологов и антропологов нет единого мнения. Возможно, в Восточную Европу первым проникало население из южных регионов, как полагают исследователи человека из Песчаницы (Герасимова, Пежемский, 2005). Не

исключено, что первыми сюда пришли охотники-собиратели, обитавшие у побережий Иольдиева моря и позднее Анцилового озера, нынешней Северогерманской равнины. В мезолите их связь с исходной территорией прервалась и дальнейшее развитие происходило под влиянием населения, пришедшего с Юга и таежных регионов Восточной Европы (Мейнандер, 1982. С. 13). В Оленеостровском могильнике в позднем мезолите появляется восточный компонент в археологических и антропологических материалах. Могильники Карелии и Финляндии, не сохраняющие антропологические материалы, могли принадлежать культуре суомусярви позднего мезолита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П. Физические особенности мезолитического и раннеолитического населения Восточной Европы в связи с проблемой древнего заселения этой территории // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984.
- Беневоленская Ю.Д. К вопросу о морфологической неоднородности краниологической серии из могильника на Южном Оленьем острове // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984.
- Беневоленская Ю.Д. Расовый и микроэволюционный аспекты краниологии древнего населения Северо-Восточной Европы // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.
- Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997.
- Геологический словарь. Т. 1. М., 1973.
- Герасимова М.М., Пежемский Д.В. Мезолитический человек из Песчаницы. Комплексный антропологический анализ. М., 2005.
- Гохман И.И. Новые палеоантропологические находки эпохи мезолита в Каргополье // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984.
- Гохман И.И. Антропологические особенности древнего населения Севера Европейской части СССР и пути их формирования // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986.
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47.
- Желтова М.Н. Некоторые технико-морфологические особенности свидерской индустрии // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.
- Жиров Е.В. Заметки о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова // КСИИМК. 1940. Вып. 6.
- Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Загорская И., Ковалюх Н.Н. Радиоуглеродные даты памятников мезолита Восточной Европы // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб., 1997.
- Звягин В.Н., Куликов А.Ю. Рентгенологическое и химическое исследования костных остатков, обнаруженных в местности Песчаница // Герасимова М.М., Пежемский Д.В. Мезолитический человек из Песчаницы. М., 2005.
- Кункас Р., Бутримас А., Чеснис Г., Бальчюнене И. Дуонкальнис поселение, жертвенное место и могильник позднего неолита // Lietuvos archeologija. № 4. Vilnius, 1985.
- Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы мезолита северных регионов России (предварительное сообщение) // ВА. Вып. 88. М., 1995.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по C^{14} погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. 1989. № 1.
- Мейнандер К. Финны – часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982.
- Ошибкина С.В. Мезолитический могильник “Попово” на р. Кинеме // СА. 1982. № 3.
- Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
- Ошибкина С.В. Мезолитические погребения Восточного Прионежья // Археологические вести. № 3. СПб., 1994.
- Ошибкина С.В. Археологическая характеристика мезолитических могильников Европейского Севера России // ВА. 1998. Вып. 5.
- Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. М., 1978.
- Пурхонен П. Группа могильников с красной охрой. Общие черты в формах могильников Финляндии и Восточной Карелии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
- Равдоникас В.И. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера // Оленеостровский могильник. МИА. 1956. № 47.
- Столяр А.Д. Оленеостровский могильник и его погребение № 100 как агенты мезолитического этнокультурогенеза Севера // Археология в пути или путь археолога. Ч. 1. СПб., 2001.
- Суворов А.В. Могильник и поселение Минино 1 на Кубенском озере. По материалам работ 1996 г. // Древности Русского Севера. Вып. 2. Вологда, 1998.
- Суворов А.В., Бужилова А.П. Неординарные погребальные комплексы каменного века у д. Минино на Кубенском озере // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004.
- Ульрих Х. Особенности скелетной сохранности, манипуляции с человеческими телами и костями, погребальная практика и вопрос о каннибализме в европейском палеолите с позиций антропологии // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004.
- Фальк-Ренне А. Путешествие в каменный век. М., 1986.
- Фосс М.Е. Погребения на стоянке Кубенино // Тр. ГИМ. Вып. 8. М., 1938.
- Хлобыстина М.Д. Социогенез культур Северной Евразии эпохи раннего голоцена. СПб., 1994.
- Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М., 1985.
- Якимов В.П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове // Сб. МАЭ. Т. 19. Л., 1960.

- Якимов В.П.* Население европейской части СССР в позднем неолите и мезолите // ВА. 1961. Вып. 7.
- Burow G.M.* The Mesolithic in the North-East of European Russia // Edite par A. Thevenin sur la direction scientifique de P. Bintz. Paris, 1999.
- Butrimas A.* Mesolithic Graves from Spiginas, Lithuania // MM. V. 10. № 2. Wisconsin, 1989.
- Denisova R.* Zvejnieku akmens laikmeta kapulauka veidosanas vesture // Latvijas Vestures Instituta Zurnalas. № 4 (13). Riga, 1994.
- Denisova R.* Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks iekseja struktura un hronologija. Latvijas Vestures Instituta Zurnalas. № 4 (21). Riga, 1996.
- Ebert M.* Die Anfänge des europäischen Totenkultes // PZ. Bd. XIII–XIV. Berlin, 1922.
- Gramsch B., Schoknecht U.* Gross Fredenwalde, Lkr. Uckermark – eine mittelsteinzeitliche Mehrfachbestattung in Norddeutschland // Veröffentlichungen zur brandenburgischen Landesarchäologie. Bd. 34. Berlin, 2000 (2003).
- Kozłowski S.K.* Cultural deffranchiation of Europe from Xth–Vth millenium BC. 1975.
- Larsson L.* Skateholm: cemeteries in the West and in the East // Междунар. конф. к 100-летию В.И. Равдоникаса. Тез. докл. СПб., 1994.
- Oshibkina S.V.* The Material culture of the Veretje-type sites in the Region to the East of Lake Onega // Mesolithic in Europe. Edinburgh, 1989.
- Oshibkina S.V.* Tanged point industries in the Nord-West of Russia // Tanged Points Cultures in Europe. Lublin, 1999.
- Price T.D., Jacobs K.* Olenii Ostrov: radiocarbon dates from a major cemetery in Karelia // MM. V. 10. № 2. Wisconsin, 1989.
- Rimantiene R.* Die Steinzeit in Litauen. Mainz am Rhein, 1994.
- Zagorskis F.* Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga, 1987.

Mesolithic burial grounds and burial complexes in the forest zone of Eastern Europe

S. V. Oshibkina

Summary

The forest zone of Eastern Europe, including the East Baltic region, contains several burial grounds, burial complexes of unclear character and separate burials which date to the Mesolithic era. They include ancient grave complexes dated to the pre-boreal and boreal period, which provide insight into the process of the settling of Eastern Europe. In this context, anthropological data is of special importance. Archeological data allows to understand the ethnic and cultural peculiarities of hunter and gatherer groups, especially evident in the funeral rites of the population. Late Mesolithic and Early Neolithic monuments do not comprise a general picture according to the above factors, as researchers differ in their approach to determining the border between Mesolithic and Neolithic, and to methods of dating.

ДВОРЦОВО-ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС СЕВЕРНОГО ГОНУРА

© 2007 г. В. И. Сарияниди

Москва

Открытие на востоке современного Туркменистана, в контактной зоне песков и такыров пустыни Кара Кумы древней страны Маргуш ахеменидских клинописных текстов (“страна Моуру” Авесты; “Маргиана” древнегреческих историков; средневековый “Мерв”) радикально изменило представления о становлении цивилизации. Здесь, на окраине древневосточной ойкумены сложился самостоятельный центр мировой культуры с высоким уровнем ремесла, монументальной архитектуры и искусства, который питали воды дельтового веера реки Мургаб. Его можно обозначить как “центральноазиатскую цивилизацию” (Сарияниди, 1990; 2003; 2004а). Правда, в настоящее время обычно используется термин “Бактрийско-Маргинский археологический комплекс” (БМАК), или “Цивилизация Окса”.

Многолетние крупномасштабные работы в древней дельте Мургаба показали, что в плодородную речную долину в последние столетия III тыс. до н.э. пришли земледельческие племена с запада. Сеть их ирригационных оазисов образовала страну Моуру-Маргуш с “городом” – средоточием культово-административной власти (Гонур), из которого можно было, как нам кажется, регулировать подачу воды в сельские поселения Маргианы.

Гонур состоит из южного (укрепленный теменис с храмом) и северного (крепость с царским дворцом и культовым центром) холмов. Стратиграфия и значительное число радиоуглеродных дат делят единый культурный горизонт на три периода (Сарияниди, 1990; Niebert, 1994; Junger, 2004). Первый длится со времени основания комплекса (калиброванные даты: 2300–2250 гг. до н.э.) до большого пожара, разрушившего центральную часть крепости (1800–1700 гг. до н.э.). Второй продолжался около 200 лет¹ после пожара; повреждения крепости и храмовых построек были восстановлены без больших изменений. Третий период (около 1600 гг. до н.э.) связан с уходом правящей верхушки вслед задвигающейся на запад водой

Мургаба², утратой Гонуром столичного значения и, наконец, полным запустением.

Результаты раскопок дворца и “кремля” (Сарияниди, 2000), Храма огня (Sarianidi, 1998. Р. 120–128) и царского некрополя (Сарияниди, 2006) уже опубликованы. Данная статья посвящена интерпретации основных храмовых комплексов Северного Гонура и некоторых проблем, связанных с некрополем (Сарияниди, 2001; 2004б; Sarianidi, 2002).

Архитектура Гонура говорит о стремлении защитить его. Для строительства выбраны стратегически выгодные участки. Центр города – царский дворец – с четырех сторон обнесен оборонительной стеной (“кремль”) со стреловидными бойницами, усиленной прямоугольными башнями. Эта крепость заключена в каре второй оборонительной стены с башнями по периметру (рис. 1; 2). Пространство между стенами “кремля” и стенами каре плотно застроено зданиями культового назначения (они станут темой данной статьи). Весь ансамбль обнесен третьей (обводной) стеной шириной до 1 м, огромной (охватила площадь свыше 15 га), но не предназначенной для обороны (без башен). Изнутри и снаружи ее укрепляют многочисленные контрфорсы.

Обзор начнем со строений внутри каре. Главный вход в “кремль” и внутрь дворца вел с севера. Застройка здесь (раскоп 5) делится на две половины, восточную и западную (рис. 3). В восточной части – плохо сохранившиеся, нарушенные поздними перестройками остатки стен обширных прямоугольных помещений, вероятно светского назначения (казармы гарнизона?). Стены многих помещений начисто срублены во второй период, что не дает возможности точно определить функции этой половины каре.

Западная половина каре сохранилась много лучше. Она тоже делится на две неравные части. Большая включает анфиладу крупных (прямоугольных и квадратных) комнат культово-церемониального назначения. Им свойственно отсутствие бытовых очагов и наличие внутрстенных двухкамерных культовых печей для приготовления жертв

¹ Учитывая ошибку метода радиоуглеродного датирования для этого периода (лучшие образцы дают погрешность в 100–120 лет), приводить абсолютные даты нет смысла.

² Гидроморфологи установили, что русла рек Средней Азии, протекающих по аллювиальной равнине, смещаются с востока на запад. Археологические данные показывают, что в середине II тыс. до н.э. столица Маргианы переместилась в Тоголокский оазис.

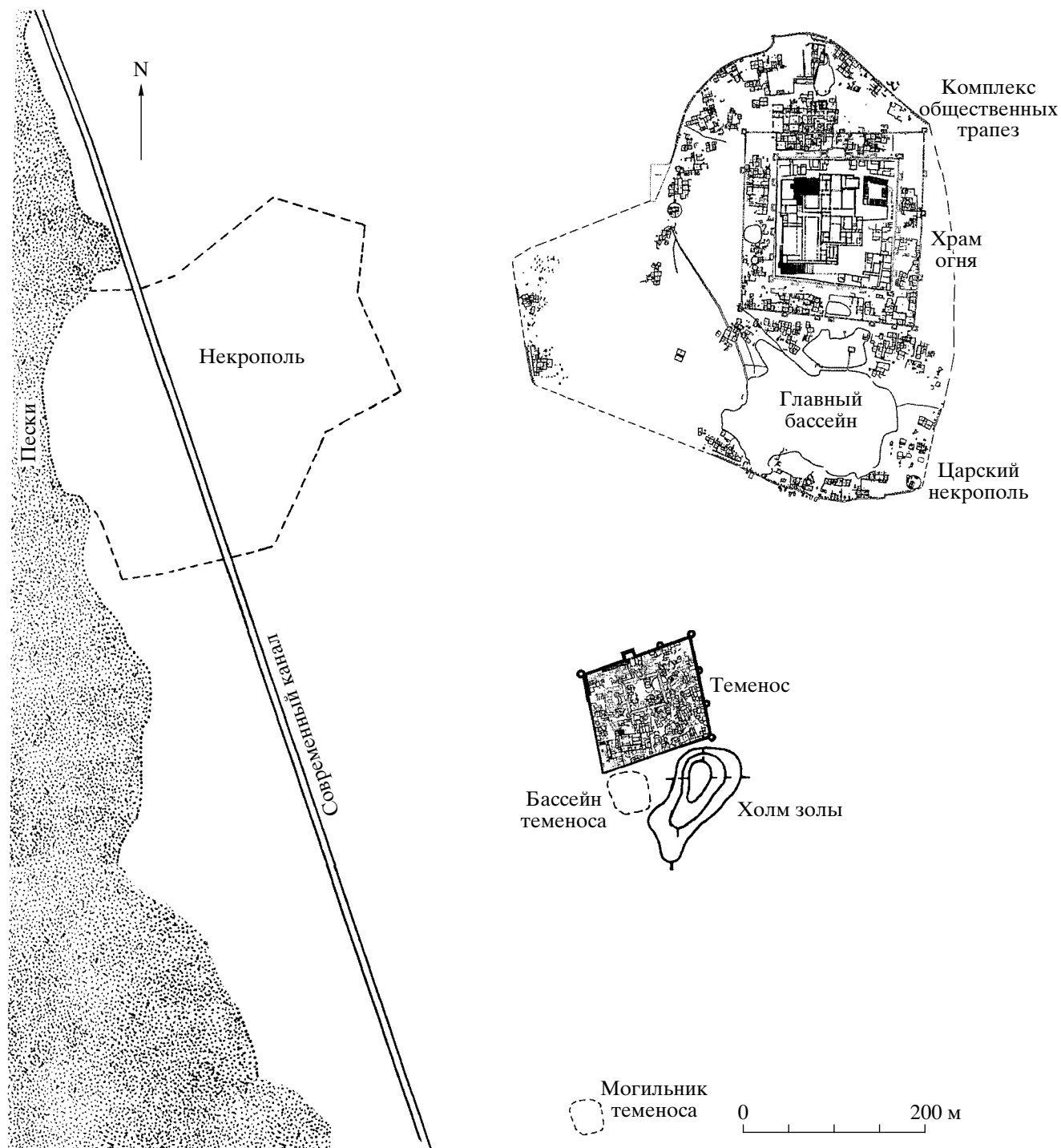

Рис. 1. Ситуационный план Гонура.

венного мяса (пом. 58, 111, 117). Как и в других помещениях ансамбля, все печи строились одновременно со зданиями, а не встраивались позже. В двух смежных помещениях 59 и 117 построено несколько моделей “келий”, представляющих уменьшенные модели “комплексов келий” дворца Гонура и третьего Храма огня (идея “келий”, види-

мо, перенесена с запада на новую родину пришельцами).

Можно думать, что царь выходил в западную, сакральную часть каре через главные (северные) ворота “кремля”. Здесь он совершал церемонии, в том числе связанные с “келями”. Потом царь, его семья и приближенные, через специально устроен-

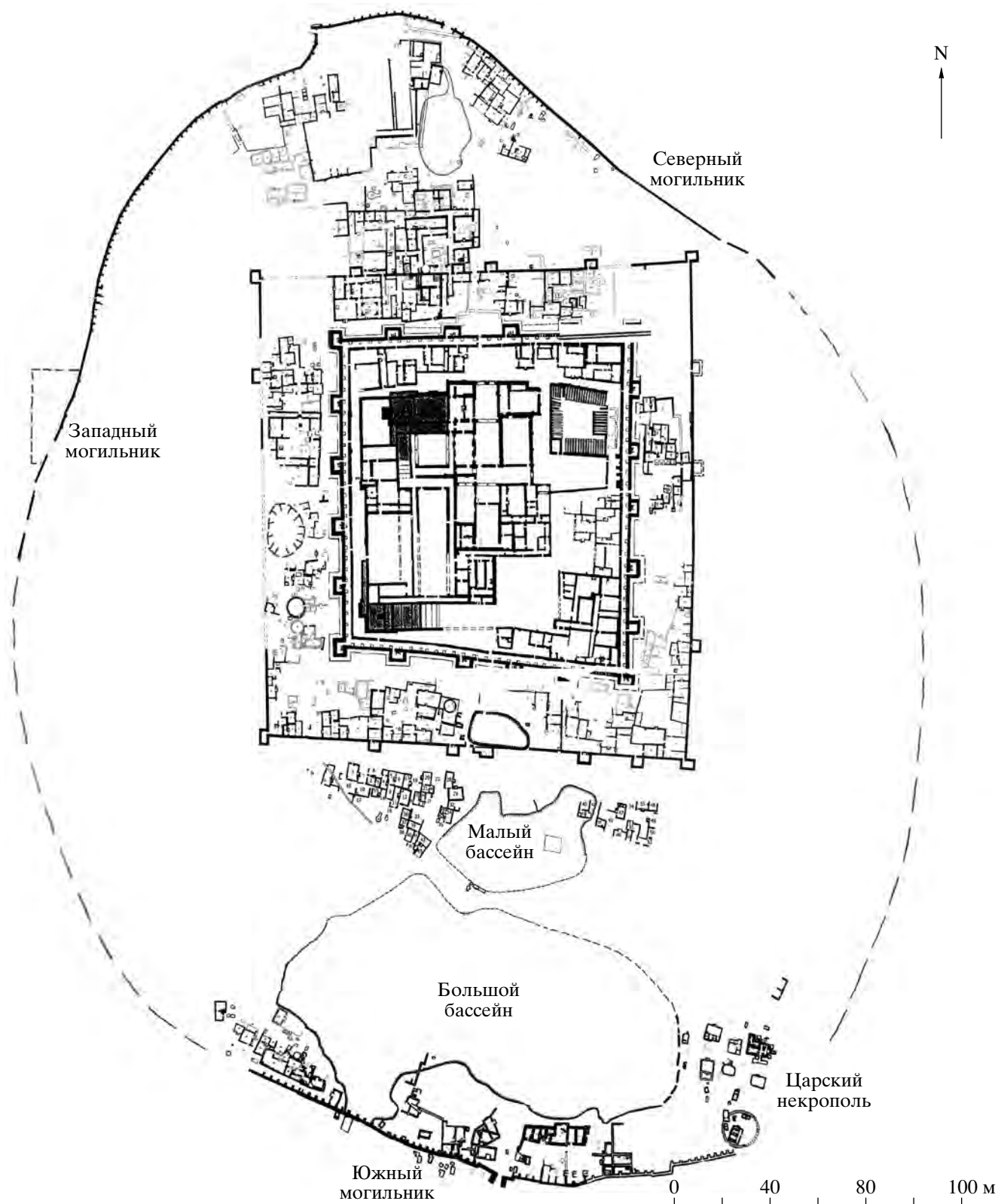

Рис. 2. Общий план дворцово-культового ансамбля.

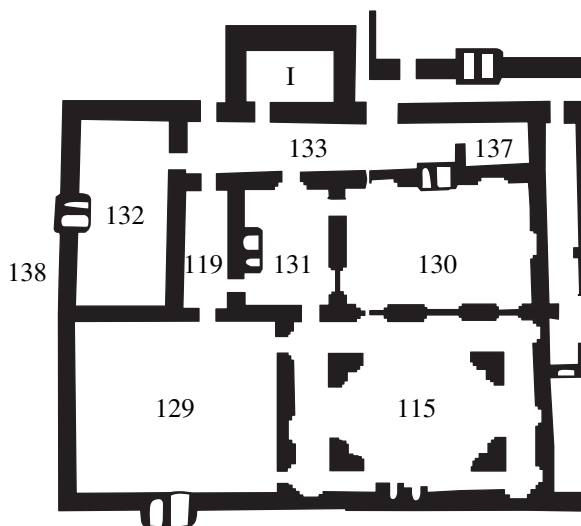

Рис. 3. Северный Гонур, “царское святилище” (пом. 115 на раскопе 5).

ный длинный узкий коридор (пом. 119) и помещения 135 и 133 попадали во второй микрокомплекс, “царское святилище”. Оно состоит из нескольких связанных между собой помещений (110, 115, 129, 130, 133). Центральное (115) помещение – без стен; их заменяют четыре угловых устоя с раскрепованными углами, соединенные между собой длинными, но невысокими “порогами”. В середине каждого порога вкопан столб, и вместе они образуют своеобразный “киоск”. Считается, что такие столбы позволяли устроить по паре дверей на каждой из четырех сторон “киоска” (Л. Вулли), что не исключает использования их как опор для крыши сооружения. С четырех сторон “киоск” окружен коридорами (тип плана: “двор в обводе коридоров”; самые ранние примеры – в монументальных зданиях северной Сирии IV тыс. до н.э.). Схема “двор в обводе коридоров” неоднократно повторена в культовых зданиях страны Маргуш, в том числе в центральной части таких храмов, как теменос Гонура, Тоголок-1 и 21 (Sarianidi, 1998. Fig. 45. Room. 23; Fig. 52. Room. 30; Fig. 59. Room. 221). Возможно, это функциональная особенность: все храмы связаны с процессом приготовления культового напитка типа сома-хаома, в других же случаях (Храм огня) схема плана иная.

На особую значимость “царского святилища” указывают десять “слепых окон” и пять двухкамерных печей в интерьере “киоска”. “Слепые окна” широко известны на Ближнем Востоке, где связаны, по преимуществу, с интерьером культовых зданий. Они восходят к храмовым зданиям Тепе Гавра (IV тыс. до н.э.), где выступают в роли знаковых черт архитектуры. “Слепое окно” в храме Телль Брак (середина II тыс. до н.э.) служило алтарем; показательно и святилище Тилля начала I тыс. до н.э. (Восточная Анатолия), до деталей

сходное в плане со святилищем в Храме огня Северного Гонура (пом. 100; Sarianidi, 1998. Fig. 63). “Слепые окна” имел также Тепе Нуши Джан, бесспорный храм огня Мидии начала I тыс. до н.э. Все это приводит к выводу о культовом значении “слепых окон” в Маргиане, где они всегда выделяют помещения с особой функцией. Как и “кельи”, они восходят к месопотамским прототипам и перенесены в дельту р. Мургаб в конце III тыс. до н.э. Изобилие “слепых окон” в “царском святилище” – явное свидетельство его высокого статуса.

Не менее интересны храмовые двухкамерные печи. Прямоугольные в плане, они состоят из двух разновеликих камер, разделенных невысоким валиком, не достигающим до потолка печи (реже – просто уступом; высота обоих до 10–15 см). Меньшая камера обычно глубже и сильно обожжена изнутри, она служила топкой; большая камера слабо обожжена и выполняла роль духовки, куда помещали мясо. Конструкция печей, позволяя горячему воздуху проникать из топки в духовку, не допускала прямого контакта огня с запекаемым продуктом. Этот способ приготовления жертвоприношений точно отвечал древнеиранским правилам: согласно им, чистая стихия огня не должна касаться “нечистого” кровавого мяса.

Много реже встречаются печи грушевидной формы, разделенные внутри на две камеры невысокой стеночкой с отверстиями-продухами для проникновения жара. В грушевидных двухкамерных печах встречены черепа и длинные кости животных (корова-бык; в одном случае – голова верблюда). Печи первого типа служили для приготовления мяса мелкого рогатого скота, грушевидные – для мяса крупных животных. Двухкамерные печи “царского святилища” изнутри не обожжены, но черны от копоти – возможно, в них горели не обычные дрова, а свежие (ароматические?) растения, дающие больше копоти. Уменьшенные модели двухчастных печей есть практически во всех камерных гробницах некрополя Гонура (Сарианиди, 2001. Рис. 8Б).

Планировка “царского святилища” с “киоском” уникальна на Ближнем Востоке. Сходное здание известно лишь в Мохенджо Даро (Marshall, 1931. XXIII) и определяется как храм огня (Dhavalikar, Atre, 1989. P. 196). В свете этого, уместно обратиться к проблеме взаимоотношений БАМК и Хараппской цивилизации. А. Арделеану-Янсен, рассматривая знаменитую статуэтку царя-жреца, высказала смелую идею о ее “бактрийском” происхождении (Ardeleanu-Jansen, 1991); ее поддержал известный индолог Г. Поссел, прямо пишущий о присутствии бактрийцев в Мохенджо Даро (Possel, 2002. P. 114, 117). Доказательства этого он видит в “...наличии артефактов, принадлежащих БМАК, в поздних (датируемых около 2000 г. до н.э.) слоях Мохенджо Даро и Чанху Даро, что, кажется, ука-

зывает на проникновение племен БМАК на индийский субконтинент” (Possel, 2002. P. 231).

Новейшие материалы Северного Гонура поддерживают и дополняют эту гипотезу. В пом. 132 “царского святилища” встречены два набора “гадательных палочек” из слоновой кости и остатки крышки от ларчика, инкрустированной решеточкой из нее же. Особенно важна нижняя часть каменной коленопреклоненной фигурки человека, ладонь которого охватывает колено (рис. 4а, б); ее точный аналог – каменная фигурка из Мохенджо Даро (Possel, 2002. Fig. 6.5, L-950). А. Арделенау-Янсен причисляет сюда и знаменитую статуэтку царя-жреца. В ту же группу можно включить каменную головку “негроидного типа”, найденную на поверхности северо-бактрийского поселения Миршаде (Пугаченкова, 1973. Рис. 1, 2). В итоге, из семи основных типов антропоморфных хараппских статуэток (выделены Г. Посселом) минимум два находят близкие (вернее, прямые) аналоги в зоне БМАК, что говорит о ее тесных связях с долиной Инда.

Слоновая кость была популярна у местной аристократии. Она поступала, видимо, с индийского субконтинента, но обрабатывали ее в Маргиане. Об этом свидетельствует туалетная лопаточка (гробница 3245) в виде львиного грифона, терзающего антилопу – мотив, неизвестный Хараппской цивилизации, но популярный в Передней Азии (рис. 5). В той же гробнице найден фрагмент слоновового бивня и много иных изделий из слоновой кости. В пом. 19 (раскоп 9) прямо на материке найдена печать, чье происхождение известен индолог А. Парпола считает бесспорно хараппским. Добавим к этому изготовленные или украшенные инкрустациями из слоновой кости игральные фишки и накладки, головные гребни и ларчики.

Из сооружений между внешней западной стеной “кремля” и западной оборонительной стеной каре наиболее значимы два однотипных, круглых, сложенных из кирпича алтаря. Большой из них, диаметром около 7 м, имеет проход со ступеньками и внутрискладную двухкамерную печь без следов огня, но, подобно печам “царского святилища”, закопченную изнутри. Со временем алтарь снаружи укрыли кирпичным футляром, а позже забросили. Рядом возвели второй круглый алтарь с проходом, несколько меньших размеров. Характерная особенность алтарей – моления осуществлялись не около, а внутри них (о конкретных ритуалах судить трудно).

Видимо, не случайно рядом с алтарями найдено каменное навершие “посоха” и цилиндрическая печать с изображением сидящей рогатой богини, заключенной в ауру, с двумя предстоящими женскими божествами плодородия, из тел которых произрастают растения. Такие божества растительности – месопотамского происхождения, но

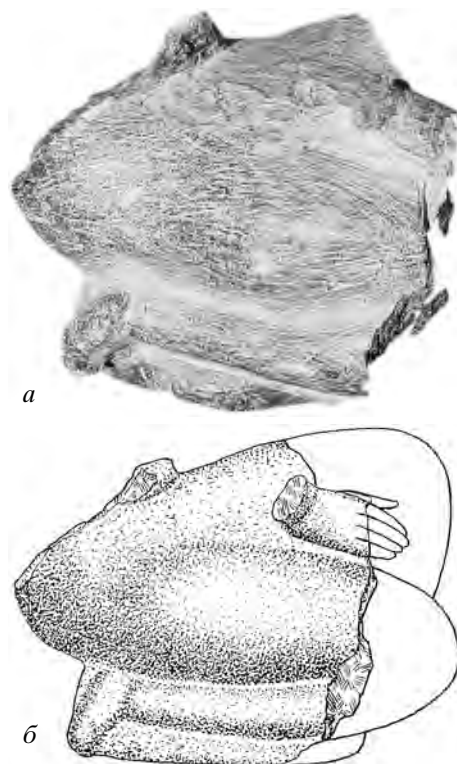

Рис. 4. Фрагмент коленопреклоненной статуэтки (а) и его прорисовка (б) из пом. 132 на Р5.

Рис. 5. Лопаточка из слоновой кости из погребения 3245 (см. цветную вклейку № 2).

“богиня в ауре” есть и на других цилиндрах в зоне распространения БМАК, это местная переработка месопотамского образа (на что первой обратила внимание Е. Порада).

В северной части комплекса западного фаса расположено огромное здание прямоугольной конфигурации (условное название “Дом Жертвоприношений”). Оно включает несколько связанных проходами обширных залов. В центральном (пом. 49) – необычно большая двухкамерная печь на невысокой кирпичной платформе (напоминает аналогичную по размерам и также на платформе в “часовне” (пом. 180) дворца Северного Гонура). Здесь могли проходить главные ритуалы жертвоприношений.

Между “Домом Жертвоприношений” и круглыми алтарями располагаются помещения, более 20 из которых имеют двухкамерные печи, построенные одновременно со зданиями. К сожалению, между “Домом Жертвоприношений” и алтарями здания скрыты во второй (более поздний) период при строительстве бассейна, который наполняла дождевая вода, стекавшая с прилегающего такыра по дренажным керамическим трубам. (Первоначально бассейн мог находиться за пределами всего комплекса).

Появление внутри каре в поздний период бассейна может указывать на расширение культовых функций за счет поклонения воде и водным богам.

Участок между южным фасом “кремля” и южным фасом оборонительных стен каре служит продолжением западного комплекса. Почти в середине располагался круглый алтарь с проходом, где могли находиться переносные алтари огня, о чем говорят следы копоты в северной части. Рядом с алтарем мог быть еще один “дом жертвоприношений”, большей частью скрытый при устройстве бассейна. Керамические трубы на берегу бассейна свидетельствуют о поступлении по ним дождевой воды. В высшей степени показательно, что на самом берегу бассейна сохранились две двухкамерные печи, говорящие о поклонении воде. Застройка южного фаса каре частью продолжалась вдоль внешнего восточного фаса “кремля”, завершаясь у Храма Огня. Для застройки восточного фаса каре характерны помещения с двухкамерными печами, говорящие об их принадлежности к “Храму Жертвоприношений”.

Итак, с северной стороны каре было построено “царским святилищем”, а с трех других – Храмом Жертвоприношений и Храмом Огня. Каре оборонительных стен имеет несколько проходов к северу, обозначающих функциональную связь каре с застройкой, тянущейся за его пределы на север и юг до гигантской обводной стены. В центральной части плотной застройки за северной стеной каре – четыре двора (“А”, “Б”, “В”, “Г”) с планом типа “двор в обводе коридоров”. В северном комплексе обнаружены “хранилища священной золы”, куда чистая белая зола ссыпалась из алтарей; на полах некоторых помещений устроены лунки, заполненные сожженными на стороне карбонизированными костями мелких и крупных домашних животных. Комнаты здесь имели входы, декорированные раскрепованными углами. В коридорообразном помещении 100 отмечены следы приготовления культового напитка типа сома-хаома. Все это, а также полное отсутствие жилых и хозяйственных помещений, доказывает культовое назначение всего северного комплекса.

Еще один самостоятельный комплекс прилегает изнутри к северной части обводной стены по

обе стороны от главного прохода. К востоку (раскоп 11) к обводной стене примыкали помещения с тщательной отделкой интерьеров (глиняная штукатурка) и двухкамерными печами обоих типов (в одном помещении есть и простая двухкамерная, и грушевидная печи). К западу от того же входа (раскоп 10), на естественном возвышении, стоит микрокомплекс неясного назначения (“длинные стены”). В нем есть помещения с двухкамерными печами; прямоугольные кирпичные алтари, обожженные изнутри; небольшая углубленная “траншея” со ступеньками. Здесь найдена медная перегородчатая печать с изображением крылатого коленопреклоненного человека и двух извивающихся змей; зооморфный носик от культового сосуда для возлияний; мраморная головка от составной статуэтки.

Далее к западу вдоль обводной стены идут помещения, в том числе пом. 300 с порогом у входа и четырьмя двухкамерными печами, попарно расположенными друг против друга. Между западным и восточным микрокомплексами, прямо против главного входа в ансамбль, расположен бассейн, устроенный в первый период; он наполнялся дождевой водой с прилегающего такыра: в основание обводной стены вкопаны, с уклоном к бассейну, керамические трубы (длина 0.5 м, диаметр 12–13 см; чтобы вставлять их друг в друга, один конец у труб шире другого) (рис. 6).

У бассейна и далее на восток (раскоп 11) открыта огромная (свыше 500 м²) незастроенная площадь № 1, покрытая горелым слоем вперемешку с битой посудой и большим количеством костей животных: дочерна пережженные зольно-мусорные слои лежат здесь от материка до современной поверхности, толщиной до 1.5 м (что предполагает длительный период их накопления). Слой не аморфен, это “пирог” из черных горелых прослоек с массой костей животных и фрагментов керамики, перемежающихся слоями чистого песка толщиной до 3–5 см.

Всего открыто три таких площади (обозначены номерами 1–3, см. рис. 2). Они абсолютно пусты, без алтарей, святилищ, вообще культовых сооружений и следов строительства. Самая ранняя – площадь № 1; на ней открыто до 10 обычных бытовых очагов, которые возникли много позднее окружающих площадь построек, на уже накопившихся к тому времени мусорно-зольных остатках. Севернее площади, к востоку от центрального входа в ансамбль и до самой обводной стены, лежит комплекс помещений, в котором выделяются пом. 7 и 11 с двухкамерными печами; прямо перед ним и западнее в первый период строительства был вырыт большой бассейн (рис. 7).

Площадь № 2 – более поздняя (у северо-западной угловой башни каре оборонительных стен, раскоп 10). Пережженные слои перекрывают се-

Рис. 6. Устройство ложа протоки для заполнения большого южного бассейна Северного Гонура (южная часть обводной стены, раскоп 8).

Рис. 7. Архитектурные комплексы на южном фасе дворцово-храмового комплекса Северного Гонура (раскопы 8 и 9).

веро-западную часть каре, доказывая, что площадь устроили после того, как эту часть сооружения забросили. Не исключено, что к тому времени остатки многолетних трапез заполнили площадь № 1 и постепенно сместились на территорию каре. Рядом с площадью № 2 и вплоть до обводной стены ансамбля тоже выявлены помещения с культовыми печами (пом. 47–50 и 254–314 раскопа 10), соединенные проходами в комплекс единого назначения. Фундаменты его, примыкающие прямо к обводной стене, стоят на материке, но другие, расположенные восточнее (ближе к каре) – на тонких культурных слоях (относятся к более позднему, второму периоду). Во второй период западнее площади выкопали небольшой бассейн (24 м север-юг, 18 м запад-восток, глубина 0.5 м), частично нарушивший стены каре. Он снабжался дождевой водой по длинной канаве шириной около 75 см; изнутри она упиралась в обводную стену и заканчивалась двумя гончарными трубами, уложенными рядом под основание этой стены. Канавы прорыта в сплошном горелом слое, который к тому времени полностью перекрыл помещения, прилегавшие здесь с запада к каре.

Площадь № 3 (в южной части ансамбля, раскопы 7, 9) полностью перекрыла черной золой большую часть заброшенных помещений южной части каре и прилегающий к площади “малый южный бассейн”. Вероятно, она относится к самому позднему времени существования Гонура. Помещения к северу от раскопа 7 (в большинстве с двухкамерными очагами) зольными слоями перекрыты не были, возможно, их продолжали использовать; многие же помещения южной части раскопа 6 и северо-запада раскопа 9 полностью разрушены. Раскоп 9 охватил еще один, южный, комплекс, сходный с двумя упомянутыми. В его помещениях по обе стороны от малого бассейна, с большим числом культовых печей готовили жертвенное мясо.

Сравнив восточную и западную части раскопа 9, нетрудно заметить, что в основе их плана разные принципы, отражающие разницу функций. Помещения западной половины – обычные комнаты, по плану и отделке не отличающиеся от комплекса на раскопе 11; их главная особенность – культовые двухкамерные печи. Застройка восточной половины раскопа 9 принципиально иная. Это серия больших прямоугольных комнат и обширных дворов. Правильной планировкой и тщательной отделкой интерьера выделяется пом. 7 с проходом и двухкамерным очагом (рядом, в пом. 19, найдена хараппская печать). В более позднем микрокомплексе общая планировка помещений не столь правильна, а стены не так тщательно оштукатурены, но помещения 28, 29, 34 и 42 на берегу малого бассейна тоже имеют двухкамерные печи.

На ранних стадиях использования площади № 3 малый южный бассейн мог функционировать, но в

последние годы жизни поселения его засыпали черной золой. По-видимому из-за обмеления Мургаба, вода ушла. Основным источником воды остался большой главный бассейн, к которому прорыли несколько каналов.

Из помещений раскопа 11 выделяются два крайних (7 и 11), расположенных рядом (через широкий коридор); они имеют стандартный план и тщательно оштукатурены (включая полы) тонко отмученной глиной шоколадного цвета с большой примесью мелкорубленной соломы. Посредине их восточных стен – хорошо сохранившиеся внутристенные двухкамерные печи для жертвенной пищи (внутри некоторых – длинные кости и фрагменты черепов мелких рогатых животных, овцы/козы).

Общие черты трех площадей: отсутствие строений; заполнение черной золой с включением костей животных и слоями песка; соседство с бассейнами и группами комнат с двухкамерными печами. Огромные площади могли служить местом “общественных трапез”, распространенных в древности, в том числе у индоиранцев. Позже в Палестине ессеи, по завершении таких трапез, “...засыпали кости, чтобы животные, в первую очередь собаки, не растаскивали их по поселению” (Magness, 2002. P. 119, 120). Сходную ситуацию можно предполагать в Северном Гонуре (в руинах обводной стены, прилегающей к площади общественных трапез, обнаружено захоронение собаки в позе и с ориентацией, обычной для человеческих захоронений).

О сезонных “общественных трапезах”, в которых принимал участие царь, говорят хеттские архивы (Frankfort, 1954. P. 118–120). После омовения рук в специальном храмовом бассейне царь входил в храм и приступал к общественной трапезе и культовому питью (лингвисты отмечают, что в хеттских архивах “праздник” и “пир” обозначает одно слово). Коллективное празднество в сопровождении танцоров, музыкантов и акробатов изображено на хеттском сосуде из Инандык Тепе (Ozguch, 1988. P. 83–100). Сцена празднества есть на цилиндрической печати из храма Тоголок-1 (музыканты играют на тамбуринах, акробаты прыгают через шест; все персонажи изображены с головами обезьян или в обезьяньих масках, что подчеркивает мистический характер сцены (Sarianidi, 1998. Fig. 28, б). Изображения прыгающих акробатов в Средиземноморье (включая Анатолию) и в Центральной Азии позволяют думать, что “общественные трапезы” сопровождалась музыкой и ритуальными танцами, были подобны донисийским мистериям и являли “высочайший уровень чистоты, близкий жертвоприношениям в храмах” (Magness).

Чрезвычайно ценно указание на культовое омовение рук царем; ему, разумеется, следовали остальные участники общественных трапез. Этим целям могли служить бассейны Гонура. Они не

случайно “неудобно” расположены между проходами в обводной стене и площадями, не давая прямо пройти к местам массовых трапез: их участник не мог миновать бассейн, не совершив ритуальных омовений. Согласно хеттским документам, после ритуального омовения рук царь присоединялся к участникам празднества, но не на общей площади, а в храме. Таким местом на Северном Гонуре мог быть “киоск” в “царском святилище” (раскоп 5), куда царю приносили жертвенную пищу из комплекса с простыми и грушевидными печами (раскоп 11), где готовилось мясо даже крупных животных. Культовое питье (хеттские трапезы сопровождалось возлияниями) могли готовить в пом. 100: проходы в стене каре позволяли подносить ритуальную пищу и питье в “киоск” к царскому столу.

Итак, есть веские основания предполагать в Маргиане “общественные трапезы” на особых площадях, под громкие звуки музыкальных инструментов (включая огромные барабаны), в сопровождении выступлений акробатов, носивших мистический характер. С трапезами могли быть связаны “длинные стены” на естественном возвышении с ярко горевшими алтарями (их культовые сооружения практически не сохранились). В помещениях, примыкающих к обводной стене (раскопы 10, 11) и к южной стене каре (раскоп 9), готовили жертвенную пищу из крупного и мелкого скота; ее доставляли в “киоск” царю, в то время как на площади, под открытым небом, шла общественная трапеза. Здания дворов “А”, “Б”, “В” и “Г”, окруженные узкими коридорами, могли служить для культовых церемоний.

Общественные трапезы занимали большое место в представлениях индоиранцев. По данным лингвистов, коллективные пиры, на которых поедались определенные части жертвенных животных, сопровождали празднество Иза (в Авесте) или Ида (в Ригведе) (Воусе, 1989. Р. 164). Очевидно, во время празднеств неиспользуемые в пищу части животных оставляли на месте приготовления, с чем можно сопоставить обнаружение в двухкамерных печах исключительно голов и ног скота. Ряд ученых (М. Хумбах и др.) сопоставляют коллективные трапезы с христианской версией принесения жертвы – причащением, евхаристией.

Археология отразила и постепенное затухание ритуала. В ранний период освоения Мариганы на Северном Гонуре общественные трапезы занимали чрезвычайно важное место, но уже во второй период их выносят за пределы храмов: “холм золь” и расположенный рядом с теменосом Гонура бассейн – следы тех же коллективных ритуалов. Еще позже, в период, представленный храмом Тоголок-21, место проведения общественных трапез отмечает небольшое зольное всхолмление за пределами храма. Затухание ритуала частично объяс-

няет отсутствие упоминаний о нем в Авесте, которая кодифицирована много позже, в парфяно-сасанидское время. Та же тенденция отмечена в развитии культов огня и священного напитка сома-хаома: на Северном Гонуре им посвящены отдельные храмы, а на теменосе и особенно в храме Тоголок-21 их объединили в одном.

Когда главный водоем стал мелеть, центральную часть берегового комплекса Храма общественных трапез срыли и на ее месте устроили новый бассейн, много меньший по размеру, чем главный. Вода в новый водоем не могла поступать как раньше, из р. Мургаб, и была создана система заполнения его дождевой водой по вставленным друг в друга керамическим трубам и узким каналам с наклоном к водоему.

Если северную часть архитектурного комплекса занимали сооружения, связанные с общественными трапезами, то южная часть больше связана с поклонением водной стихии. На большом пониженном участке здесь открыт главный водоем Северного Гонура (150 × 80 м, глубина – 1.5 м). Для постоянного заполнения его водой один из боковых протоков дельты р. Мургаб подвели ближе и соединили с ним под обводной стеной керамической трубой (длина около 1 м, диаметр 30 см). Поскольку перепад высот ложа протоки и водоема (у берега) был более 0.5 м, ложе с обеих сторон трубы выложили фрагментами керамики на длину 10 м, защитив береговую полосу от размыва (рис. 6).

Интереснейшее инженерное сооружение Гонура – отстойник для воды. Это полый кирпичный сырцовый “куб” в восточной части малого бассейна, рядом с северной береговой линией главного бассейна (длина стен: на север 7 м; на восток 5.6 м; и 4 м на юг). От основания южной стены в сторону большого водоема отходит желоб (длина 20 м; ширина 0.6 м; глубина до 0.5 м), выложенный уложенным плашмя кирпичем (48 × 25 × 11 см); устье желоба под основанием отстойника сужено до 33 см при высоте 22 см. Желоб достигает большого водоема. Внутри “куба” фиксируются следы большого количества тины и сгнившего камыша, который устилал его пол и стены. Учитывая направление и понижение желоба в сторону “куба” (перепад высот 72 см), можно думать, что вода из большого водоема поступала по нему в “куб”. Стены “куба” (высота 1.6 м) выше уровня воды в большом водоеме и не позволяют воде переливаться через край “куба” в бассейн. В восточной стене, в уровне на 0.7 м выше устья желоба, имелся сквозной проем. По-видимому, мутная вода р. Мургаб, попав в главный бассейн, по желобу заполняла “куб”, где отстаивалась. Полученная чистая вода заполняла затем “малый бассейн”.

По длинному южному берегу главного водоема расположено монументальное сооружение (услов-

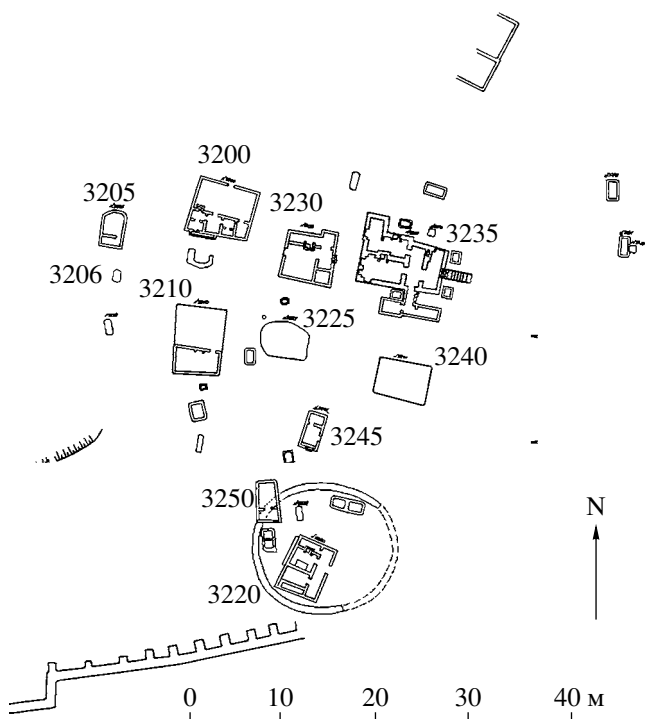

Рис. 8. Общий вид царского некрополя.

но названо “Храм Воды”). Это анфилада, занявшая всю южную прибрежную полосу и зажатая между обводной стеной и главным водоемом; строительные микрокомплексы вытянуты здесь в цепочку вдоль береговой линии (рис. 7). Примерно в середине южной части обводной стены – широкий проход с двумя наружными пилонами, возможно, один из главных входов внутрь ансамбля. По обе стороны от него, на восток и запад, тянется однотипная застройка с общими проходами, что указывает на общее функциональное назначение помещений. В восточной части выделяется центральный зал (пом. 20), широко раскрытый на главный водоем. Внутри зала вытянуты в линию три двухкамерные печи на небольших платформах; духовки двух из них выстланы фрагментами керамики. Самая восточная часть Храма Воды – группа обширных, явно парадных помещений с прямыми, ровными стенами и полами, покрытыми толстым слоем глиняной обмазки. Судя по стратиграфии и учитывая парадную отделку, это, скорее всего, ранняя царская резиденция, существовавшая до появления монументального дворца.

Западная половина южного комплекса разделена примерно посередине водоводом, по которому вода Мургаба поступала в главный бассейн. Характерная черта южного микрокомплекса – большое число помещений с двухкамерными печами. Подобные печи существовали здесь в самый ранний (стоят на материке) период, во второй (возведены на руинах) и даже в третий период. Значит, с

самого начала и до конца существования южный комплекс был связан с жертвоприношениями воде. Необычный план продиктован необходимостью прямого, непосредственного контакта с главным водоемом: жрецы получали беспрепятственный выход к воде и могли совершать многочисленные (ежедневные?) жертвоприношения ей.

Миграция Мургаба к западу привела к постепенному обмелению главного водоема и затруднила жертвоприношения. Устройство дополнительной террасы на южном берегу комплекса дало временную возможность жрецам беспрепятственно достигать воды, но настал день, когда главный водоем обмелел и был оставлен. Вместо него выкопали три новых, много меньших: западный и два южных.

Жизненно важная роль воды в аридной зоне очевидна, и археология Северного Гонура подтверждает слова М. Бойс: “было бы правильно называть зороастрийцев водо- и огнепоклонниками” (Boyse, 1989. Р. 155). Большая часть планировки внутри каре связана с жертвами различным богам (Храм Жертвоприношений), вся северная часть Гонура – с общественными культовыми трапедами, а основная, южная часть – с поклонением воде и водным богам.

Многочисленные двухкамерные печи для приготовления жертвоприношений – самый показательный признак комплекса. Они свидетельствуют, что жертвоприношения играли огромную роль. Это согласуется с мнением о том, что у древних иранцев существовали жертвоприношения богам, огню и воде (Boyse, 1989. Р. 151–156). Индоиранцы, судя по Авесте, посвящали жертвы каждому отдельному божееству, чем можно объяснить избыточное количество двухкамерных печей. Лингвисты считают, что индоиранцы совершали три главных жертвоприношения: богам (Храм Жертвоприношений), огню (Храм Огня) и воде (Храм Воды). Это были отдельные акты, совершавшиеся жрецами в особых храмах. Древнеиранские ритуалы и церемонии находят прямые археологические подтверждения в храмах Северного Гонура; его дворцово-храмовый ансамбль близок описаниям памятников, связанных с протозороастризмом.

Описание будет неполным, если не сказать несколько слов о царском некрополе (рис. 8, 9). Древнеиранская элита стремилась хоронить родственников вблизи дворцов: некрополь устроен рядом с ранней царской резиденцией, на восточном берегу Храма Воды, у главного водоема (при первых поселениях, видимо, единственного); позднее его охватил внешний обвод стены дворцово-храмового ансамбля. Раскопано семь гробниц – подпрямоугольных котлованов, вырытых в материке, с выложенными кирпичами или покрытыми толстой глиняной обмазкой стенами. Рядом с некото-

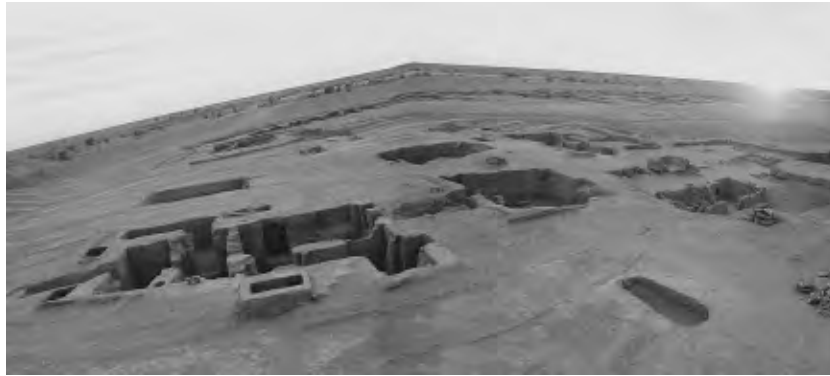

Рис. 9. Царский некрополь.

рыми сохранились кирпичные прямоугольные алтари, углубленные в материк и сильно обожженные изнутри (некоторые гробницы имеют по два алтаря, а гробница 3235 – четыре: два по сторонам от входа и два по бокам гробницы); гробница № 3220 обнесена кольцевой стеной, внутри которой – двойной прямоугольный алтарь и двухкамерная грушевидная печь. Входы имеют вид слабо наклонного пандуса или ступенчатой лесенки; входы в гробницы заложены кирпичами без глиняного раствора, “в сухую”; закладку легко было разобрать. Вероятно, гробницы были “семейными склепами” и наполнялись постепенно. Камерные гробницы местной аристократии раскопаны и на некрополе Гонура (Сарианиди, 2001).

Гробницы пустотелые, представляющие собой модели домов. М. Гимбутас предположила, что погребальные сооружения, имитирующие дома, характерны для индоевропейских народов, в том числе индоиранцев, с чем согласны другие специалисты (Jones-Bley, 1997). В гробницах есть двухкамерные печи для совершения заупокойных ритуалов, со следами копоти и золы, а на полах некоторых гробниц – невысокие кирпичные выкладки, имитирующие столы и постели. В стенах устроены ниши (“посудные шкафы”), заполненные целыми “сервизами”.

Стены гробниц и небольшие лари для приношений (длина до 1 м) богато украшены мозаикой, в том числе сюжетной (сражающиеся друг с другом львиные грифоны с рогом и бородкой; змеинные драконы, пожирающие антилоп; барсы (рис. 10, цветная вклейка № 2); птицы, в том числе орлы в геральдической позе с широко распростертыми крыльями; кабаны). Стил и иконография имеют переднеазиатское, западное происхождение. Львиные грифоны с рогом и бородкой известны в глиптике и сфрагистике Бактрии (Pottier, 1984. Tab. XLV, 332) и Восточного Ирана (Amiet, 1986. Fig. 183). Среди мозаичных изображений одно антропоморфное: вставка в виде женской головки с плохо сохранившимся многоцветным одеянием

(погребение 3245) (рис. 11). Несколько тысяч отдельных фигурных мозаичных вставок вместе составляли большие мозаичные настенные панно гробниц (например, в гробнице 3210 изображены рогатые животные на отдыхе) (рис. 12).

В погребальном инвентаре преобладают личные украшения, в том числе многочисленные бусы, например из гробницы 3235 (рис. 13): крупные агатовые, бочковидной формы, с золотыми обоймочками на концах, напоминающие аналогичные из Месопотамии, в частности из царских гробниц Ура (Orthman, 1975. № 123, b). Типичный мотив переднеазиатского искусства взят и для туалетной “ложечки” в виде крылатого животного с ягнком в пасти (гробница 3245) (рис. 5, см. цветная вклейка № 2).

В речной долине Мургаба нет камня (его доставляли с гор Копет Дага) и каменные изделия сравнительно редки (рис. 14; 15, цветная вклейка № 2), но в гробнице 3220 под голову умершему положили каменную, реалистически выполненную статуэтку барана (Сарианиди, 2006. Рис. 20). Изредка (женская головка так называемой составной статуэтки) использовали мрамор (Сарианиди, 2006. Рис. 17).

Уже раскопки некрополя Гонура показали, что свыше 80% процентов могил ограблены в древности; это верно и для богатейшего царского могильника. Даже тайники, которые устраивали в гробницах, по большей части опустошались. Но сохранившиеся тайники гробниц 3220 и 3235 дали золотые и серебряные сосуды (рис. 16, цветная вклейка № 2). В гробнице 3220 главное захоронение прикрито мозаичным “хранилищем для даров” со второстепенными приношениями, а главные скрыты в тайнике (1 × 1 м) под полом у ног основного покойника. Здесь оказалось 24 сосуда: 5 медных, 17 серебряных, 2 золотых. Чуть выше клада уложены правая половина бараньей туши и бронзовый двулезвийный кинжал. Все сосуды из тайника, за редким исключением, гладкие и точно копируют керамические формы. Один серебря-

Рис. 10. Гипсовые мозаичные вставки с изображением голов предположительно барсов из гробницы 3210 (см. цветную вклейку № 2).

Рис. 11. Гипсовая мозаичная вставка из погребения 3245, и, возможно, передающая реальный облик пришедших в Маргиану людей.

Рис. 12. Мозаичная вставка из слоновой кости от крышки "ларчика" из гробницы 3210 (а) и ее фрагмент (б).

Рис. 13. Агатовые бусины в золотых обоямах из гробницы 3235.

Рис. 14. Каменные погребальные приношения из погребения 3245 (см. цветную вклейку № 2).

Рис. 15. Каменная статуэтка оседланной лошади из гробницы 3210.

ный банкообразный сосуд несет рельефное изображение, выполненное в лучших традициях искусства литья: друг за другом мерно шагает пара верблюдов (Сарианиди, 2006. Рис. 25). Местное, бактрийско-маргианское происхождение сосуда несомненно. В Авесте верблюд стоит на втором месте после человека по значимости (не случай-

Рис. 16. Золотые сосуды из тайников гробниц 3220 и 3235 (см. цветную вклейку № 2).

но его название – составная часть имени пророка Заратуштры). Особое значение верблюда для культуры Маргианы подчеркнуто изображениями верблюдов, выгравированными на донцах одного

Рис. 5

Рис. 10

Рис. 14

Рис. 16

Рис. 15

золотого и четырех серебряных сосудов. В “сервиз” входил еще бронзовый сосуд с длинным носиком (аналогичный есть в слое Гиссар III С (Schmidt, 1937. Tab. LX), ныне датируемого 2250–2200 до н.э.).

Второй тайник обнаружен на глубине около 1 м под полом гробницы 3235, в нем 7 сосудов (2 золотых, 3 серебряных и 2 медных). Гладкие золотые кубки идентичны золотым кубкам из грабительских раскопок Бактрии (Zimmerman, 1991. Fig. 12). Один серебряный кубок несет прекрасно выполненные анималистические сцены: борющийся со львом бык; волк, преследующий зайца; антилопа на водопое, за которой наблюдает львица (?); две антилопы по сторонам от дерева. Многофигурную композицию замыкает нетипичное для пустыни животное – медведь, стоящий на вершине горы. На дне кубка с анималистическими сценами процарапан рисунок головы рогатого козла, из глаза которого катится крупная слеза.

Приношения и личные украшения свидетельствуют о богатстве погребенных людей, особенно по меркам того времени. Котлованы двух соседних могил (3225 и 3240) не камерные, а простые прямоугольные, причем не пустотелые, а засыпанные землей. Обоих погребенных сопровождали рабы (в 3225 – 20, в 3240 – 15). Позы погребенных указывают на насильственную смерть (некоторые, по данным антрополога Н. Дубовой, в момент смерти стояли на коленях: Дубова, 2004; Сарияниди, 2006); личных украшений и погребальных приношений у них нет. Кроме рабов, в гробницах была животно-ные – по два верблюда и, в гробнице 3240, теленок, баран и две собаки. Во дворе гробницы 3200 найдены остатки четырехколесной повозки с сидением и деревянным кузовом, а рядом – скелет молодой лошади. Колеса повозок во всех трех погребениях сплошные деревянные, обтянутые толстыми бронзовыми ободами (описание погребения см.: Сарияниди, 2004; Дубова, 2004). Идентичные по конструкции колеса были распространены в Бактрии (Pottier, 1984. P. 226. Pl. XLIV, 326) и Эламе (Mecquenem, 1943. Fig. 74). Нет сомнений в их общем месопотамском происхождении. В конце III тыс. до н.э. на территории современных Ирана (Элам), Афганистана (Бактрия) и Туркменистана (Маргиана) были распространены запряжные четырехколесные повозки (колесницы?), а также верховые лошади. Через Элам, лежащий между Месопотамией и Центральной Азией, проходили основные исторические, торговые и культурные связи с зоной распространения БМАК. Есть основания считать, что навыки коневодства принесли в земледельческие оазисы Центральной Азии племена, пришедшие в Бактрию и Маргиану со стороны Малой Азии и Северной Месопотамии (но не степные андроновские); что не исключает других, возможно независимых, центров коневодства в Евразии. Предполагаемое переселение из передо-

вых центров тогдашнего мира в сторону Центральной Азии осуществлялось на повозках, запряженных быками, но аристократия использовала для этих целей домашнюю лошадь. Утверждение, что “достоверных данных о распространении конной запряжки для конца III – начала II тыс. до н.э. нет” (Кузьмина, 1974. С. 73), пора оставить.

Еще Г. Чайльд доказал на примере царских могил Ура, что на Древнем Востоке повозки, помещаемые в могилы, служили не просто показателем богатства, но атрибутом царской власти. Массивные бронзовые ободья колес также были символами высокого положения владельцев. Захоронения 3225 и 3240 – не обычные гробницы элиты, а символические, подлинно царские захоронения. Обряд таких захоронений известен в разных, порой далеко отстоящих друг от друга регионах Евразии. Повозки или снятые с них колеса, “посохи”, человеческие жертвоприношения, изделия из драгоценных металлов и слоновой кости не оставляют сомнений в подлинно царском статусе людей, лежащих в гробницах Гонура. Теорию лингвистов о трехчленном делении индоиранского общества на жрецов, воинов-колесничих и простых общи-ников можно с успехом приложить и к Маргиане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004.
- Кузьмина Е.Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4.
- Пугаченкова Г. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Сарияниди В.И. Древности Страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарияниди В.И. Дворец Северного Гонура // ВДИ. 2000. № 2.
- Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.
- Сарияниди В.И. Город дворцов и храмов // Мирас. № 3. Ашхабад, 2003.
- Сарияниди В.И. Дворцово-культовый ансамбль Северного Гонура // У истоков цивилизации. М., 2004а.
- Сарияниди В.И. Храм воды в Гонур-Депе и новые образцы искусства страны Маргуш // Мирас. № 3. Ашхабад, 2004б.
- Сарияниди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // ВДИ. 2006. № 3.
- Amiet P. L'Age des Echanges Inter-Iraniens. Paris, 1986.
- Ardeleanu-Hansen A. The Sculptural Art of the Harappa Culture // Forgotten Cities on the Indus: Early Civilization in Pakistan. Mainz, 1991.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden, 1989.

- Dhavalicar M., Atre S.* The Fire Cult and Virgin Sacrifice. Some Harappan Rituals // Old Problems and New Perspectives in the Archaeology of South Asia. 1989.
- Frankfort H.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. L., 1954.
- Hawkins J.* Hattusa: Home to the Thousand Gods of Hatti // Capital Cities. Jerusalem, 1998.
- Hiebert F.* Origins of the Bronze Age oasis civilization in Central Asia. Cambridge, 1994.
- Jarridge J., Hassan M.* Funerary Complexes in Baluchistan at the End of the Third Millennium in the Light of Recent Discoveries in Merghar and the Quetta // SAA 1984. Leiden, 1985.
- Jones-Bleg K.* The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe // J. of Indo-European Studies. 1997. № 19.
- Junger H.* A Collaboration for Developing Archeological Research in Turkmenistan // У истоков цивилизации. М., 2004.
- Magness J.* The Archaeology of Qumran and the Dead Sea Scrolls. Michigan, 2002.
- Marshall J.* Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. L., 1931.
- Mecquenem R.* Fouilles de Suse, 1933–1939 // Memoires de la Mission Archéologique en Iran. T. XIX. Paris, 1943.
- Orthman W.* Der Alte Orients. 1975.
- Ozguch T.* Inandiktepe. Ankara, 1988.
- Parrot A.* Mission Archéologique de Mari. Le Palais. Paris, 1959.
- Possel G.* The Indus Civilization. A Contemporary Perspective. N.Y., 2002.
- Pottier M.* Matériel funéraire de la Bactriane Meridionale de la'Age du Bronze. Paris, 1984.
- Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.
- Sarianidi V.* The Fortification and Palace of Northern Gonur // Iran. 2002. V. XL.
- Schaeffer H., Andrae W.* Die Kunst des Alte Orients. 1925.
- Schmidt H.* Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937.
- Zimmerman J.L.* Ancient Art from the Barbier Museum. N.Y., 1991.

Palace-temple of the Northern Gonur

V. I. Sarianidi

Summary

The ancient land of Margush, discovered in the East of modern Turkmenistan, in the contact zone of sands and takyr, has been investigated for over 30 years. The largest excavations were conducted at the capital city, founded at the end of the 3d century B.C. by tribes from the far West. It was established that in the center of the city there was a palace and four temples, in the Northern part – the Temple of “communal repasts”, and in the Southern part – the Temple of water. On the eastern shore of an enormous lake, the settlers built a royal necropolis, which consisted of underground tombs. Though repeatedly robbed, the tombs retained, in hiding places, gold and silver vessels made by local masters at a high level of craftsmanship. The interiors of the tombs are decorated with geometric and story-tale mosaics, the source and roots whereof lie in the decorative art of Mesopotamia and of other world centers of that time.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В БАССЕЙНЕ МОСКВЫ-РЕКИ ОТ БРОНЗОВОГО ВЕКА К СРЕДНЕВЕКОВЬЮ

© 2007 г. Н. А. Кренке

Институт археологии РАН, Москва

Ландшафтный, пространственный (*spatial*) подход, исследование структуры и в том числе периферии (*outland, utmark*) поселенческо-хозяйственных систем – актуальная тема современной археологии. В московском регионе в этом направлении пока сделаны лишь первые шаги, частично отраженные в недавно вышедшем трехтомнике (Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты, 2004–2005). Задача настоящей статьи рассмотреть материалы, относящиеся к той части доисторического периода, когда были уже освоены производящие формы хозяйства, и проследить хронологические особенности, а также преемственность в освоении территории.

Источниковая база. Паспортные данные о памятниках Московского региона (без территории самой Москвы) суммированы в 4 томах археологической карты России (АКР. Московская обл. 1994–1997). Не утратил своей ценности и свод, составленный Д.А. Крайновым 40 лет назад: там учтены случайные находки, не нашедшие отражения в АКР (рис. 1). За последние десять лет сделаны важные открытия, обнаружены новые ключевые памятники, в том числе поселения фатьяновской культуры, предварительная информация о которых включена в настоящую работу. Краткие паспортные данные о памятниках железного века, расположенных в бассейне Москвы-реки, суммированы в каталоге (Кренке, 2004а, б), карта к которому, а также новейшие дополнения публикуются здесь (рис. 2; 3).

Данные по памятникам археологии древнерусского периода Московской области столь обширны, что в качестве эталонного будет рассмотрен только один из самых изученных регионов – территория города Москвы (рис. 4).

Материалы бронзового века. По данным сводов (Крайнов, 1963; Брюсов, Зимина, 1966; АКР. Московская обл. 1994–1997) в бассейне Москвы-реки известно более сотни памятников и мест отдельных находок бронзового века. В черте г. Москвы таких объектов 26 (рис. 5). Рассмотрим материалы в хронологическом порядке.

Единичны стоянки волосовской культуры. Они известны в районе Тростенского озера (у д. Никольское) и в центре Москвы (Зарядье). Стоянка в Зарядье представлена двумя изделиями из камня и

несколькими фрагментами керамики (Рабинович, 1950). На основании рисунков в отчете (коллекцию в музее обнаружить не удалось) В.В. Сидоров отнес материал из Зарядья к позднему этапу волосовской культуры (устное сообщение 1995 г.). Итак, материалы энеолита – ранней бронзы представлены в бассейне Москвы-реки очень слабо. Их существенно меньше, чем неолитических (памятники с ямочно-гребенчатой керамикой). Можно предположить, что в период распространения памятников волосовской культуры долина Москвы-реки почти не была заселена (возможно, даже численность населения сократилась в сравнении с неолитическим периодом). Соответственно растительность нарушенных местообитаний должна была регенерировать.

Памятников и отдельных находок, относимых к фатьяновской культуре, существенно больше. В бассейне Москвы-реки известно 22 поселения и местонахождения с керамикой фатьяновского облика; около 15 могильников; не менее 60 мест находок каменных топоров и других орудий (рис. 1; 5). Сведения о случайных находках, сделанных за последние 20 лет, никем не систематизировались. Поэтому можно предположить, что последняя цифра сильно занижена. Показательно сравнение с Рязанщиной. В 1970-е годы на средней Оке было известно 58 мест находок топоров и 14 пунктов с находками керамики. В результате целенаправленных поисков и учета случайных находок в последние десятилетия эти цифры изменились на 170 и 45 соответственно (Челяпов, Иванов, 2000).

Два памятника, где велись раскопки в 2005, 2006 гг., можно рассматривать как эталоны – поселения РАНИС-пойма и Царицыно-1 (Церера). Эти памятники интересны еще и тем, что представляют два типа поселений, занимавших разные ландшафтные ниши.

Находки на поселении РАНИС-пойма впервые обнаружены А.В. Лазукиным в 2005 г. в толще аллювия у бровки современного русла реки (2006). Проведенные в том же году небольшие разведочные раскопки (Кренке, 2006) позволили понять стратиграфию отложений (рис. 6). Здесь было выявлено три погребенные почвы (детальное описание см. в Приложении 1), нумерация которых велась сверху вниз. Верхняя погребенная почва

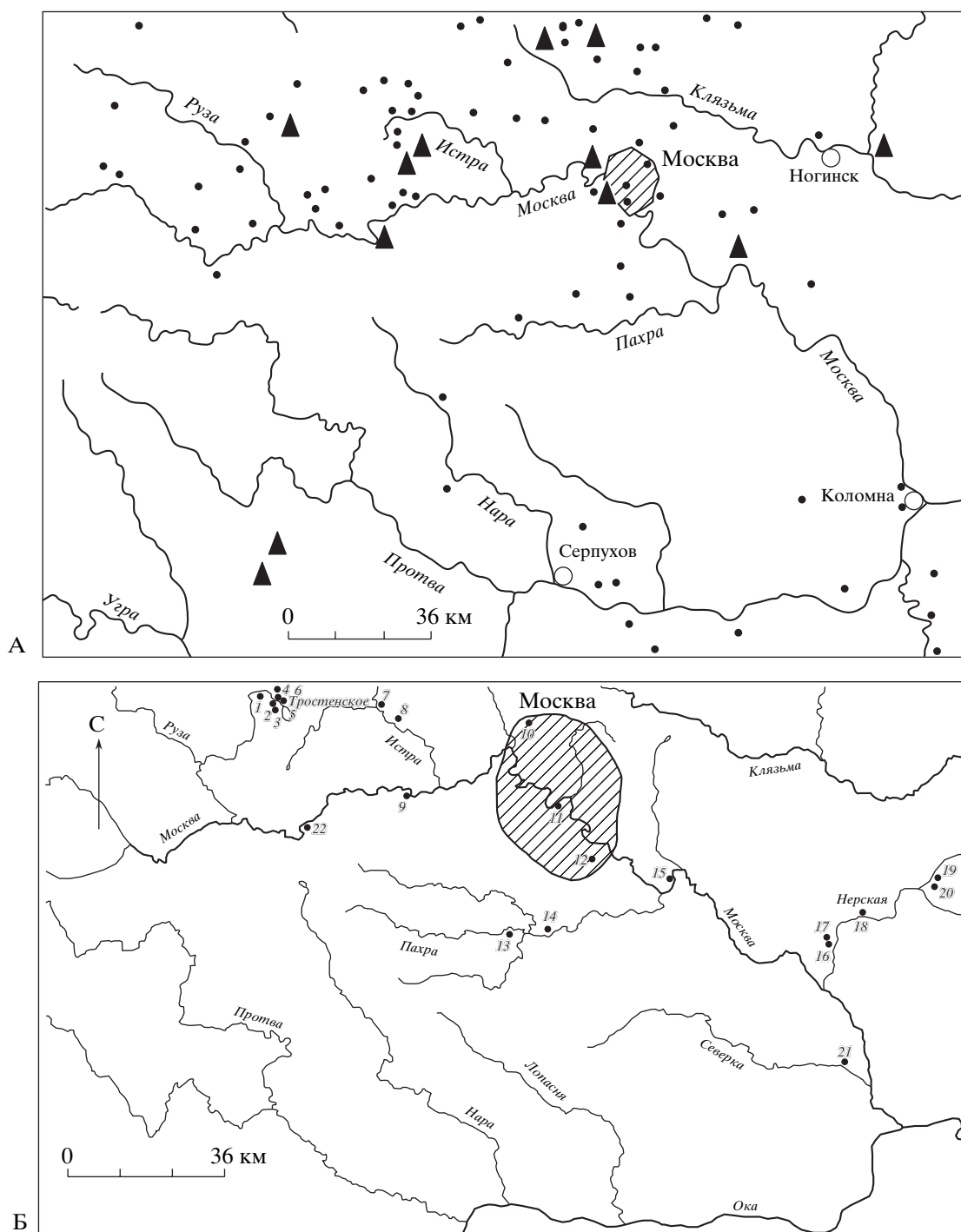

Рис. 1. А. Карта фатьяновских памятников Московского региона (треугольники – могильники, кружки – случайные находки) по Д.А. Крайнову (Крайнов, 1963). Б. Поселения в бассейне Москвы-реки с находками фатьяновской керамики. 1 – Нижнее Сляднево, 2 – Никольское-5; 3 – Никольское-2; 4 – Буланино; 5 – Городище (Тростенская-1); 6 – Никольское-3; 7 – Трусовское; 8 – Обновленный Труд; 9 – РАНИС; 10 – Алешкино; 11 – Нескучный сад; 12 – Царицыно-1 (Церера); 13 – Луковня-2; 14 – Подол-1; 15 – Заозерье; 16 – Исаково-1; 17 – Исаково-2; 18 – Соболево-1; 19 – Беливо-2; 20 – Беливо-4; 21 – Настасьино; 22 – Агафоново.

(“почва 2”) была ранее зафиксирована во многих разрезах в среднем течение Москвы-реки (Александровский и др., 2004). Она достаточно надежно

идентифицируется по данным стратиграфии и ряду почвенных характеристик. Датируется “почва 2” в пределах 600 (700) – 2500 лет от наших дней. Ос-

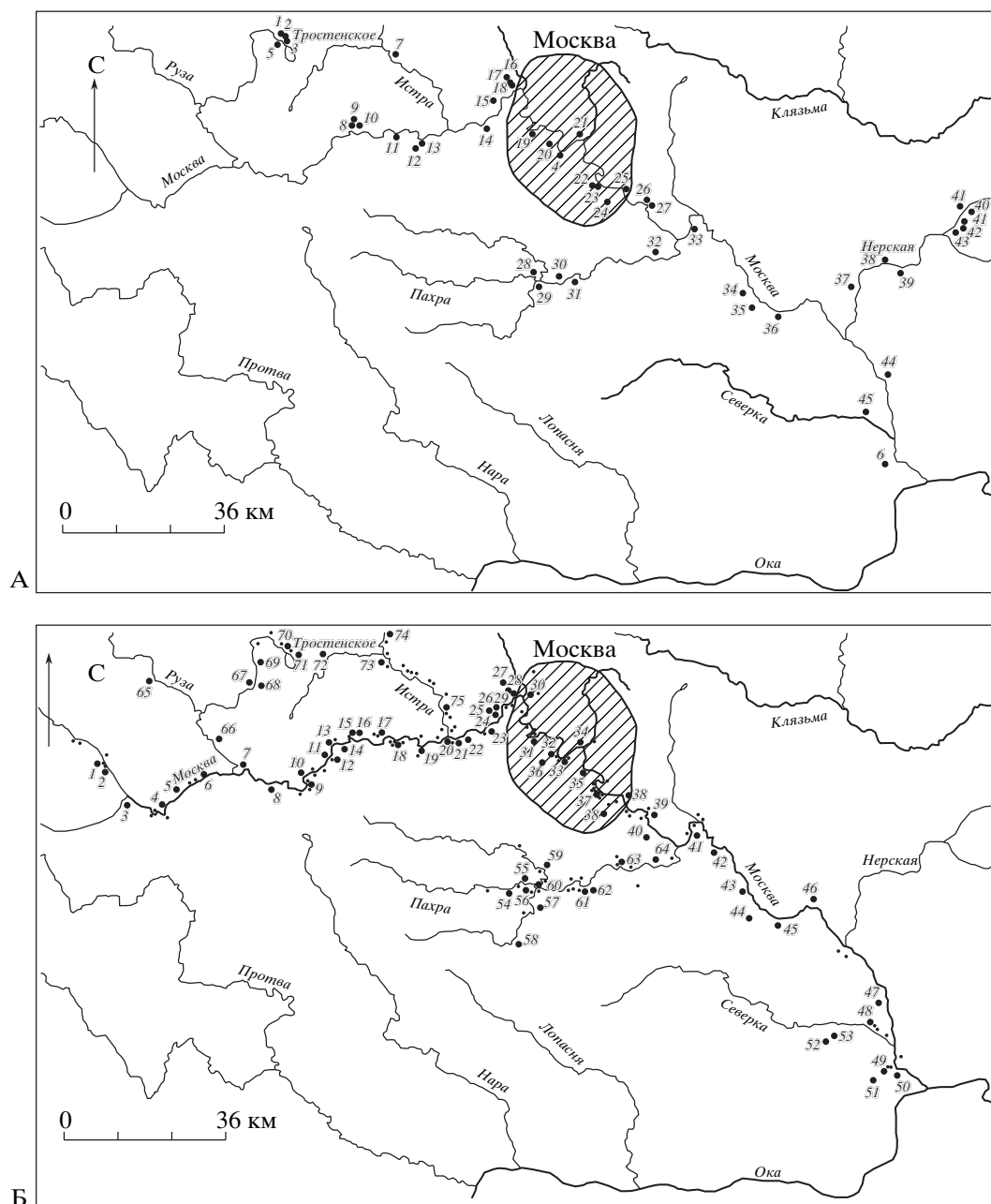

Рис. 2. А. Карта памятников с текстильной керамикой поздней бронзы – начального этапа железного века в бассейне Москвы-реки. 1 – Никольское-3; 2 – Городище-1; 3 – Городище-2; 4 – Мамоново; 5 – Никольское-2; 6 – Городищи; 7 – Санниково-2; 8 – Сторожевское-1; 9 – Саввино-Сторожевское; 10 – “Связист”; 11 – Дунино; 12 – Горьшкино-3; 13 – Успенское; 14 – Барвиха; 15 – Архангельское; 16 – Пенягино; 17 – Спас-Тушинское-2; 18 – Спас-Тушинское; 19 – Кунцево; 20 – Сетунское; 21 – Кремль; 22 – Дьяково; 23 – Чертов Городок; 24 – Царицыно-1 (Черера); 25 – Капотенское; 26 – Петровское; 27 – Соколова гора; 28 – Дубровицы-2; 29 – Беляево; 30 – Подол-1; 31 – Шербинское; 32 – Володарка; 33 – Боровский курган; 34 – Селецкое; 35 – Бронницкое; 36 – Боршева; 37 – Исаково-1; 38 – Соболево-1; 39 – Хотейчи; 40 – Тереньково-4; 41 – Тереньково-3; 42 – Тереньково-1; 43 – Тереньково-2; 44 – Елино; 45 – Настасьино. Б. Карта памятников железного века (городища дьякова типа и селища). Пронумерованы городища: 1 – Троицкое; 2 – Рахманово; 3 – Бородинское; 4 – Тетерино; 5 – Долгино; 6 – Чапасово; 7 – Старая Руза; 8 – Тучково; 9 – сан. Герцена; 10 – Алтыново (Бережки); 11 – Рязань; 12 – Бушарино; 13 – Каринское; 14 – Луцино; 15 – Саввино-Сторожевское; 16 – Связист; 17 – Мозжинское; 18 – Дунино; 19 – Успенское; 20 – Знаменское; 21 – Калчуга; 22 – Усово; 23 – Барвихинское; 24 – Воронковское; 25 – Архангельское; 26 – Гольевское; 27 – Пенягинское; 28 – Спас-Тушинское-2; 29 – Спас-Тушинское-1; 30 – Тушинское; 31 – Кунцево; 32 – Сетунское; 33 – Мамоново; 34 – Кремль; 35 – Нижние Котлы; 36 – Матвеевское; 37 – Дьяково; 38 – Капотня; 39 – Соколова гора; 40 – Коробово; 41 – Боровский курган; 42 – Круглица; 43 – Софьино; 44 – Селецкое; 45 – Боршева; 46 – Михалево; 47 – Городена (пог. Красно); 48 – Настасьино; 49 – Городищи; 50 – “Блюдечко”; 51 – Хлопнево; 52 – Юшково-2; 53 – Юшково-1; 54 – Шаганино; 55 – Луковня-1; 56 – Луковня-2; 57 – Кузнечики; 58 – Роднево; 59 – Осташево; 60 – Дубровицы-2; 61 – Шербинское; 62 – Борисоглебское; 63 – Старо-Съяновское; 64 – Володарское; 65 – Неждино; 66 – Руза; 67 – Михайловское; 68 – Темшинское; 69 – Слобода; 70 – Городищи; 71 – Карасино; 72 – Корсаково; 73 – Ильинское; 74 – Андреевское; 75 – Дятлова поляна.

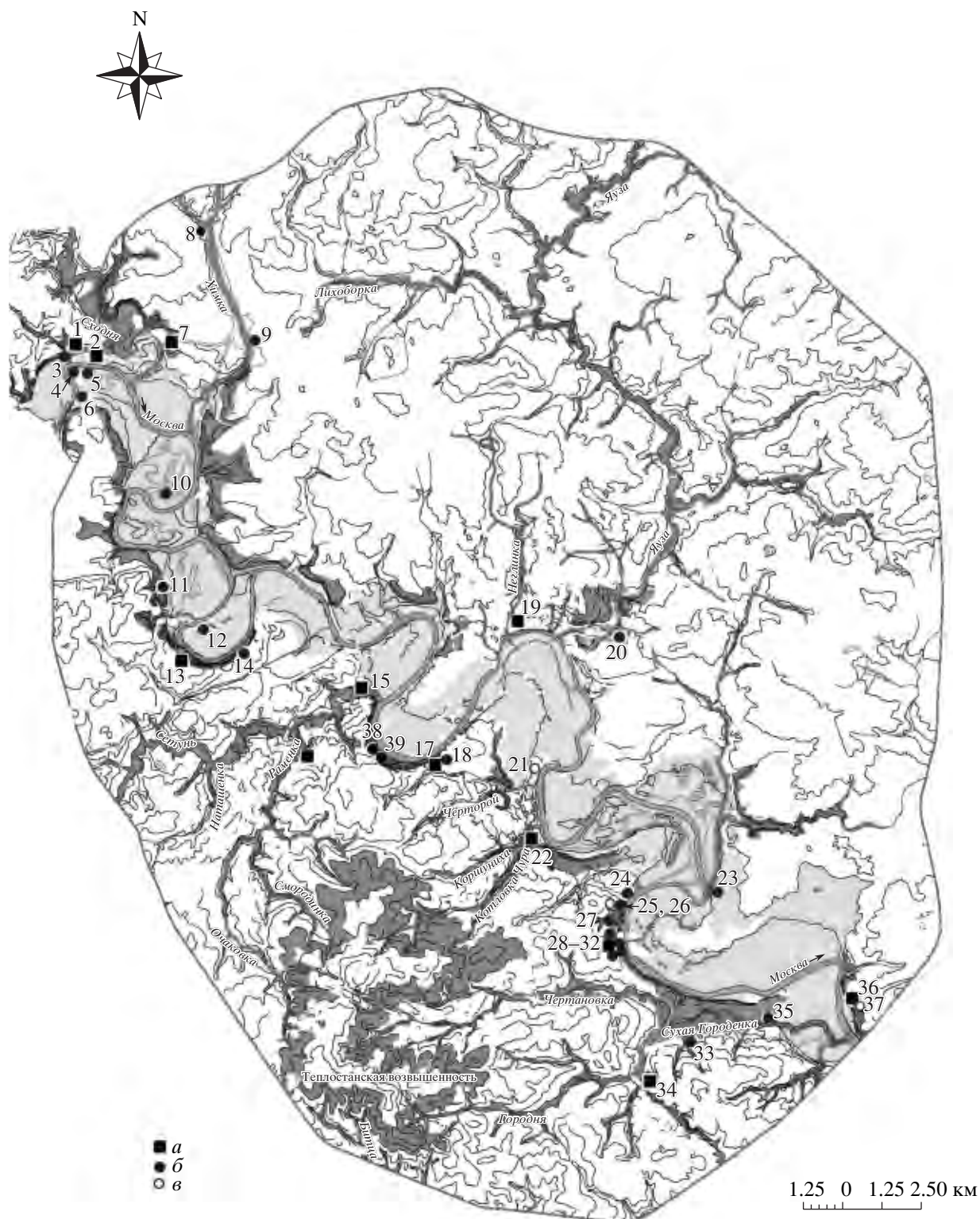

Рис. 3. Памятники железного века на территории Москвы. 1 – Спас-Тушино-2; 2 – Спас-Тушино; 3 – Барышиха; 4 – Мякинино-3; 5 – Мякинино-2; 6 – Мякинино-1; 7 – Тушино; 8 – Алешкино; 9 – Никольское; 10 – Троице-Лыково; 11 – Татарово; 12 – Терехево; 13 – Кунцево; 14 – Фили; 15 – Сетунское; 16 – Матвеевское; 17 – Мамоново; 18 – Андреевское; 19 – Кремль; 20 – Андроников; 21 – Данилов монастырь; 22 – Нижнекотловское; 23 – Перервинский монастырь; 24 – Коломенское; 25 – ц. Вознесения; 26 – Государев двор; 27 – Голосов овраг; 28 – Выгон; 29 – Дьяково-пойма; 30 – Дьяково городище; 31 – Чертов городок; 32 – Дьяково-южное; 33 – Щепилово-1; 34 – Царицыно-1 (Церера); 35 – Братеево; 36, 37 – Капотня; 38 – Нижнее; 39 – Верхнее; а – городище; б – селище; в – единичная находка.

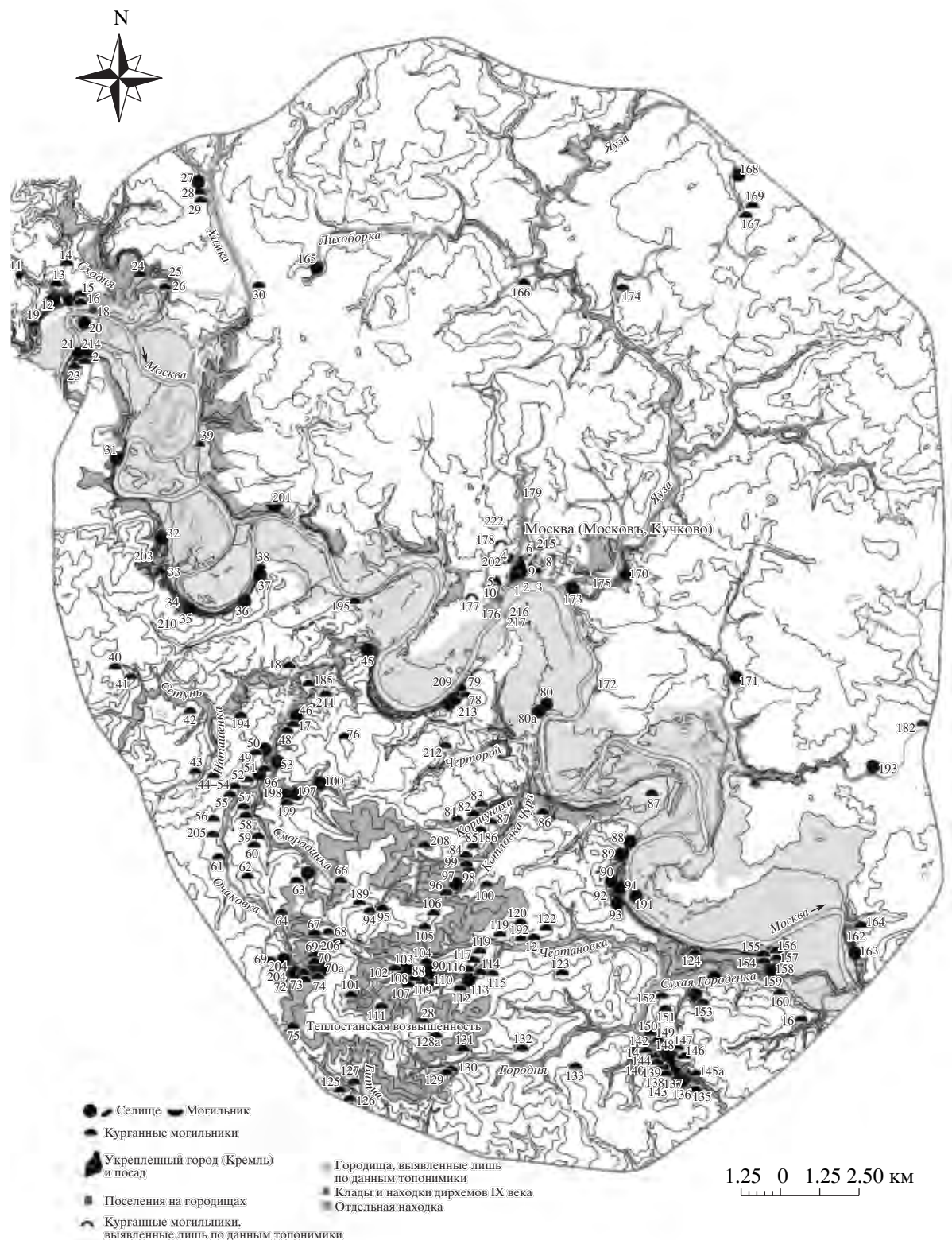

Рис. 4. Памятники древнерусского времени (IX, XI–XIII вв.) на территории Москвы (нумерация по Кренке, 2004; дополнения по данным исследований 2006 г.).

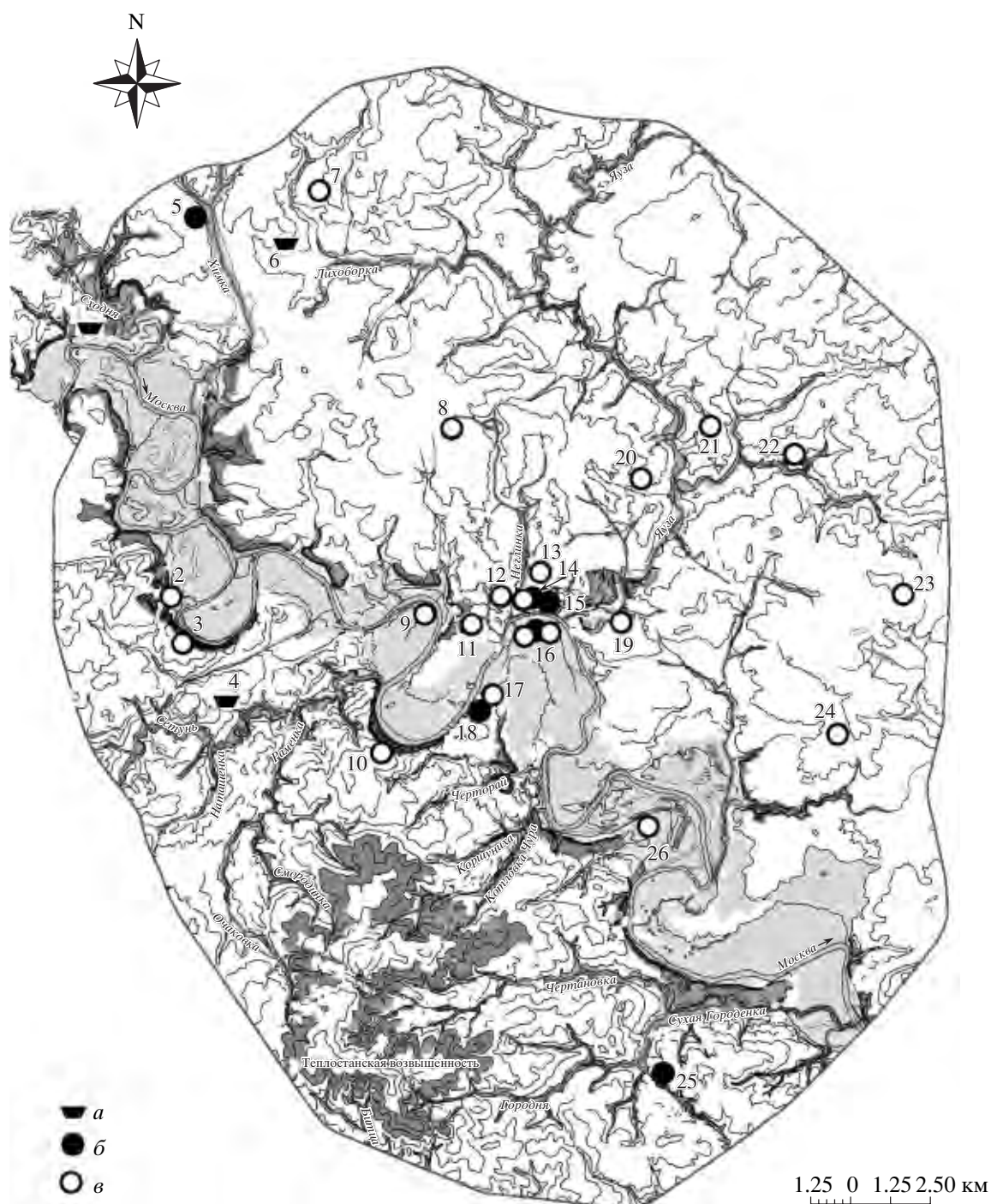

Рис. 5. Памятники и отдельные находки бронзового века на территории Москвы (без учета памятников финальной бронзы с текстильной керамикой). 1 – могильник Спас-Тушино; 2 – находка каменного топора (топоров?) в Крылатском; 3 – фрагмент керамики с Кунцевского городища; 4 – могильник в Давыдовко; 5 – находки (топор и керамика) на стоянке у д. Алёшкино; 6 – могильник (?) на Фестивальной улице (по данным опроса находчика топора выяснено, что была и орнаментированная керамика); 7 – топор с Базовской ул.; 8 – кремневый наконечник дротика из Бутырского хутора; 9 – топор и Дорогомилова; 10 – топор с Воробьевых гор; 11 – топор с Сивцева Вражка; 12 – топор с перекрестка ул. Моховая и Воздвиженка; 13 – топор с Красной площади (находка 1996 г.); 14 – кремневый наконечник дротика и три топора из Кремля; 15 – стоянка волосовской (?) культуры в Зарядье; 16 – три топора с Софийской наб. (в том числе и находка 1998 г.); 17 – стрела из Нескучного сада; 18 – фрагменты фатьяновской керамики с селища Нескучный сад-2 (раскопки 1998 г.); 19 – каменный топор и кремневый наконечник копия из Андроникова монастыря (?); 20 – топор с Русакowsкой ул.; 21 – топор из Зельева пер.; 22 – топор с Измайлова острова; 23 – топор с Федеративного пр. в Перове; 24 – топор из Новых Кузьминок; 25 – поселение Царицыно-1 (Церера); 26 – топор из Нагатино; *a* – могильники; *б* – поселение; *в* – отдельные находки. Комментарий к карте. Значки увеличенного размера, так как почти все находки локализованы приблизительно. Более того, относительно некоторых находок имеются подозрения, что в музейной документации фиксировался адрес дарителя, а не место находки (например, пер. Сивцев Вражек, д. 19).

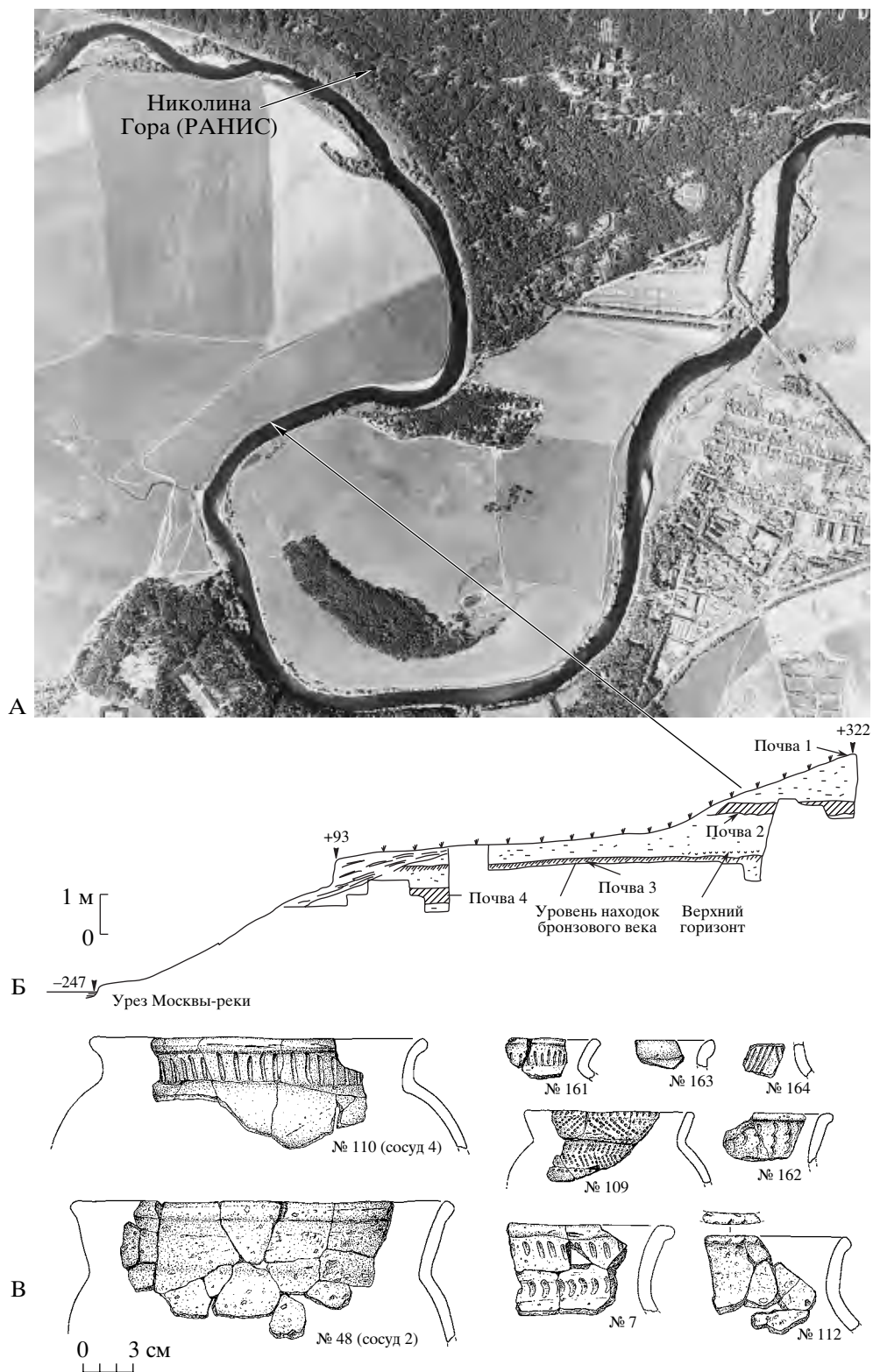

Рис. 6. Поселение фатьяновской культуры РАНИС-пойма. А – аэрофотоснимок 1998 г.; Б – разрез береговых отложений в раскопе 2005 г.; В – керамика из почвы 3 в раскопе 2005 г. Номера на рисунке соответствуют описи находок.

нования датировки – археологические находки в данной почве, радиоуглеродные датировки углей из археологических объектов, а также даты, полученные по почвенному гумусу. На стоянке РАНИС-пойма в “почве 2” археологических находок обнаружено не было. “Почва 3” лугового генезиса (определение А.Л. Александровского) залегала на глубине 2.3–2.4 м от современной поверхности поймы, перекрыта бурым аллювиальным суглинком. Находки были приурочены к поверхности этой почвы и самому основанию слоя аллювия. Культуросодержащий слой не превышает 10–20 см, темная окраска отсутствует, выявлены углистые скопления и отдельные угольки, приуроченные к двум слабовыраженным горизонтам. Зона распространения находок превышает по протяженности 30 м. Обломки керамики относятся к многочисленным сосудам. То есть археологический объект образовался в результате обживания места, а не краткого посещения.

О каменном инвентаре можно судить лишь по одному предмету со вторичной обработкой – это черешок наконечника крупной стрелы или дротика. Длина сохранившейся части черешка 1.8 см, максимальная ширина – 1.2 см. По остатку черешка нельзя определить имело ли целое изделие шипы или было иной формы. Изделия с подобными черешками встречены в целом ряде могильников фатьяновской культуры московской группы – Истринском, Буньковском, Детчинском, Ивановогорском и др. (Крайнов, 1963. Табл. 2–4).

Нуклевидный желвак с хаотически нанесенными сколами свидетельствует об использовании низкосортного сырья, широком использовании отщепов “случайной” формы.

Коллекция керамики из шурфов, имевших суммарную площадь 20 м², насчитывает около 300 фрагментов не менее чем от десяти сосудов. Большая часть черепков имеет примесь дресвы в тесте, обжиг разного качества. Например, сосуд № 4 обожжен очень хорошо в окислительной среде (цвет оранжево-красный), керамика плотная и не крошится. Дресвы в тесте нет или мало, видна лишь примесь песка и шамота (?). Сосуд № 1 (рис. 6, В, № 7), наоборот, рыхлый с крупной дресвой в тесте и крошится на мелкие фрагменты.

Формы венчиков сосудов типичны для фатьяновской посуды – почти прямые, чуть отогнутые наружу высокие шейки-воротнички, край которых отогнут наружу “козырьком”, либо завернут также наружу, утолщен, либо просто прямой. Два сосуда без орнамента. Такая керамика встречается не очень часто в могильниках и на стоянках (Гадзяцкая, 1976. Табл. XVII).

Типичен для фатьяновской орнаментики фрагмент с “шагающими” прочерченными линиями (рис. 6, В, № 164). В качестве выборочных аналогий можно привести горшки Скомороховского могильника (Гадзяцкая, 1976. Табл. XVII, 2), Детчин-

ского могильника (Крайнов, 1963. Табл. VIII, 18, 19). В коллекции имеется сосуд, орнаментированный оттисками зубчатого штампа, организованными в виде горизонтальной елочки. О.С. Гадзяцкая отмечала, что подобная орнаментация характерна для западных (московских) памятников фатьяновской культуры (Гадзяцкая, 1976. С. 44). Хотя, нужно заметить, что подобная орнаментация есть и в восточной части ареала фатьяновских древностей (Соловьев, 2000. Рис. 23, 5).

Три сосуда (№ 7, 110 и 161) орнаментированы рядами вертикальных бороздок по шейке венчика. Это относительно редкий вид орнамента. Например, в ивановско-горьковской группе зафиксировано О.С. Гадзяцкой лишь три подобных случая (орнамент № 33 по типологии О.С. Гадзяцкой). Сосуды, орнаментированные подобным образом, встречены и на Верхней Волге (Волкова, 1998. Рис. 19, 2). По П.Д. Степанову, орнамент в виде “забора” из вертикальных бороздок характерен для позднейшего хуласючского этапа фатьяновских древностей (1958. Рис. 11, 13). Для посуды стоянки РАНИС-пойма этот орнамент, видимо, являлся довольно характерным.

По незначительному количеству собранных углей было получено в киевской радиоуглеродной лаборатории (рук. Н.Н. Ковалюх) две датировки. Угли из основного (нижнего горизонта) дали дату 3590 ± 70 (Ki-13227), что с вероятностью в 59.5% указывает на календарный интервал 2040–1870 лет до н.э. Угли из верхнего углистого горизонта (залегал на 5–10 см выше основного) показали дату 3690 ± 100 (Ki-13226), что с вероятностью в 66.9% указывает на календарный интервал 2210–1920 лет до н.э. (калибровка проводилась по программе OxCal, версия 3.9). Инверсия незначительна, датировки существенно перекрывают друг друга. Т.е. фактически речь идет об одной дате с наиболее вероятным значением в пределах XXI–XX вв. до н.э.

Радиоуглеродная хронология фатьяновской культуры пока еще находится в зачаточном состоянии. Опубликовано всего две даты, близкие вышеприведенным – 3780 ± 130 (Le-1046); 3650 ± 80 (Le-1044) по Тургиновскому и Волосово-Даниловскому могильникам (Крайнов, 1987). Дата по Болшневскому могильнику более древняя – 3960 ± 130 (ГИН-5240). Очевидно, что для получения объективных представлений о хронологии культуры в целом и возрасте ее субгоризонтов требуется увеличение числа датировок в десятки раз.

Важно отметить, что в пылевом спектре образца из культурного слоя поселения РАНИС-пойма наблюдается сокращение участия древесных в общем составе до 60% и отмечена пыльца культурного злака (см. Приложение 2).

Поселение Царицыно-1 (Церера) исследуется Царицынской экспедицией ИА РАН начиная с

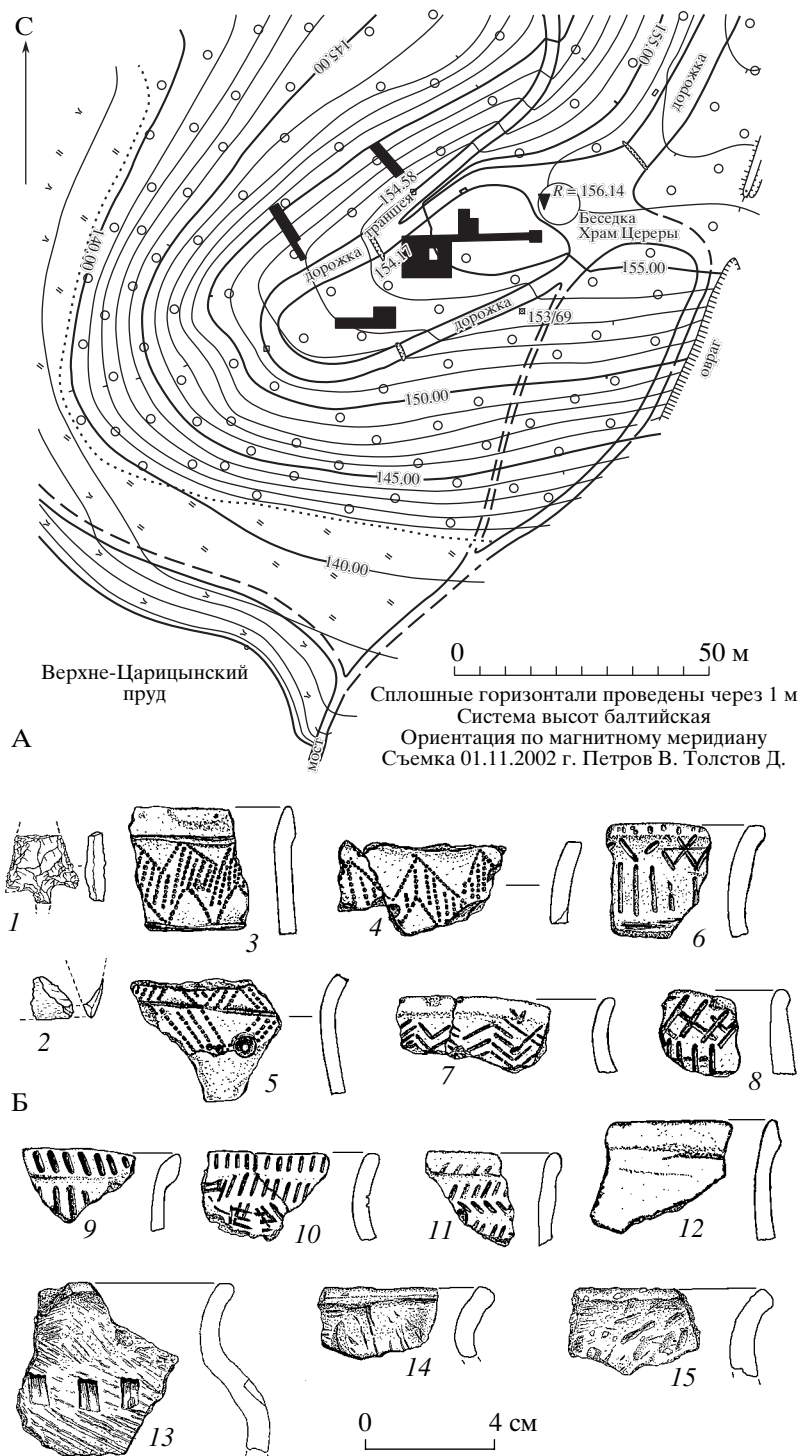

Рис. 7. Поселение Царицыно-1 (Церера) в заповеднике “Царицыно” в Москве. А – план поселения с раскопами 2004–2006 гг. Б – находки и керамика из раскопов 2004, 2005 гг. 1 – стрела из кремневой породы; 2 – скол с лезвия полированного топора (тесла?); 3–12 – керамика фатьяновской культуры; 13–15 – текстильная керамика позднего бронзового века / начального этапа железного века (рис. И. Ершова, О. Александровой, В. Раевой).

2004 г. (открыто Л.Л. Галкиным в 2000 г.). В настоящее время площадь раскопов достигла примерно 160 м² (рис. 7). Поселение занимает узкий мыс коренного правого берега р. Язвенки, площадка которого выше уреза воды на 20 м. Этот тип фатья-

новских поселений был в свое время описан П.Д. Степановым как наиболее характерный (1958). Ранний культурный слой поселения на изученных участках полностью перемешан в позднейшее время (в эпоху финальной бронзы, железного

века и средневековья). Комплекс керамики фатьяновского облика насчитывает несколько сотен фрагментов. Многочисленны фрагменты, орнаментированные различными видами зигзагов, в том числе классическим “балановским” (который отсутствует на поселении РАНИС-пойма). Есть вертикальные бороздки и косая штриховка “в клеточку”, довольно много керамики вообще без орнамента. Каменный инвентарь представлен серией орудий – три острия с выделенным жалцем (сверла?), стрела, скел с топора, отщепы с ретушью и пр.

Анализ географического распространения памятников и находок фатьяновского облика в Москворечье позволяет утверждать, что собственно долина Москвы-реки была одним из основных “стержней” расселения и хозяйственного освоения. На это указывают многочисленные находки топоров и пока малочисленные поселения в пойме, поиск которых очень перспективен, так как теперь стал ясен стратиграфический горизонт, к которому они должны быть приурочены. Ландшафт долины в это время начал существенно преобразоваться. Топоры со следами сколов и находки самих сколов (поселение Церера) однозначно указывают на вырубку лесов и формирование открытых пространств. Наличие пыльца культурного злака в разрезе РАНИС-пойма указывает на то, что где-то на относительно небольшом расстоянии от него были поля (пыльца культурных злаков обладает плохой летучестью). В то же время раскопки этого поселения показали, что как раз в эпоху существования памятников фатьяновского облика режим реки начал меняться, активизировались паводки и накопление аллювия. Это должно было “вытеснить” население на высокие берега и в долины малых притоков. Именно такое явление ярко иллюстрирует карта находок (рис. 5) и, в частности, поселение Царицыно-1.

Население, оставившее памятники фатьяновского облика, видимо, не имело “конкурентов” в долине Москвы-реки, осваивало ее совершенно свободно и заложило основы “культурного ландшафта”, проложив, таким образом, “колею”, определившую дальнейшее освоение территории.

Другой ландшафтной зоной концентрации памятников фатьяновской культуры являются озерные котловины и области (оз. Тростенское, Мещера), которые были исключительно плотно освоены уже в неолите.

Контакты и культурный обмен групп населения с различными хозяйственными укладами всегда очень перспективен для обеих сторон. Возможен широкий спектр версий, объясняющих это явление. Исследование мещерских объектов для обсуждения альтернативных гипотез “фатьяновско-волосовского взаимодействия” очень желательно.

Неясно, была ли лагуна, и какой длительности, между эпохой освоения бассейна Москвы-реки и период существования памятников фатьяновского

облика и появлением памятников с текстильной керамикой. Таких поселений поздней бронзы – начального этапа железного века в бассейне Москвы-реки известно более 40 (рис. 2). Большинство из них на площадках, где позднее будут сооружены городища железного века. Есть две группы памятников с текстильной керамикой, не перекрытых слоями городищ железного века: одна – в окрестностях Тростенского оз., другая по течению р. Нерской.

Для соседнего мещерского региона вопросы эволюции, культурной атрибуции и хронологии очень схожего материала детально разобраны в цикле работ Б.А. Фоломеева (Сулержицкий, Фоломеев, 1993), выделявшего периоды ранней и развитой текстильной керамики. Ранняя группа дат этих памятников охватывает интервал 3000–3200 лет радиоуглеродного возраста, а поздняя включает наиболее молодые даты возрастом 2500–2600 лет; т.е. разрыв с “фатьяновскими” датировками примерно в 300–1000 лет. Такой период достаточен, чтобы в результате сукцессии растительности регенерировала и приблизилась к фоновому типу. Однако нет ясных доказательств того, что длительная лагуна в освоении действительно была.

Москворечские памятники, по-видимому, в подавляющем большинстве принадлежат к поздней группе памятников с текстильной керамикой. География их распространения, безусловно, свидетельствует о том, что интенсивно осваивалась именно долина Москвы-реки и ее крупные притоки (Пахра, Истра). Количество поселений в среднем течении реки существенно возросло по сравнению с предшествовавшим “фатьяновским” периодом. В то же время в верховьях Москвы-реки, где есть фатьяновские находки, не обнаружены памятники с текстильной керамикой, которая может быть отнесена к финальной бронзе – начальному этапу железного века.

Расселение в эпоху ранней текстильной керамики, особенно в бассейне среднего течения Москвы-реки, в некоторых чертах повторяет расселение предшествовавшего фатьяновского этапа. Это может указывать как на сходство в хозяйстве – предпочтение в освоении определенного типа ландшафтов, так и на прямую преемственность. Возможно, места поселений фатьяновского времени сохраняли изменения в растительности и указывали путь более поздним насельникам. Система расселения в эпоху ранней текстильной керамики реже, чем в последующую эпоху городищ дьякова типа, но по сути идентична ей. Очень вероятно, что земледелие в это время было уже достаточно развито. В пользу этого имеются как прямые подтверждения (Краснов, 1971; Вишневыский, 1994), так и более косвенные аргументы, удачно суммированные еще А.Я. Брюсовым (1950), который показал связь явлений распространения земледелия, ткачества и появления сетчатой керамики. К сожа-

лению, по этому очень перспективному направлению никто не пошел, все искали разгадку феномена распространения текстильной керамики в культурно-этнических пертурбациях.

На площадке поселения Царицыно-1 ранняя текстильная керамика концентрируется там же, где и фатьяновская. Можно предполагать по результатам раскопок 2006 г., что это поселение было уже укреплено рвом (и валом?). До получения радиоуглеродных дат аргументы в пользу ранней датировки рва такие: а) в основании заполнения встречена лишь ранняя текстильная керамика; б) на дне рва до того, как он был заполнен мусором в первые века н.э., успел сформироваться подзолистый почвенный горизонт, на что необходимо, как минимум, несколько столетий. В соседней Мещере и на средней Оке городища получают распространение в радиоуглеродном измерении возраст 2700–2900 лет назад, а древнейшие возникают еще раньше (Сулержицкий, Фоломеев, 1993).

Сооружение рвов и валов было первым внесением искусственных элементов в рельеф, которые в силу своей высокой устойчивости и заметности стали веками, определившими дальнейшее освоение территории на много столетий вперед.

Материалы железного века и средневековья. Не так уж важно, к какому “веку” по археологической классификации будут отнесены эти памятники с текстильной керамикой: неизбежная дискретность классификации “навязывает” нам разрыв наблюдаемой относительной непрерывности. Но важно подчеркнуть, что ровного эволюционного развития от памятников с ранней текстильной керамикой к городищам дьякова типа не было. Ощущается, если не перерыв, то “сокращение жизни” и рубеж в эволюции керамической традиции. Морфология ранней текстильной керамики и текстильной керамики из нижних слоев городищ имеют существенные различия. Культурные слои с ранней текстильной керамикой обычно четко стратиграфически выделяются и имеют литологические отличия от надстилающих их горизонтов. Лишь на нескольких городищах (“Связист” в г. Звенигороде, Мамоново в Москве, Щербинское под Подольском) нижние слои включают раннюю текстильную керамику, орнаментированную гребенчатым штампом, как органическую (?) составляющую комплексов. На городище “Связист” по образцам из этого слоя получены даты около 2400 лет радиоуглеродного возраста.

В период с V в. до н.э. по V в н.э., когда с наибольшей интенсивностью функционировали городища дьякова типа и синхронные и однокультурные им селища (Кренке, Сулержицкий, 2006), плотность поселений в долине среднего течения Москвы-реки впечатляет (рис. 2). Общее число памятников этого времени достигает 250, и список непрерывно пополняется. Карта памятников в пределах самой Москвы (рис. 3), территория кото-

рой изучена наиболее детально, показывает, что освоение главной речной долины, вероятно, достигло в первые века н.э. “предельной емкости”, и началась “колонизация” долин малых рек. Данные палинологических исследований, проведенных на Дьяковом городище, показывают, что процент пыльцы древесной растительности в спектрах образцов из слоев первых веков н.э. составляет не более 30–40% (Гунова и др., 1996). Экспериментальные исследования, проведенные в Дании, показали, что подобное соотношение характеризует либо “открытые земли в лесном регионе”, либо просто “открытые земли” (Aaby, 1994. P. 17). Такие изменения могли существенно влиять на микроклимат долины, способствовать формированию агроландшафтов и остепненных ландшафтов, отличных от зональных. Недаром в слоях москворецких городищ дьякова типа столь многочисленны костные остатки лошадей. Не случайны и появления украшений с сарматскими тамгами первых веков н.э. (находки с городищ Дьяково и Луковня). Сведение лесов и развитое коневодство должны были “провоцировать” контакты с кочевниками, проживавшими всего в 500 км южнее на верхнем Дону.

Колонизация долин малых рек опять пошла “по старым следам”. Возобновляется жизнь на поселениях Царицыно-1 после примерно 500-летнего перерыва. Спорово-пыльцевая диаграмма (определение Е.А. Спиридоновой) по образцам, отобранным в яме с находками I–II вв. н.э. (радиоуглеродные датировки – 1840 ± 140 ГИН-13570 и 1850 ± 50 Ki-12845), свидетельствует, что рядом были поля (пыльца культурных злаков). В целом, по содержанию пыльцы недревесной растительности в пределах 30–40% окрестный ландшафт может быть охарактеризован как “поляны в лесу”, либо “открытые земли в лесном регионе” (Aaby, 1994).

Особенность системы расселения в бассейне Москвы-реки в железном веке состояла в том, что вершину иерархии поселений занимали не городища (как представлялось ранее), а “селитебно-хозяйственные комплексы”. Пока что выявлено и частично изучено два таких комплекса в районе Дьякова городища (работы автора) и городища Дунино под Звенигородом (работы С.З. Чернова, А.В. Алексеева и автора). Гипотеза основана на том, что многочисленные селища (читай: места, где откладывался культурный слой с керамикой, а иногда и остатками жилищ) расположены слишком близко друг от друга, чтобы быть “независимыми” ячейками системы расселения (как, например, средневековые селища). Они приурочены к формам рельефа, имеющим естественные границы и “тыльные стенки”: крутым бровкам берега, оползневым уступам. Район расположения этих “сгустков” селищ и городища имеет естественные границы. Крутой берег образует подобие гигантского театра (рис. 8). Зная, что у жителей было много скота на свободном содержании, и вокруг

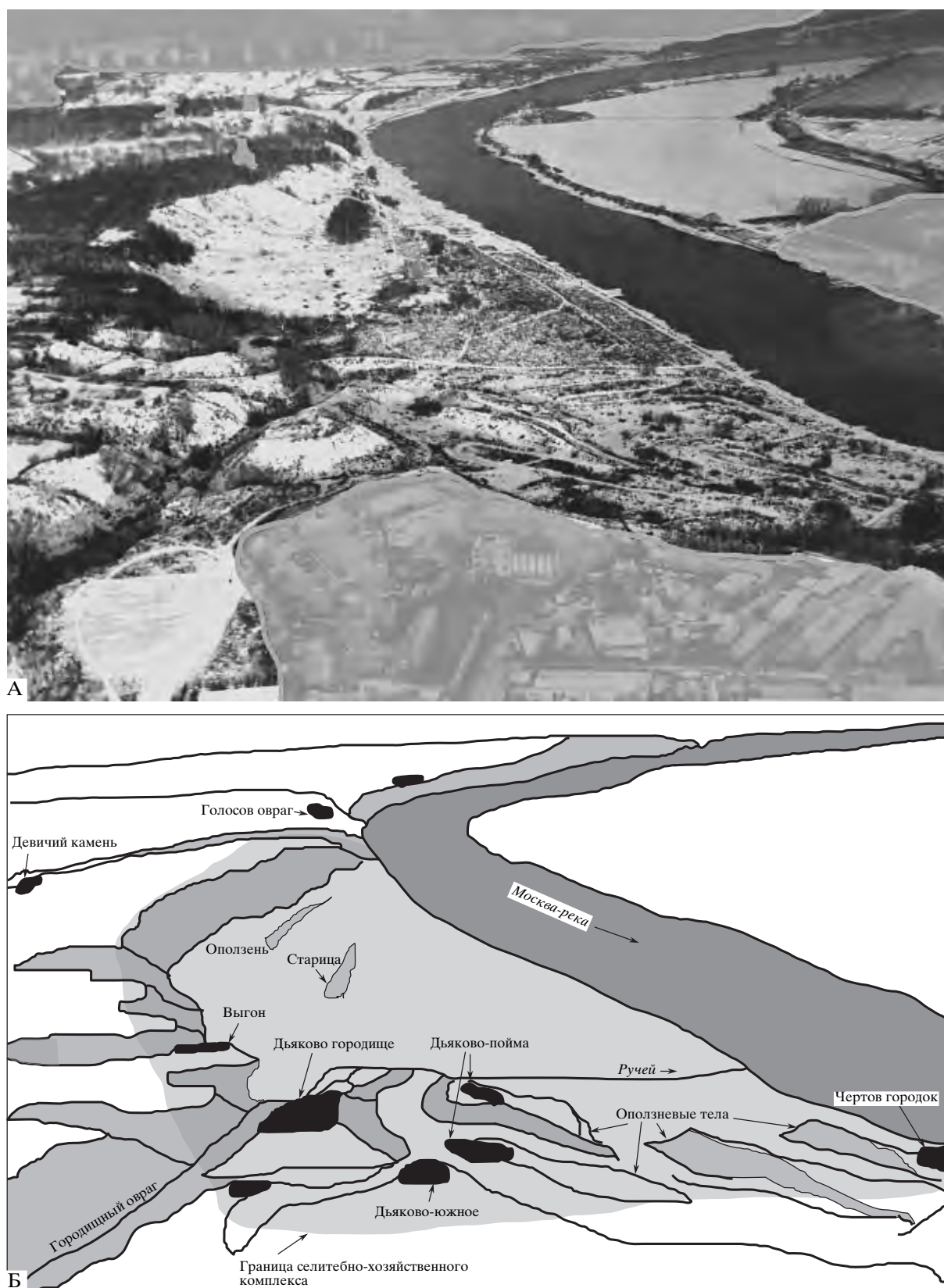

Рис. 8. Комплекс памятников железного века в районе Дьякова городища в Коломенском. А – вид с юга на Дьяково городище (снимок с вертолета А.П. Моисеенко, 1992 г.). Б – границы селитебно-хозяйственного комплекса железного века. Показана структура рельефа, археологические памятники выделены черной заливкой.

были поля, можно быть уверенным, что природный рельеф был структурирован многочисленными изгородами, которые могли иметь и другие значения (сакральные, символические, оборонительные и пр.). Вся эта система представляла собой что-то вроде “первобытного города” и ее не нужно путать с ресурсной зоной, хозяйственной округой. Форма селитебно-хозяйственных комплексов в районе городищ Дьяково и Дунино приближается к сегменту окружности, где хордой являлся берег реки между двумя мысами высокого коренного берега, подступавшего к воде. Длина этого основания около 700–1000 м. Задача будущих исследований – искать археологические следы инфраструктуры этих селитебно-хозяйственных комплексов.

Примерно в IV–V вв. в Москворечье произошли какие-то события, которые подорвали жизнь на многочисленных городищах и селищах. Регион существенно запустел. Единичные находки V–VII вв. встречены в дотопе самых заселенных местах (Дьяково городище). Но вещи ли это местных жителей или пряжка, отвалившаяся от обуви или портупеи пришельца на пепелище из археологического контекста неясно.

Средневековое расселение на начальном этапе колонизации (XI в.) имело почти линейную структуру вдоль долины Москвы-реки и ее больших притоков. В XII в. формируется совершенно новая пространственная система, основу которой составляли “виноградные гроздья” поселений и могильников, нанизанные на малые речки, впадавшие в долину Москвы-реки, которая также была плотно заселена (рис. 4). Причины этих различий, вероятно, были как социальные, так и экономические; немалое значение имел ландшафтный фактор (Низовцев, 2004).

Важно отметить, что на этом этапе наряду с пинерской колонизацией малых рек, стремящейся к их вершинам и водораздельным холмам, наблюдается и следование старым следам: предельная насыщенность памятниками XII в. именно тех мест, где были поселения железного века, при пустующих землях рядом (сравни расселение по речкам Городня, Язвенка и Чертановка).

В заключение хочется подчеркнуть, что в освоении ландшафта Москворечья, начиная с бронзового века, наблюдается явная преемственность. Говорить о племенах волосовцев, фатьяновцев, текстильной керамики и дьяковцев не приходится – это своеобразные археологические конструкции, результат процесса реификации (Тишков, 2003. С. 99; мною готовится особая статья по данной проблеме). Возможно, лишь археологические материалы первых веков н.э. дают некоторые основания судить о формировании этнической общности в долине Москвы-реки (Кренке, 1989), а в XII–XIII вв. появляется понятие “москвичи”, зафиксированное летописью в 1238 г. (НПЛ. С. 75 и примеч. 2; С. 287).

Перерывы и хронологические лакуны в заселении, конечно, были, но степень дискретности, возможно, усилена самой дискретностью археологической классификации.

Приложение 1

Описание разреза поймы р. Москвы у поселка РАНИС

Высокая пойма на правом берегу реки между пос. Николина Гора и Успенским имеет сложное строение. Здесь в разрезе РАНИС-пойма обнаружены три погребенные почвы и культурный слой бронзового века. Стратиграфия сходна с таковой у изученных ранее разрезов на Оке у Старой Рязани – Клименты и Никитино.

Строение разреза следующее:

A1 0–10 (+320 +310) см. Буровато-светло-серый легкий суглинок, рыхлый, комковатый, имеются ходы червей, много корешков, переход постепенный.

AB 10–25 (+310 +295) см. Серовато-светло-бурый легкий суглинок к супеси, комковатый. Книзу гумусовая прокраска постепенно слабеет. Переход постепенный.

BC 25 – 110 (+295 +210) см. Светло-бурый легкий суглинок, слабоуплотненный, бесструктурный, в нижней части появляется серый оттенок. В верхней части признаки слоистости (размытой под действием корней, червей, грызунов-землероев). Переход постепенный.

ПА1 110–130 (+210 +190) см. Темно-серый легкий к среднему суглинок, комковатый, слабоуплотненный. Многочисленные современные ходы червей со светло-бурым заполнением. Влажный. Переход постепенный.

AE 130–40 (150) (+190 +170) см. Серый влажный, при высыхании светло-серый с белесым суглинок. Переход постепенный.

B1t 140–210 (+180 +110) см. Бурый к светло-бурому суглинок средний к тяжелому, влажный, уплотненный, ореховато-призматичный, на поверхности ореховатых педов глинистые и гумусоглинистые кутаны (натёки или пленки иллювирирования), поверх которых при высыхании ярко выражена белесая кварцевая присыпка. Переход постепенный.

B2t 200–230 (+110 +80) см. Бурый суглинок, уплотненный, призматичный, гумусо-глинистые кутаны. Переход резкий. В нижней части единичные угольки.

КС 230–240 (+80 +70) см. Бурый опесчаненный суглинок 1, песчаная прослойка (иногда две прослойки песка), под которой лежит углистая прослойка. Кроме того, угли есть и выше нее и ниже. В этом же углистом слое основная часть кремней и керамики бронзового века. Переход резкий.

ША1 240–260 (270) (+70 +50) см. Серо-бурый тяжелый суглинок, неясно выраженная комковатая

структура, плотный, вертикальные трещины (вторичные, связанные с горизонтом B2t почвы II). Переход постепенный.

BC 260–280 (+50 +30) см. Бурый тяжелый суглинок, плотный. Вторичные вертикальные трещины. Переход постепенный.

IVA1 280–315 (320) (+30 +10) см. Черный, в верхней части более светлые пятна (кротовины и ходы), тяжелый суглинок, плотный, ореховатый (структура вторичная). Переход постепенный.

B1 315 (320) – 350 (+15 +45) см. Серовато-бурый суглинок тяжелый, плотный, внизу опесчаненный, уплотненный.

B2 350–360 см. Светло-бурый песок заиленный, бесструктурный, рыхлый.

В соседней расчистке установлено, что с глубины 4 м начинается песок русловой фации.

Три погребенные почвы существенно различаются по морфологии и генезису. Верхняя почва (почва II) имеет аналогии в других разрезах на Москве-реке. Хронологически соответствует РЖВ и раннему средневековью. Она является почвой лесного генезиса, но при этом ее гумусовый горизонт хорошо развит. Возможно образование почвы в две стадии: на профиль дерново-подзолистой почвы лесной стадии наложен (впечатан) гумусовый горизонт луговой стадии. Но вполне вероятно, что такое строение профиля просто отражает специфику лесного почвообразования на пойме: паводки, с периодически поступающими наилками, способствуют развитию гумусо-аккумулятивного процесса под лесом.

Почва III имеет аналогии на Оке (разрезы Клименты и другие), где она, однако, погребена несколько позже, в поздней бронзе (по Б.А. Фоломеву). Почва может быть классифицирована как луговая, при этом цвет ее гумусового горизонта, как и на Оке, не темно-серый, а серо-бурый. Это может быть связано как с особенностями климатических и гидрологических условий того времени, так и с небольшой длительностью формирования профиля.

Почва IV сходна с почвой из поймы Оки (там она содержит неолит). Характерна темно-серая, до черной окраска гумусового горизонта, более темная в середине и нижней части, большая его мощность. Почва может быть классифицирована как лугово-черноземная или луговая. Причины различий в морфологии и генезисе между почвами III и IV еще предстоит выяснить.

А.Л. Александровский
Институт географии РАН, Москва

Приложение 2

Результаты палинологических исследований
разреза поймы Москвы-реки у пос. РАНИС

IV спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна с незначительным участием ольхи и березы; среди

трав – полыни) описан по образцам 18, 19 из слоя погребенной почвы III (отбор образцов велся снизу вверх). В пробах присутствуют различные органические остатки, в том числе истлевшая древесина, кусочки коры, мелкие угольки и зола.

В общем составе преобладает пыльца древесных пород (63–68%), на долю пыльцы травянистых растений и споры приходится примерно по 20%.

По составу древесных пород этот комплекс близок к предыдущему. Здесь также доминирует пыльца ели (*Picea*) (40–45%) и сосны (*Pinus*) (30–33%), но кроме березы (*Betula*) (8–14%) постоянно встречается пыльца ольхи (*Alnus*) (12–13%). Присутствует пыльца широколиственных пород, таких как дуб, вяз, липа.

Для травянистых растений характерно повышенное содержание пыльцы полыней (*Artemisia*), которое в образце 19 достигает 27%. Преобладает пыльца злаков (*Poaceae*), хотя ее количество снижается до 32–40%. Среди разнотравья доминирует пыльца семейства циклориевых (*Cichoriaceae*) (8–19%) и астровых (*Asteraceae*) (10–23%).

Среди спор чаще всего встречаются зеленые мхи (*Bryales*) (49–69%) и папоротники семейства *Polypodiaceae* (22–44%). Также присутствуют споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) и хвощей (*Equisetum*).

По сравнению с предыдущим отрезком суббореального времени здесь отмечается более высокая роль сосняков, хотя по-прежнему в лесах доминирует ель. Помимо этих изменений в понижениях рельефа стало больше черной ольхи, и в составе леса несколько увеличилась роль широколиственных пород и лещины. Несколько меняется и соотношение среди лугов. Все эти изменения указывают на потепление и начало иссушения климата. Все это способствовало формированию новой почвы в пойме Москвы-реки в начале среднего суббореала, к которому приурочен ксеротермический период этого интервала. Важно отметить, что во время формирования почвы, а возможно и после этого процесса, данный почвенный горизонт был нарушен человеком, поскольку в образцах из почвы постоянно встречается пыльца сорняков, связанных с деятельностью человека и присутствуют кристаллики золы.

V спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна с участием березы, ольхи и широколиственных пород) выделяется по образцам 16–17. Этот комплекс отвечает культурному слою эпохи бронзы. В образцах много растительных остатков, в том числе истлевшей древесины. Постоянно встречается зола.

Для общего состава комплекса помимо преобладания пыльцы древесных пород (60–72%) характерно более высокое, чем в предыдущих комплексах содержание спор (18–26%). Пыльца травянистых растений составляет всего 7–14%.

Состав древесных пород схож с предыдущим комплексом. По-прежнему господствует пыльца ели (*Picea*) (34–50%) и сосны (*Pinus*) (25–37%), также встречается пыльца березы (*Betula*) (5–16%) и

ольхи (*Alnus*) (7–14%). Широколиственные породы: дуб (*Quercus*), липа (*Tilia*) и вяз (*Ulmus*) – составляют более 5%.

В группе травянистых растений происходит дальнейшее увеличение содержания пыльцы злаков, достигая 58% в образце 16. В этом же образце встречено пыльцевое зерно с характерными для культурных злаков признаками. По-прежнему часто встречается пыльца семейства цикориевых (11–14%) и астровых (7–21%). А вот количество пыльцы полыней снижается до 3–7%. Состав спор близок к предыдущему комплексу.

В окрестностях стоянки по-прежнему господствовали хвойные леса из ели и сосны. Кроме того, в лесах постоянно была примесь березы, ольхи и широколиственных пород. В период существования стоянки несколько сократилась роль лесных группировок вблизи поселения. В целом же этот комплекс мало отличается от предыдущего этапа.

Е.А. Спиридонова

Институт археологии РАН, Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Низовцев В.А. и др.* Пойменный ландшафт в долине Москвы-реки в железном веке и средневековье // *Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты*. Т. 1. М., 2004.
- Археологическая карта России. Московская область. Ч. 1–4. М., 1994–1997.
- Брюсов А.Я.* Сетчатая керамика // *СА*. 1950. XIV.
- Брюсов А.Я., Зимина М.П.* Каменные сверленные боевые топоры на территории европейской части СССР // *САИ*. Вып. В4-4. М., 1966.
- Вишневский В.И.* Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья // *РА*. 1994. № 3.
- Волкова Е.В.* Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М., 1998.
- Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа // *САИ*. В1-21. М., 1976.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А. и др.* Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // *РА*. 1996. № 4.
- Крайнов Д.А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // *САИ*. Вып. В1-19. М., 1963.
- Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // *Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР*. М., 1987.
- Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971.
- Кренке Н.А.* Глиняная пластика и некоторые особенности позднediaковских городищ Подмосковья // *СА*. 1989. № 2.
- Кренке Н.А.* Каталог памятников археологии железного века в бассейне Москвы-реки (Московская и Смоленская области) // *Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты*. Т. 1. М., 2004а.
- Кренке Н.А.* Каталог памятников археологии X–XIII вв. на территории г. Москвы // *Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты*. Т. 1. М., 2004б.
- Кренке Н.А.* Отчет о разведочных раскопках на стоянке РАНИС-пойма и селище Горышкино-3 в Одинцовском районе Московской обл. в 2005 г. М., 2006 // *Архив ИА РАН*.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д.* Хронология городищ “дьякова типа” в бассейне Москвы-реки в свете результатов радиоуглеродного датирования // *СА*. 2006. № 2.
- Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты*. Т. 1–3. М., 2004–2005.
- Лазукин А.В.* Отчет об археологических разведках на территории Одинцовского района Московской области в 2005 г. Звенигород, 2006 // *Архив ИА РАН*.
- Низовцев В.А.* Ландшафтные условия и их влияние на формирование системы природопользования на территории Москвы // *Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты*. Т. 1. М., 2004.
- Рабинович М.Г.* Раскопки в Москве на территории Зарядья в 1950 г. // *Архив ИА РАН*. № 526.
- Соловьев Б.С.* Бронзовый век марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2000.
- Степанов П.Д.* О фатьяновских поселениях // *СА*. 1958. № 2.
- Сулержицкий Л.Д., Фолomeев Б.А.* Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна Средней Оки // *Финно-угры в России*. Йошкар-Ола, 1993.
- Тишков В.А.* Реквием по этносу. М., 2003.
- Челяпов В.П., Иванов Д.А.* Фатьяновско-балановские древности в рязанском поочье // *Тверской археологический сб*. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.
- Aaby B.* NAP percentages as an expression of cleared areas // *Evaluation of land surfaces cleared from forest in the Roman Iron Age and the time of migration German tribes based on regional pollen diagrams* Stuttgart; Jena; N.Y., 1994.

Formation of the cultural landscape in the Moskva river basin from the Bronze Age up to the Middle Ages

N. A. Krenke

Summary

The article considers historical data on the development of the Moskva river basin from the Bronze Age up to the Middle Ages. The article presents the results of newest investigations of Fat'yanovo culture settlements. Alongside with continuity, the article tracks changes in the areal structure of archeological monuments in several chronological strata. Special attention is given to the extent of anthropogenic transformation of the landscape in the Iron Age. Due to reconstruction of the history of the settlement of the region, the article touches upon issues connected with the correctness of interpreting archeological terminology in terms of the “ethnic paradigm”.

АНТИЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ. ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

© 2007 г. А. А. Масленников

Институт археологии РАН, Москва

Первые обстоятельные труды по археологии и исторической географии Крымского побережья Азовского моря вышли полвека назад и принадлежали И.Т. Кругликовой. Они положили начало масштабным комплексным исследованиям, превратившим регион в один из самых изученных на пространстве боспорской хоры. До начала 1950-х годов исследовались в основном крупные города и некрополи на черноморском побережье Керченского п-ва, отчасти в его “глубинке” и на Таманском полуострове (исключение – широкие разведки неутомимого керченского краеведа В.В. Веселова (2005)). Северная часть Восточного Крыма, Крымское Приазовье, оставалась *terra incognita*, ею интересовались лишь эпизодически: историки В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, Ю. Кулаковский, В.Ф. Гайдукевич обратили внимание на информацию Клавдия Птолемея о поселениях на Меотиде (Ptol., III, 6, 4) и замечание Страбона о безлюдье его крымского побережья (Strabo, XI, 2, 6); в 1889 г. Я.И. Смирнов и А.А. Дирин составили первые записки о здешних древностях.

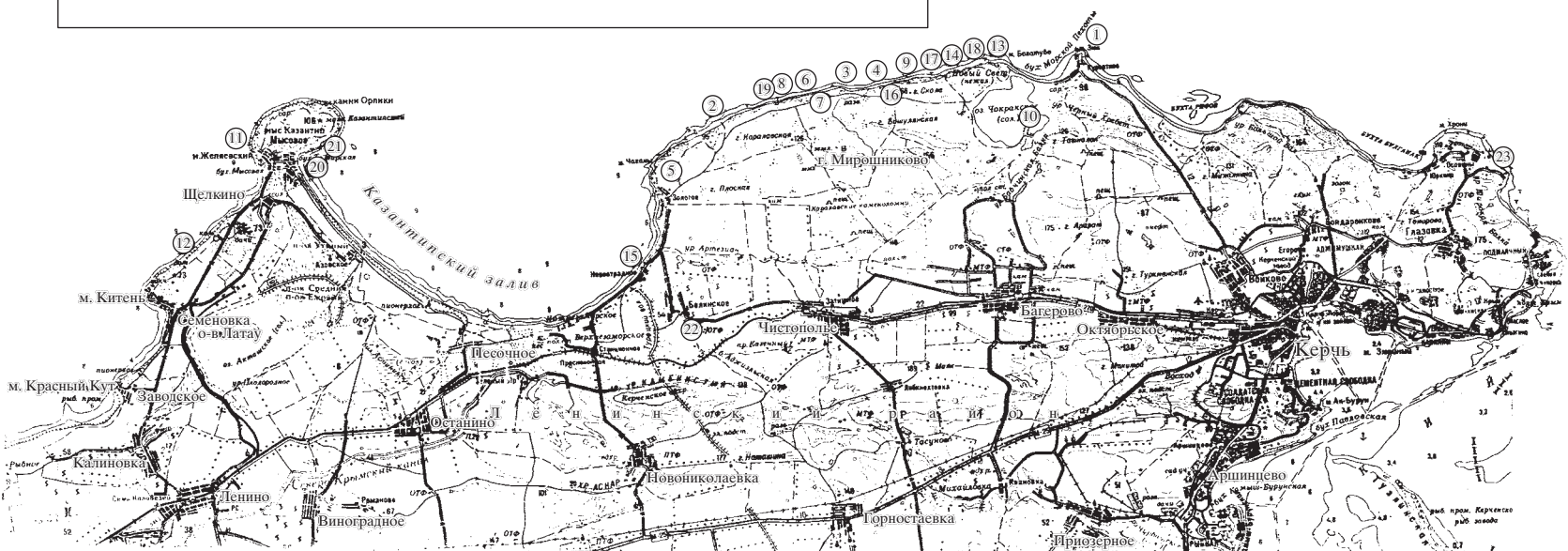
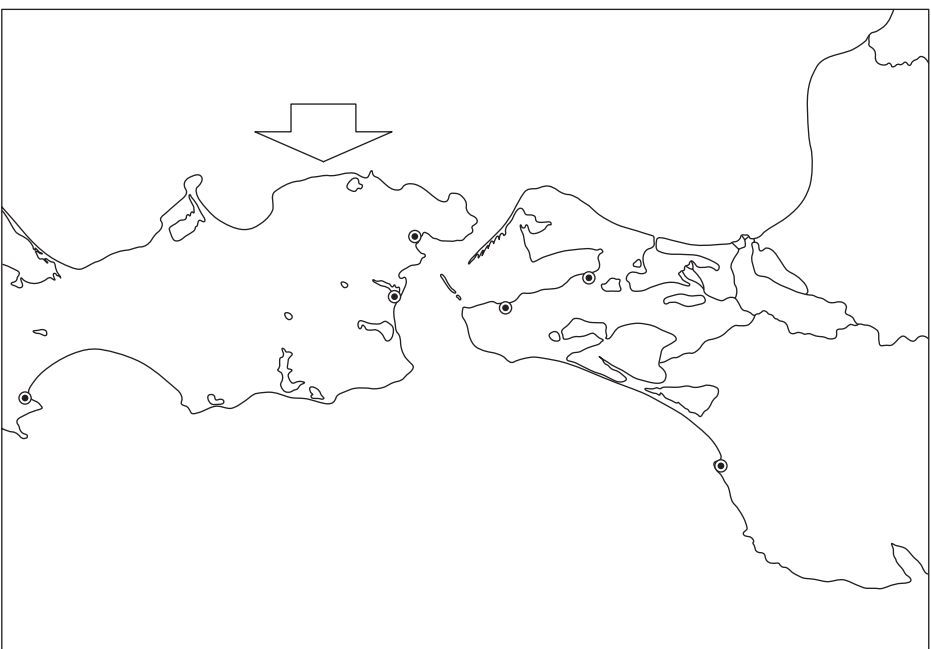
Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции ИА АН СССР (рук. И.Т. Кругликова) кардинально изменили картину. За несколько лет на побережье было открыто 21 поселение и несколько некрополей (Кругликова, 1958. С. 220). Но обследование шло неровно: оно затронуло восточную и западную части Крымского Приазовья, а не центр, так называемое Ка-

раларское побережье. Эту последнюю лакуну заполнили работы 1980–2000-х годов (рисунок).

В природном отношении Крымское Приазовье своеобразно. Регион Восточного Крыма устойчив ко многим природным факторам, но сейсмоактивен и подвержен воздействию тектонических и морских процессов (Клюкин, Корженевский, 2004; Никонов, 1990). Их сочетание породило две составляющие рельефа: скалистые, протяженные поднятия участков побережья, сложенных относительно твердыми породами сарматского известняка и значительные по площади опускания, ставшие широкими и глубоко вдающимися в сушу заливами и солеными озерами. С юга примыкает холмистая или ровная степь, с севера все омывает Азовское мелководье (всегда отличавшееся обилием рыбы). Здесь есть источники питьевой воды и грязевые сопки; распределение солнечных дней и атмосферных осадков благоприятно, почвы плодородны, растительность сравнительно богата, животный мир разнообразен и включает эндемичные виды.

Крымское Приазовье и Азовское море – молодые геологические образования, возникшие уже на памяти человечества. В последние несколько тысяч лет их природная среда принципиально не менялась, хотя в античный период берег выглядел иначе: изменялся уровень воды, состав обитателей моря, растительность, температурный и климатический максимум и минимум, роза ветров; случались сильные землетрясения, холодные

Рис. 1. Античные памятники Крымского Приазовья. 1 – поселение (городище) на мысе Зюк (Зенонов Херсонес); 2 – район урочища Сююрташ (поселение эпохи бронзы, городище III–II вв. до н.э., городище и некрополь первых веков и позднеантичного времени, сельский теменос I–III вв. н.э., святилище III–II в. до н.э. на вершине и так называемая цитадель этого же времени); 3 – урочища к западу от “Генеральской бухты” (усадебный комплекс IV–III вв. до н.э. “Генеральское-западное” и “Генеральское-западное, юго-западный склон”, поселение эпохи бронзы, некрополь первых веков и позднеантичного времени); 4 – поселение “Салачик”; 5 – район села Золотое (селища IV–III вв. до н.э. “Золотое-рожек” и “Золотое-плато”, городище II в. до – III в. н.э. и некрополь “Золотое-берег”, могильник V–III вв. до н.э. “Стоячий камень”); 6 – поселение IV–III в. до н.э. “Пустынный берег I”; 7 – поселение “Пустынный берег II”; 8 – поселение “Пустынный берег III”; 9 – усадебный комплекс IV–III вв. до н.э. “Бакланья скала”; 10 – усадебный комплекс IV–I вв. до н.э. “Чокракский мыс”; 11 – усадьба VI–II вв. до н.э. “Казантип-западный” (Мысовое); 12 – городище и некрополь позднеэллинистического времени и первых вв. н.э. близ с. Семеновское; 13 – Поселение III–I вв. до н.э. “Полянка”; 14 – Городище III–II вв. до н.э. “Крутой берег”; 15 – усадьба и “крепость” у с. Ново-Отрадное; 16 – городище и сельский теменос в восточной части “Генеральской бухты” (III в. до – VI в. н.э.); 17 – городище, некрополь и теменос позднеэллинистического, римского и позднеантичного времени “Сиреневая бухта”; 18 – городище и некрополь первых веков (до VI в. н.э.) “Зеленый мыс”; 19 – городище “Куль-тепе западное” и святилище I в. до – II в. н.э.; 20 – городище первых веков н.э. “Казантип-восточное I” (Афанасьевка); 21 – поселение III–II вв. до н.э. “Казантип-восточное II”; 22 – городище и некрополь I–V вв. н.э. близ с. Белинское; 23 – городище античного времени близ с. Осовины (Порфмий?).

зимы и засушливые сезоны. Это отражалось на хозяйстве и численности населения, но район оставался оптимальным для обитания и в античную эпоху был густо заселен.

В поздних культурных отложениях здесь встречаются каменные орудия эпохи мезолита (стоянки мезолито-неолитических охотников могли располагаться южнее Чокракского оз., на мысе Казантип и в верховьях Тарханской балки (Клюкин, Корженевский, 2004. С. 68)). Эпоха бронзы представлена древнейшими из местных курганов (в степи, недалеко от побережья). К периоду ранней бронзы и “медно-каменного века” (так называемая кемпи-обинская культура) относятся древнейшие находки монументальной скульптуры и самые большие из курганных насыпей. Погребения и находки керамики говорят о присутствии или влиянии носителей ямной культуры, но поселений IV–III тыс. до н.э. не обнаружено.

Легендарные сведения об этих краях в эпических преданиях древних греков могут восходить к эпохе от средней бронзы до раннего железа. Поселения конца III – первой половины II тыс. до н.э. образуют, вместе с более удаленными памятниками, особую группу (каменная культура; см.: Кислый, 2000. С. 200–218; 2002. С. 270–285). На античных памятниках Караларского побережья (мыс Зюк, южный берег Чокракского оз., берег Сиваша западнее южного основания Арабатской стрелки) найдены каменные топоры и их фрагменты, изделия из кремня, обломки керамических сосудов этого периода. Два поселения открыты в урочище Сююрташ: в обнажениях культурного слоя на мысу левого берега степной речки найдены обгорелые, сильно измельченные кости животных, лепной горшок баночной формы, фрагменты лепных сосудов (в том числе с характерным для каменной культуры орнаментом). Еще примечательнее большое селище в долине между степным ручьем и крутым склоном скалистого холма: слой XVIII–XVI вв. до н.э. покрывал здесь сотни квадратных метров, достигая 0,5 м и более. Селище дало десятки кремневых отщепов, наконечники, проколки, ножи, каменные грузила (овально-плоские с выемкой-перехватом), костяные проколки, а также головку миниатюрной известняковой статуэтки, напоминающей известные кикладские “идолы” III тыс. до н.э. (Масленников, Дановский, 2006. С. 78, 89. Рис. 2, 5). Керамика – лепные горшки разных форм, орнаментации, обработки поверхности, теста и единичные фрагменты гончарной сероглиняной керамики хорошей выделки. Остеологический материал (многие сотни обломков измельченных и обгорелых костей) показал, что жители занимались примитивным земледелием и, отчасти, скотоводством – охота и рыболовство занимали скромное место. Оседлый образ жизни подтверждает открытие слегка заглубленной в грунт долговременной подпрямоугольной (3,5 × 4 м) конструкции. Ее стены на высоту до 1–1,5 м сложены

из местного известняка; кладка грубая, но она говорит об известном строительном опыте. Круговая посуда и, возможно, статуэтка указывают на дальние торгово-культурные связи. Об их уровне судить сложно, но местное население было, видимо, знакомо с мореплаванием, так что контакт с районом Эгейского моря или южного Причерноморья (скорее опосредованный, чем прямой) вероятен (Кислый, 2002. С. 275–280).

Эпоха поздней бронзы – раннего железа (конец II – начало I тыс. до н.э.) дала единичные находки на южном побережье Чокракского оз. в урочищах Сююрташ и Тархан (на последнем фрагменты лепной чернолощеной керамики с нарезным геометрическим орнаментом маркируют стоянку IX–VIII вв. до н.э. (Клюкин, Корженевский, 2004. С. 71); опубликованный обломок бронзового одноушного топора-кельта может относиться к началу второй половины II тыс. до н.э. (Кругликова, 1958. С. 223. Рис. 4). Могилиники этого и предшествовавшего времени на побережье неизвестны: население было редким и непостоянным (полукочевые племена, возможно, родственные части обитателей Крымских предгорий).

С этой и, возможно, гораздо более ранними эпохами связано строительство первых полевых оборонительных сооружений на полуострове: земляного вала у села Семеновка вблизи Казантипского п-ва; Чокракского; так называемого третьего (северного) Тиритакского вала (Масленников, 2003. С. 117–189, 196–256). К предскифской (раннескифской?) эпохе нужно относить самое знаменитое, но наименее сохранное из древних земляных укреплений Керченского п-ва: слабые следы вала и рва, еще видимые недавно западнее южной оконечности Арабатской стрелки, на крутом берегу современного Сивашского оз. (в древности – одного из заливов Азовского моря). Если версия его появления, изложенная Геродотом, верна, то ров выкопан в самом начале VI в. до н.э. или чуть ранее (Масленников, 2003. С. 8–36).

До появления греков южное побережье Азовского моря было малоллюдно. Лишь к концу VI в. тут отмечено редкое население, этнокультурно близкое таврам юго-восточного Крыма. Оно оставило яркие памятники погребальной архитектуры: грубые каменные ящики с кольцевыми оградками-кромлехами. Гробницы обычно расположены на высоких местах, часто вблизи побережья, группами или в одиночку, и хорошо заметны благодаря поставленным на ребро плоским камням, почти не перекрытым насыпью (это характерно для ранних могил, VI–V вв. до н.э.). Со временем размеры погребальных камер и диаметр колец, заполненных внутри камнями и щебнем, увеличились. Находки рисуют небогатый быт полуоседлых пастухов, осваивающих хлебопашество (почти все гробницы ограблены в старину или в недавнее время (Масленников, 1995)).

Около второй четверти IV – первой трети III в. до н.э. появляются селища с простыми одно- и многокамерными жилищами и многочисленными ямами. Находки на них говорят о регулярных торговых-обменных контактах с местными греками и об их культурном влиянии. Селища с могильниками раскопаны у Казантипа (Мысовое), с. Золотое (урочища “Золотое-Рожок”, “Стоячий камень”) и в урочище Куль-Тепе (Караларское побережье) (Кругликова, 1958. С. 225, 226; 1975. С. 59–80; Бессонова др., 1988. С. 77–96; Масленников, 1998. С. 76–88). Восточнее так называемого урочища Кашара непосредственно в зоне побережья “варварских” селищ пока не выявлено. Погребальные комплексы встречаются вдоль всего Караларского побережья, восточнее (до г. Хрони) и западнее (почти до Арабатской стрелки и на мысе Казантип).

Памятников, условно относимых к чисто скифской культуре раннего периода (VII–V вв. до н.э.), как и на всем Керченском п-ове, здесь почти нет, но загадочные зольники и отдельные обломки посуды в насыпях более древних курганов (следы тризн?) считаются “сакрально-этническими пограничными метками”. Возможно, со временем тут сложился особый восточно-крымский вариант скифской культуры и этноса. Самые поздние объекты этой группы датируют концом первой трети III в. до н.э.

Первые следы прямого греческого присутствия (амфоры, чернолаковая посуда конца VI – начала V в. до н.э.) обнаруживают на памятниках, связанных скорее с варварским, нежели эллинским, этносом. Это фрагменты амфор, киликов, леканы последней четверти VI – начала V в. до н.э. у родника к югу от Чокракского оз. (Масленников, 1998. С. 36–41); амфорный бой второй четверти – конца V в. до н.э. в двух культовых зольниках на Караларском побережье; обломки амфор того же времени в насыпи кургана на северной оконечности Узунларского вала (Масленников, 2004. С. 250, 251; 2005. С. 13–17). Редкие фрагменты амфор V в. до н.э. есть почти на всех многослойных городищах более позднего времени (Генеральское-западное, Салачик). Постоянных греческих поселений V – начала IV в. пока не выявлено (кроме мыса Зюк, где древнейшие находки относятся к последней трети – четверти VI, а слои античного происхождения – к середине первой четверти V в. до н.э. (Масленников, 1992. С. 127–141)). Это странно, учитывая природно-климатические характеристики и будущее развитие региона. Раннее знакомство эллинов с бассейном Меотиды и даже нижним Подоньем (в частности – появление фактории (эмпория) у современного Таганрога не позже последней четверти VII в. до н.э.) предполагает периодические посещения изучаемой территории. То ли греки не находили ее привлекательной для поселения, то ли следы их стоянок не обнаружены.

Подлинное освоение ими Крымского Приазовья начинается со второй четверти IV в. до н.э.,

вероятно, по инициативе властей Боспорского государства. Обживание полуострова было синхронным и как бы встречным: боспорскими греками с востока (отчасти юга и севера) и местными крымскими варварами – в обратном направлении. В IV – первой трети III в. до н.э. здесь было несколько своеобразных, крупных поселений. Для них характерны: обильные и разнообразные находки, свойственные образу жизни эллинов; правильная, но с разной планировкой помещений застройка; черепичные кровли и другие элементы благоустройства, отвечающие практике греческого строительства; производственные сооружения античного происхождения (винодельни, относящиеся к самым сохранным и древним в Северном Причерноморье). Поселения специализировались на торговле с местными варварами, хлебопашестве, виноградарстве и отчасти рыболовстве. По административному статусу это, видимо, локальные центры царского землевладения (особой формы собственности, сложившейся на Боспоре именно в это время), что подчеркивают остатки укреплений, постройки и находки сакрального назначения на самом большом из них, Генеральском-западном (Масленников, 2002а. С. 171–191). Не исключено, что помимо боспорских греков (зависимое от власти население, военные колонисты, торговцы и т.п.) здесь жили варвары.

Генеральское-западное — комплекс построек, отстоявших друг от друга на расстоянии от десятков и сотен метров до 1.5–2.5 км (раскопано более 7000 м²). Они синхронны, но отличаются по площади, планировке, функциям и археологической характеристике. Центральная часть усадьбы – три близко стоящих здания, обнесенные с напольной стороны двумя разновременными рвами и валом. Не уступал по площади и “пригород” на юго-западном склоне холма, в небольшой долине (здесь уже открыто два блока помещений). Между ними, на вершине соседнего холма, стояла “цитадель”. К востоку, недалеко от прибрежного “центра” – особо плотно застроенный участок у колодца с культовым местом на вершине прибрежной скалы (“Салачик”). В 1 км к западу и в 150–200 м от моря на небольшой возвышенной террасе полностью раскопан сезонный винодельческий комплекс с большим подвалом и почти квадратным двором (“Пустынный берег” II); еще в 350–400 м западнее, на берегу моря стояла небольшая усадьба (три помещения и частично вымощенный двор) на одну-две семьи, занимавшихся рыболовством, виноделием или огородничеством (“Пустынный берег” I); далее на запад (650–700 м) в небольшом удалении от моря – поселок скотоводов или земледельцев на трех террасах крутого западного склона прибрежной скалистой гряды (“Пустынный берег” III). Наконец, на вершине холма недалеко от “винодельни” стояла сторожевая круглая башня (Масленников, 1998. С. 50–72; 2002б. С. 281–296; Масленников, Ломтадзе, 2003. С. 191–216). Это

единый хозяйственный комплекс, построенный в античной строительной традиции. Типологическая и хронологическая общность амфорного материала говорит о распределении продукта жителям этой “хозяйственной агломерации” из общего центра и/или по единому плану (Ломтадзе и др., 2004. С. 142–160). Две громадные, обложенные каменной кладкой цилиндрические ямы (диаметр 6–7 м, глубина не менее 5 м) служили, видимо, для недолгого хранения зерна, свозимого со всей округи перед отправкой в Пантикапей. Сопутствующие погребальные комплексы не выявлены: создается впечатление, что обитатели предпочитали хоронить умерших на стороне (возможно, здесь жили периодически, летом и осенью?).

Аналогичный центр того же времени – усадебный комплекс “Бакланья скала” располагался в нескольких километрах восточнее. Он компактнее: главное здание с прекрасной виноподельней и другие строения окружали по периметру общий двор; эта планировка близка классической сельской усадьбе. Хронология, видимо, несколько уже (конец IV – первая треть III в. до н.э.); отличается характеристика амфорной тары и прочей керамики (Масленников, 1998. С. 69–71; Федосеев, 2004. С. 366–403); при обилии кровельной черепицы почти нет клейменных керамид; нет и сооружений, указывающих на распределительные функции.

Описанные комплексы явно не были “коллективными усадьбами”, хорошо известными на хоре того же времени в западном Крыму, но имели одного хозяина, состоятельного и влиятельного. Здесь есть здания, существенно выделяющиеся находками, качеством строительства, планировкой и интерьером (“хозяйские апартаменты”), но зато нет следов типично полисной системы землераспределения и землепользования, клеров (участков ортогональной планировки), известных в других районах Керченского полуострова (Масленников, Смекалова, 2005. С. 276–306). Многочисленные следы террасирования и иного землеустройства, при всей масштабности, указывают на иную систему хозяйствования и отношений собственности. Эпиграфические находки (граффити, дипинти) с центральной части усадьбы Генеральское-западное можно, с осторожностью, трактовать как следы присутствия среди его обитателей представителей династии Спартокидов.

Перед нами – не дальняя полисная хора с коллективными поселениями граждан Пантикапея или других социальных групп (военные поселения, апойки), а зоны иной правовой и хозяйственной организации, точнее специализации. Это локальные центры владений, центры той хозяйственной структуры, которую можно условно назвать “царской хорой” боспорских Спартокидов докризисного или доэллинистического периодов их истории. В свете развернувшейся дискуссии (Сапрыкин, 2006. С. 171–201) отметим важнейшее об-

стоятельство. Сама по себе классическая полисная хора ни по площади, ни по организации, ни по традиционной хозяйственно-экономической составляющей и возможностям нигде в античном мире не была способна и не рассчитывалась на производство (тем более стабильное, массовое и продолжительное) товарного продукта, особенно зерна. Это противоречило самой сущности античного полисного землеустройства и землепользования. На Боспоре же именно в этот период экспорт зерна играл определяющую роль в жизни государства (Кузнецов, 2000. С. 107–119).

Другое звено в системе организации хоры – усадьба на узком длинном мысу, выступающем с юга в Чокракское оз. В ее центре бывшее, почти квадратное в плане двух-трех этажное здание с массивными, частью рустованными, внешними стенами. К востоку и западу от него, как бы перегородившая мыс, идет ряд подсобных помещений, огражденных с юга рвом и валом. Появившись не ранее второй четверти IV в. до н.э. на месте уже упоминавшегося раннего поселения (хозяйственные ямы дали материал второй четверти–середины V в. до н.э.), оно жило до конца первой трети III в. до н.э. После продолжительного запустения его отстроили (около второй половины II в. до н.э.), сохранив основные элементы прежней планировки. Усадьбу отличало высокое качество строительства. Добавочно усиленная с напольной стороны двумя (?) рвами и валом, она была сожжена и покинута в последней четверти I в. до н.э. (Масленников, 1998. С. 67–72). Вся территория мыса к северу от усадьбы покрыта невысокими параллельными земляными (отчасти на основе скопления камня) валиками, идущими в широтном направлении через каждые 5–7 м. Эти стенки-ограды, наряду со специально вырытыми траншеями и каменными “вымостками”, видимо, были элементами особого землеустройства – виноградников или огородов. Находки (обломки и клейма амфор, монета) датируют усадьбу IV–III вв. до н.э. Следы земельных наделов прослежены и на более отдаленных участках к югу и юго-востоку от мыса (Смекалова, 2006. С.), но их труднее датировать.

Крупную постройку усадебного типа на прибрежном плато у западной оконечности Казантипского мыса (с. Рыбное, бухта “Русская”) отличают характерные для античности регулярные элементы: расположенные по периметру помещения обрзовали один или два двора (внешние стены – северная, часть западной и др.) добавочно укреплены параллельной грубой кладкой), раскопки И.М. Безрученко (см. также: Масленников, 1998. С. 61, 64, 65). Усадьба возникла не ранее середины IV в. до н.э. и жила до второй половины III в. до н.э. (чуть дольше?). Ее социальная принадлежность менее определена: вблизи не видно следов земельных наделов; у раскопанных участках застройки нет выраженной “господской” части; “ин-

терьер” помещений менее представителен, как и массовый археологический материал. Очевидно значение памятника в том, что это крайний форпост боспорской дальней хоры в Приазовье. Принадлежал ли мыс и окрестности боспорским правителям — неясно, но стратегическая и торговая роль их местоположения очевидна ввиду удобства для мореплавателей, стремившихся к северо-западным берегам Меотиды.

Побережье западнее мыса Казантип, несмотря на явное сходство природных условий с Караларским районом, пустынно; исключение — возможное поселение на месте или вблизи хорошо известного более позднего городища у с. Семеновское. Поселение IV–III вв. до н.э. у дер. Набережная И.Т. Кругликова считала одной из варварских “деревень” (1958. С. 226), но тщательный анализ аэрофотосъемки не подтвердил существования “земельных наделов”: параллельные структуры есть, но следов ортогональной системы землепользования нет.

В первые века новой эры район был слабо обитаем, хотя ряд мест на побережье, по аналогии с Караларом, просто создан для укреплений. Далее, к югу и юго-западу за Парпачским хребтом (основной водораздел, тянущийся с востока на запад в центре восточной части полуострова) начинались, вероятно, земли Феодосийской хоры. Однако разведки на Приазовском побережье, в районе основания Арабатской стрелки и западнее, результатов не дали.

Итак, практически все Крымское Приазовье в IV–III вв. до н.э. и позже являлось владением правившей на Боспоре династии; хозяйственный и демографический потенциал территории был одной из экономических основ ее власти. Столь важной роли в жизни Восточного Крыма регион не играл ни прежде, ни позднее, а его население не было столь многочисленным, эллинизованным (точнее, эллинско-античным) по происхождению и культуре.

Археологические памятники этого периода также самые яркие. На них выделяются два строительных периода, разделенных катастрофой или кризисом конца третьей четверти IV в. до н.э. Он коснулся и античных усадеб, и “варварских” селищ, но местное население благополучно пережило кризис (иногда можно говорить о разрушениях, они особенно отчетливы на комплексе Генеральское-западное: Масленников, 2004. С. 20–27). Мы видим здесь следы военного конфликта между боспорскими правителями и скифами, о котором упомянул Демосфен в речи против Формиона (Dem. 34.8). Во всяком случае, дата (около 328 г. до н.э.) отвечает данным археологии. В свете известного о крымских скифах IV–III вв. до н.э. можно думать, что в конфликт был втянут кто-то из местных “династов”, с которыми боспорские

Спартокиды то мирились, то ссорились от конца V в. до н.э., по крайней мере конца II в. до н.э.

В конце первой трети III в. до н.э. жизнь на всех поселениях Приазовья прекратилась. В одних местах это сопровождалось разрушением и пожаром; другие просто покинуты, иногда временно. Вопрос о причинах и конкретных проявлениях мощного, общего для всего Северного Причерноморья кризиса давно занимает исследователей. Этот рубеж местной истории отметила уже И.Т. Кругликова, хотя в ее распоряжении было существенно меньше археологических материалов (1958. С. 227). Все более очевидно, что Боспорское государство готовилось к отражению внешних угроз, особенно на западном направлении (есть археологические свидетельства сооружения Узунларского вала именно в это время, см.: Масленников, 2003. С. 36–113, 210–214). Самый обжитой район полуострова, Приазовье, по которому издавна проходили основные пути движения к крымским переправам, ощутил это в наибольшей степени. Вопрос об этнической атрибуции противника не решен (скифы дальние и ближние, кельто-фракийцы, сарматы?), но этно-политическая ситуация явно изменилась в неблагоприятную для античных государств сторону, что прежде всего сказалось на состоянии их хоры, особенно дальней. Какое-то время после катастрофы 270-х годов до н.э. уцелевшее местное население пыталось приспособиться к новым условиям и наладить жизнь. Следы этого есть на крупнейших поселениях (Генеральское-западное, Бакланья скала, Казантип-западный; см.: Бужилова, Масленников, 1999. С. 212–217), но, за исключением самого значительного на мысе Зюк, о дальнейшем непрерывном существовании говорить не приходится.

Следующий исторический период, III–II вв. до н.э. — один из самых смутных. Поскольку практически все памятники дальней боспорской хоры исчезли, большая часть полуострова, в том числе Приазовья, на короткое время опустела (начало или середина второй четверти — третья четверть III в. до н.э.). Возрождение началось спустя полтора–два десятилетия, причем исключительно в том же регионе. Вслед за И.Т. Кругликовой мы полагали, что прежнее сельское население европейской хоры Боспора ушло в менее опасные места, на побережье Азовского моря. Взамен появились поселения совсем иного облика: хорошо укрепленные, компактные городища на высоких обрывистых мысах, удобных для обороны. Сейчас, с учетом отмеченной лакуны, картина рисуется иначе. Речь должна идти не о прежнем, а о новом населении. Это не уцелевшие обитатели “царских” усадеб и “скифских” деревень и не их потомки, а носители иного этнокультурного компонента, судить о котором позволяют раскопки новых поселений. Их немного, но они очень показательны.

Городище Золотое Восточное (Сююрташ), самое большое в Приазовье (около 2 га), занимает вершину высокого холма, ограниченного с юга и востока глубоким оврагом и ручьем, с севера – береговым обрывом, а с запада высотами-сопками урочища. На И.Т. Кругликову городище произвело большое впечатление местоположением, размерами, мощью оборонительных стен (толщина 2.8–3.2 м) с прямоугольными выступами-бастионами. Ирина Тимофеевна исследовала городище и сравнила его с укреплениями на вершине горы Опук (Кругликова, 1957. С. 130; 1958. С. 220–224; 1975. С. 99–101; подробная характеристика: Масленников, 1998. С. 90–100). Раскопки первой половины 1950-х годов затронули в основном стены городища; работы, проведенные нами 30 лет спустя, позволили понять его внутренний облик (вскрыто около 2000 м²). Они резко контрастируют с солидными укреплениями. В относительно правильную общую планировку вписаны примитивные, большей частью плохо сохранившиеся жилища. В основе плана – прямоугольные блоки-кварталы, лежащие вдоль основных улиц на невысоких естественных и искусственных террасах. Бросается в глаза низкое качество кладки, отсутствие черепицы, обилие лепной посуды. Строители все ресурсы обратили на укрепления, мало заботясь о жилищах, не имея возможности или навыка в их сооружении. Скорее всего, здесь, как и на одном-двух меньших по площади городищах побережья (“Крутой берег”), обитало смешанное греко-варварское население. Анализ лепной керамики позволяет наметить аналогии с позднескифским комплексом. К сожалению, нам неизвестны некрополи этих городищ, которые могли бы помочь в определении этноса. Но уже то, что по внешним признакам их кладбища отличались от соседних могильников более раннего времени, достаточно показательно. Уточненная хронология И.Т. Кругликовой для поселения Золотое Восточное показывает, что оно возникло не ранее третьей четверти III в. до н.э. и дожило до рубежа II–I вв. до н.э. или первых десятилетий I в. В середине II в. до н.э. здесь и на поселении “Крутой берег” отмечены следы перестройки.

Причины прекращения жизни на этом и синхронных ему городищах побережья – спорный вопрос в истории боспорской хоры. И.Т. Кругликова видела здесь следствие утверждения на Боспоре власти Митридата Евпатора (1957. С. 137; 1975. С. 99–101). Палеосейсмологи и геологи пытались связать запустение с землетрясением 63 г. до н.э. Его следы выявлены при обследовании на мысе Зюк: огромные глыбы, отколовшиеся от основной, возвышающейся над городищем скалы, скатились, перекрыв слои, предшествовавшие середине I в. до н.э. Эти наблюдения определили максимальную (ок. 9 баллов) сейсмоопасность региона. Однако прямого хронологического совпадения нет: население покинуло почти все поселения При-

азовья раньше, около середины 80-х годов I в. до н.э.¹ Причиной могли стать варвары, которым последние (или не только последние?) Спартокиды платили все возрастающую дань. Возможно, сказалась и первая война Митридата с Римом. Вероятно (хотя доказательств пока немного) появление новых воинственных соседей (сатархи?), тревоживших Боспор именно в это время (Масленников, 1981. С. 70–72).

В Приазовье III–I вв. до н.э. жизнь продолжалась также на месте усадьбы на западе Казантипского мыса; находки и слабые или плохой сохранности слои этого времени известны на ряде поселений, в целом относящихся к более позднему времени (Казантип-восточный II, “Полянка”, “Генеральское-восточное”, “Сиреневая бухта”, Ново-Отрадное, “Зеленый мыс”, на мысе Зюк (Зенонов Херсонес)).

Этнокультурный состав населения Крымского Приазовья VI–II вв. до н.э. остается проблемой (его реконструкцию затрудняет малая известность некрополей). Для докризисного периода (до первой трети–середины III в. до н.э.) можно говорить о соседстве греков и варваров как основных этнических групп, но позже столь четкого деления уже нет. Судя по раскопкам сакральных объектов вблизи поселений “Генеральское-восточное” и “Сиреневая бухта”, религиозные представления их обитателей в конце III–I вв. до н.э. были основаны на эллинском пантеоне и традициях; доминировали земледельческие культы (включая явления, уже архаичные для обыденной сакральной практики в эллинской “метрополии”); следов варварских культов не обнаружено (Масленников, 1997. С. 150–172; 1999. С. 125–133; 2002в. С. 194–197). Примечательно, что эти сельские святилища почитались и в последующие века.

Новый расцвет Боспорского государства пришелся на I – первую треть III в. н.э. Археологически на пространстве боспорской хоры он нигде не проявлен так отчетливо, как в Крымском Приазовье. И.Т. Кругликова выявила и начала исследовать укрепленные поселения-городища “римского” времени; эталонным памятником сельской территории стало почти полностью раскопанное Семеновское поселение. Сейчас число таких объектов выросло вдвое: городища первых веков располагались на побережье Казантипского анклава и Караларского района через каждые 3–5 км; иные

¹ Предположения о сейсмических катастрофах, имевших место в начале III в. до н.э. и около середины III в. н.э., представляются сомнительными, хотя имеют немало сторонников (Никонов, 1990; Винокуров, Никонов, 1998; 2004. С. 95–103; Иванов, 2005. С. 23). Ими подчас объясняют все следы разрушений III в. н.э. на огромной территории от Нижнего Подунавья до Северного Кавказа. Эта заманчивая гипотеза предполагает “глобальный” катаклизм в масштабах более широких, чем Северное Причерноморье. Но он не отмечен ни письменными источниками (а их для этого периода достаточно), ни геологическими изысканиями.

зоны были во всех отношениях менее привлекательны и остались незаселенными.

В последние годы выявлена группа памятников, которых не заметили первоисследователи Приазовья. Это объекты и слои с относительно узкой датировкой в пределах I в. до н.э. Интересные материалы, в том числе сакрального и нумизматического характера, дали поселения Ново-Отрадное и “Полянка” (Масленников, 1998. С. 128–135; 2006; Кругликова, 1998. С. 143–185; Фролова, 1998. С. 53–75). Довольно близко от побережья раскопаны две из сторожевых башен, стоявших вдоль Узунларского (Асандрова) вала (Масленников, 2003. С. 75–86, 97–103). Абсолютная датировка этих памятников в пределах указанного времени спорна: согласно одним представлениям, они существовали в 60–40-х годах до н.э.; по другим, их следует относить к периоду середины 40-х годов – середины последней четверти I в. до н.э. Так или иначе, связь их с известными событиями местной истории очевидна.

Не менее очевидно, что примерно в то же время происходит кардинальная перестройка (или появление) прибрежных городищ. И.Т. Кругликова суммарно относила их к I–III вв. н.э., иногда расширяя дату до IV в. (1958. С. 227; 1975. С. 101–137). Сейчас можно уверенно говорить и о других периодах: перемены отмечены в середине I в. и, видимо, в конце следующего столетия. Еще важнее, что современные раскопки позволяют уточнить время их гибели и запустения побережья. Его долго относили, в связи с очередной волной “готских” походов, к концу 60-х – 70-м годам III в. н.э., но раскопки поселений Ново-Отрадное, Семеновка и Золотое-восточное (в бухте) дали материалы и слои по крайней мере первой половины IV в. (Кругликова, 1975. С. 135–137; 1998. С. 161–163). Пострадала большая часть Приазовских поселений. Золотое, Ново-Отрадное, Семеновка, Афанасьевка, расположенные западнее урочища Сююрташ, позже пришли в запустение или возродились лишь отчасти и ненадолго. Окончательно их жизнь замрет на рубеже первой и второй четверти IV в. н.э. (возможно, в связи с так называемыми боспорско-херсонесскими войнами, реальность и даты которых остаются предметом споров). Городища, находившиеся восточнее (Золотое-восточное в бухте, “Генеральское-восточное”, “Салачик”, “Сиреневая бухта”, “Зеленый мыс”, мыс Зюк) дожили до конца первой – начала последней трети VI в. н.э. (Масленников, 1998. С. 175–178). Кризисы и перестройки на них связаны с событиями рубежа первой – второй четвертей IV в. н.э.; второй половины или конца того же века; конца первой четверти V в. н.э.; начала второй четверти VI в. н.э.; 570–580-х гг. н.э. (Масленников, 1998. С. 175–177; Сазанов, Мокроусов, 1996. С. 88–107; 1999. С. 167–223; Фролова, 1989; Зубарев, 2006. С. 187–193). Отметим, что даты многих типов находок в пределах указан-

ного времени постоянно меняются, спорны или мало разработаны и слишком широки. Например, V в. н.э. предстает либо полной лакуной, либо временем столь же полного благополучия. Впрочем, здесь намечаются некоторые подвижки.

Очень важны для позднеантичной хронологии самые исследованные из больших городищ: Белинское (Зубарев, 2002. С. 120–129), мыс Зюк и “Зеленый мыс” (первое, правда, отстоит от Азовского побережья примерно на 5 км, но, несомненно, входит в Приазовскую природно-историческую зону). В эпоху наивысшего расцвета “римского” Приазовья эти поселения были не только хозяйственно-демографическими ячейками дальней боспорской хоры, но выполняли военно-оборонительные функции. Вместе с синхронными им поселениями-крепостями полуострова, несколькими основными дорогами и линиями полевых укреплений (валов и рвов) они составляли “пояс” обороны западных рубежей государства. Их обитатели, вероятно, имели права и обязанности, близкие военным поселенцам на царских землях. На жителей городищ возлагались задачи по охране побережья и акватории в периоды, когда Меотиды переставала носить статус “боспорского озера”.

Демографическую и поселенческую стратификацию можно представить следующим образом. Все приазовские поселения рубежа новой эры (немного ранее?) – середины-третьей четверти III в. н.э. различаются в зависимости от площади основной (укрепленной) части и по принципу планировки, линейной или ортогонально-замкнутой (Масленников, 1998. С. 136–173). К “линейной” группе относятся все поселения Приазовья, кроме одного, у с. Ново-Отрадное. Существовавшая здесь неукрепленная усадьба в I в. до н.э. была перестроена и усилена двумя башнями; на рубеже эр ее превратили в крепость-форт, почти квадратную в плане. Позже, в конце II или начале III в. н.э., мощные стены еще усилили. Такого рода крепости более характерны для глубинных районов полуострова.

Традиция строительства укрепленных усадеб-фортов заимствована, вероятно, из Малой Азии. Остальные городища, типа Семеновского, могли появиться на местной крымской основе, в них много общего с так называемой позднескифской фортификацией. Цитадель располагалась на самом высоком прибрежном холме с относительно крутыми склонами; рядом у подножья (но тоже на возвышенном месте) строили род предградья со своей внешней линией обороны. На соседних господствующих высотах ставили дополнительные башни или иные строения, в том числе святилища. Такая схема соблюдалась не всегда, были городища и более простой планировки.

Внутренняя планировка основана на рядах кварталов из однотипных, маленьких домов-помещений в один-два этажа, к которым примыкали крохотные мощеные дворики со стойлами и кор-

мушками для скота и хозяйственными ямами. В помещениях часты очаги. Интерьер жилищ и облик находок удивительно однообразен и, как правило, небогат. Кварталы разделены неширокими улочками и узенькими переулками. Террасная застройка усложняла планировку, а солидные, хотя простые до примитивности (по античным понятиям) укрепления подчеркивают общее впечатление скученности, тесноты и единообразия этих поселений-казарм. Здесь нет площадей, колодцев, крытых водосточков, и вообще общественных сооружений.

Эта группа городищ изучена неравномерно. Кроме поселения у с. Семеновка частично раскопан Казантип-восточный I (Афанасьевка); небольшие работы (давшие, в частности, остатки рыбозасолочных цистерн) проведены на поселениях Золотое, “Салачик” и “Генеральское-восточное”. Раскопанное вблизи последнего на вершине господствующего холма сельское святилище (функционировало после перестроек с рубежа эр примерно до середины III в. н.э. или чуть далее) состояло из нескольких обособленных однотипных строений с алтарями и возвышениями для приношений внутри. Отсюда происходят обломки терракот и вотивной, в основном тонкостенной, столовой посуды. Аналогичный объект исследован рядом с поселением “Сиреневая бухта” и в урочище Сююрташ. На мысе Зюк вскрыта примерно треть площади предполагаемой застройки, преимущественно с остатками слоев и строений первых веков новой эры (винодельни; небольшая, хорошо вымощенная площадь; сеть водосточков и водосборников; следы городской стены). Затронуто раскопками поселение у с. Осовины; о слоях на городищах Золотое-восточное (в бухте) и “Зеленый мыс” сказано выше.

Вблизи почти всех поселений, включая Новотрапное, исследованы колодцы и грунтовые некрополи, давшие материал для этно-культурной характеристики. Погребальный обряд, типы погребальных сооружений, набор и ценность погребального инвентаря почти не отличаются от засвидетельствованных на синхронных городских некрополях. Явно варварских черт (сармато-аланских или скифских) немного. На заметные перемены материал некрополей указывает там, где они сопровождают поселения, существовавшие почти непрерывно до конца античной эпохи (условно до второй половины III в. н.э.) (Масленников, 2000. С. 136–201).

Типология поселений I–III вв. н.э. позволяет утверждать, что они имели разный правовой статус, определявшийся местом в общегосударственной и частной (царской) системах организации сельской территории и социальной стратификации местного населения; этнически преобладающим компонентом; фактором “традиций и инноваций”. В основном здесь, видимо, жили военные поселенцы и их потомки, состав которых, изначально по-

лиэтнический с решительным преобладанием античных (в позднеэллинистическом варианте) норм и традиций, время от времени менялся. Затем следовали немногочисленные на побережье крепости, где квартировали гарнизоны царских войск, жили их семьи или сопутствовавшее население. Были и поселения типа городков (Зенонов Херсонес, возможно, Гераклий и Парфений Клавдия Птолемея), где могли сохраняться традиции полисной организации, местного самоуправления и землевладения (показательно обнаружение на мысе Зюк и в Осовинах обломков строительной надписи и нескольких списков фиаситов (Сапрыкин, Масленников, 1999. С. 193–203)).

Важным трагическим рубежом в истории Приазовья стала середина третьей четверти III в. н.э. Из письменных источников известно, что волна нашествия, основу которой составляли племена готов, прокатилась по всему восточному Средиземноморью и захлестнула Боспор Киммерийский. Большинство поселений Крымского Приазовья пострадало, было захвачено и разрушено. Но уцелевшее население сохраняло прежние культурные и производственные традиции; его даже дополнили выходцы из Малой Азии, что подтверждает широкое распространение особого рода погребальных сооружений (грунтовых, вероятно, семейных, склепов с нишами-лежанками, предназначенных для многократного использования). На севере полуострова жили разными по количеству населения группами выходцы из варварской среды: поздние скифы, готы, гунны, сармато-аланы. Последние потрясения Приазовье испытало в связи с нашествием племен тюрков, после чего жизнь на побережье замерла на полтора-два столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов А.П., Масленников А.А. Керамический комплекс V в. до н.э. из района Генеральской бухты в Восточном Крыму // ДБ. 2005. № 8.
- Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Актанский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.
- Бужилова А.П., Масленников А.А. Военные травмы античного времени. О двух примечательных находках из Крымского Приазовья // ПИФК. № VIII. М.; Магнитогорск, 1999.
- Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском п-овах в 1949–1964 гг. // ДБ. 2005. № 2.
- Винокуров Н.И., Никонов А.А. О следах землетрясения античного времени на западе Европейского Боспора // РА. 1998. № 4.
- Винокуров Н.И., Никонов А.А. Тотальные разрушения второй половины III в. н.э. на Боспоре, как хронологический репер // БФ. 2004. Т. I.
- Дирин А.А. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. 1896. Т. XIX.
- Зубарев В.Г. Некоторые вопросы позднеантичной истории европейского Боспора по результатам раскопок городища у с. Белинское // ДБ. 2002. № 5.

- Зубарев В.Г. Из истории Боспорского царства во второй половине III – начале V вв. н.э. // БИ. 2006. Вып. XI.
- Иванов В.М. Греческая фортификация Северного Причерноморья VI – первой половины I вв. до н.э. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Клюкин А.А., Корженевский В.В. Крымское Приазовье. Симферополь, 2004.
- Кислый А.Е. Каменская культура Восточного Крыма // Наук. праці історичного факультету ЗДУ. Вып. IX. Запоріжжя, 2000.
- Кислый А.Е. Восточное Средиземноморье и Крым во II тыс. до н.э.: параллели // Крымский архив. № 8. Симферополь, 2002.
- Кругликова И.Т. Поселение Золотое Восточное // КСИИМК. 1957. Вып. 70.
- Кругликова И.Т. Новые данные об исторической географии Крымского побережья Азовского моря // СА. 1958. № XXVIII.
- Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
- Кругликова И.Т. Поселение у дер. Ново-Отрадное // ДБ. 1998. № 1.
- Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 2000. № 1.
- Ломтадзе Г.А., Масленников А.А. Поселение Пустынный берег II // ДБ. 2003. № 6.
- Ломтадзе Г.А., Масленников А.А. К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре европейского Боспора // ПИФК. 2004. № XIV.
- Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981.
- Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // ОАИБ. 1992.
- Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма // БС. 1995. Вып. 8.
- Масленников А.А. Сельский теменос (?) в Восточном Крыму // ВДИ. 1997. № 4.
- Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.
- Масленников А.А. Сельские святилища античного Боспора // БФ. 1999.
- Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. 2000. № 3.
- Масленников А.А. Сельские святилища античного Боспора. Загадки и разгадки // БФ. 2002а.
- Масленников А.А. Поселение Пустынный берег I // БИ. Вып. 1. Симферополь, 2002б.
- Масленников А.А. Традиционные алтари с памятников хоры Европейского Боспора // ДБ. 2002в. № 5.
- Масленников А.А. Хронологические “реперы” памятников дальней хоры Европейского Боспора конца VI – первой половины III вв. до н.э. // БФ. 2004.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. 2006.
- Масленников А.А., Дановский А.А. Поселение эпохи бронзы “Генеральское-Западное” (юго-западный склон). Предварительные итоги исследования // ДБ. 2006. № 3.
- Масленников А.А., Ломтадзе Г.А., Чевелев О.Д. Новый погребальный памятник из района Крымского Приазовья // ДБ. 2004. № 7.
- Масленников А.А., Смекалова Т.Н. Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора // ДБ. 2005. № 8.
- Никонов А.А. К методологии археосейсмических исследований памятников прошлого // Источники и воздействия разрушительных сейсмических колебаний. Вопросы инженерной сейсмологии. 1990. М., Вып. 31.
- Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте (Восточный Крым). Опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. 1996. Вып. 3.
- Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // ПИФК. 1999. Вып. VII.
- Сапрыкин С.Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. М., 2006.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Греческие надписи с мыса Зюк // ДБ. 1999. № 2.
- Смекалова Т.Н. Сравнение ортогональных систем размежевания земель на Европейском Боспоре и в Херсонесе (Тарханкутский п-ов) // ДБ. 2006. № 10.
- Федосеев Н.Ф. О керамических клеймах “сравнительных объемах импорта” и поселении “Бакланья скала” // ДБ. 2004. № 7.
- Фролова Н.А. Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении “Полянка” // ПИФК. 1998. Вып. VI.
- Фролова Н.А. // Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4.

Classical antiquities of the Crimean Azov Coast: a survey of the fifty years' investigations

A. A. Maslennikov

Summary

In the course of archeological investigations by I.T. Kruglikova, dozens of classical monuments were discovered in the Crimean Azov region. By the mid-1970s, the region became one of the best-studied ones in the Bosporean chora. During the last three decades, the RAS IA East Crimean Archeological Expedition achieved a full identification of monuments in the region. Excavations of the most chronologically and typologically important necropoleis constitute its greatest achievement. The excavations revealed Middle Bronze Age monuments, a series of first-class archeological complexes of the 4th–3d cc. B.C. which allowed to understand the organization of rural territory and its social status, cult sites venerated by the local population during the Hellenistic period and the first centuries A.D., traces of ancient land-use and land ownership, monuments of the Late Classical period (4th–6th cc. B.C.). Classical history of the area has now been reconstructed with a large degree of authenticity, making it the best-studied region of the Classical North Pontic ecumene.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ С КРЕМАЦИЯМИ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

© 2007 г. Н. А. Макаров, И. Е. Зайцева

Институт археологии РАН, Москва

Вторая половина I тыс. н.э. – время почти безраздельного господства обряда кремации на значительной части лесной полосы Европейской России. Распространение этой формы погребальной обрядности представляет собой яркий исторический феномен, существенный для характеристики культурных процессов и общественных отношений в северных областях Восточной Европы. Интерес к средневековым трупосожжениям во многом обусловлен интересом к языческой культуре, осознанием связи этих объектов с языческими верованиями, подчеркнутой в этнографическом введении к Повести временных лет.

С другой стороны, средневековые могильники и курганы, содержавшие остатки кремаций, неизменно воспринимались исследователями как важный материал для этнических реконструкций, в частности для идентификации славянских и финских древностей, как памятники, не испытывавшие еще нивелирующего воздействия христианства и древнерусской городской культуры и в силу этого более полно сохраняющие культурные традиции сложившихся в конце I тыс. н.э. этнических групп. В качестве основных индикаторов славянского расселения на Северо-Западе рассматривались различные типы погребальных памятников: длинные курганы, сопки, полусферические курганы с кремациями (Ляпушкин, 1968; 1982. С. 46–66; Седов, 1999. С. 117–165; 1981; Носов, 1982). Финское присутствие в Верхневолжье и Приладжье связывалось с распространением в этих областях особых дерево-земляных конструкций, “домиков мертвых”, в которые помещались остатки трупосожжений (Горюнова, 1961; Краснов Ю.А., Краснов Н.А., 1978. С. 140–152; Назаренко, 1979. С. 152–156).

Раскопки погребальных памятников второй половины I – рубежа I–II тыс. н.э. на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси, предпринятые в 1970–1990-х годах, существенно расширили сложившиеся ранее представления о формах и разновидностях обряда кремации, типах погребальных сооружений, в которые помещались остатки трупосожжений, и способах расположения крематорованных останков в курганных насыпях и грунтовых могильниках. Были выявлены новые типы погребальных памятников, ранее неизвестные или

малоизвестные в этих регионах: сопковидные насыпи (Кузьмин, 1990. С. 53–55; Башенькин, 1995. С. 16, 27), грунтовые могильники с неглубокими ямами округлой и овальной формы (Леонтьев, 1996. С. 263–266; Исланова, 1997. С. 50–55; Кудряшов, 2001; Башенькин, Васенина, 2004. С. 21, 22; Вишневский, 2002. С. 550–555), в том числе сопутствующие могильникам с длинными курганами (Носов, 1984. С. 11–17; Башенькин, Васенина, 2004. С. 22, 23), различные виды дерево-земляных сооружений со срубами и ровиками, в которых остатки кремаций помещались как внутрь сруба, так и в ровик (Хвоцинская, 2002. С. 114–121; 2004; 1985. С. 77–81; Башенькин, 1995. С. 9–22; Башенькин, Васенина, 2004. С. 21; Макаров, 1997. С. 63, 64). Наконец, могильники с “поверхностными” захоронениями, в которых остатки кремаций помещались на поверхности земли (Кузьмин и др., 2000; Кузьмин, Михайлова, 2002. С. 94–115).

Обнаружение остатков кремаций, в том числе россыпей кальцинированных костей, в ровиках у подножья сопки (Петренко, 1994. С. 99) и на вершинах насыпей (Кузьмин, 1999. С. 95, 96; Платонова, 2002. С. 181–195) раскрыло ранее неизвестные особенности использования этих монументальных насыпей как погребальных памятников. Открытие погребений по обряду кремации в ровиках полусферического кургана X в. на Белоозере показало разнообразие способов обращения с остатками кремаций при сооружении курганов (Макаров, Новикова, 2001).

Одним из наиболее важных результатов исследования погребальных памятников с кремациями второй половины I тыс. можно считать выявление сосуществования различных погребальных традиций во многих микрорегионах Северной Руси. Наиболее яркие примеры разнообразия типов погребальных сооружений и вариантов размещения остатков трупосожжений отмечены в Судско-Моложском междуречье, где в одних и тех же микрорегионах исследованы грунтовые могильники с кремациями, “домики мертвых”, длинные курганы и сопки (Башенькин, 1995; Башенькин, Васенина, 2004). Эти наблюдения поставили под вопрос обоснованность истолкования разнообразия погребальных традиций, сложившихся во второй половине I тыс. н.э. на Севере Европейской России, как

следствие одного фактора – этнокультурной специфики различных коллективов.

Формирование более полных научных представлений о погребальных памятниках с кремациями стало возможным отчасти благодаря применению более совершенных приемов раскопок, что особенно ярко проявилось в выявлении трудноуловимых погребений в ровиках сопок и на вершинах сопочных насыпей (Петренко, 1994; Платонова, 2002). Однако в целом остатки кремаций представляют собой категорию археологических объектов, сложных для точной археологической фиксации, а приемы их изучения, сложившиеся в 1950–1960-х годах, мало изменились (Вишневский и др., 2004. С. 153). Уже сам характер объектов, в которых человеческие останки и погребальный инвентарь разрушены огнем и попали на место захоронения лишь частично (кремация на стороне), снижает информационный потенциал этих памятников. Трудности возникают при попытках полного сбора кремированных костных останков, при выделении отдельных погребений в массе кальцинированных костей, при установлении принадлежности тех или иных украшений и бытовых вещей к конкретным погребениям. В этих условиях составление точной полевой документации, передающей все особенности погребального комплекса, осложнено.

Значение целого ряда новейших исследований могильников с кремациями снижается из-за отсутствия в публикациях и отчетных материалах данных о количестве (весе, объеме) собранных кремированных останков, антропологического и зоологического определений костей. Поэтому проблемы осмысления кремаций как культурного явления, характеризующего определенный этап в развитии населения лесной полосы Европейской России во второй половине I тыс. н.э., оказываются тесно переплетены с задачами более точного “прочтения” конкретных памятников, содержащих остатки трупосожжений.

В настоящей статье излагаются некоторые итоги изучения двух могильников с кремациями, находящихся на Кубенском оз., примерно в 70 км от Вологды. Раскопки этих памятников производились Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в 1998–2004 годах. Один из могильников – Минино-II – представляет собой часть археологического комплекса в устье р. Дмитриевка, в состав которого входили три поселения X–XIII вв., на двух из которых были проведены широкие исследования (Макаров и др., 2001). Серия погребений по обряду кремации связана с начальным периодом средневековой колонизации этого микрорегиона. Второй могильник – Владышинево-II – находится в трех км к юго-востоку от Минино, вблизи устья р. Делялевка, около небольшого поселения, период жизни которого ограничен второй половиной X – ру-

бежом X–XI в. Поскольку материалы раскопок Владышинево-II уже частично введены в научный оборот (Макаров, Меснянкина, 2004. С. 207–217), мы сосредоточимся в большей мере на характеристике могильника Минино-II.

Могильник Минино-II располагается на берегу р. Дмитриевка, на небольшом возвышении коренной террасы, на высоте 3–4 м над меженным уровнем воды в реке. Места погребений никак не обозначены на современной поверхности. На свободных от леса участках было заложено три раскопа общей площадью более 880 м², в которых исследовано не менее 82 средневековых погребений; 65 из них ингумации XI – начала XIII в., целые или нарушенные. Кремации выявлены в раскопах 2 и 3 в восточной части площадки могильника, обращенной к центральному поселению – Минино-I. Они располагались на одном участке вместе с ингумациями, вперемешку с ними.

На небольшом (52,6 м²) раскопе 2 было исследовано не менее 5 кремаций и 9 погребений по обряду ингумации. На вскрытом участке были зафиксированы также культурные отложения и ямы мезолитического времени, содержавшие обильный кремневый инвентарь (в раскопе обнаружено около 1000 артефактов эпохи мезолита), несколько фрагментов керамики эпохи бронзы и раннего железного века, а также остатки средневекового железоделательного производства.

В раскопе 3 вскрыта площадь около 730 м² (рис. 1). Верхний гумусированный слой, мощностью 5–20 см, частично нарушенный старой распашкой и современной хозяйственной деятельностью, содержал кальцинированные кости, отдельные фрагменты сырых костей человека и животных, обломки средневековой и позднесредневековой керамики, средневековые вещи из железа, цветного металла, рога и стекла, оплавленные и без следов пребывания в огне, кремневые орудия и сколы, а также на отдельных участках современный бытовой мусор. Этот слой, сформировавшийся в значительной степени в результате конной распашки, на одних участках подстилался белым или желтоватым материковым песком, на других – слоем рыжей слабогумусированной супеси – культурным слоем мезолитического времени, содержавшим отдельные кремневые орудия и сколы. В раскопе было выявлено более 50 средневековых погребений по обряду кремации и ингумации, часть которых находилась в материковых ямах, а часть – в верхнем гумусированном слое, 31 материковая яма средневекового времени, не предназначавшиеся для помещения человеческих останков, 8 погребений эпохи мезолита, несколько ям эпохи мезолита и ряд ям неопределенного времени.

Присутствие в раскопах 2 и 3 следов человеческой деятельности широкого хронологического

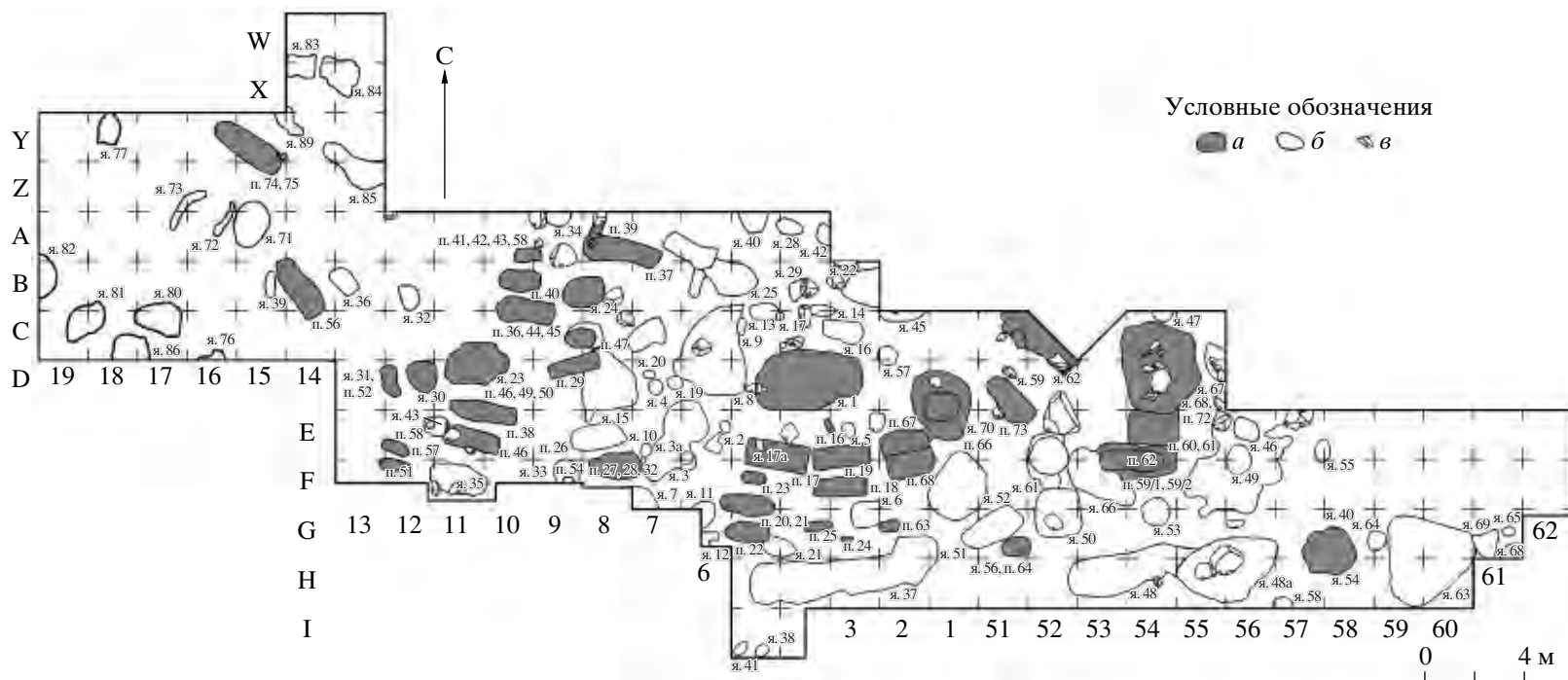

Рис. 1. Могильник Минино-II. Раскоп 3. Комплексы эпохи средневековья. а – погребения по обряду кремации и ингумации; б – ямы в материке; в – камни.

диапазона – от мезолита до новейшего времени, отложившихся в слоях небольшой мощности, в целом ряде случаев затрудняет хронологическое расчленение и интерпретацию открытых раскопками объектов. Основную часть культурных остатков, исследованных в восточной части памятника, составляют средневековые погребения, которые частично нарушили мезолитические могильник и культурный слой и в свою очередь были нарушены поздними перекопами и распашкой. В верхнем слое собрано более 1500 г кальцинированных костей и около 600 средневековых предметов. Полный сбор кальцинированных костей и мелких находок стал возможен благодаря просеиванию всего грунта из раскопа через металлическую сетку. Очевидно, основная масса кальцинированных костей происходит из наземных погребений или из погребений в небольших грунтовых ямках, потревоженных распашкой. Среди средневековых предметов, собранных в верхнем слое в обоих раскопах, большая часть также относится к наземным кремациям, меньшая, к нарушенным погребениям по обряду ингумации. Планиграфия кальцинированных костей и вещей, предположительно связанных с кремациями, показана на рис 2.

Всего в могильнике Манино-II выявлено не менее 17 погребений по обряду кремации (характеристика погребений по обряду кремации приведена в таблице)¹. Кремированные кости покрыты трещинами, имеют белый и светло-серый цвет, а также незначительные размеры: преобладают обломки размерами до 1 см, более крупные фрагменты редки. Они были сожжены на стороне при высокой температуре 800–1000°C (Вишневский и др., 2004. С. 154) и очищены от углей и золы.

Как и во многих других могильниках с кремациями, идентификация отдельных погребений представляет известную сложность, поскольку кальцинированные кости в могильнике, как уже отмечалось выше, были зафиксированы в большей или меньшей концентрации почти на всей восточной части площадки, причем принадлежность части этих костей человеку или животному не может быть с точностью установлена. В качестве погребений были первоначально атрибутированы 11 комплексов, в которых кальцинированные кости залежали в виде относительно компактных скоплений², находившихся на поверхности материка под пахотным слоем или в небольших ямках (№ 16, 39, 52), иногда у краев материковых ям (№ 65) или в более глубоких ямах (№ 50, 53, 66, 70, 72), в некоторых случаях во вторичном залегании в заполнении могильных ям с ингумациями (№ 69,

74). Антропологическое изучение выявило присутствие во всех этих скоплениях костей человека. Однако общий вес костей из погребений 52 и 53 настолько мал (соответственно 20 и 11 г), что правомерность интерпретации их как самостоятельных погребений оказывается под вопросом. Общий вес кальцинированных костей в остальных комплексах составлял от 86 до 471 г., в девяти из них определены фрагменты черепных костей и зубов человека. В ямах на площадке могильника зафиксировано также восемь скоплений кальцинированных костей, которые первоначально не были выделены как отдельные погребения, однако после определения их веса и антропологической атрибуции появились веские основания рассматривать семь из них (р. 2, яма 2, скопление 1; р. 2, яма 3б, скопление 2; р. 2, яма 3, скопление 5; р. 2, скопление 4; р. 2, скопление 6; р. 3, яма 1; р. 3, яма 24) как самостоятельные погребальные комплексы. Вес кальцинированных костей в этих скоплениях от 48 до 555 г., значительная часть костей определяется как человеческие, в шести комплексах отмечено присутствие черепных костей.

Из 17 скоплений кальцинированных костей, атрибутированных как погребения, 12 содержали останки одного индивида, 4 – останки двух индивидов и 1 – останки трех индивидов. Три комплекса, содержавшие, по антропологическим определениям, останки двух и более индивидов, выделяются большим весом общей массы кальцинированных костей (от 200 до 555 г.). Вероятно, в верхнем слое находились остатки еще нескольких кремаций, рассыпанных по поверхности земли или полностью распаханых. Судя по общей массе костей, собранных в верхнем слое, их число могло достигать семи-восьми. Площадка, на которой обнаружены остатки кремаций, имела значительные размеры, простираясь с запада на восток не менее чем на 40 м. Первоначально ямы с кремациями помещали в наиболее возвышенной части площадки на значительном расстоянии друг от друга, вдоль оси дюны. Несколько позднее для размещения кремаций стали использовать юго-западный край той же возвышенности, обращенный к реке: здесь кремации располагались плотнее, о чем свидетельствует более высокая концентрация кальцинированных костей.

На площадке могильника Владышнево-II вскрыты четыре материковые ямы, содержавшие кальцинированные кости, однако лишь одна из них – яма 2, в заполнении которой находилось 135 г пережженных костей, принадлежавших одному взрослому человеку, и 35 средневековых вещей – может быть достоверно атрибутирована как отдельное погребение. В трех других ямах кости и вещи были единичны. Как и в Мининском могильнике, значительная часть кальцинированных костей и погребального инвентаря была собрана здесь в верхнем пахотном слое.

¹ Определения костей человека проведены А.П. Бужиловой.

² Кости еще одного погребения (№ 71) собраны в верхнем слое в рассеянном состоянии на ограниченной площади и сгруппированы после их отнесения антропологом к одному индивиду.

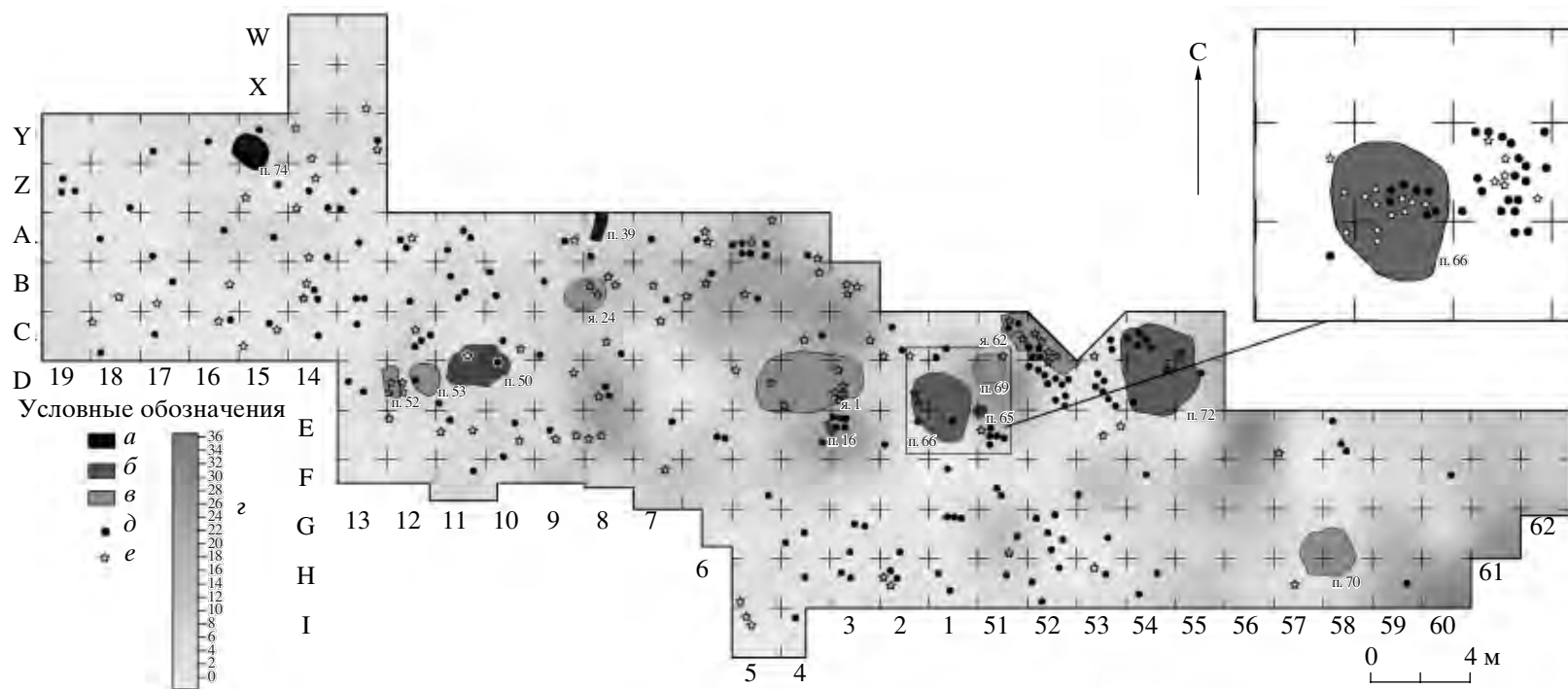

Рис. 2. Могильник Минино-II. Раскоп 3. Погребения по обряду кремации и планиграфия вещевого материала, относящегося к кремациям. *a* – погребения с общим весом костей более 200 г; *b* – погребения с общим весом костей от 100 до 200 г; *v* – погребения с общим весом костей менее 100 г; *z* – фоновой заливкой показано распределение кальцинированных костей из верхнего слоя по площади раскопа (в г на 4 м²); *d* – женский инвентарь; *e* – мужской инвентарь.

Погребения по обряду кремации могильника Минино-II

№ погребения	Общий вес костей, г	Вес костей человека, г	Количество индивидов по данным антропологии	Черепные кости и зубы	Мужской инвентарь	Женский инвентарь	Атрибуция комплекса как отдельного погребения
16	146	146	1	+	Нет	Есть	+
39	208	208	2 (взрослый (мужчина?) и ребенок 4–7 лет	+	Нет	Нет	+
50	385	385	1 (взрослый, женщина?)	+	Есть	Есть	+
52	22	20	1 (взрослый)	–	Нет	Есть	?
53	11	11	1 (взрослый)	+	Нет	Есть	?
65	128	128	1 (женщина 15–18?)	?	Нет	Есть	+
66	471	152	1 (взрослый)	+	Есть	Нет	+
69	86	более 43	1 (взрослый)	+	Нет	Есть	+
70	106	14	1 (молодая женщина)	+	Нет	Есть	+
71	?		1 (взрослый)	+	Нет	Нет	+
72	454	184	1 (взрослый)	+	Нет	Есть	+
74	240	228	1 (взрослый (женщина?))	+	Есть	Есть	+
Р. 2, яма 2 – скопление 1	62	62	1 (взрослый)	?	Нет	Есть	+
Р. 2, яма 3б – скопление 2	180	156	1 (взрослый)	–	Нет	Нет	+
Р. 2, яма 3 – скопление 3	29	20	2 (взрослый и ребенок)	+	Нет	Нет	?
Р. 2, яма 3 – скопление 5	555	544	3 (2 взрослых и ребенок)	+	Нет	Есть	+
Р. 2, скопление 4	117	84	2 (взрослый (женщина) и ребенок)	+	Нет	Нет	+
Р. 2, скопление 6	341	249	1 (молодая женщина)	+	Нет	Есть	+
Р. 3, яма 1	350	?	2 или 3 (взрослый (в том числе женщина) и ребенок)	+	Есть	Есть	+
Р. 3, яма 24	48	?	1 (взрослый)	+	Есть	Нет	+

В могильнике Минино-II первоначально было выявлено 39 объектов, зафиксированных как ямы и отнесенных к средневековому времени по находкам в заполнении. После полной расчистки этих ям и определения остеологических материалов из заполнения установлено, что девять из них (р. 2, № 2; р. 2, № 3; р. 2, № 3б; р. 2, № 11; р. 3, № 1; р. 3, № 24; р. 3, № 54; р. 3, № 60; р. 3, № 70) содержали кремированные останки человека, которые должны быть атрибутированы как погребения. Очевидно, большинство этих ям были специально вырыты для помещения кальцинированных костей внутрь ямы или на дневную поверхность у ее верхнего края. Все эти ямы имеют значительные размеры, чашевидную форму и гумусированное заполнение с несколькими линзовидными прослойками. Еще 16 ям содержали неопределимые кальцинированные кости, а 3 из них (р. 3, № 16; р. 3, № 63; шурф 5, № 2) – кальцинированные кости человека, однако количество и расположение костей

в этих ямах не дает основания для атрибуции их в качестве погребений.

Таким образом, среди средневековых ям, вскрытых в Мининском могильнике, остается 30 объектов, которые не предназначались для помещения погребений, три подобных ямы выявлены во Владышневом. Часть этих ям связана с совершением поминальных и охранительных обрядов на площадках могильников, происхождение и назначение другой части остается неясным.

Одной из разновидностей обряда кремации, зафиксированной в Минино, был обряд, при котором остатки кремации помещались в глубокую яму округлой или овальной в плане формы (погребение 50; р. 2, яма 2, скопление 1; р. 2, яма 3, скопление 2; р. 2, яма 3, скопление 5). Погребение 50 представляло собой чашевидную яму с прослойками линзовидной формы в заполнении. Пережженные кости и вещи были рассеяны в яме на разной глубине. Кальцинированные кости принадлежали

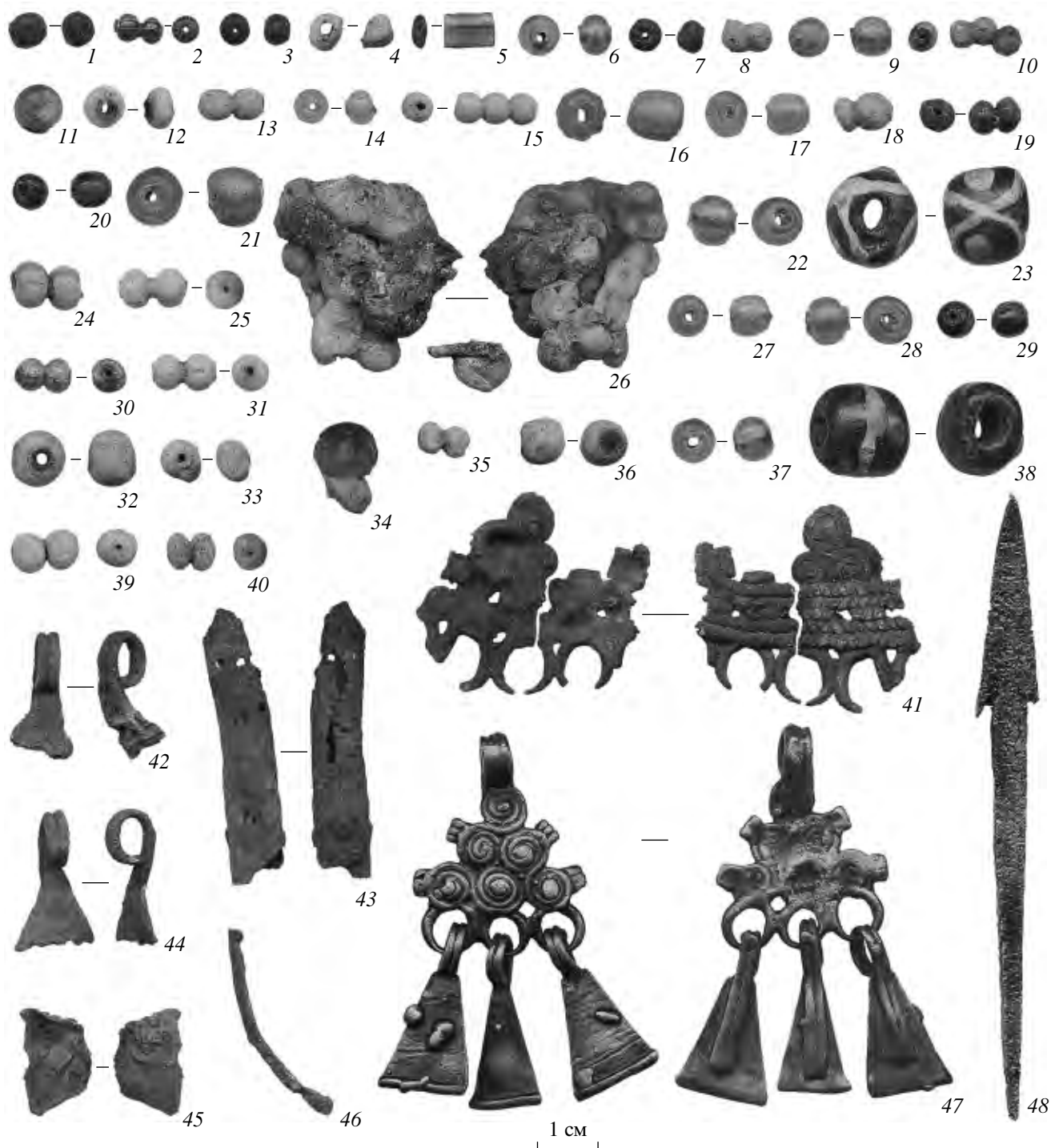

Рис. 3. Могильник Минино-II. Находки из погребения 50. 1–40 – бусины; 41 – фрагменты зооморфной подвески; 42 – привеска-лапка; 43 – обкладка; 44 – привеска-лапка; 45 – фрагмент украшения; 46 – фрагмент проволоки; 47 – шумящая подвеска (см. цветную вклейку № 4); 48 – стрела. (1–40 – стекло; 41–47 – цветной металл; 48 – железо).

одному взрослому индивиду, предположительно женщине. Погребение сопровождалось многочисленным инвентарем (рис. 3; 4): оплавленными стеклянными бусами (58 экз., включая спекшиеся), целыми шумящими украшениями и их оплавленными фрагментами (фрагмент подвески-конька (?),

две привески-лапки, многоспиральная подвеска, фрагмент проволоки), кальцинированными обломками двух односторонних роговых расчесок с геометрическим орнаментом, раковиной каури. В составе находок присутствовал и мужской инвентарь: пластинчатая обкладка от сумочки, фраг-

Рис. 2 (ст. Чернецова)

Рис. 4 (ст. Чернецова)

Рис. 5 (ст. Чернецова)

Рис. 3, 47 (ст. Макарова, Зайцевой)

Рис. 1 (ст. Валиулиной)

Рис. 6 (ст. Полубояриновой, Седова)

Рис. 8 (ст. Полубояриновой, Седова)

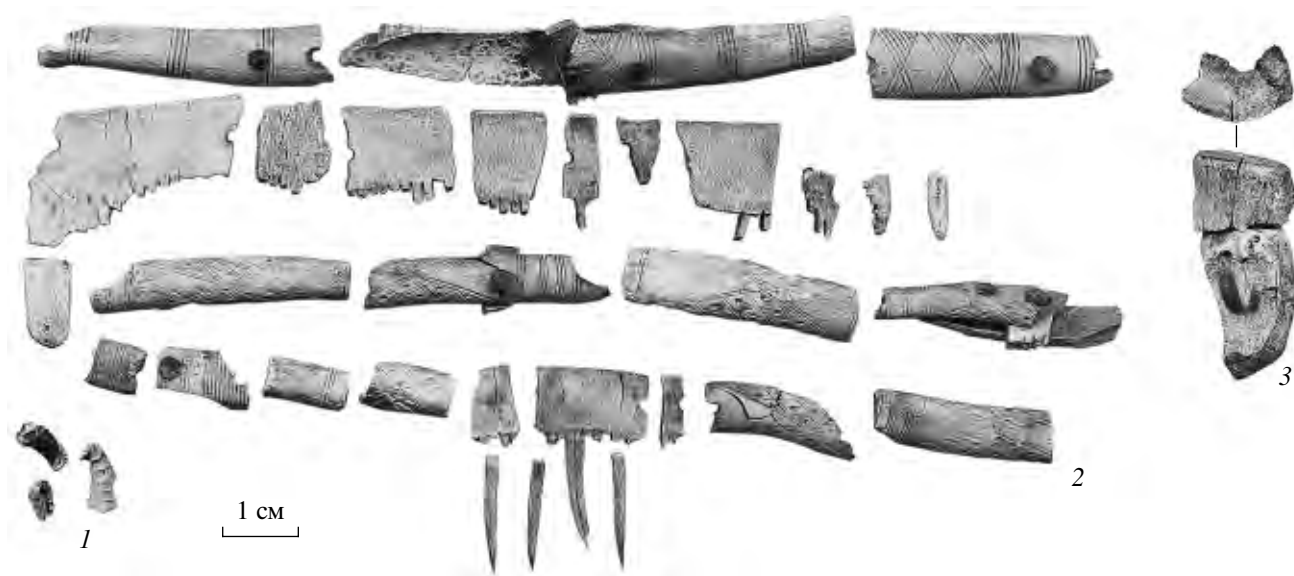

Рис. 4. Могильник Минино-II. Находки из погребения 50. 1 – фрагменты раковины каури; 2 – фрагменты двух расчесок; 3 – фрагмент томара. (1 – раковина; 2–3 – рог).

менты рогового томара, железный наконечник стрелы. Три другие погребения с кальцинированными костями, помещенными в ямы, выявленные в раскопе 2 на юго-восточном краю площадки могильника Минино-II, сопровождалась скромным инвентарем: фрагментами гребней, стеклянными бусами. При этом одно из них содержало более 500 г костей, принадлежавших трем индивидам – двум взрослым и ребенку.

Другой вариант обряда кремации, представленный в Мининском могильнике, – помещение кремированных останков компактно на поверхность земли (возможно, в какое-то деревянное сооружение) или в неглубокую ямку. В могильнике зафиксировано шесть подобных погребений (№ 16, 39, 69, 74 (?), скопление 4, скопление 6). Наиболее выразительными – в силу лучшей сохранности – примерами погребений такого типа являются погребения 16 и 39. В первом из них в плотном скоплении кальцинированных костей находилось 40 стеклянных бус, фрагменты роговой расчески и необожженная подковообразная фибула со сломанной иглой, лежавшая поверх костей. Кости, принадлежавшие одному индивиду, располагались в небольшой (58 × 27 см) подпрямоугольной в плане ямке, углубленной в материк на 11 см. Второе погребение представляло собой плотное скопление кальцинированных костей двух индивидов – взрослого и ребенка – без сопровождающих вещей, лежащее на древней дневной поверхности на участке размерами 20 × 27 см (рис. 5).

Своеобразным вариантом обряда можно считать помещение кремированных остатков в большие материковые ямы, остававшиеся незасыпан-

ными, или размещение их на краю подобных ям. На площадке могильника исследовано три таких ямы (р. 3, № 1, 60 (погребение 72), 70 (погребение 66), 54 (погребение 70)), выделяющиеся крупными размерами: длина их составляла 270–430 см, ширина – 240–310 см, глубина от поверхности материка 70–100 см. Возможно, к этой же группе объектов следует отнести яму № 24, имеющую меньшие размеры (180 × 150 см) и содержащую меньшее количество пережженных костей. Структура заполнения ям с чередованием различных гумусированных прослоек линзообразной формы, утолщающихся к центру, не имеет следов каких-либо поздних нарушений. Основная масса кремированных костей находилась не на дне ям, а в заполнении, большей частью вблизи стенок. Часть костей залегала у стенок относительно компактной массой, однако основная их часть была рассеяна в толще заполнения, не образуя скоплений. Во всех этих комплексах встречены бытовые вещи и украшения, пережженные и не имеющие следов пребывания в огне, развалы сосудов и кремированные и нежженные кости животных, в том числе собак. В этих ямах найдены также и необожженные человеческие кости, бытовые вещи и украшения без следов воздействия огня. Среди них фрагменты круговой средневековой керамики, перстнеобразное височное кольцо и ложнозолотостеклянная бочонковидная бусина – предметы, появление которых на Кубенском озере должно быть отнесено к рубежу XI–XII вв. В стенке одной из ям (р. 3, № 1) расчищены два погребения младенцев по обряду ингумации.

В яме 1 собрано около 350 г кальцинированных костей, часть которых определена как кости человека – взрослого (одного или двух индивидов) и ре-

Рис. 5. Могильник Минино-II. Раскоп 3, погребение 39.

бенка. Среди вещей со следами пребывания в огне, женские украшения и бытовые вещи (стеклянные бусы, фрагменты двух расчесок), предметы мужского снаряжения (фитильная трубка, обоймица от сумочки, обмотка рукояти ножа).

В яме 70 найдены кремированные останки двух индивидов (погребение 65, 66), при этом удалось проследить, что часть калцинированных костей погребения 65 компактно располагалась в пахотном слое вблизи восточного края ямы и непосредственно на ее краю, а часть – в заполнении на восточной стенке (рис. 6). Всего в яме собрано около 470 г калцинированных костей, из которых около 150 принадлежат человеку. Среди обожженных вещей представлены как женские украшения (стеклянные бусы, привески, бубенчики), так и

мужской инвентарь (ременные накладки, обоймицы, стрелы).

В яме 60 собрано около 800 г калцинированных костей, в том числе 184 г костей человека, принадлежащих, вероятно, одному индивиду (погребение 72). Вещи, имеющие следы пребывания в огне: стеклянные бусы, бубенчики и колоколовидные привески, фрагменты расчески – представляют собой характерный женский инвентарь. На южном краю ямы, как за ее пределами, так и внутри около стенки, расчищено четыре компактных скопления калцинированных костей, принадлежащих собакам. Здесь же обнаружены целые обожженные кольчатые удила.

В яме 24 из 48 г калцинированных костей как человеческие определимы лишь несколько, ин-

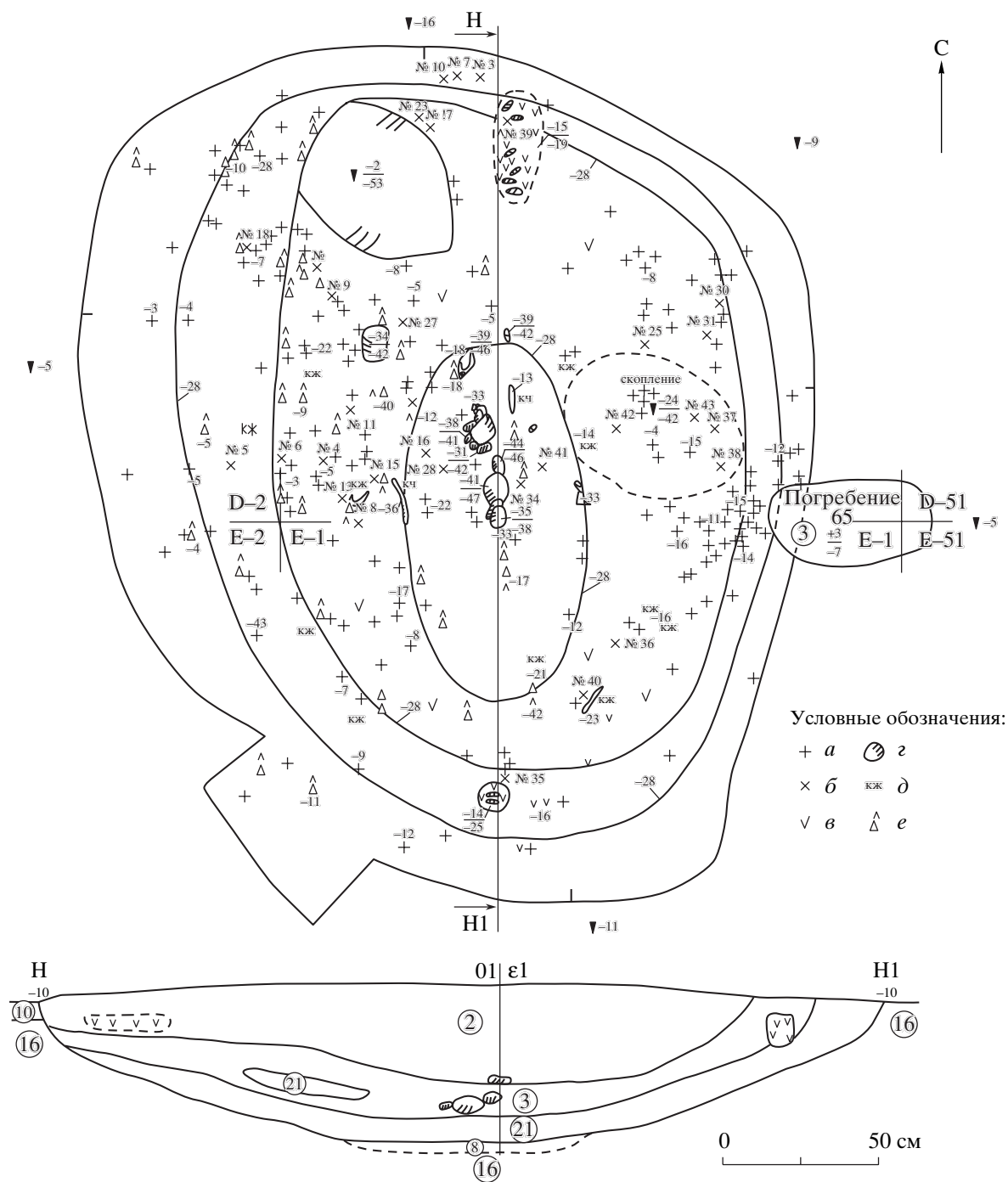

Рис. 6. Могильник Монино-II. Яма 70, погребение 66. а – кальцинированная кость; б – индивидуальная находка; в – уголь; г – камень; д – кость животного; е – фрагмент лепной керамики. Слои: 2 – серо-коричневая супесь; 3 – темная углистая супесь; 8 – белый слабогумусированный песок; 10 – речная супесь; 16 – материк; 21 – коричневая гумусированная супесь.

вентарь включает вещи из “мужского набора” – кресало, нож, металлические детали кошелька.

Объяснить присутствие кальцинированных костей и характерного для кремаций сопровождающего инвентаря второй половины X – первой половины XI в. вместе с необожженными костями и бытовыми вещами можно, только предположив,

что ямы остались незасыпанными после первого помещения в них или вблизи них остатков поминальных приношений. В них попадали кости из погребений, нарушавшихся при рытье новых могил, здесь же производились погребения младенцев. О том, что ямы оставались частично открытыми в XI в., свидетельствуют находки фрагментов одних

и тех же сосудов в яме 1 и в заполнении ямы ингумации № 19. Ямы были окончательно сnivelированы распашкой в позднее средневековье и раннее новое время, когда в заполнение попали кости ингумаций, совершенных в неглубоких могилах и разрушенных пахотой.

Характеристика кубенозерских кремаций была бы неполной без анализа состава вещей, найденных в верхнем слое и в заполнении могильных ям, содержащих ингумации. Часть из этих вещей имеет следы пребывания в огне и, безусловно, связана с погребениями по обряду кремации, другие могут быть отнесены к периоду совершения кремаций исходя из своей хронологической атрибуции. Хронологическая принадлежность части вещей и связь их с кремациями или разрушенными погребениями по обряду ингумации XI–XII вв. остается неопределенной.

В верхнем слое собрано около 140 стеклянных бус (рис. 7). Еще более 200 бус происходит из погребений по обряду кремации. Многие бусы оплавлены, есть спекшиеся и деформированные экземпляры. Вместе с ними обнаружены нетронутые огнем целые бусины. Среди всех значительно преобладают желтые, цветные и полосатые лимонovidные одно- и многочастные бусины, много синих зонных. Остальные типы представлены меньшим числом украшений: это черные глазчатые, золотостеклянные лимонovidные, рубленый бисер и др. Несколькими экземплярами представлены голубые навитые бусины, происходящие, вероятно, из разрушенных ингумаций.

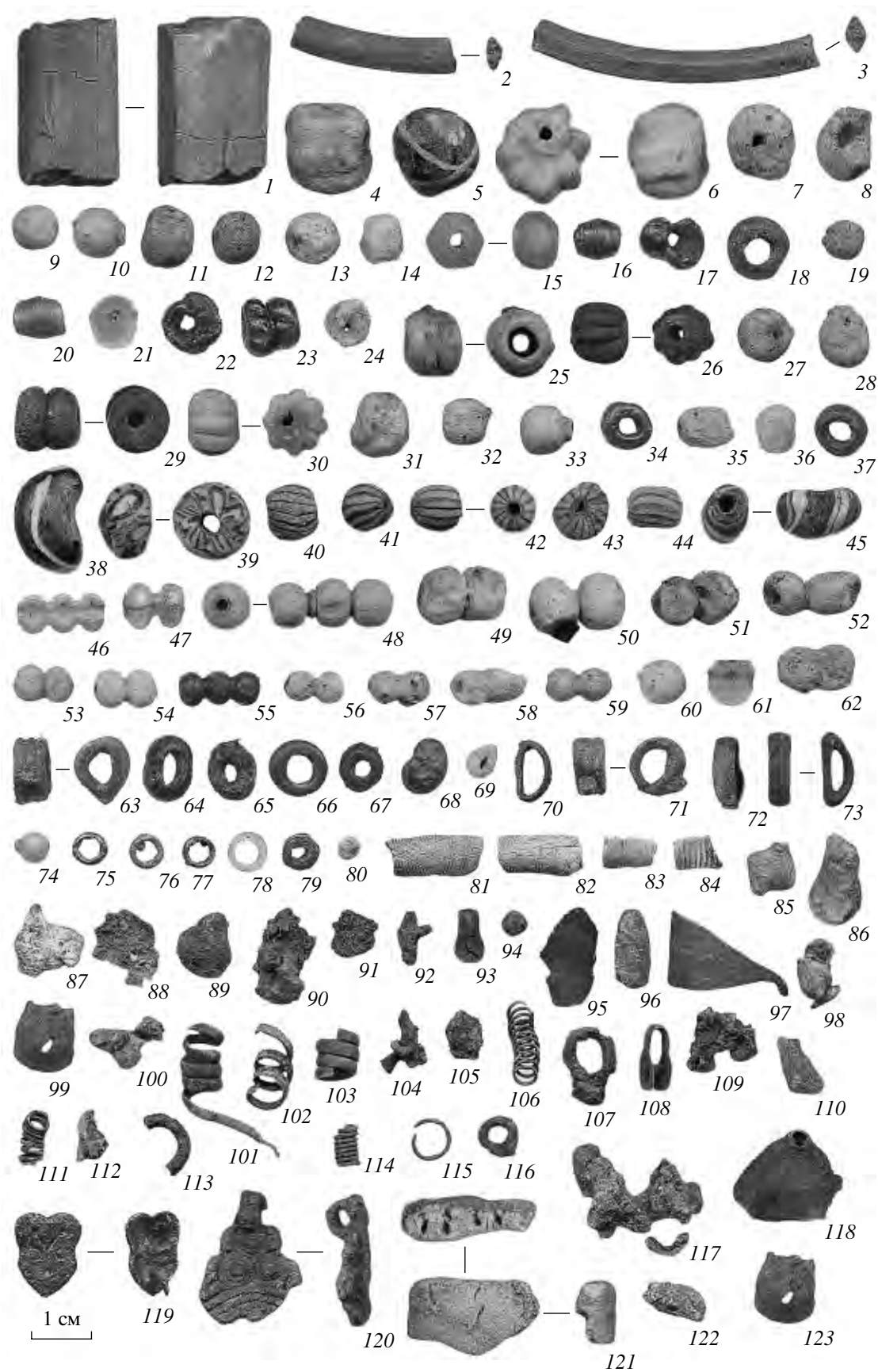
В верхнем слое обнаружено около 25 мелких обломков кальцинированных односторонних расчесок. Некоторые из них сопоставимы с фрагментами расчесок из кремаций и являются частями одних предметов. Всего на исследованном участке могильника собраны обломки не менее девяти кальцинированных расчесок. Металлические украшения представлены оплавленными фрагментами шумящих украшений, изготовленных по моделям, выполненным в технике воскового вязания: коньками, многоспиральными, каркасными и полутрубчатыми подвесками и привесками к ним (бубенчиками, лапками). Здесь же найдены пять флаконовидных бусин, обломки двух дротовых гривен, одно целое и два обломка втульчатых височных колец, семь перстней, четыре из которых относятся к типу широкосрединных с продольными валиками. В слое почвенного гумуса и ямах зафиксированы 74 бронзовые накладки от поясов и кошельков, 2 наконечника пояса и 8 пряжек. Собранные накладки украшали не менее шести поясов и два кошелька. Многочисленны медные заклепки от небольших сумочек подковообразной формы, согнутые из пластины. Их планиграфический анализ показывает, что количество сумочек из кремаций составляло не менее трех-пяти экз. Целая сумочка подобной формы происходит из са-

мой ранней ингумации, совершенной в конце X – начале XI в. и, вероятно, синхронной погребениям по обряду кремации. К верхнему слою относятся 11 железных ножей, два железных наконечника стрел, большая железная подковообразная фибула с дугой прямоугольного сечения и спиральными концами, четыре фитильные трубки.

Реконструкция наборов вещей, сопровождавших мужские и женские погребения по обряду кремации, может быть произведена путем анализа наборов вещей, которые происходят из закрытых комплексов или могут с большой долей вероятности быть связаны с конкретными погребениями. Пять погребений по обряду кремации (№ 16, 50, 65, 69, 70), с уверенностью определяемых как женские по остеологическим остаткам или по вещам, содержали кальцинированные фрагменты роговых расчесок, одно (скопление 6) – фрагмент рогового гребня. Выше уже упоминалось, что обломки расчесок представляют собой одну из распространенных категорий вещей в верхнем слое могильника, часть из них, несомненно, связана с женскими погребениями. Таким образом, эти предметы были почти обязательной и обычно единственной сопровождающей вещью в женских погребениях. Женское погребение во Владышневке не содержало фрагментов расчески, но сопровождалось глиняной льячкой.

Предметы, обычно определяемые как части мужских наборов: железные и роговые наконечники стрел, роговые томары, кресала, фитильные трубки, удила, ножи, оковки и обоймицы от сумочки, клинья от топоров, оселки были найдены в Минино в пяти погребениях, причем два из них наряду с мужским инвентарем содержали и женские украшения, и скорее всего должны быть атрибутированы как парные. Находки в некоторых из этих комплексов расчесок, а в погребении 50 – двух расчесок позволяют считать, что последние могли сопровождать как женщин, так и мужчин. С одним погребением (№ 66) связывается комплект поясных накладок и пряжка.

Предметы “мужского набора” могут дать определенные ориентиры для оценки количества мужчин, кремированные кости которых были помещены на площадку. Фитильные трубки дважды найдены в погребениях и четыре раза в верхнем слое могильника, пластинчатые оковки сумочек трижды в погребениях и 4 раза в верхнем слое, кресала – дважды в погребениях и 3 раза в верхнем слое, наконечники стрел – трижды в погребениях и дважды в верхнем слое, томары – дважды в погребениях и два раза в верхнем слое. В состав поясной гарнитуры, собранной в верхнем слое, входят шесть ременных пряжек. Таким образом, на исследованном участке могильника представлены вещи, составлявшие не менее шести комплектов мужского снаряжения.

С кремациями в Мининском могильнике связаны развалы керамических сосудов, расчищенные в верхнем слое рядом с погребениями (№ 39, 52, 74), в заполнении ям, оставшихся незасыпанными (р. 3, яма № 1, погребения № 69, 70, 72), или, реже, в ямах вместе с кальцинированными костями (скопление 6). Наиболее выразителен комплекс из трех сосудов, находившихся в небольшой ямке вблизи уровня древней дневной поверхности, обозначенный как погребение 52 (рис. 8). Выше уже отмечено, что этот объект должен быть интерпретирован скорее как комплекс сосудов, сопровождающих погребение 53 или 50. Присутствие в ямах чашеобразной формы, содержавших остатки кремации, развалов двух или трех сосудов отмечено еще в трех случаях. В 8 погребениях в Монино собраны отдельные фрагменты лепной керамики в скоплениях кальцинированных костей. Обломки лепных сосудов обнаружены в верхнем слое по всей площадке могильника. В могильнике Владышнинево-II обломки двух лепных сосудов найдены в пахотном слое в северо-восточной части раскопа, главным образом на участке между материковыми ямами и частично в их заполнении.

В могильнике Монино-II в 12 погребениях по обряду кремации в скоплениях костей вместе с останками человека встречены пережженные кости животных³. Масса костей животных колебалась от 5 до 430 г, при этом в двух случаях (погребения № 66, 72) она заметно превышала массу костей человека. Видовая принадлежность животных определена лишь в погребениях № 72 – собранные здесь кости принадлежат собакам, и в скоплении 6, из которого происходят кости бобра. В пяти погребениях по обряду кремации найдены нежженные кости животных, одним – кости рыбы. Определимы костные остатки из двух погребений (скопление № 6, № 2), принадлежащие в одном случае собаке и белке, в другом – зайцу, бобру и лосю. Кальцинированные кости животных находились также в пахотном слое в могильнике Владышнинево-II, вместе с кальцинированными костями человека и вещевым инвентарем. В единственном погребении этого могильника, помещенном в материковую яму, вместе с останками человека обнаружены нежженные кости рыбы.

Основная масса вещей, связанных с погребениями по обряду кремации (односторонние роговые расчески, поясные накладки, желтые, цветные, зо-

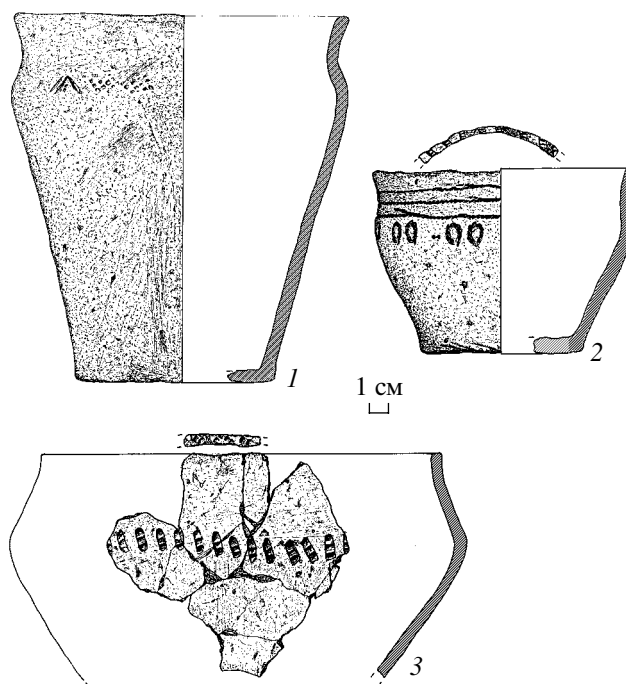

Рис. 8. Могильник Монино-II. Лепные сосуды из погребения 52.

лотостеклянные и полосатые бусины-лимонки, ножи с узким клиновидным лезвием, украшения, изготовленные в наборной технике, обоймицы и накладки от кошельков) датируется в широких хронологических рамках X – начала XI в. К числу вещей, которые редко использовались после рубежа X–XI вв., относятся втульчатые височные кольца большого диаметра, железные и бронзовые фитильные трубки и массивная железная фибула с дугой прямоугольного сечения и спиральными головками. Второй половиной X в. датированы бусы из погребения 50, а также бусы из погребения 52, 53. Набор бус в этих комплексах включает цветные лимонки (прозрачные, бесцветные, розовые, белые, синие), лимонки с металлической прокладкой, желтые лимонки, навитые глазчатые бусы. В погребении 50 найдена пронизка из тянутой трубочки, период бытования которых ограничен IX–X вв. Из комплекса “погребение 53” происходят две рубленные бисерины. Остальной инвентарь, сопровождающий погребение 50: бронзовая моноспиральная шумящая подвеска, привески-лапки, пластинчатая обкладка от сумочки, фрагменты двух односторонних расчесок, датируется в более широком хронологическом диапазоне.

³ Определение костей животных произведено А.Б. Савинцевым.

Рис. 7. Могильник Монино-II. Раскоп 3, вещевой материал из верхнего гумусированного слоя. 1 – фрагмент оселка; 2, 3 – фрагменты шейной гривны; 4–62, 64–69, 74–80, 85, 86, 112 – бусины и их фрагменты; 70, 72, 73 – обоймицы; 71, 107, 113, 117, 120 – фрагменты шумящих подвесок; 81–84 – фрагменты расчесок; 87–92, 94, 95, 98–100, 105, 109, 110, 122, 123 – обломки оплавленных предметов; 93, 108 – заклепки, 96 – винтовочная пуля; 97 – фрагмент перстня; 101–103, 106, 111, 114, 115 – спиральные пронизки, 116 – колечко-пронизка; 118 – фрагмент бубенчика; 121 – поделка (1 – камень; 2, 3, 63, 70–73, 87–120, 122, 123 – цветной металл; 121 – глина).

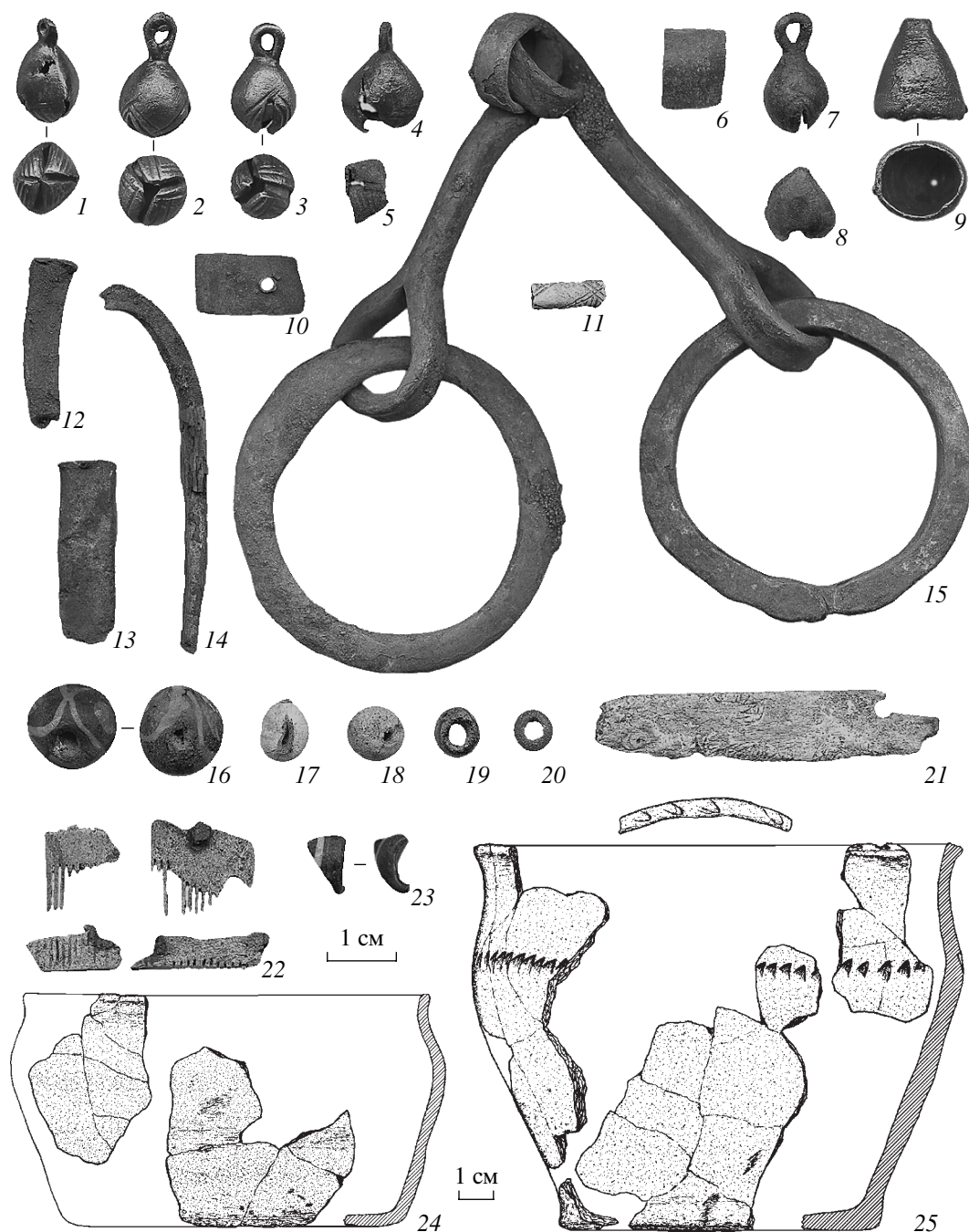

Рис. 9. Могильник Минино-II. Находки из погребения 72. 1-5, 7-8 – привески-бубенчики; 6 – фрагмент пластины, 9 – колоколовидная пронизка; 10 – пластина, 11 – фрагмент расчески; 12 – стержень; 13 – клин, 14 – стержень с остатками рукояти; 15 – удила; 16-20, 23 – бусины; 21 – фрагмент пластины; 22 – фрагменты расчески; 24, 25 – лепные сосуды. (1-10 – цветной металл; 11 – рог; 12, 13, 15 – железо; 14 – железо, дерево; 16-20, 23 – стекло; 21, 22 – кость; 24, 25 – глина).

Еще пять погребений (69, 16, 66, 72, скопление б) по наборам бус датированы второй половиной X – началом XI в. (рис. 9). Эти комплексы содержали желтые и белые полосатые лимонки, желтые лимонки, черные непрозрачные глазчатые бусы с петлями и с линией, навитые прозрачные синие бусы, желтый рубленый бисер – типы, образующие хронологическую группу, верхняя граница которой не выходит за рамки начала XI в.

Сложнее определить хронологические позиции кремаций из раскопа 2. Найденные здесь золотостеклянная цилиндрическая бусина (остальные бусы типологически не определимы), обломки односторонних расчесок и двусторонних гребней, ножи обозначают очень широкие хронологические рамки. Возможно, трупосожжения в этом раскопе должны быть датированы несколько более поздним временем, чем кремации в раскопе 3. В пользу

этого свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, в яме 3, содержавшей кремированные останки не менее четырех погребенных, найден нетронутый огнем денарий, чеканенный графом Германом III в Утрехте в 1048–1064 гг. Во-вторых, эта яма частично прорезает могильную яму одного из захоронений по обряду ингумации – погребения 15. Это мужское трупоположение, сопровождавшееся пластинчатым кресалом, фитильной трубкой и подковообразной сумочкой с заклепками, было совершено не позднее рубежа X–XI вв. и является наиболее ранней ингумацией, открытой раскопками в Минино. Нарушение ямы этого погребения ямой с остатками тропосожжений свидетельствует, что обряд кремации практиковался в Минино в течение некоторого времени в первой половине XI в. параллельно с обрядом ингумации. Переход к ингумации на Кубенском оз. не был одномоментным отказом от старой погребальной традиции.

Радиоуглеродным методом датированы 8 образцов угля и гумуса из материковых ям в восточной части площадки могильника, в том числе ям, содержавших остатки кремаций. Даты трех образцов угля из погребений в восточной части раскопа 3 (780–990, 890–1020, 890–960 гг. (1 сигма)) близки вещевым датам кремаций. Неполное совпадение интервалов, определенных по вещам и по ^{14}C , объясняется, возможно, значительным возрастом древесины, угли от которой использовались для датирования. Датирование пяти других образцов органики дало результаты, не согласующиеся с вещевой хронологией: возраст органики на 70–200 лет старше наиболее ранней возможной даты средневековых вещей. Вероятно, взятые для датирования образцы, представляющие собой мелкие угли, собранные вместе с гумусом, связаны по своему происхождению с природными процессами или человеческой жизнедеятельностью более раннего времени.

Таким образом, в кубенозерских могильниках прослеживается несколько разновидностей обряда кремации: помещение кремированных останков компактно на поверхность земли (возможно, в какое-то деревянное сооружение) или в неглубокую ямку; помещение кальцинированных костей в глубокую яму округлой в плане формы; помещение кальцинированных костей на дно или на край крупных ям овальной формы, остававшихся не засыпанными, так что впоследствии кости из других разрушаемых захоронений отлагались в их заполнении; наконец, помещение сожженных останков и погребального инвентаря в рассеянном виде на поверхность площадки. Значительная часть вещей, соотносимых с погребениями по обряду кремации, в обоих могильниках находилась в верхнем пахотном слое. Такое положение может объясняться как относительно большой численностью погребений с “рассеянным” размещением остан-

ков, так и существованием обычая помещать вещи отдельно от кальцинированных костей. Общими чертами, объединяющими оба могильника, является также присутствие в составе инвентаря как пережженных, так и нетронутых огнем вещей, наличие в сопровождающем инвентаре мужских погребений таких категорий вещей, как поясные накладки, обоймицы от кошельков, железные томары, а в женском – бус и шумящих украшений, изготовленных в наборной технике.

Значение кремаций, исследованных в кубенозерских могильниках, определяется прежде всего тем, что они позволяют надежно документировать редкие и малоизученные формы погребального обряда, практиковавшиеся в конце I – начале II тыс. н.э. Кубенозерские могильники с трупосожжениями обнаруживают определенные черты сходства с широким кругом погребальных памятников Балтийского ареала и Северо-Западной Руси, для которых характерны поверхностные кремации. Известно, что в средневековье подобный обряд господствовал на территории Финляндии и Эстонии (Magi, 2002).

Поверхностные кремации выявлены и на памятниках, не связанных с прибалтийско-финскими традициями – например в ровиках волховских сопкок (Петренко, 1994. С. 44–68) или в могильниках близ Которска на р. Плюссе, исследованных С.Л. Кузьминым (Кузьмин и др., 2000. С. 70). Территориально наиболее близкие к Кубенскому оз. памятники этой традиции – могильники юго-западного Белозерья, в которых остатки трупосожжения помещались в неглубокие грунтовые ямки, на поверхность земли и в срубные конструкции, получившие название “домики мертвых” или в оконтуривавшие их ровики (Башенькин, 1985. С. 77–81; 1995. С. 3–29; 1997. С. 16; Макаров, 1997. С. 64). На площадках некоторых из этих могильников, например в Пугине и Усть-Ситском-III, выявлены отдельные глубокие ямы, содержавшие остатки трупосожжений. Принципиальная разница между кубенозерскими и белозерскими могильниками с кремациями заключается в том, что наиболее характерный элемент последних – срубные конструкции типа “домиков мертвых” – на Кубенском озере отсутствует.

По характеру погребального обряда кубенозерские памятники близки трем грунтовым могильникам с кремациями, один из которых – Большое Молочное – исследован в среднем течении р. Кострома (Леонтьев, 1996. С. 263–267), второй – Минино 7 – на р. Большой Юг, левом притоке р. Шексна в среднем ее течении (Кудряшов, 2001), третий – Черный ручей на р. Андога (раскопки А.В. Кудряшова). Для всех этих могильников характерны небольшие размеры (на первых двух некрополях исследовано, соответственно, шесть и восемь погребений), помещение остатков кремации в грун-

товые ямы овальной или круглой формы, возможно, в сочетании с помещением кальцинированных костей на поверхности земли и неполный сбор остатков кремации с погребального костра, при котором в ямы попадала лишь часть сожженных останков умершего. К этой же группе памятников должны быть отнесены и несколько более ранние могильник Попово на Унже (Леонтьев, 1996) и могильник на Ратницком городище в верховьях Дубны (Вишневский, 2002. С. 550–557), в которых остатки кремаций и погребальный инвентарь также находились в округлых в плане ямах глубиной до 0,7 м, а также (в могильнике на Ратницком городище) в верхнем гумусированном слое. Эти памятники рассматриваются как принадлежащие поволжско-финскому населению – мерянскому или родственному мере.

Вместе с недавно исследованными грунтовыми могильниками близ Которска и на площадке Ратницкого городища, материалы из Минаина и Владышинева позволяют полагать, что традиция устройства могильников с размещением останков кремации в неглубоких ямах или на поверхности земли получила во второй половине I тыс. н.э. широкое распространение в лесной полосе Восточной Европы. Часть подобных памятников могла быть стерта распахкой еще в средневековье, по мере развития колонизации и нарастания интенсивности использования сельскохозяйственных угодий. Конкретные формы размещения остатков кремаций в неглубоких ямах и на поверхности земли не были связаны с какой либо этнокультурной традицией и были распространены среди прибалтийско-финского, поволжско-финского и славянского населения. Хотя у отдельных этнических групп формировались собственные формы устройства могильников с трупосожжениями, такие как помещение остатков кремации под каменные вымостки, характерные для прибалтийско-финской среды, помещение остатков кремации в прямоугольные дерево-земляные конструкции, характерные для финнов Белозерья и Верхней Волги, многие формы этого обряда оставались общими, в равной мере присущими различным этническим группам. Состав украшений и бытовых вещей, происходящих из кубенозерских кремаций, позволяет полагать, что носителем этого обряда здесь было смешанное финно-славянское население, возможно, сложившееся в результате метисации мерянских групп и выходцев с Северо-Запада.

Недавние открытия остатков кремаций IX–X вв. на вершинах сопков (Платонова, 2002) и в курганных ровиках (Макаров, Новикова, 2001) показывают, что для устройства поверхностных погребений могли избираться не только обычные грунтовые площадки, но и земляные насыпи. Эти данные хорошо согласуются с наблюдениями Х. Цолль-Адамиковой о распространении наземных кремаций, помещавшихся на вершину курга-

на, у западных славян на территории Польши и Германии, где этот обряд зафиксирован в 15 могильниках VII–X вв. По мнению исследовательницы, подобный обряд имел достаточно широкое распространение в западнославянской среде, но редко фиксировался из-за несовершенной методики раскопок (Zoll-Adamikova, 1975). Очевидно, бескурганные погребения с кремированными останками на площадках и курганные могильники с остатками кремаций на вершинах или у подножия насыпей не должны противопоставляться как проявление различных погребальных традиций – они отражают общую идею “поверхностных” погребений, сформировавшуюся в языческом сознании населения северных областей Восточной Европы во второй половине I тыс. н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Башенькин А.Н. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
- Башенькин А.Н. Культурно-исторические процессы в Молого-шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности. Вып. 3. СПб., 1995.
- Башенькин А.Н. Вологодская область в древности и средневековье. Вологда, 1997.
- Башенькин А.Н., Васенина М.Г. Усть-Бельский археологический комплекс на р. Кобоже. 20 лет исследований // Чагодощенская земля: культура, история, люди. Матер. краевед. конф. Вологда, 2004.
- Вишневский В.И. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратковском городище в верховьях р. Дубны // Тверской археол. сб. Вып. 5. Тверь, 2002.
- Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Козловская М.В. О погребальном обряде финно-угорского раннесредневекового могильника на Ратковском городище в верховьях р. Дубна // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.
- Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.
- Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М., 1997.
- Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Погребальное сооружение на городище “Дьякова типа” // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
- Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия. Вологда, 2001.
- Кудряшов А.В. Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Кузьмин С.Л. Высокие погребальные сооружения Северо-Запада Новгородской земли второй половины I тыс. н.э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тез. науч. конф. Вып. 3. Н. Новгород, 1990.

- Кузьмин С.Л. Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX века // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.
- Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р. Новый тип погребальных памятников и проблема славянской колонизации Северной Руси // У истоков Новгородской земли. Любытинский археол. сб. Любытино, 2002.
- Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.
- Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Могильник Которск IX – кладбище населения Которского погоста // Stratum plus. 2000. № 5.
- Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1968. № 152.
- Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997.
- Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Макаров Н.А., Меснянкина С.В. К изучению средневековых могильников с кремациями на Русском Севере // Восточная Европа в Средневековье. М., 2004.
- Макаров Н.А., Новикова Г.Л. Могильник Крохинские пески – некрополь Белоозера X–XIII вв. // Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Назаренко В.А. Об этнической принадлежности приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Л., 1979.
- Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н.э. в Приильменье // СА. 1981. № 1.
- Носов Е.Н. Проблема изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Вып. 1 (11). Л., 1982.
- Носов Е.Н. К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1984. Вып. 179.
- Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
- Петренко В. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.
- Платонова Н.И. О погребальном обряде верхнелужских сопков (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М., 1982.
- Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
- Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Хвоцкая Н.В. Погребальные дерево-земляные сооружения на западе Новгородской земли // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Хвоцкая Н.В. Финны на западе Новгородской земли. СПб., 2004.
- Magi M. At the crossroads of space and time. Graves, changing society and ideology on Saaremaa (Osel) 9th–13th centuries AD. Tallinn, 2002.
- Zoll-Adamikova H. Wczesnosredniowieczne cmentarzyska cialopalne slowian na terenie Polski. Cz. I. Wroclaw; Warscawa; Krakow; Gdansk, 1975.

New investigations of Medieval burial grounds with cremations in the North of European Russia

N. A. Makarov, I. E. Zaitseva

Summary

The article covers funeral rites and concurrent inventory of two earthen burial grounds with cremations, dated to the second half of the 10th – beginning of the 11th century, Minino II and Vladyshnevo II, situated near Kubenskoe Lake in the Vologda area. The burial grounds combine cremations of which the remnants were placed at ground level or in shallow pits, and cremations of which the remnants were put into deeper pits, rounded or oval in plan, and narrowing towards the bottom. A common characteristic of the funeral rite is the presence in the inventory of items both burnt and untouched by fire; the concurrent inventory in male burials includes belt plates, purse girdles and iron tomars (arrows with blunt heads used for fur game hunting); female burials contain beads and assembled jingling pendants. The importance of the cremations investigated in the burial grounds near Kubenskoe Lake is determined first and foremost by the fact that they allow to reliably document the rare and poorly studied forms of funeral rites practiced at the end of the 1st – beginning of the 2nd millennium A.D. The burial grounds with cremations considered in the present article share certain common features with a wide circle of funeral monuments in the Baltic area and Northwestern Russia, where above-ground cremations are typical.

В ПОИСКАХ ГНЕЗДОВСКОГО ПОРТА

© 2007 г. В.В. Мурашева

Государственный Исторический музей, Москва

Гнездово – один из самых знаменитых памятников эпохи образования Древнерусского государства (IX–XI вв.). Гнездовский археологический комплекс состоит из двух городищ, обширного открытого поселения и восьми курганных групп (Пушкина, 1996а. С. 20). Всеми исследователями признается (Авдусин, 1971; Пушкина, 1996а; Невфедов, 1998 и др.), что этот памятник является ключевым пунктом на пути “из варяг в греки”, описанном в Повести Временных Лет: “Был путь из варяг в греки и из грек по Днепру, и в верховьях Днепра волок до Ловати, и по Ловати можно войти в Ильмень озеро великое, из того же озера потечет Волхов, и втечет в озеро великое Нево, и устье того озера внидет в море Варяжское”.

Памятник исследуется уже более 130 лет, однако далеко не все вопросы, связанные с исторической топографией Гнездова, к настоящему моменту выяснены. В частности, не было выявлено никаких структур, связанных с функционированием Гнездова в качестве речного порта.

Новые возможности для исследования структуры памятника открыло выявление культурного слоя на территории ныне затопляемой высокой поймы Днепра, перекрытого мощным слоем аллювиальных отложений. Это дало толчок исследованиям в области реконструкции палеоландшафта на базе использования естественно-научных методов. Результаты исследований показали, что момент возникновения поселения относится к этапу слабой поемности и некоторой засушливости климата, когда пойма Днепра была занята лесной растительностью и вполне пригодна для обитания, русло же Днепра располагалось севернее и находилось ближе к Центральному городищу (Зазовская, Бронникова, 2001; Александровский и др., 2006). Полученные данные со всей очевидностью показали, что ландшафт эпохи гнездовского комплекса в значительной степени отличался от современного и задали направление для новых исследований, нацеленных на изучение топографии пойменной части поселения.

Внимание исследователей Гнездова в течение многих лет привлекало оз. Бездонка, расположенное у подножия Центрального городища. Оно имеет почти правильную прямоугольную форму и, во время весенних паводков, соединяется с р. Свинец, притоком Днепра. Само расположение озера за-

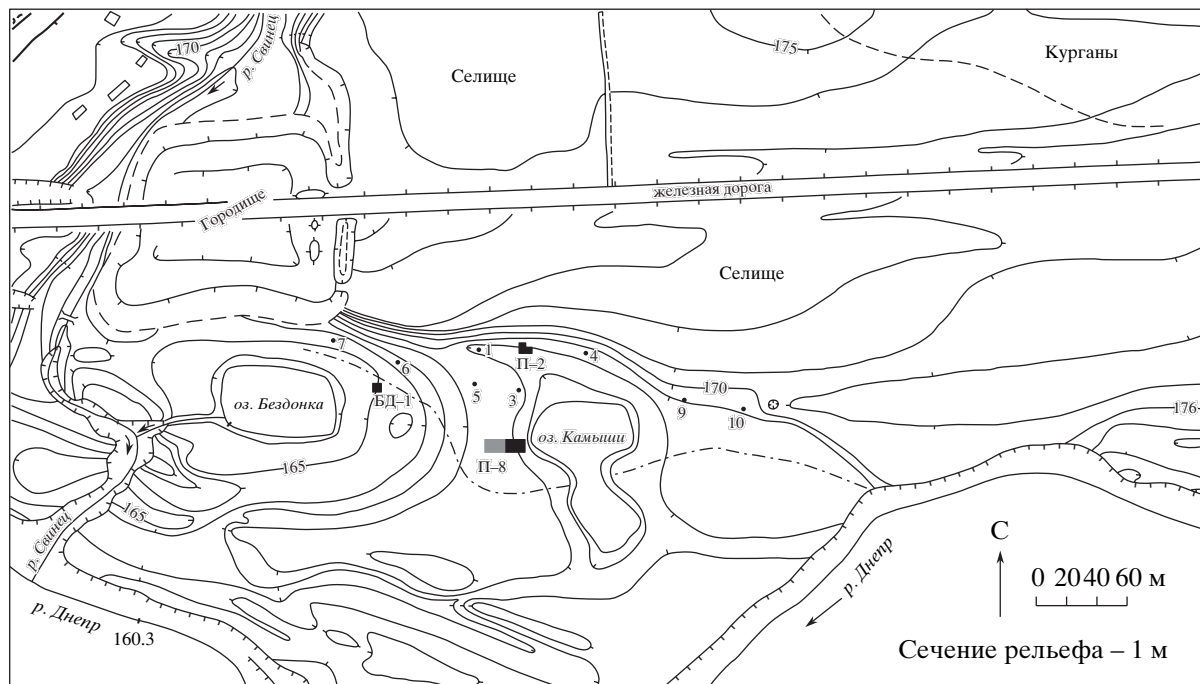
ставляло предполагать, что оно могло быть использовано в качестве небольшой внутренней гавани (рис. 1).

С целью выяснения характера напластований в районе оз. Бездонка было произведено разведочное бурение, работа осуществлялась совместно с кафедрой геоморфологии географического факультета МГУ¹. В результате разведочных работ был выявлен участок с прослойками хорошо сохранившегося дерева. На основании итогов бурения, во время полевого сезона 2005 г., был заложен раскоп площадью 24 м². В ходе раскопок была выявлена сложная, хорошо стратифицированная система отложений. Переувлаженность слоя обусловила сохранность дерева. Целью данной статьи является предварительная публикация материала, полученного в результате раскопок.

В ходе исследования слоя удалось проследить динамику изменения характера использования данной территории. Было выявлено пять стратиграфических уровней (слоев), соответствующих этапам освоения и использования данного участка. Строительные горизонты полностью или частично были разделены стерильными прослойками. Каждый слой является, по сути дела, совокупностью прослоек, которые появились, вероятно, в связи с необходимостью подновления конструкций (настилов) в результате регулярных подтоплений (о которых свидетельствуют многочисленные тонкие намывы песка).

Культурный слой оказался перекрыт аллювиальными отложениями, мощностью до 90 см. Верхняя часть культурных отложений представлена совокупностью слоев, получивших название “пожар I”. Основная составляющая слоя – гумусированная супесь с активным включением угля, иногда лежащего морфными пятнами. Внутри слоя читаются отдельные тонкие прослойки песка (намывы?). В верхнем слое дерево не сохранилось, и поэтому его характер определить сложно. В составе слоя обнаружено два небольших каменных

¹ Руководство работами осуществлялось доц. А.В. Паниным, в разведке также принимали участие с.н.с. ИГ РАН М.А. Бронникова, в.н.с. отдела археологических памятников ГИМ В.В. Мурашева, студент географического факультета Н.В. Борисенко, студенты исторического факультета С.С. Зозуля, А.А. Фетисов. В раскопках и обработке материала принимала участие сотрудник отдела археологических памятников ГИМ С.А. Авдусина.

• 1
— 2

Рис. 1. Гнездовский археологический комплекс. 1 – шурфы; 2 – раскопы 1999–2005 гг.

очажка, около которых зафиксированы скопления плохо сохранившихся костей животных, а также лунница, отлитая по оттиску сканно-зерненного изделия из свинцово-оловянного сплава (рис. 2, а). Подвеска копирует ширококорые лунницы, которые часто встречаются в кладах (Корзухина, 1954. Табл. VII, VIII, XXV). Сканно-зерненная модель, которая использовалась для оттиска, была украшена двойными зигзагообразными линиями зерни и напаянными полушариками, окаймленными колечками зерни. Серебряная лунница такого типа была найдена в Гнездове в 1993 г. в составе клада (Пушкина, 1996б. С. 174. Рис. 11, 2). Вторая находка, заслуживающая внимания, – проволочное височное кольцо из медного сплава с завитком на одном конце (рис. 2, б). Диаметр кольца – 3 см, один конец проволоки раскован и закручен в спираль, второй заострен. Подобные кольца в Гнездове неоднократно встречены как в составе культурного слоя поселения, так и в погребениях, однако большая их часть изготовлена из серебра и их диаметр не превышает 2.5 см. Лишь один экземпляр, найденный в переотложенном культурном слое селища, сделан из медного сплава и может быть датирован, по мнению Т.А. Пушкиной, XI в. (1987. С. 52, 53).

Под верхним слоем была выявлена целая система дощатых настилов. Можно с уверенностью го-

ворить о трех строительных горизонтах, частично или полностью разделенных прослойками аллювиального происхождения. В составе каждого из горизонтов фиксируются тончайшие прослойки стерильной супеси или песка, свидетельствующие о регулярном подтоплении конструкций. В составе верхнего из настилов, получившего название “настил I”, зафиксированы многочисленные, плотно уложенные некрупные доски (максимальный размер – 63 × 15 см). Под слоем, насыщенным древесными остатками, обнаружены подстилающие его конструкции из бересты (рис. 3, а), условно названные “циновками”. Они представляют собой коврики из плотно уложенных полос бересты шириной до 20 см, концы которых загнуты вниз, и образующих более или менее правильную геометрическую форму, читается крестообразная система расположения полос. “Циновки” расположены в соответствии с определенной системой, расстояние между ними 60–90 см. Удалось проследить остатки четырех “циновок”. Лучше всего сохранившаяся “циновка” расположена в центре южной части раскопа (рис. 3, б), ее размеры – 112 × 75 см. Возможно, берестяные коврики использовались для гидроизоляции (в этом качестве береста использовалась в домостроительстве – см., напр., Асташова, 1979. С. 9), однако аналогий подобным объектам обнаружить не удалось.

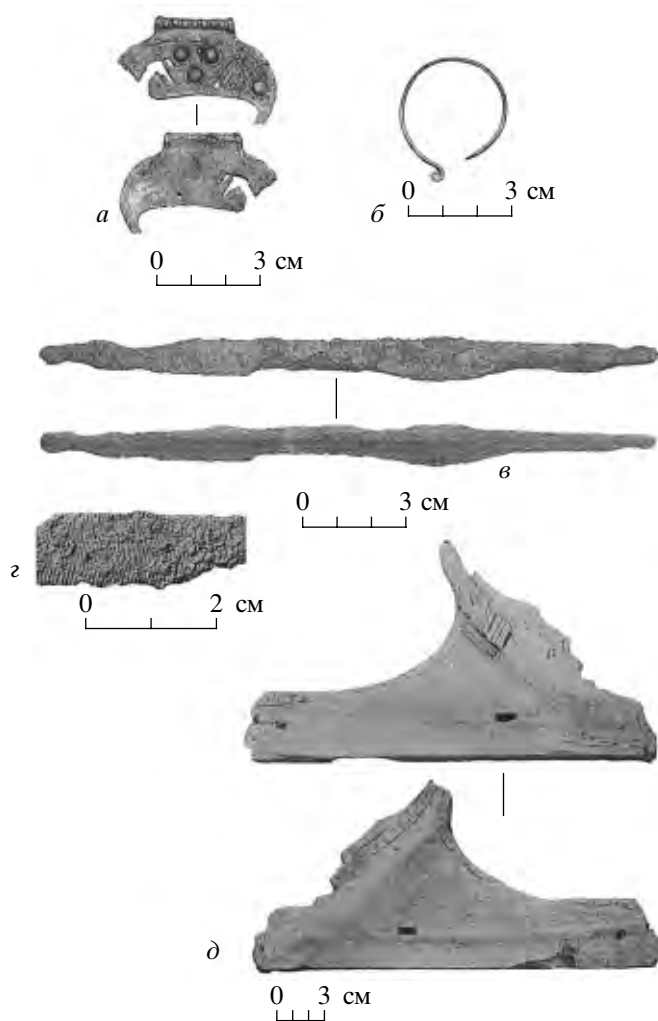

Рис. 2. Находки из раскопа на берегу оз. Бездонка: *а* – лунница (свинцово-оловянный сплав); *б* – височное кольцо (медный сплав); *в* – напильник (железо); *г* – однорядная волнообразная насечка на полосе напильника (железо); *д* – уключина (дерево).

Находок в составе слоя немного, большую их часть составляют стеклянные бусы, наиболее значимой из находок является половина дирхема (Саманиды, имя эмира, халифа, год чеканки срезаны, тип Исмаил б. Ахмад, 892–914 гг.²).

Конструкции нижележащего слоя “настил 2” носят совсем иной характер – настил однослойный, берестяные коврики отсутствуют. Сооружение состоит из крупных досок (рис. 4). Несколько досок лежат параллельно друг другу, вниз по склону и вытянуты в направлении с СЗ на ЮВ, маркируя путь с первой надпойменной террасы к оз. Бездонка.

Самый нижний уровень – слой “настил 3” перекрыт особенно мощной прослойкой серого оглеенного суглинка мощностью до 25 см. Предполагать однозначно аллювиальное происхождение данной прослойки сложно. Во-первых, ее мощ-

ность слишком велика, и в условиях низкой поемности в гнездовское время (Зазовская, Бронникова, 2001. С. 199, 200) подобный слой образоваться не мог. Во-вторых, в составе суглинка встречаются отдельные включения щепы и мелких веток, что заставляет предполагать участие антропогенного фактора в ее формировании. Возможно, слой сформировался в результате целенаправленного создания подсыпки для улучшения подходов к озеру, либо это был грандиозный выброс материала при масштабных строительных работах.

Слой, получивший название “настил 3”, составлен мокрым серым оглеенным гумусированным суглинком с включением угля. Определенно утверждать, что он является остатками настила, невозможно, так как сохранились лишь фрагменты беспорядочно лежащих досок и жердей. Очень важно отметить, что в составе слоя зафиксирована только лепная керамика (мелкие фрагменты).

² Определение А.В. Фомина, отдел нумизматики ГИМ.

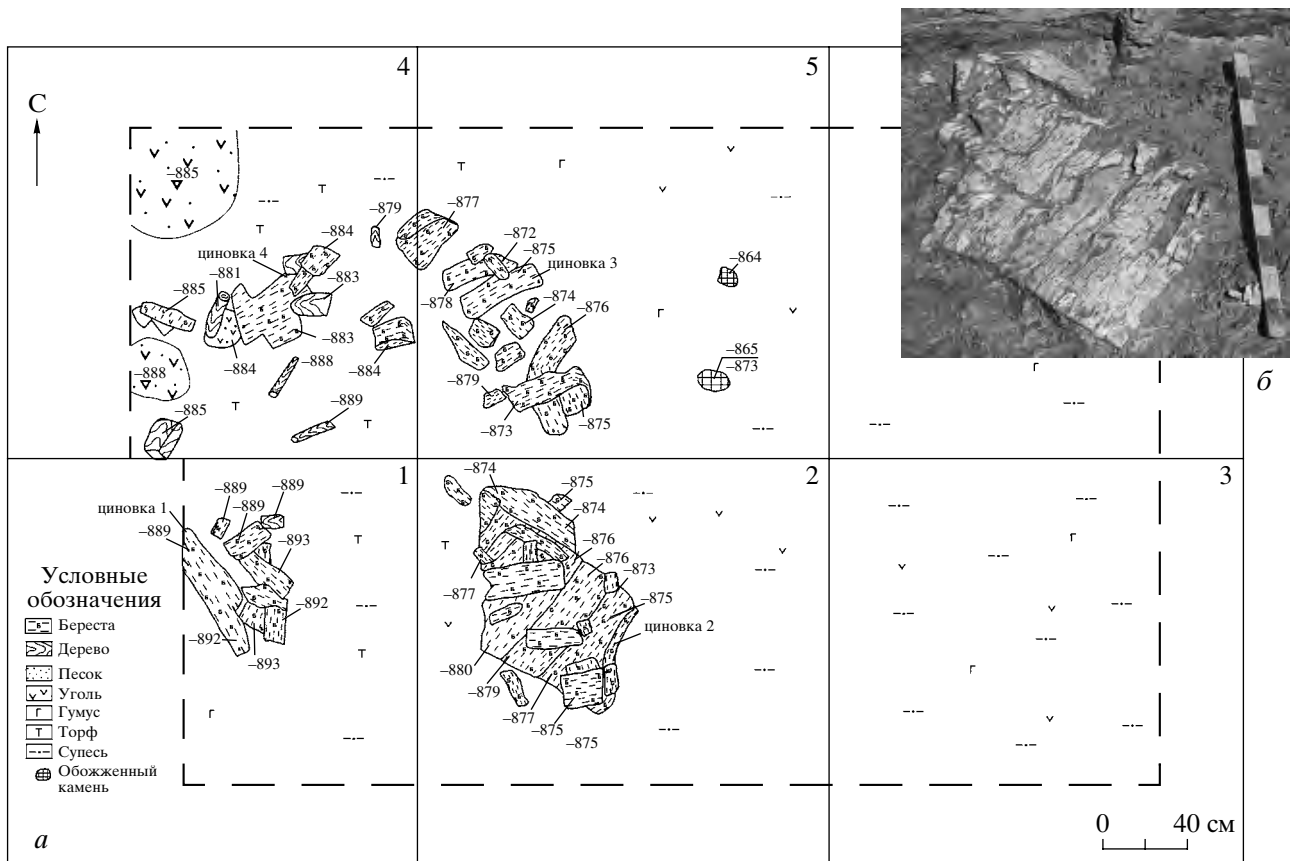

Рис. 3. Берестяные конструкции: а – расположение берестяных конструкций в слое “настил 1”; б – берестяная “циновка”.

Единственной индивидуальной находкой в рамках данного строительного горизонта является слесарный инструмент – крупный напильник (рис. 2, в). Напильник имеет треугольное сечение рабочей части, в конце инструмента сечение меняется – две грани сглажены проковкой, образуя закругляющуюся поверхность. Б.А. Колчин, исследовавший древнерусские слесарные инструменты, приводит информацию о диапазоне размеров полотна напильников – она колеблется от 6.8 до 13.5 см (1953. С. 66). Гнездовский инструмент выделяется своим крупным размером, длина его полотна – 18.7 см, ширина стороны – 1.3 см. Сохранность металла – не очень хорошая, однако в процессе реставрации³ удалось выявить фрагменты однорядной волнообразной насечки (рис. 2, г), нанесенной как на основную (треугольную в сечении), так и на закругленную части полотна.

Напильник – не редкая находка в составе слоя древнерусских памятников домонгольского периода (Колчин, 1953. С. 66). В Гнездове найдены три экземпляра напильников, два из них, так же как и рассматриваемый инструмент, имеют треугольное сечение, однако насечка на них нанесена перекрестная (Ениосова, 1999. С. 57, 58). Напильник,

найденный в самых ранних напластованиях около оз. Бездонка, превосходит все ранее найденные в Гнездове своими размерами (самый крупный достигал в длину 14.5 см). В Северной Европе напильники использовались не только в эпоху викингов (Westphalen, 2002. S. 35–37. Taf. 4, 6–11; Arrhenius, 1993. P. 193), но и ранее, например несколько экземпляров найдены в составе слоя Хельго на территории Швеции (Tomtlund, 1978. S. 16). Крупные напильники, в том числе и намного превосходящие гнездовский экземпляр (до 41 см в длину), найдены на территории Норвегии (Petersen, 1951. S. 94, 95) и в составе Местермюрского клада на о. Готланд (Arwidsson, Berg, 1983. Pl. 22, 23). Интересно отметить, что гнездовский экземпляр имеет ряд уникальных особенностей – переменное сечение, позволяющее выполнять различные виды слесарных операций, и волнообразную насечку.

Под слоем “настил 3” было обнаружено траншееобразное сооружение (яма 2 – рис. 5). Траншея ориентирована так же, как и вышележащие настилы – она вытянута в направлении ЮЗ-СВ (от террасы к оз. Бездонка). Ширина траншеи – 160–172 см, глубина от уровня материка – 45–50 см. На южном борту зафиксированы остатки деревянной обкладки из тонких бревен и жердей. Дли-

³ Реставрация выполнена А.В. Григорьевым.

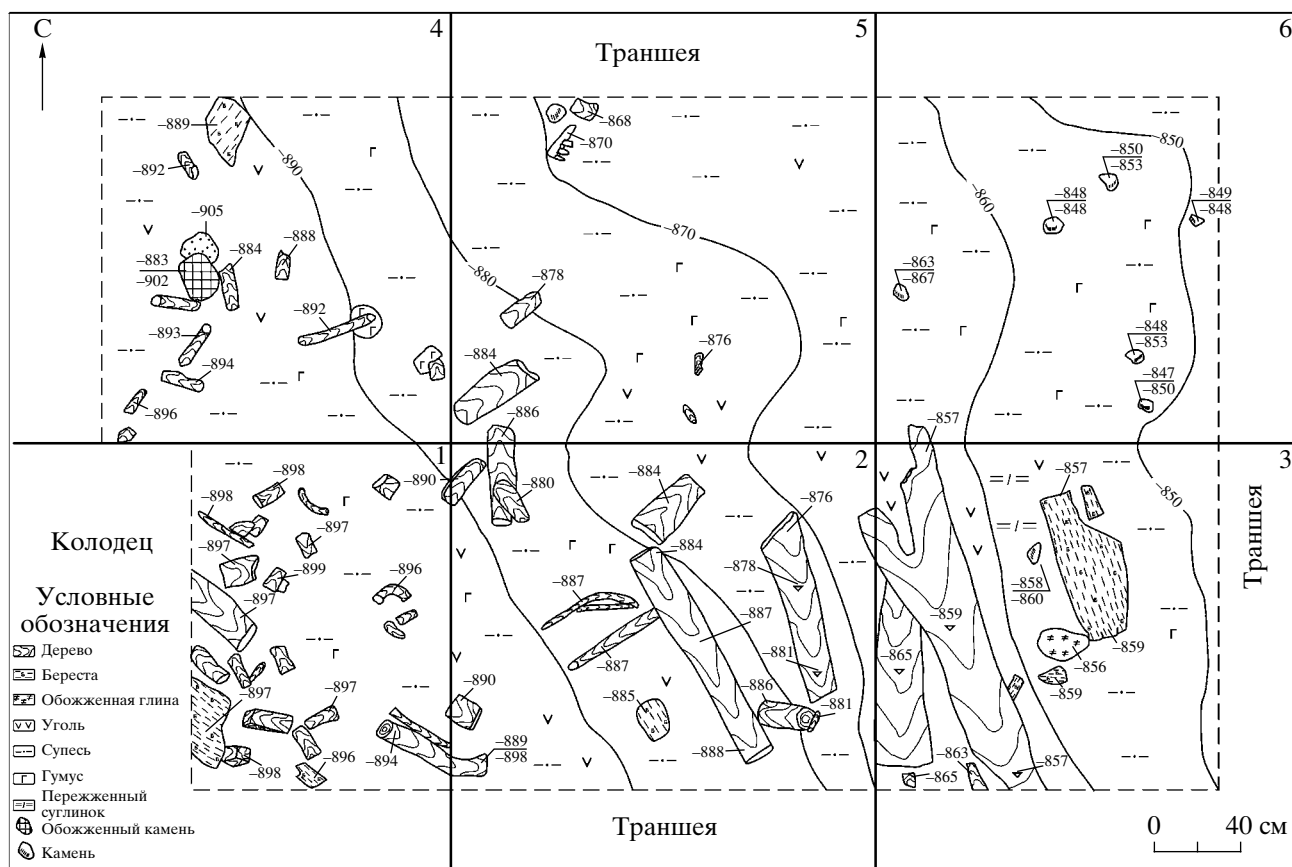

Рис. 4. Слой “настил 2”.

на самого большого из бревен – 100 см, диаметр – 20 см.

В составе заполнения канавы была найдена корабельная деревянная уключина размером $28 \times 13,7$ см (рис. 2, д). Уключина – это бортовой упор для гребельных весел (Колчин, 1968. С. 59). Уключины вырезались из одного куска дерева с сучком и крепились к борту судна, в специальное отверстие продевалась ременная или веревочная петля, в которую вставлялась рукоять весла. Типология уключин на материале северо-запада Руси разработана П.Е. Сорокиным, в основу типологии положены конструктивные особенности – способы крепления ремня к деревянной части и система крепления последней к борту судна (1997. С. 36). Край гнездовского экземпляра обломаны (части конструктивных особенностей могут быть утрачены), однако его, вероятно, можно отнести к типу I, варианту 1 (уключины со сквозным поперечным отверстием для ремня у основания рога, крепившиеся к борту через горизонтальные отверстия у основания). Подобные уключины наиболее широко представлены в археологических материалах и бытуют с VIII по XIV в. Уключины использовались чаще всего на судах средних размеров (малые

лодки приводились в движение, как правило, одним большим веслом, а крупные суда имели специальные порты для весел – Сорокин, 1997. С. 37), что полностью соответствует умозрительным представлениям о судах, ходивших по внутренним рекам Восточной Европы.

Уключины – не редкая находка в составе культурного слоя поселений северо-запада Руси, они найдены в Новгороде, Старой Ладогге, Пскове и Орешке (Сорокин, 1997. С. 36), однако уникальность гнездовского экземпляра обусловлена тем, что это единственный предмет, украшенный орнаментом. На верхний край уключины с лицевой и оборотной стороны нанесен резной узор в виде стилизованной, “лестничной” плетенки, рог украшен углубленным треугольником и расходящейся косой насечкой. Орнамент в виде стилизованной плетенки украшает край скандинавских наконечников ножен мечей (Сизов, 1902. Табл. VIII, б) и борт круглых фибул (Сизов, 1902. Табл. I, 11). Таким образом, характер орнамента указывает на скандинавское происхождение судна. Уключина, найденная в Гнездове, – единственная на территории Восточной Европы украшена резьбой. В Северной Европе известен лишь один орнаментированный

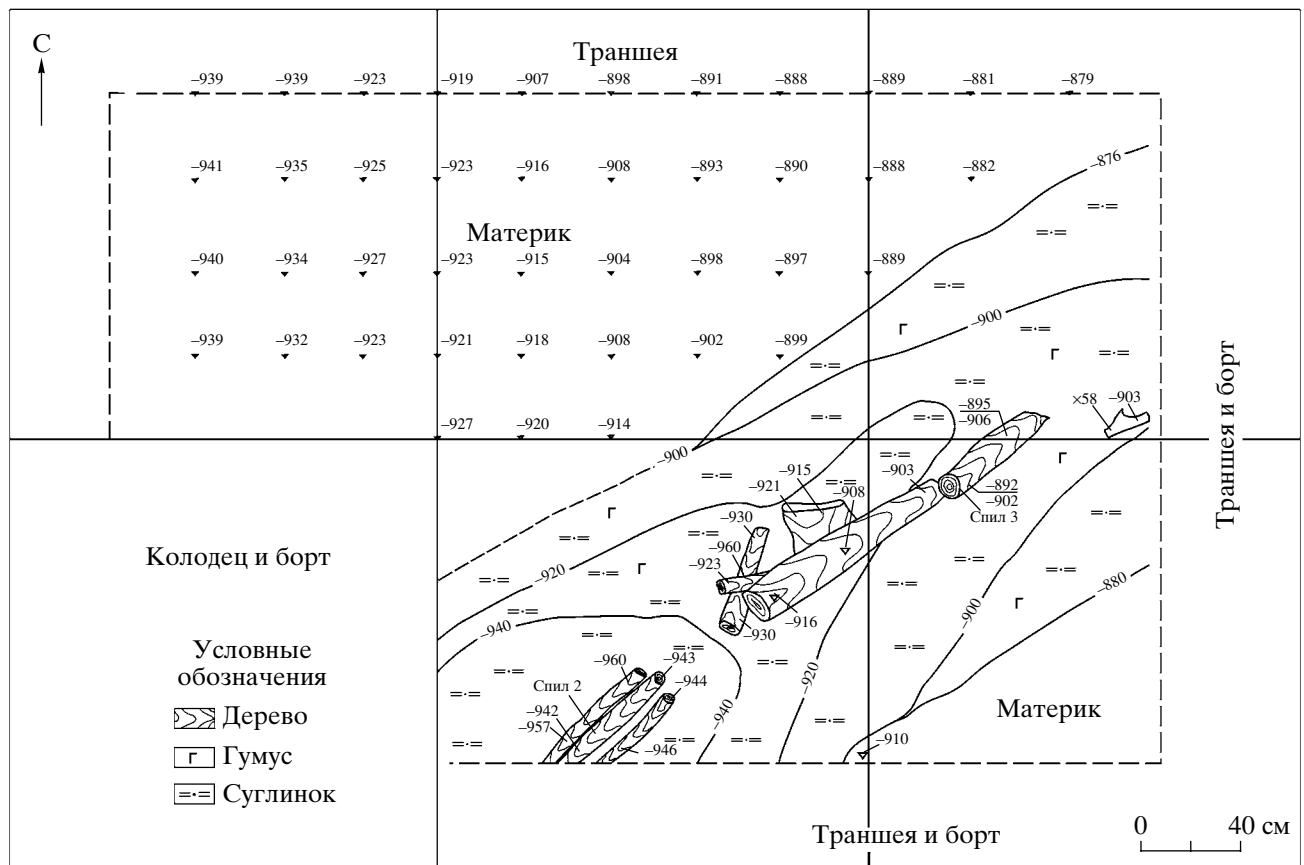

Рис. 5. Траншееобразная яма.

ванный экземпляр – это деталь корабля из погребения в Гокстаде (Норвегия), однако характер изображения там совершенно иной, уключина украшена стилизованной антропоморфной личиной (Vikingen, 1975. S. 268).

Обратимся к проблемам интерпретации исследованных конструкций. На территории Восточной Европы до настоящего момента не выявлено ни одной портовой конструкции, относящейся к раннему периоду русской истории. Отсутствие сравнительного материала заставляет обратиться к материалам Северной Европы и Балтийского региона, где портовые сооружения исследуются давно и плодотворно (Tollnes, 1973; Filipowiak, 1981; Smolarek, 1981; McGrail, 1985; Elmers, 1989). Археологические исследования, привлечение этнографических материалов показали, что структура ранних портовых сооружений не была унифицирована (McGrail, 1985. P. 13). На ранних этапах зона причала как на морском берегу, так и в рамках речных систем могла не оформляться никакими дополнительными сооружениями – лодки и корабли просто вытягивались на берег. Археологические критерии для обнаружения подобных мест быть не может, за исключением уникальных случаев находок судов или их деталей. Самыми при-

митивными сооружениями были камни и столбы, которые использовались для швартовки судов (рис. 6); (Elmers, 1983–1984, S. 6; McGrail, 1985. P. 13). Более сложным процессом было сооружение различных “твердей” – настилов для удобного подхода к воде через топкие участки. Подобные настилы могли быть дощатыми (рис. 7, а; Christophersen, 1999. P. 164. Fig. 7) или плетневыми (рис. 7, б; McGrail, 1985. P. 13) и могли быть использованы не только для подхода к воде, но и для вытаскивания судов. Наиболее совершенными портовыми конструкциями для эпохи викингов могут быть признаны молы, выступающие за пределы береговой линии, подобные конструкции исследованы в Доррестаде, Ральсвике и других портовых городах (Van Es, Verwers, 1980; Herrmann, 1997. S. 59. Abb. 33).

Представляется очевидным, что обнаруженные в 2005 г. конструкции в районе оз. Бездонка так или иначе связаны с жизнью Гнездова как речного порта. Вероятно, использование исследованной территории на протяжении истории поселения менялось. Наиболее четко поддаются интерпретации строительные горизонты, получившие название “настил 1” и “настил 2”. Остатки системы в расположении досок, почти полное отсутствие случай-

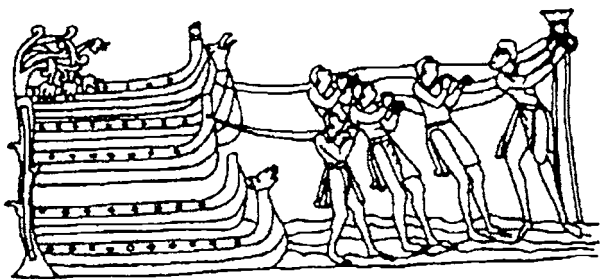

Рис. 6. Швартовка судов. Прорисовка фрагмента ковра из Байо. XI в. (по Elmers, 1983–1984).

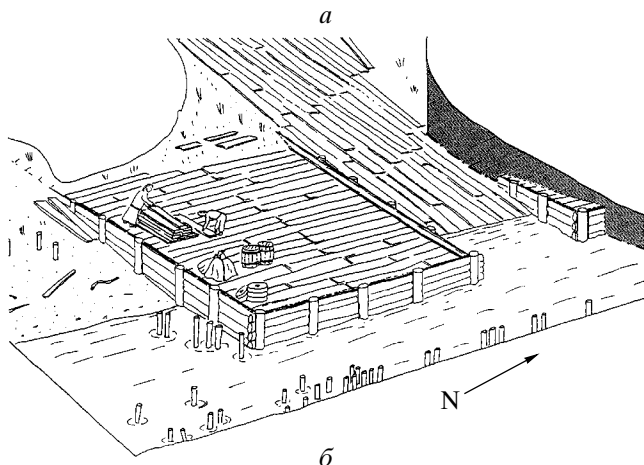

Рис. 7. Реконструкции: а – прибрежные сооружения Тронхейма (Норвегия), XII в. (по Christophersen, 1999); б – плетневый настил из Грейвений, Северный Кент, Великобритания, X в. (по McGrail S., 1985).

ных, необработанных фрагментов древесины говорит о том, что выявлены настилы, построенные в направлении, соединяющем берег озера и первую надпойменную террасу. Наиболее основательным сооружением, судя по его остаткам, был “настил 1”, при сооружении которого, возможно для гидроизоляции, использовались берестяные “циновки”. “Настил 2” имел более простую структуру: он состоял из крупных досок, уложенных прямо на материк. Использовались ли эти настилы для простых бытовых целей, таких как рыбная ловля или стирка, или служили в качестве вспомо-

гательных сооружений при вытягивании речных судов на сушу для их ремонта или спуска на воду, сказать невозможно. Вряд ли можно предложить археологические критерии для разделения этих функций, скорее всего, эти несложные сооружения использовались в самых разных целях.

Наиболее сложны для интерпретации самый ранний и самый поздний слои. В верхнем слое дерево не сохранилось, очевидно лишь, что отнесенные к нему объекты погибли от пожара. Возможно, на финальном этапе жизни поселка на исследованной территории перестали сооружать настилы – в пользу этого говорят выявленные в составе слоя небольшие каменные очажки и кухонные остатки (многочисленные кости животных) вокруг них. Самый ранний из “настилов” содержал лишь бессистемно лежащие фрагменты дерева, которые могли быть как остатками простейшей гати, так и случайно попавшими на этот участок кусками древесины. Большой интерес вызывает исследованная часть траншееобразного сооружения с остатками деревянной обкладки по борту. Можно предположить, что это остатки внутреннего волока в системе р. Днепр – р. Свинец – оз. Бездонка – оз. Камыши. Канавы, которые могли быть использованы в качестве волока, обложенные деревом, относящиеся, правда, к гораздо более позднему времени (рис. 8), были зафиксированы на территории Швеции (Ambrosiani, 1991. Р. 103. Fig. 4). Подобная система могла использоваться при перемещении судов в процессе их строительства и ремонта. Судоремонтная или судостроительная деятельность жителей Гнездова документируется не только археологическими источниками, но и результатом анализа споро-пыльцевой колонки. Материальным свидетельством деятельности кораблестроителей могут быть многочисленные железные заклепки, значительное количество которых, в том числе и полуфабрикатов (шайбы с не пробитыми отверстиями), в изобилии найдены, например, в районе кузнечно-ювелирной мастерской, исследованной в районе оз. Камыши (Мурашева и др., 2003). Выдающееся содержание конопли в пыльцевом спектре (Зазовская, Бронникова, 2001. С. 199) может свидетельствовать об использовании этой технической культуры в производстве канатов и веревок для оснастки судов.

Дробную датировку исследованной системы напластований предложить пока невозможно. Находки в составе слоя немногочисленны и они не являются точными хронологическими маркерами, это скорее находки-символы (прежде всего это относится к самым ранним из них – напильнику и уклюшине, указывающим на расположение поселка на трансевропейском речном пути и на ремесло, как один из видов деятельности жителей). Очевидно лишь, что нижние строительные ярусы (траншея и “настил 3”) относятся к раннему этапу жизни поселения, к периоду до начала использова-

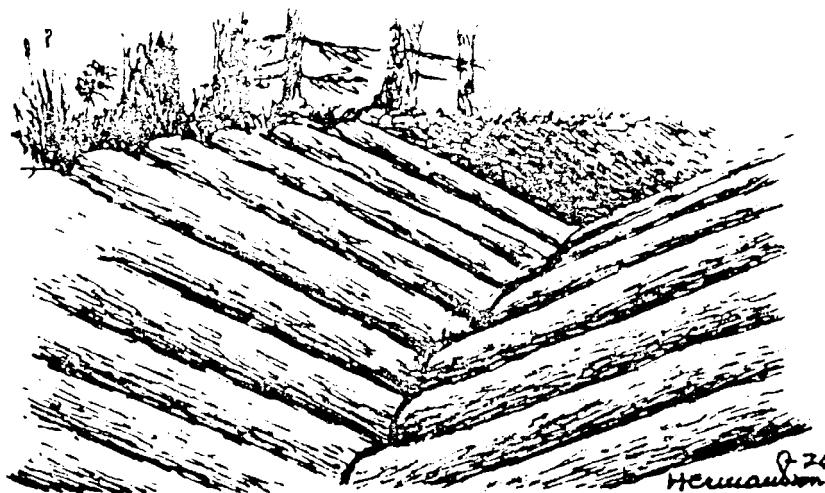

Рис. 8. Волок, Швеция, 1920-е годы (по Ambrosiani B., 1991).

ния гончарного круга. Исследователи относят появление гончарного круга ко второй четверти X в. (Каменецкая, 1977. С. 114, 115; Жарнов, 1992. С. 131, 132), таким образом, ранние напластования, вероятно, можно датировать временем не позже первой четверти X в.

Подводя итоги первым небольшим исследованиям в районе оз. Бездонка в пойменной части поселения, можно утверждать, что наиболее важным результатом можно считать получение новой информации о топографии Гнездова, выявление особой зоны, возможно связанной с функционированием Гнездова как одного из центров на Волхово-Днепровском речном пути.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 06-05-65218 и гранта РГНФ 05-01-1899е.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусин Д.А. Гнездово и днепровский путь // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971.
- Александровский А.Л., Кренке Н.А., Нефедов В.С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнездовского археологического комплекса // РА. 2006. № 1.
- Асташова Н.И. Постройки древнего Смоленска // Проблемы истории СССР. Вып. VIII. М., 1979.
- Зазвская Э.П., Бронникова М.А. Палеоландшафты Гнездова: реконструкции, перспективы исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археол. сб. Тр. ГИМ. Вып. 124. М., 2001.
- Ениосова Н.В. Ювелирное производство Гнездова. Дис. ... канд. ист. наук. Т. II. М., 1999.
- Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32.
- Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968.
- Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
- Мурашова В.В., Фетисов А.А., Ениосова Н.В. Производственный комплекс на территории пойменной части Гнездовского поселения // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003.
- Нефедов В.С. Гнездовский археологический комплекс и путь “из варяг в греки” // Гнездово: история и современность. Смоленск, 1998.
- Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Тр. V Междунар. конгр. славянской археологии. Киев, 1987.
- Пушкина Т.А. Гнездово – на пути из варяг в греки // Путь из варяг в греки и из грек. Кат. выставки. М., 1996а.
- Пушкина Т.А. Новый Гнездовский клад // ДГ. 1994. М., 1996б.
- Сорокин П.Е. Водные пути и судостроение на северо-западе Руси в Средневековье. СПб., 1997.
- Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии // МАР. № 28. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб., 1902.
- Ambrosiani B. Birka: Its waterways and hinterland // Aspects of Maritime Scandinavia AD 200–1200. Roskilde, 1991.
- Arrhenius B. The Drocksjö find // Outils et ateliers d'orfèvres des temps anciens. Paris, 1993.
- Arwidsson G., Berg G. The Mästermyr find. A Viking Age Tool Chest from Gotland. Stockholm, 1983.
- Elmers D. Von der Schiffslände zum Hafenbecken // Jahrb. der Hafenbautechnischen Gesellschaft 40. 1983–1984.
- Elmers D. Die Archäologie der Binnenschifffahrt in Europa nördlich der Alpen // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil V. Göttingen, 1989.

- Christophersen A.* The waterfront and beyond // Maritime Topography and the Medieval Town. Copenhagen, 1999.
- Filipowiak W.* Wolin, Poland // Waterfront archaeology in Britain and northern Europe. L., 1981.
- Herrmann J.* Ralswiek auf Rügen. Die slawisch-wikingischen Siedlung und deren Hinterland. Teil I. Die Hauptsiedlung. Lübstorf, 1997.
- McGrail S.* Early landing places // Conference on waterfront archaeology in North European towns № 2. Bergen 1983. Bergen, 1985.
- Petersen J.* Vikingetidens redscaper. Oslo, 1951.
- Smolarek P.* Ships and ports in Pomorze // Waterfront archaeology in Britain and northern Europe. L., 1981.
- Tollnes R.L.* Kaupang und Tønsberg als Beispiele einer Stadttopographie // Frühe Städte im westlichen Ostseeraum. Kiel Papers № 72. 1973.
- Tomtlund J.-E.* Tools // Excavation at Helgö V. 1. Stockholm, 1978.
- Van Es W.A., Verwers V.J.H.* Excavations at Dorestad 1. The Harbour. Hoogstraat I. Amersfoort, 1980.
- Vikings.* Göteborg. 1975.
- Westphalen P.* Die Eisenfunde von Haithabu. Neumünster, 2002.

In search of the Gnezdovo port

V. V. Murasheva

Summary

The article publishes the results of initial investigations aimed at identifying the port structure of ancient Gnezdovo (end of the 9th – beginning of the 11th cc.) – a key point on the Trans-European Volkhovo-Dnieper river route. The main objects of interest were the shores of the small Lake Bezdonka, situated at the bottom of the Central hillfort and connected by a channel to a tributary of the Dnieper. Preliminary drilling (in this part of the settlement the cultural layer is blocked off by alluvial deposits) and small stationary excavations (24 m²) in 2005 revealed a whole system of plank decks, which led from the second bottom to the lake. The most interesting, and the earliest of the constructions discovered, was a trench with fragments of thick pole lining preserved on one of the sides. Among the infilling, a ship oarlock with carved geometric ornament was found. One may suggest a tentative hypothesis that the construction is the remnant of a portage trail, which served to move ships in the course of repair or construction.

СРУБНЫЕ ПОСТРОЙКИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА (ВОПРОСЫ СЛОЖЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ)

© 2007 г. Н. Н. Фараджева

Институт археологии РАН, Москва

Древний Новгород является уникальным памятником для изучения ранних форм домостроительства Северо-Западной Руси. Прекрасная сохранность органики в “мокром” культурном слое и планомерные широкомасштабные археологические исследования Новгорода обусловили накопление обширного археологического материала по домостроительству. Археологические исследования, ведущиеся в течение последних трех десятилетий на территории Людина конца древнего Новгорода, значительно пополнили источниковедческую базу для изучения строительной культуры раннего средневековья. С 1973 по 1998 г. площадь, исследованная до материка (раскопы I–XI) составила около 5000 м². В слоях, датированных серединой X – первой половиной XV в. выявлены остатки 29 строительных ярусов, объединивших более 850 сооружений, располагавшихся на площади 16 усадебных владений. 540 типологически определимых срубных построек достаточной степени сохранности составили источниковедческую основу данной работы. Для сравнения следует отметить, что на Неревском раскопе, исследованном широкой площадью, было изучено около 1100 построек (Засурцев, 1963. С. 5–165).

Значительный приток нового материала позволил по-новому интерпретировать планировочную структуру некоторых ранних построек, что во многом прояснило важные вопросы, касающиеся происхождения и развития основных типов срубных домов. Все это позволило вновь обратиться к проблемам происхождения и сложения основных типов срубных построек и проследить их эволюцию в системе разновременных усадебных комплексов.

Обобщение массового материала по домостроительству основывается на разработанной нами классификационной шкале, несколько отличной от типологии, предложенной П.И. Засурцевым и последующими исследователями (1963. С. 55–57; Khoroshev, Sorokin, С. 136–148)¹.

¹ П.И. Засурцев в качестве основного критерия при построении классификационной шкалы выбирает “конструктивную связь избы... и сеней”. А.Н. Сорокин и А.С. Хорошев весь массив построек делят на две основные группы: постройки подквадратного плана и постройки удлинённых пропорций. Каждая из этих групп в свою очередь делится на отделы по наличию и количеству капитальных перегородок с дальнейшим членением на типы и подтипы по внутренней планировке жилого помещения.

В качестве основного классификационного признака нами была выбрана плановая структура дома, точнее – капитальное соединение бревенчатых стен. Данный признак представлялся вполне удачным, так как, во-первых, определял конструкции домов по горизонтальному плану, что соответствовало специфике археологического материала, во-вторых, являясь “одним из главных... в исторической типологии жилища” (Грацианская и др., 1968. С. 9), соответствовал историческим задачам исследования. Исходя из плановой структуры, весь массив построек был разделен нами на следующие группы².

Группа I. Четырехстенные постройки, имеющие четыре капитальные бревенчатые стены, соединенные в углах рубкой “в обло”. Как правило, это однокамерные срубы. В редких случаях основное помещение разделено в них некапитальной перегородкой. В составе данной группы выделяются две подгруппы: к подгруппе А принадлежат дома подквадратного плана, к подгруппе Б – асимметричные постройки³.

Группа II. Пятистенные постройки представляют собой прямоугольные в плане сооружения, внутреннее пространство которых разделено капитальной бревенчатой стеной на две камеры. Расположение пятой стены обуславливает пропорции образовавшихся камер: в одних постройках основная камера, подквадратная в плане, сильно превосходит другую по площади. Меньшая камера при этом является проходным помещением и чаще всего используется в качестве сеней (постройки подгруппы А). В других постройках (подгруппа Б) площадь меньшей камеры сильно увеличена, иногда размеры камер практически равнозначны. Как правило, подобные строения отличаются от по-

² В предыдущих работах нами была выделена группа шестистенных построек (Фараджева, 1992. С. 53, 54). Однако тщательный анализ археологического материала позволил рассматривать постройки, интерпретированные ранее в качестве шестистенных, как пятистенные дома с привходным настилом-помостом, стоящие на фундаментных площадках.

³ Выделение данных подгрупп производилось в соответствии с показателем степени асимметрии (коэффициента Q), вычисляемого как результат деления длины сруба на его ширину. Степень асимметрии четырехстенных подгруппы Б равнялась или превосходила значение 1.2 (Фараджева, 2000. С. 87–89).

строек подгруппы А более вытянутыми пропорциями⁴.

Группа III. Нестандартные сооружения. К отдельной самостоятельной группе отнесены бревенчатые настилы больших и выдающихся размеров, обведенные бревенчатыми обвязками, скрепленными в углах рубкой “в обло”.

Группа IV. Постройки срубно-столбовой конструкции. Предложенная нами ранее классификация предполагала рассмотрение не только срубных домов, но и столбовых конструкций. В результате исследований на Троицком XI раскопе была открыта группа построек срубно-столбовой конструкции, заполнивших важную ячейку типологической таблицы, являющихся связующим звеном между срубными и столбовыми строениями.

При характеристике назначения и роли сооружения в системе усадебной застройки немаловажным признаком оказался размер строений. Обработка массового материала по домостроительству при помощи методов математической статистики позволила разделить постройки в зависимости от их размеров на четыре категории. Четырехстенные строения были разделены на малые, площадью менее 25 м² (73%), средние – от 25 до 45 м² (26%) и большие – 45–65 м² (1%) дома. Единичные постройки, которые мы отнесли к категории домов выдающихся размеров, имели площадь более 65 м².

Пятистенные срубы разделены нами на следующие группы: малые (менее 32,5 м²), средние (32,5 – менее 60 м²) и большие (60 – менее 85 м²) дома. Кроме того, единичные постройки, площадь которых превышает 85 м² условно обозначены как дома выдающихся размеров.

Введение показателя размерности в систему классификации позволило расчленить огромный массив однородных по конструкции срубов, что наряду с другими признаками сделало возможным сопоставление жилых помещений четырехстенных и пятистенных домов, а также позволило судить о назначении, роли и изменениях различных строений в составе усадебной застройки и взаимозаменяемости различных типов домов в пределах разновременных усадебных комплексов⁵.

Итак, остановимся на характеристике основных групп построек, слагающих застройку древнего Новгорода.

Группа I. Четырехстенные постройки (рис. 1)

Четырехстенные срубы составляют самую многочисленную группу среди построек древнего Новгорода (80% от общего числа определимых строений). Доля их в застройке значительно меняется на протяжении исследуемого времени, изменяются также их функции и облик. Несомненно, это самая разнообразная по размерам, способам сооружения и назначению категория строений. Отличия внутренней планировки и размеров четырехстенных строений очевидны. Гораздо сложнее говорить об изменениях с точки зрения эволюции данного типа построек, поскольку дома схожих размеров и планировки встречаются на протяжении обширного хронологического периода, охватывающего пять столетий. Поэтому при рассмотрении эволюции четырехстенных построек огромное значение приобретает общий контекст усадебной застройки и анализ статистической информации.

Однокамерные четырехстенные срубы составляют подавляющее большинство среди определенных построек X – начала XI в. (68%). Более половины четырехстенных домов относится к категории малых. Начиная с самого раннего времени проявляются различия в технике возведения построек, т.е. можно говорить об их дифференциации. Подавляющее большинство четырехстенных малых построек может рассматриваться в качестве хозяйственных сооружений: холодных клетей различного назначения. Техника их возведения значительно отличалась от техники возведения жилых домов, при сооружении которых решались проблемы теплоизоляции. Хозяйственные постройки ставились непосредственно на грунт, под ними отсутствовали земляные подсыпки на фундаментных площадках, укрепленных обвязками или обносками, кроме того, для них характерно отсутствие отопительных устройств, отсутствие уплотнительных желобков в бревнах стен.

В холодных хозяйственных клетях малого размера существовали определенные приемы сооружения полов. Расположение лаг в них часто свидетельствует об отсутствии печей. Сами лаги укладывались двумя способами. Они либо врубались посредством сквозных врубок в первый-третий венец постройки (X-29-138⁶, VIII-27-130, XI-27-155А, рис. 1, 1), причем если лаги были врублены в первый венец, основание дома было приподнято над дневной поверхностью посредством бревенчатых подкладок; либо переводины укладывались в два яруса, один из которых мог быть скреплен со стенами сруба посредством врубок (X-29-137, VI-26-57). Иногда для укладки верхнего яруса переводин в нижних выбирались чашевидные выемки (VII-25-74, VI-29-63, рис. 1, 2).

⁶ Здесь и далее первая цифра обозначает номер Троицкого раскопа, вторая – номер строительного яруса, третья – номер сруба.

⁴ Для четкого разграничения данных подгрупп (соотношения размеров камер в пятистенах) использовался коэффициент W, исчисляемый как результат отношения всей длины постройки к ширине ее меньшей камеры. В пятистенах подгруппы Б показания данного коэффициента равно 2–2,6 (Фараджева, 2000. С. 91).

⁵ Кроме того, нами были проанализированы такие показатели, как степень асимметрии построек и соразмерность помещений в пятистенных домах. Анализ данных показателей облегчил реконструкцию плохо сохранившихся строений, а также позволил определить критерий для выделения подгрупп построек (по степени их асимметрии).

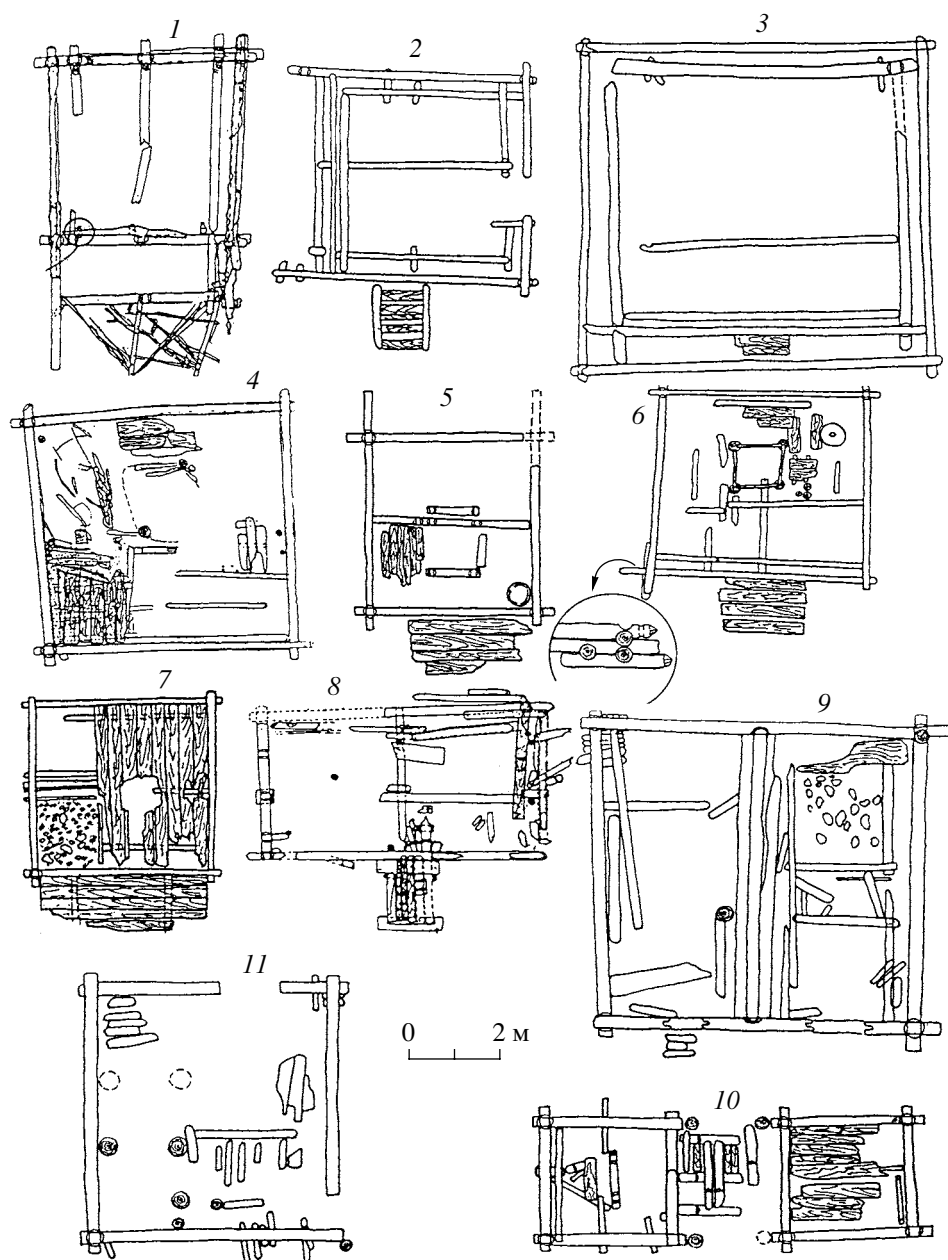

Рис. 1. Четырехстенные постройки: 1 – XI-27-155А; 2 – VI-29-63; 3 – X-27\28-133; 4 – XI-28\29-162; VIII-26-136; X-30\31-150 середины X в.; 5 – (VII-20-61, 62, 63); 6 – VII-22\23-67; 7 – VIII-12-58 середины XII в.; 8 – X-18-95; 9 – IV-13-37; 10 – IX-12\13-101, 117; 11 – IX-8\9-49.

Перечисленные приемы устройства полов применялись не во всех холодных клетях, а только в тех, где необходимо было обеспечить влагоизоляцию, т.е. в кладовых, амбарах, сенниках. Во многих клетях, в том числе и более позднего времени, переводины могли укладываться непосредственно на землю или опираться на бревенчатые подкладки. Иногда для крепления дощатого настила, уложенного поверх переводин, внутренняя часть бревен сруба, слагающих стены, выбиралась на одну четверть. Встречаются, однако, редкие исключе-

ния. К ним относится, например, сруб IX-27-191, который сохранил остатки пола в виде двух переводин и стоял на фундаментной площадке.

В раннее время довольно велика доля четырехстенных построек средних размеров (около 30% от всей застройки). Большинство из них использовалось в качестве жилых, о чем свидетельствуют следующие признаки: они стоят на фундаментных площадках, укрепленных обвязками, реже – обносками; возможно, имеют внутренние некапитальные перегородки, компенсирующие отсутствие се-

ней (Х-30-144, Х-29-141, VII-26-76, Х-27-28-133, рис. 1, 3). У некоторых из четырехстенных средних размеров сохранились остатки печей с каркасно-стоечными опечками или обносками, расположенные в центре помещения. Однако отдельные постройки среднего размера, не имеющие фундаментных площадок, могли использоваться для хозяйственных нужд (например, постройка VIII-26-136, XI-28-29-162, рис. 1, 4).

Облик застройки следующего периода (XI – первой половины XII в.) свидетельствует об усложнении форм хозяйственной деятельности, заметной имущественной дифференциации общества. Прослеживается заметный разброс внутри различных групп построек, проявившийся в многообразии размеров и способов отделки домов.

В указанный период несколько возрастает доля четырехстенных построек малого размера в составе усадебной застройки. В первой половине XI в. их насчитывается 42%, через столетие – 67%. При этом заметно сокращается число четырехстенных срубов средних размеров. Их доля составляет всего 7% от строений рассматриваемого времени (IX-18-19-144, X-21-111). Это связано с тем, что функция жилых домов в указанный период выполняется практически только пятистенными срубам. Характерно, что в X–XI вв. отсутствуют четырехстенные срубы с обычной для жилых построек внутренней планировкой: угловым положением печи. В то время как четырехстенные с иной внутренней планировкой (без печей, с центральным положением отопительного устройства, с печью у середины стены) имеют хозяйственное назначение. Чаще всего последние тяготеют к хозяйственной зоне усадеб (стоят близ частоколов, огораживающих территорию усадьбы от улицы) и нередко объединены с другими подсобными строениями в хозяйственно-ремесленные комплексы (VII-20-61, 62, 63, рис. 1, 5). Срубные опечки в центре помещения при этом служат своеобразным пьедесталом для поднятия уровня пола над полом. Такие отопительные устройства могли не иметь сводов и являлись открытыми очагами⁷.

Гораздо реже в центре построек располагаются столбовые конструкции, схожие с конструкциями опечков новгородских печей. Возможно, они и являлись таковыми или служили опорами для подставок ручных мельниц: в доме VII-22-67 с подобной конструкцией в середине камеры обнаружены каменные жернова (рис. 1, 6), в постройке VII-25-72 – скопление зерна.

Жилые дома среди четырехстенных построек малых размеров появляются в первой половине XII в. (VIII-12-58, рис. 1, 7). Они существуют на-

ряду с холодными клетями и отапливаемыми хозяйственными строениями (VII-19-57, VI-24-52). Остатки печей в виде столбовых опечков или оснований печей-каменок занимают в них один из углов, чаще всего ближний ко входу в жилое помещение. Данные постройки используются, скорее всего, в качестве жилищ зависимого населения на новгородских усадьбах этого времени.

Четырехстенные постройки удлиненных пропорций (подгруппы Б) крайне немногочисленны. Среди них отмечено преобладание строений малого размера (X-18-95, рис. 1, 8). Эти постройки, как правило, использовались в хозяйственных или ремесленных целях. Среди асимметричных построек встречаются дома очень малых размеров, площадью менее 10 м². Они занимают хозяйственные зоны дворов (около 90% из них поставлено вплотную к уличным мостовым). Под нижними венцами таких построек часто укладывалась подушка из плотной глины, некоторые из них были отгорожены со стороны дворов дополнительными частоколами. В числе построек удлиненных пропорций встречаются холодные клетки с уложенными в два яруса лагами пола. Некоторые из удлиненных четырехстенных разделялись на две камеры посредством внутренних некапитальных перегородок. Об этом свидетельствует ряд косвенных признаков: например, сильно сдвинутое к одной из торцевых стен отопительное устройство (X-16-79). Асимметричные четырехстенные срубы средних размеров крайне редки. Среди них встречаются постройки со значительными по площади срубными выгородками в одном из углов, вероятно используемые в качестве поварен.

В последующее время (вторая половина XII – XIII в.) наблюдается огромное разнообразие четырехстенных построек, отличающихся размерами, элементами конструкций, планировкой. Отчетливо прослеживается тенденция к укрупнению четырехстенных построек: подобные дома средней площади составляют уже 14% от всех строений (по сравнению с 7% в предшествующий период), появляются отдельные четырехстенные срубы больших и выдающихся размеров. Процесс этот может быть объяснен заметным сокращением в это время количества жилых пятистенных срубов, функции которых принимают четырехстенные дома.

Большинство четырехстенных построек средних размеров, относящихся к второй половине XII–XIII в., представляло собой холодные или отапливаемые подклеты жилых домов. В некоторых из них (VI-16-35, V-15-25) обнаружены срубные конструкции (опечки?) в центре помещений, другие разделены перегородками на два помещения (IV-13-37) (рис. 1, 9). Жилые одноэтажные строения средних размеров в это время немногочисленны: лишь в единичных постройках средних размеров (IX-10A-80) обнаружены остатки печей на столбовых опечках, расположенные в углу.

⁷ Представление об отопительных устройствах, расположенных в центре, как об открытых очагах, убедительно аргументировано А.А. Шенниковым при реконструкции пятистенных срубов с подобной внутренней планировкой (1988. С. 104–106).

Число малых четырехстенных строений в указанный период возрастает незначительно, составляя около 67% от всех сооружений. В этой категории помещений сохраняется прежнее соотношение домов с различной внутренней планировкой. Большая их часть является неотапливаемыми клетями различного назначения. Лишь пятая часть малых четырехстенных (18%) имеет отопительные устройства в углу (X-19-99, IX-15-113, VIII-12-58 и др.), у 5% – фиксируются срубные печки, расположенные в центре помещения (IX-15-125, VIII-11-60).

В рассматриваемый период возникают и получают распространение новые принципы компоновки строений; распространяются так называемые “двойни” – поставленные вплотную и видимо объединенные общим перекрытием клетки, встречаются тройные связи, в которых две срубные постройки соединены посредством каркасно-стоечных сеней (IV-10-26, 27; IX-13-101, 117, рис. 1, 10). Основные жилые постройки усадеб объединяются в единые хоромные комплексы.

В ряде случаев столбовые конструкции имеют сложную конфигурацию, являясь не только соединительными звеньями, но и ограждением используемого в хозяйственных целях пространства (каркасные пристройки или навесы с тыльной стороны четырехстенных построек (IX-15-16-127, 113).

Ярким примером хоромной застройки является владельческий комплекс начала XIII в., открытый на усадьбе “П” (раскопы IX, X), в котором выстроенные в одну линию три разновеличинные четырехстенные постройки объединены (со стороны их передних фасадов) значительным по размерам (9 × 9,5 м) столбовым сооружением.

Позднее, на протяжении XIV и первой половины XV в. наметившиеся ранее тенденции получают дальнейшее развитие. В это время четырехстенные строения полностью вытесняют пятистенные срубы (подгруппы А) и становятся основным компонентом застройки. Заметно увеличивается количество четырехстенных построек средних размеров. Если в предшествующий период их доля составляла 14%, то в XIV в. она возрастает до 25%, а в XV в. доходит до 40%.

Четырехстены средних размеров являются владельческими постройками на усадьбах этого времени. Большинство жилых домов среднего размера XIV–XV вв., так же как и ранее, стоит на высоких подклетах: отопительные устройства прослеживаются в них крайне редко. Лишь в немногих из них обнаружены столбовые печки подквадратного или подпрямоугольного плана (сдвоенные), расположенные в углу помещения (VII-4-7, X-5-25; IX-9-49, рис. 1, 11). В отдельных постройках средних размеров выявлены крупные столбы, возможно служившие опорами для несущих балок, поддерживающих междуэтажные перекрытия (X-10-49).

Таким образом, анализ статистической информации, касающейся размеров и внутренней планировки четырехстенных построек позволяет проследить определенные закономерности в развитии данной обширной группы сооружений.

Группа II. Пятистенные постройки (рис. 2; 3)

Пятистенные постройки составляют 1/6 часть от всех определимых срубных строений Троицкого раскопа, однако, несмотря на их сравнительно небольшое число, роль, которую они играют в системе усадебных комплексов весьма велика: начиная с конца X и вплоть до середины XIII в. пятистенные срубы (подгруппы А), среднего и большого размера, являются основными владельческими постройками на новгородских усадьбах, а проблемы их происхождения, сложения и реконструкции остаются предметом оживленных дискуссий⁸. Многообразие мнений объяснялось, в частности, фактом отсутствия в Старой Ладоге цельнорубленых пятистенов, а при ранних новгородских домах среднего и большого размера привходных конструкций в виде настилов – помостов или трехстенов (стены которых прикладывались без всякого крепления к стенам основного сруба), сходных с ладожскими.

Исследования на Троицком раскопе позволили полнее представить ранние формы новгородского жилища, выделить неоднородные по конструкции двухчастные строения, позднее унифицированные и трансформировавшиеся в цельнорубленые пятистенны асимметричного плана. Все это позволило рассматривать процесс сложения цельнорубленых пятистенов как процесс включения в общий объем здания привходных конструкций, а не как результат деления вытянутых построек посредством капитальных перегородок. Высказанные предположения проиллюстрируем на конкретном археологическом материале.

Группа двухчастных построек раннего времени, открытых на Троицком раскопе, довольно многочисленна: они составляют около 40% от всей застройки. Преобладают дома малых размеров, построек средних размеров чуть меньше (соотношение домов малых и средних размеров 3 : 2). С большой долей вероятности все они могут быть отнесены к жилым строениям, о чем свидетельствуют следующие признаки: наличие уплотнительных желобков в бревнах, слагающих стены срубов, остатки во многих домах отопительных устройств, наличие фундаментных площадок под

⁸ Одни исследователи обращали внимание на сходство этих построек с большими домами Старой Ладоги (Кирпичников и др., 1985. С. 50). Другие, отмечая типологическое единство указанных строений, объясняли его единообразием строительной культуры древнерусских городов вообще (Засурцев, 1963. С. 11, 163). Третьи – отрицали какое бы то ни было сходство данных ладожских и новгородских построек (Кузьмин, Петров, 1990. С. 63; Петров, 1990. С. 91).

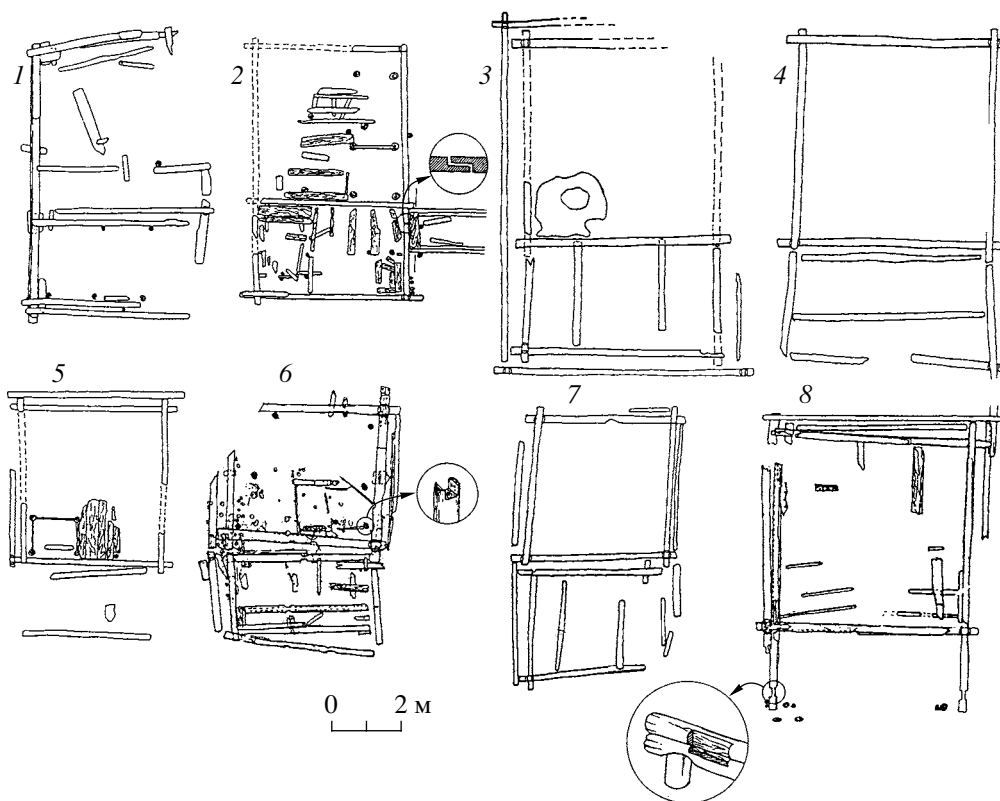

Рис. 2. Двухчастные и пятистенные постройки: 1 – VI-28-61; 2 – VIII-28-135; 3 – X-28-136; 4 – Г26Ш конца X в. (Неревский раскоп); 5 – VIII-27-129; 6 – XI-29-170; 7 – IX-27-194; 8 – XI-26-149; VIII-26-124; X-26-б.н.

основаниями домов, наличие привходных конструкций или сеней.

Конструкции ранних двухчастных построек, схожих по общему набору признаков и назначению, неоднородны. Среди двухчастных построек X в., открытых на Троицком раскопе, лишь три являлись цельнорублеными пятистенами VI-28-61 (рис. 2, 1), VII-25-71, VIII-26-122). Причем, все они датируются последней четвертью X в. и не могут быть связаны со временем заселения. К самому раннему строительному ярусу относится постройка VIII-28-135 (рис. 2, 2). Однако она не была цельнорубленой: нижнее бревно в месте соединения основного помещения с сенями было состыковано “в закрой” – способ, при котором концы смежных бревен выбирались на одну вторую окружности и затем совмещались.

Среди построек раннего времени известны двухчастные постройки с привходными конструкциями в виде трехстенных прирубов, имевших три стены, скрепленные “в обло”. Боковые стены таких сеней приложены “встык” к выпускам стен основной камеры (постройки X-28-136 Троицкого и Г26Ш Неревского раскопов, рис. 2, 4).

В тех случаях, когда размеры и пропорции построек удастся проследить, способ соединения основного и привходного помещений часто остается

неясным из-за недостаточной сохранности материала. В ряде случаев о структуре постройки можно судить лишь по остаткам околосрубных конструкций – обвязкам или обноскам, посредством которых укреплялись земляные подсыпки, подведенные под основания жилых построек раннего времени. Взаиморасположение обвязки (обноски) и сруба внутри нее позволяет говорить о двухчастной структуре некоторых построек: основной четырехстенный сруб смещен к боковой стене обноски так, что оставляет достаточное пространство для устройства привходной конструкции. Иногда при удовлетворительной сохранности основного сруба привходные конструкции практически не сохраняются, что ставит под сомнение их основательность: вряд ли такие дома можно считать цельнорублеными пятистенами.

Зафиксирован еще один вид конструкции сеней – настилы-помосты, опирающихся на бревенчатые лаги, уложенные параллельно входной стене одна – вплотную к ней, другая – на расстоянии 2–2,5 м (VIII-28-137, VIII-27-129 Троицкого, И25Б Неревского раскопов). Иногда такие конструкции имели по бокам ограничительные бревна, скрепленные с лагами посредством чашеобразных врубок (рис. 2, 5–7). Подобные помосты, также как и трехстенные прирубы, хорошо известны при по-

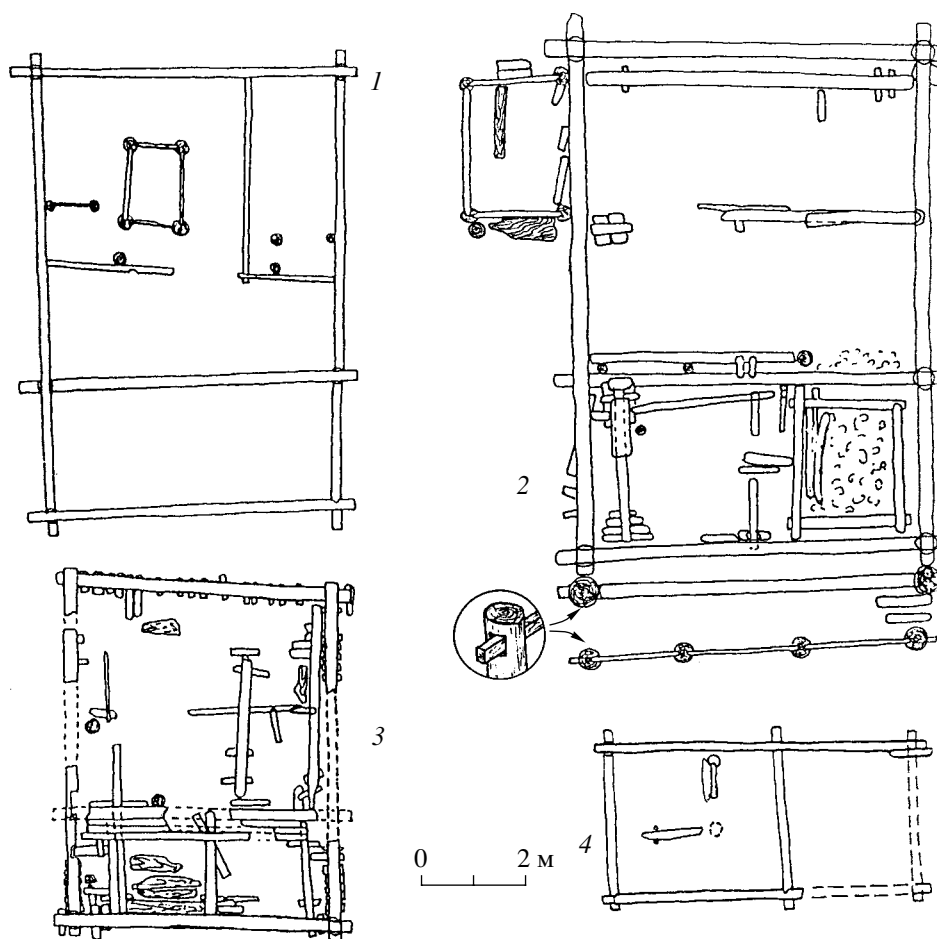

Рис. 3. Пятистенные постройки. 1 – IX-19\20-153; 2 – IV-15\18-45; 3 – X-89-33; 4 – IX-7-44.

стройках Старой Ладоги. В этой связи уместно упомянуть постройку K27A, открытую на Неревском раскопе, с хорошо сохранившимся помостом, которая по ряду признаков, в том числе по внутренней планировке⁹, одинаковому устройству пола, фундаментной площадке с обноской, размерам – является полным аналогом одного из домов середины IX в., обнаруженных в горизонте E2 Старой Ладоги. Хорошо сохранился настил-помост и у постройки X в. E27A Неревского раскопа.

У некоторых построек привходные конструкции образованы посредством значительно выпущенных боковых бревен основного сруба. Такие выпуски могли крепиться в обвязке фундаментной площадки посредством чашеобразных врубок. Иногда на их концах делались прямоугольные вырубki для жесткого крепления вертикальной столбовой опоры: привходное помещение могло иметь общее с домом перекрытие и наборные стены (рис. 2, 8).

⁹ Судя по конструкции лаг, печь в доме K27A могла располагаться только в центре.

Все приведенные примеры позволяют говорить о многообразии конструкций двухчастных построек раннего Новгорода, где наряду с цельнорублеными пятистенными срубами (датируемыми последней четвертью X – началом XI в.) были широко распространены дома с трехстенными прирубами и привходными настилами-помостами. Большинство из двухчастных построек раннего времени были составными, занимая промежуточное положение между четырехстенными и пятистенными срубами.

Благодаря сделанным наблюдениям, можно говорить что X – начало XI в. являются временем, когда отчетливо прослеживается процесс унификации, приведший к постепенной замене многообразных двухчастных строений цельнорублеными пятистенными срубами. Процесс этот проходит одинаково как для малых построек, так и для домов среднего и большого размера, и является определенным этапом формирования единой строительной культуры древнего города. Кроме того, обнаружение в ранних слоях Новгорода построек, стоящих на фундаментных площадках с се-

нями в виде трехстенных или настилов-помостов, указывает на сходство ладожского и новгородского домостроительства. В первые десятилетия XI в. составные постройки постепенно вытесняются, а затем практически полностью заменяются цельнорублеными пятистенными домами, составляющими около 41% от всех усадебных строений этого времени. В первой половине XII в. их число сокращается до 27.5%. Среди пятистенных домов преобладают постройки среднего размера (24%), которые остаются основными жилыми постройками на усадьбах XI – первой половины XII в. (половина из них сохранила остатки печей).

В XI – первой половине XII в. начинает проявляться дифференциация построек. Появляются отдельные сооружения больших (IX-20-161, IX-17/16-120) и выдающихся (IV-21-57, X-20-102, VIII-14-82) размеров. Малые пятистенные срубы при этом служат второстепенными жилыми домами или используются в качестве складских (IX-21-163) и хозяйственных (VI-22-49). Остатки печи обнаружены лишь в одной малой постройке рассматриваемого периода (X-21-115). Характерно, что малые пятистенны тяготеют к хозяйственным зонам усадеб (VI-22-45, IX-22-174).

Традиция сооружения фундаментных площадок, известных с момента заселения, постепенно вытесняется другой технологией. В качестве фундаментов используются остатки предыдущей застройки или многочисленные бревенчатые подкладки, подведенные как под стены сруба, так и под лаги пола, появляется прием врубки переводин в стены домов.

Укладка переводин непосредственно на землю в жилых постройках раннего времени обуславливала формы отопительного устройства: поды ранних новгородских печей были лишь немного приподняты над уровнем пола, в ряде случаев совпадая с ним (в домах X-29-140, X-30-149 поды в виде прокаленной глины лежали на невысоких песчаных подушках). Позднее, в связи с увеличением подпольного пространства в результате укладки переводин на подкладки, крепления их посредством врубок, увеличивается и высота опечков. Наибольшее распространение получают столбовые опечки, изредка встречаются печи-каменки в виде оснований из крупных булыжников (IX-22-165) или развалов камней, лежащих поверх глинисто-песчаных подсыпок. Известны и бревенчатые вымостики-накаты, подведенные под основания печи (VIII-14-76). Печи занимают один из ближних ко входу углов в основное помещение. Расположение отопительного устройства в центре камеры крайне нехарактерно для пятистенных срубов Людина конца древнего Новгорода: здесь известно лишь три подобных строения (X-25-125, X-20-98, IX-19/20-153, рис. 3, 1). Вероятно, они являлись отапливаемыми подклетами, используемыми в качестве подсобных помещений или домашних ма-

стерских (в одной из них обнаружен развал печи, видимо упавшей с уровня второго этажа, в другой – выгородки каркасно-столбовой конструкции), и имели верхний жилой этаж. Однако большинство пятистенных XI – первой половины XII в. оставались одноэтажными.

На протяжении последующего времени – во второй половине XII–XIII в., происходят существенные изменения в системе усадебной застройки в целом: заметно сокращается доля пятистенных срубов (до 17%) при одновременном увеличении числа четырехстенных средней площади, используемых в качестве жилищ. На исследуемом участке города известно всего семь пятистенных, относящихся ко второй половине XII в. Пять из них являются постройками больших размеров: это богатые владельческие дома. Относительно трех из них (IV-18/15-45, IX-15-131, X-18-88; VIII-11.12-49) можно со значительной долей достоверности утверждать, что они были развиты в высоту: одни постройки сохранили развалы рухнувших со второго этажа печей, другие – отопительное устройство, расположенное в торце меньшей камеры. Нижний этаж использовался для ремесленных нужд (рис. 3, 2). Аналогичным образом выглядела, видимо, и большая постройка X-20-102 середины XII в.

Начиная с XIII в. размеры пятистенных срубов заметно сокращаются. В большинстве своем (80%) они представлены домами средних размеров. Выявлен лишь один дом выдающихся размеров IX-13-106, X-16-82), относящийся к началу XIII в. Большие постройки этого периода на территории Людина конца неизвестны.

Лишь четверть пятистенных XIII в. сохранила остатки печей, расположенных в углу основной камеры – факт, который косвенным образом может свидетельствовать о распространении высоких неотапливаемых подклетов. Для сравнения можно сказать, что остатки отопительного устройства фиксируются у 77% пятистенных XII в.

Распространение новых принципов планировки и компоновки усадебных строений приводит к заметному сокращению, а начиная с XIV в. к полному исчезновению пятистенных срубов подгруппы А. В слоях XIV в. выявлен только один дом средних размеров подобной планировки (X-8/9-33, рис. 3, 3). Особенностью этой постройки является отсутствие чашек-врубок в нижних венцах дома для крепления пятой внутренней стены – переруб, видимо, был сделан несколько выше. Согласно этнографическим данным, подобный прием встречается в жилой архитектуре русского Севера XVII–XVIII вв. (Жегалова, 1966. С. 141).

Использование данного приема отчетливо демонстрирует трансформацию пятистенных строений подгруппы А, прошедших долгий путь, в начале которого основное помещение воспринималось как ядро постройки, меньшее – как второстепен-

ное. Внутренняя стена при этом, даже в цельнорубленых домах, чаще всего была несущей. В позднее время сруб воспринимается уже как единый объем, внутренняя пятая стена превращается в капитальную перегородку.

Совершенно по-иному складываются пятистенные постройки подгруппы Б, пятая, внутренняя стена которых делила внутреннее пространство на две, как правило асимметричные, но близкие по площади камеры (IX-7-44). Их никоим образом нельзя сопоставлять с пятистенами подгруппы А и рассматривать в качестве одного из их поздних вариантов. Отличающиеся по внутренней планировке и пропорциям (более вытянутым) малые, редко – средние пятистенны подгруппы Б чаще всего использовались в качестве хозяйственных или второстепенных жилых строений на усадьбах (рис. 3, 4).

Имеют они и свой путь развития. Вполне вероятной представляется нам следующая версия их возникновения. Крайне немногочисленные сооружения этой подгруппы появляются на новгородских усадьбах лишь в XII–XIII вв., в то время, когда начинает проявляться тенденция к объединению однокамерных клеток в составе сложных хороменных комплексов. Скорее всего, данные постройки сложились в результате трансформации двоен – двух близко поставленных и объединенных общим перекрытием срубов. Неслучайно, оба помещения в подобных домах могут рассматриваться как равнозначные и иметь самостоятельные входы, обеспечивающие их изолированность. Со временем пятая стена в таких постройках также превращается во внутреннюю, возможно некапитальную перегородку, членящую общий объем сруба: иногда о ее присутствии можно судить лишь по поперечным подкладкам (IX-6-23).

Группа III. Нестандартные постройки (рис. 4, 1, 2)

К самому раннему времени (второй половине X – первой половине XI в.) относятся постройки больших размеров, сохранившиеся в виде бревенчатых настилов, обведенных скрепленными в углах венцами. Одно из этих строений представлено многосекционным бревенчатым настилом, опирающимся на поперечно уложенные сдвоенные лаги. Для жесткого крепления бревен настила одна из этих лаг стесана наполовину, во второй выбрана четверть. С внешней стороны настил ограничен мощным бревном длиной 8.8 м, с врубкой-чашкой на конце.

Постройка VII-22-66 размерами 9 × 12 м, сохранила настил из плотно уложенных бревен, обведенный скрепленным “в замок” венцом. Конструкция самого замка позволяла не только соединить окладной венец, но и зафиксировать основание столбовых опор. В западной стене сохранились сквозные прямоугольные гнезда с упором для крепления вертикальных стоек. Продольно уложенные бревна настила перекрыты поперечными бревнами, уложенными в три линии. Возможно,

они являлись остатками конструкций постройки, поставленной на своеобразную бревенчатую вымостку. Настил подходил к бревнам фундаментной обвязки не вплотную, оставляя место для стен основного сруба.

Подобные бревенчатые настилы с обвязками могли служить своеобразными фундаментными площадками больших домов общественного назначения.

Группа IV. Срубно-столбовые постройки (рис. 4, 3, 4)

При сооружении холодных хозяйственных построек с большой протяженностью стен, при их незначительной толщине применялась смешанная срубно-столбовая техника. Известны две такие постройки, относящиеся к середине XI в. Обе имели вытянутые пропорции, их внешние углы скреплены рубкой “в обло,” а длинные стены – наборные. По центру каждой из длинных стен были вкопаны столбы с вертикальными пазами в боковых сторонах для фиксации бревенчатой заборки. Стены состояли из двух звеньев длиной по 4.4 м, закрепленных одним концом “в обло”, а другим – “в столб”. Внутреннее пространство данных построек, судя по конструкции пола, на камеры не разделялось.

Таким образом, во второй половине X – первой половине XI в. в строительной культуре древнего Новгорода выявлено сравнительно небольшое число нестандартных строений, конструкция которых (каркасно-стоечная, срубно-столбовая) может свидетельствовать об определенном влиянии северных и западно-европейских архитектурных традиций.

В результате предпринятого исследования и распределения построек по разработанной классификационной схеме удалось проследить динамику застройки Новгорода эпохи раннего средневековья и выделить четыре хронологических этапа, каждому из которых соответствуют определенные черты.

Уже на раннем этапе (X в.) выявляется четкая дифференциация жилых и хозяйственных сооружений, проявившаяся в планировке и конструкциях домов, а также в используемой при их возведении технологии. Четырехстенные строения малых размеров за редким исключением используются в это время в качестве хозяйственных служб. Жилая застройка раннего времени представлена четырехстенными домами среднего размера и двухчастными – средних и малых площадей. Доля двухчастных домов в указанное время довольно велика и составляет около 40%. На этом этапе хорошо заметен процесс формирования единой городской строительной культуры, проявившийся в постепенном исчезновении многообразных форм двухчастных строений и возникновении однородного массива цельнорубленых пятистенных домов, используемых в качестве жилищ.

Формы и конструкции построек раннего времени позволяют считать строительную культуру древнего Новгорода непосредственной приемницей

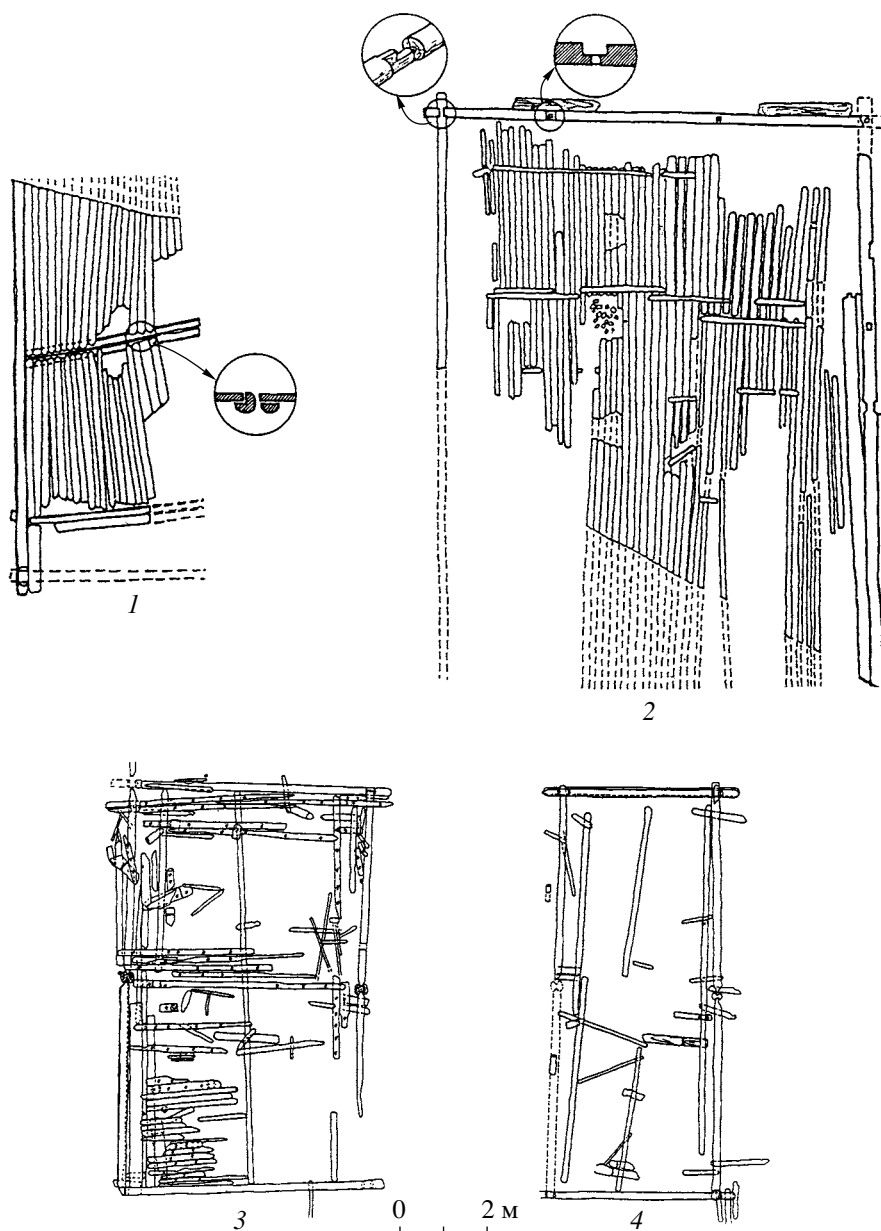

Рис. 4. Нестандартные постройки и постройки срубно-столбовой конструкции. 1 – II-15-б.н.; 2 – VII-22-66; 3 – XI-23-144; 4 – XI-24-146.

строительной культуры Старой Ладogi и предположить существование генетической связи данных городов. Кроме того, в облике отдельных построек X – первой половины XI в. улавливаются черты, присущие северо-европейской архитектуре.

Облик застройки последующего периода (XI – первой половины XII в.) свидетельствует об усложнении форм хозяйственной деятельности, заметной имущественной и социальной дифференциации общества. Прослеживается заметный разброс внутри различных групп построек, проявившийся в размерах и способах отделки домов. Сильно возрастает доля пятистенных домов среднего

размера (в среднем их доля составляет около 24% по сравнению с 13% в X в.) Появляются большие, тщательно отделанные пятистенные срубы больших и выдающихся размеров, являющиеся владельческими жилыми домами на усадьбах. Можно предполагать, что в это время появляются отдельные пятистенные постройки на высоких подклетах. В указанное время происходит резкое сокращение числа четырехстенных домов среднего размера (с 30 до 7%).

Застройку третьего этапа (вторая половина XII–XIII в.) характеризует заметное сокращение количества пятистенных срубов (до 17%), при од-

новременном укрупнении четырехстенных построек. Если раньше четырехстенные дома средних размеров, используемые в качестве жилых, составляли около 7%, то теперь доля их увеличивается вдвое (14%). Среди малых четырехстенных строений появляются жилые дома с печью в углу – рядовые постройки, принадлежащие челяди и ремесленникам. На данном этапе получают распространение новые принципы компоновки строений: появляются двойные, тройные связи, хоромные комплексы.

Заметное увеличение количества однокамерных построек средней площади хронологически совпадает с резким уменьшением количества пятистенных срубов, что является основанием для того, чтобы говорить о значительных технических переменах форм застройки, происходящих в конце XII–XIII в.: в это время, вероятно, происходит массовый переход от строительства поземных жилищ к домам на высоких подклетах и двухэтажным строениям.

На протяжении последующего этапа (XIV – первая половина XV в.) происходит дальнейшее развитие возникших ранее тенденций: четырехстенные постройки практически полностью вытесняют пятистенные срубы и становятся основным компонентом застройки. В связи с этим заметно увеличивается доля жилых построек среднего размера: они составляют уже 40% от всех сооружений XV в. Широко практикуется плотная застройка усадеб с объединением построек в жилые и хозяйственные комплексы.

Таким образом, строительная культура древнего Новгорода на протяжении второй половины X – первой половины XV в. претерпела значительные перемены: она явилась ярким отражением соци-

ально-экономических и культурных изменений, происходящих в средневековом городе, что свидетельствует о ценности данного материала при рассмотрении широкого спектра общеисторических проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грацианская Н.Н., Листова Н.М., Токарев С.А.* Типы народного жилища в странах зарубежной Европы // Типология народного жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968.
- Жегалова С.К.* Крестьянское жилище Русского Севера XVII–XVIII вв. // Памятники Отечества. № 1. М., 1966.
- Засурцев П.И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода. МИА. № 123. М., 1963.
- Кирпичников А.Н., Рябинин Е.А., Петренко В.П.* Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
- Кузьмин С.Л., Петров Н.И.* Большие дома Северо-Западной Руси VIII–XI вв. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Н. Новгород, 1990.
- Петров Н.И.* Некоторые городские домостроительные традиции Северо-Западной Руси // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990.
- Фараджева Н.Н.* К вопросу о классификации срубных построек и жилищно-хозяйственных комплексов // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Н. Новгород, 1992.
- Фараджева Н.Н.* Типология и эволюция срубных построек древнего Новгорода // Новгород и новгородская земля. История и археология. Н. Новгород, 2000.
- Шенников А.А.* Средневековые жилые дома на Руси и в Скандинавии // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение древней Руси. Л., 1988.
- Khoroshev F.S., Sorokin A.N.* // Building and Properties from the Lyudin end of Novgorod // The archaeology of Novgorod, Russia. Lincoln, 1992.

Log buildings in ancient Novgorod (appearance and development)

N. N. Faradjeva

Summary

The article is based on the material of the Troitsky dig (digs 1–11), where the remains of about 900 wooden constructions were found. The mass material is processed according to a classification based on the plans of the houses. The buildings have been divided into the following groups: 1 – four-wall log buildings, 2 – five-wall buildings, 3 – non-standard buildings (the group includes large areas of wooden flooring enclosed within a log framework), 4 – log and pole buildings. Within each group, the buildings are divided into categories depending on their size. The current investigation revealed four chronological stages, each of which is characterized by specific features: Stage 1: the 30-s of the 10th – the beginning of the 11th c. This period saw the formation of a unified urban construction culture, which manifested itself in the gradual disappearance of various forms of bipartite buildings, and the appearance of a homogeneous massif of five-wall log constructions used as dwellings. Significant similarity between the architectural culture of Staraya Ladoga and ancient Novgorod has been noted. Stage 2: 11th – first half of the 12th c. Abrupt reduction (from 30% in the 10th c. to 7% in the 11th c.) of the number of medium-size four-wall houses, used previously as dwellings. The proportion of medium-size five-wall houses increases significantly (from 13% to 24%). Stage 3. Noticeable reduction of the number of five-wall buildings (to 17%), with simultaneous increase in size of four-wall buildings. The proportion of medium-size four-wall buildings rises from 7% to 14%. Among the small four-wall buildings, dwellings with stoves in the corner position appear. At this stage, new principles of buildings' layout begin to spread: bipartites, tripartites and mansion complexes appear. Stage 4. 14th – first half of the 15th c. Only four-wall buildings are constructed. The proportion of medium-size dwellings increases significantly (40% of the 15th c. constructions). Homesteads are usually densely built, and the buildings constitute dwelling and household complexes.

ЗОЛОТОРДЫНСКИЕ ЧАШИ В СТЕНЕ СОБОРА МОНАСТЫРЯ ВЛАТАДОН В ФЕССАЛОНИКАХ

© 2007 г. М. Д. Полубояринова, Вл. В. Седов

Институт археологии РАН, Москва

Настоящая работа посвящена вопросам архитектурной истории собора монастыря Влатадон (Фессалоники) и публикации двух поливных чаш, изготовленных в мастерских Золотой Орды, а затем использованных в его декорации.

Мужской монастырь Влатадон расположен в северной, нагорной части исторического ядра города Фессалоники (Салоники), внутри крепостных стен. Его древний собор и более поздние жилые постройки возвышаются над обрывом и видны из порта и из нижних кварталов этого древнего торгового и ремесленного центра Северной Греции. Монастырский собор, стоящий с некоторым отступом от обрыва, представляет собой конгломерат разновременных построек и пристроек, в котором не без труда выделяется первоначальное ядро (рис. 1).

Это ядро – несколько необычный для Фессалоник крестовокупольный храм со световым барабаном, который поддерживают не обычные в Фессалониках колонны, а довольно массивные опоры: чуть продолговатые прямоугольные в плане столбы с востока, а с запада – сильно удлиненные по продольной оси отрезки стен, доходящие до западной стены храма (рис. 2). Собор, таким образом, не является в полном смысле четырехстолпным – его западные опоры связаны с внешней стеной и являются чем-то вроде чрезвычайно развившихся лопаток. Четыре рукава пространственного креста, образовавшегося благодаря расстановке опор, перекрыты полуциркульными сводами (рис. 3), тогда как угловые части перекрываются по-разному: восточные, отделенные от рукавов креста арками, перекинутыми от столбов к стенам, перекрыты крестовыми сводами, тогда как западные части перекрыты коробовыми сводами, открытыми в боковые рукава креста. Впечатление некоторой тяжести и даже грубости архитектуры ядра собора подкрепляется тем, что он принадлежит к “простому типу”, т.е. не имеет дополнительного членения с востока, и абсиды его, сильно выступающая пятигранная средняя и еле заметные боковые, примыкают непосредственно к восточному окончанию восточного рукава креста и к восточным угловым частям. Простоту и необычность типа собора П. Вокотопулос объясняет тем, что собор поставлен на остатках более раннего сооружения,

определившего необычные и характерные черты его композиции (Vocotopoulos, 1987. Р. 114).

Вообще архитектура ядра собора довольно сурова и проста. Контрастом с этой простотой выглядит обильно декорированный и стройный граненый барабан под куполом, украшенный типичными для архитектуры Македонии угловыми колонками и уступчатыми арочными нишами на гранях. Архитектуре соборной главы вторит сложная архитектура южного притвора или, точнее сказать, южной галереи. Первоначально собор был окружен пониженными пристройками с трех сторон (основания их были открыты в процессе архитектурно-археологического исследования собора; план пристроек опубликован П. Вокотопулосом (Vocotopoulos, 1987. Р. 113). Пристройки были задуманы вместе с храмом: с запада, вероятно, нартекс (притвор), а с севера и юга – галереи, состоявшие из притвора, завершавшегося с востока придельными храмиками. Южный придел, перекрытый первоначальным купольным сводом (глухим и без барабана), имеет трехгранную абсиду; остатки такой же абсиды сохранились от северного придела. Остальная часть сохранившейся южной галереи имеет плоское деревянное перекрытие. В средней части собора и в южной галерее сохранились фрески, датируемые XIV в., сильно потревоженные позднейшими насечками и в некоторых местах покрытые копотью. Эти фрески, забеленные в турецкое время, открыты в результате работ 1980–1981 гг. Фресковая роспись в самом храме датируется 1360–1380-ми годами – в связи с тем, что здесь была обнаружена композиция с изображением Григория Паламы, умершего в 1359 г. Другое изображение Григория Паламы в облике святого расположено в южной капелле (Kourkoutidou, Tourta, 1997. Р. 103–105.) В работе о заказчиках и идейных компонентах фресковой декорации храмов Фессалоник Ш. Герстель утверждает, что изображение Григория Паламы в южной капелле собора Влатадона и другие композиции относятся к последней четверти XIV в., т.е. написаны несколько позже, чем фрески в самом храме. Со ссылкой на еще невышедший труд К. Страйкера с данными по дендрохронологии исследователь утверждает, что средний храм создан около 1339 г. (Gerstel, 2003. Р. 236).

Рис. 1. Собор монастыря Влатадон. Вид с востока.

Рис. 3. Интерьер собора.

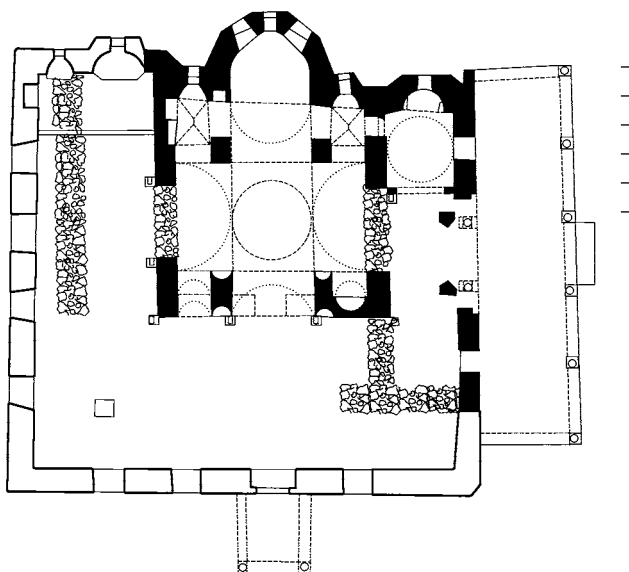

Рис. 2. План собора.

Рис. 4. Общий вид южной галереи собора.

К южной галерее с юга же в начале XX в. пристроен открытый арочный портик на шести колоннах, который и сохранил без перестройки первоначальный южный фасад (рис. 4). Фасад имеет три части: в центре расположен широкий проем, разделенный двумя мраморными колоннами со стоящими за ними пилонами, образующими три арочных входа. Проем оформлен необычной трехло-

пастной аркой с повышенным средним членением и четвертными арками в боковых частях. В боковых частях внизу прорезаны невысокие арочные дверные проемы, над которыми расположены широкие полуциркульные арочные ниши, в поле которых помещены узкие арочные окна второго света.

Точная дата сооружения собора монастыря Влатадон неизвестна. П. Вокотопулос, объясняющий, как указано выше, особенности архитектуры собора формами храма-предшественника, называет вероятным временем его сооружения 1360–1370-е годы (Vocotopoulos, 1987. Р. 114). Такая датировка связана, по всей видимости, с тем, что по

Рис. 5. Местоположение “правой” чаши.

Рис. 6. Местоположение “левой” чаши.

сохранившемуся преданию монастырь был основан Доротеем Влатисом, митрополитом Фессалоник (1351–1371 гг.), учеником Григория Паламы (Kourkoutidou, Tourta, 1997. Р. 100–103). Выше мы упомянули, что храм расписан в 1360–1380-е го-

ды – вероятнее всего ближе к началу этого промежутка. Однако, по мнению Х. Бураса, к середине XIV в. в Фессалониках относятся только два памятника – церковь Ильи и храмик Спаса, что исключает (вероятно – ошибочно) собор Влатадона из памятников этого круга. (Bouras, 1989. Р. 48, 49). Мало помогает датировке то обстоятельство, что барабан собора не принадлежит к широко распространенному в Фессалониках типу “македонских глав” (Velenis, 1987. Р. 95–105) с тимпаном над окном: его уступчатые арки, обрамляющие арочное окно и повторяющие его абрис, имеют в городе аналогии только в боковых главах церкви Апостолов (1310–1314 гг.) и в главе над нартексом церкви Пантелеймона, не имеющей точной даты (центральные главы обоих храмов – “македонского типа”). Следует отметить, что С. Чурчич в статье о влиянии поздневизантийского зодчества Фессалоник предлагает называть подобный тип глав не “македонским”, а “фессалоникийским”. Судя по контексту этой статьи, большое значение имеют характерные именно для Фессалоник трехсторонние пониженные галереи собора, в последнее время называемые термином *peristoon* (Curčić, 2003. Р. 74. III. 32).

Нам представляется, что решающим и неоспоримым аргументом в вопросе о датировке собора являются две чаши, вмозанные в кладку верхней части фасада южной галереи. Одна расположена справа от полуциркулярной правой ниши, в уровне второго света (рис. 5). Эта чаша (будем называть ее правой) помещена при строительстве в рядовой участок кладки вместо камня, обычно окружаемого плинфяной “рамкой”. Такое же обрамление имеет и левая чаша, вмозанная симметрично правой слева от левой же полуциркулярной ниши (рис. 6). Чаши довольно хорошо сохранились, и могут быть весьма строго датированы.

Они уже упоминались в археологической литературе. Статья Джанет Бургер, посвященная путям распространения средневековой керамики различных центров Средиземноморья, напрямую не говорит об интересующих нас чашах, но на одной из иллюстраций помещен фотоснимок одной из них, правой, с подписью: “Ближневосточная или Магрибинская чаша, использованная в декорации стены монастыря Влатадон в Фессалониках (14 век)” (Burger, 1984. Р. 203–222; Fig. 16). Г.А. Федоров-Давыдов уже определил, что это не ближневосточная и не магрибинская керамика: со ссылкой на работу Дж. Бургера он говорит о золотордынских чашах, “вмонтированных в стену храма в Фессалониках” (Федоров-Давыдов, 2001. С. 210). Однако до недавнего времени ни расположение этих чаш в стене монастырского храма, ни их детальная орнаментика не были описаны и опубликованы.

Обе чаши по цветовой гамме, бесцветной поливе и орнаментальным мотивам относятся к группе,

наиболее часто встречающейся в золотоордынских поселениях. Это кашинные сосуды с рельефом, образуемым сгустками ангоба, с подглазурной полихромной росписью, выполненной по белому ангобу зеленовато-черным и синим цветом и отдельными пятнами бирюзовой подцветки (Булатов, 1969. С. 5; Скоробогатова, 1983. С. 93–100).

Правая чаша украшена по краю широкой полосой арабского эпиграфического орнамента, содержащего, как обычно на подобных золотоордынских чашах, повторяющееся слово “успех” (рис. 7). Остальное орнаментальное поле заполнено концентрическими кругами, заключающими шестилепестковую розетку. В центре помещен большой круг, его окружают пять кругов поменьше. В пространстве между кругами помещены мелкие белые круглые медальоны и четырехлепестковые розетки; в одном случае, где расстояние между кругами оказалось больше, помещена растительная композиция из трехлепесткового цветка с дополнительными листьями-побегами. Лепестки розеток, цветки и листья украшены крупными синими точками, как и верхние и нижние части букв эпиграфического орнамента. Фон проработан мелкими черными точками и завитками, что характерно для керамики этой группы (Скоробогатова, 1983. С. 95). По самому краю таких чаш обычно проходит ряд синих точек, присутствующих и на правой чаше из Фессалоник.

Все детали орнамента этой чаши встречаются на подобных золотоордынских чашах. Фигуры в виде кругов, иногда называемые “колесовидными”, представляют, вероятно, геометризованные цветки; во всяком случае, известны экземпляры, где совершенно такие же круги включены в растительную композицию и снабжены тонкими стеблями с листочками (Федоров-Давыдов, 1976. Табл. 109, 112). В одном случае такой орнамент встречен на бракованной чаше, что подтверждает ее изготовление в мастерской Сарае. Схожий эпиграфический орнамент по верхнему краю чаши также встречается довольно часто (Федоров-Давыдов, 1976. С. 134. Табл. 104, 107, 111).

Другая, левая чаша из Фессалоник также изготовлена в Сарае (рис. 8). Ее орнаментация состоит из круга в центре и трех зон орнамента по стенкам, разделенным белыми полосами. По самому краю чаши проходит ряд синих точек, – как и в правой чаше. Первая зона занята тонкой косой синей сеткой и редкими медальонами с бирюзовым пятнышком в центре каждого медальона. Вторая зона состоит из тонко прорисованных четырехлепестковых розеток, разделенных двумя штрихами. Третья заполнена рядом изогнутых миндалевидных фигур с точкой, часто называемых “павлиний глаз”. В круге на дне чаши изображены несколько фигур, похожих на птичьи головы, и четырехлепестковые розетки между ними. Фон третьей зоны

Рис. 7. “Правая” чаша (см. цветную вклейку № 4).

Рис. 8. “Левая” чаша (см. цветную вклейку № 4).

и фон центрального круга заполнен мелкими темно-зелеными точками.

Все эти детали орнамента встречаются на золотоордынских чашах. Косая сетка по краю используется довольно часто (Федоров-Давыдов, 1976. Табл. 104, 106, 107, 110–112, 120). Тонко прорисованные четырехлепестковые розетки с разделяющими их штрихами также отмечены на чашах с Нижней Волги (Федоров-Давыдов, 1976. Табл. 106). “Павлиний глаз” входит во многие композиции, в том числе как заполняющий одну зону (Федоров-Давыдов, 1976. Табл. 109). Так же, как и правая чаша из Влатадона, левая чаша из этого монастыря входит в группу золотоордынских сосудов с рельефом и полихромной подглазурной росписью.

Чаши, попавшие в качестве архитектурного декора в стену монастыря Влатадон в Фессалониках в Северной Греции, представляют собой массовую продукцию керамической мастерской в Сарае (Селитренное городище). Кроме них, в стене обнаружен также обломок испано-мавританской чаши XIV–XV вв.

В том, что золотоордынские чаши оказались в кладке греческого храма, нет ничего удивительно. Золотая Орда была одной из крупнейших торговых держав своего времени. Этому способствовало ее необычайно выгодное географическое положение на перекрестках торговых путей с Севера на Юг (Великий Волжский путь) и с Запада на Восток – от Черного моря до Китая и Индии. Правители Золотой Орды в полной мере оценили торговые возможности страны и создали в Нижнем Поволжье города, которые стали международными рынками. Об этом говорят многие современники – путешественники и купцы, посетившие эти края. Помимо торговли, золотоордынские города являлись средоточием разнообразных ремесел. Золотоордынские ханы поощряли торговлю, которая приносила им огромные доходы. Купцам выдавали охранные грамоты. Были налажены охраняемые торговые пути с переправами через реки, со станциями, где можно было отдохнуть и сменить лошадей. Функционировала таможенная служба. Большой доход должна была приносить транзитная торговля, но не меньшее значение приобрела и торговля собственной ремесленной продукцией.

Свидетельством широких международных связей Золотой Орды, кроме письменных источников, служат многочисленные находки предметов роскоши в золотоордынских городах, происходящих из разных концов тогдашнего мира. Здесь находят бронзовые водолеи из Западной Европы, итальянские шелка и средиземноморские амфоры, художественное стекло из Египта и Сирии, испанский и иранский люстр, китайский фарфор и селадон, каменные среднеазиатские котлы, раковины и кораллы из Индийского океана и еще множество вещей.

Была развита и торговля керамикой. В частности, поливная кашинная (фаянсовая) керамика¹ встречается на всей территории государства вплоть до Крыма и Днестра, хотя ее производство зафиксировано только в Сарае (Селитренное городище), где были раскопаны мастерские, изготавливавшие все виды керамики и, в том числе, кашинные сосуды, в 1330–1360-х годах и в 1370–1390-х годах (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С. 133–248). Мастерские, выпускавшие кашинную посуду, пока не обнаружены ни в одном другом средневековом городе мусульманского Востока (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С. 133). Вероятно, именно отсюда, из сарайской мастерской, прекрасные чаши, вазы и блюда попадали и в соседние страны – например на Русь и в Хорезм.

Как мы уже писали, в Фессалониках золотоордынские чаши попали в кладку южной галереи собора монастыря Влатадон при его строительстве.

¹ Кашинная керамика – керамика, изготовленная из теста с большим количеством силикатных песков с примесью каолина и шпата, глины и извести на клеющем веществе.

Это значит, что их дата – важный аргумент для определения общей даты сооружения. Поскольку время их производства, как уже сказано выше, 1330–1360-е или 1370–1390-е годы (Федоров-Давыдов, Булатов, 1989. С. 133–248), можно утверждать, что сам собор принадлежит, скорее всего, к памятникам архитектуры Фессалоник середины XIV в. – т.е. является одним из самых поздних храмов города, сооруженных незадолго до первого взятия этого города турками в 1387 г. Тогда чаши в кладке собора относятся, по всей видимости, к первому этапу существования мастерской на Селитренном городище (1330–1360-е годы). В этот же промежуток они были привезены в Фессалоники и попали в кладку стены южной галереи Влатадона.

Для нашей темы архаичный тип самого собора не так уж важен, гораздо важнее архитектура южной галереи, в которой отразились формы палеологовской архитектуры Византии в специфическом фессалоникийском варианте. Декор этой галереи с выделенным и трехлопастным обрамлением колоннами входом и окнами второго света в арочных “пряслах” по сторонам входа не находит прямой аналогии в фессалоникийских памятниках. В более ранних храмах Фессалоник, святой Екатерины и святых Апостолов, галереи имели более “столичный”, т.е. более близкий к константинопольским памятникам, декор: со сложными лопатками, вогнутыми нишами, участками колоннад, полосами фигурной кладки.

С точки зрения изысканности и разработанности фасадной декорации южная галерея собора Влатадона может быть названа показательным, но все же достаточно скромным сооружением фессалоникийской школы. Но появление на ее фасаде золотоордынских поливных чаш делает этот памятник уникальным. На фасадах поздневизантийских церквей керамические поливные плитки и небольшие розетки появляются в конце XIII в.: они известны, например, в церкви Федора в Мистре (1290–1296) и церкви Василия в Арте (конец XIII в.) (Krautheimer, 1986. Р. 426, 427). В церкви Федора в Мистре появляются, кажется, и блюда или чаши, но их характер и происхождение остаются неясными. В зодчестве Болгарии, в Месемврии (Несебре), в начале XIV в. на фасадах храмов появляются небольшие керамические поливные розетки и круги. Помещенные в кладку, эти поливные плитки образуют drobный раппорт, часто обрамляющий архивольты (Чанева-Дечевска, 1988. С. 79–86, 187; Sășălov, 1979. Р. 12). Использование же отдельных и крупных керамических вставок встречается крайне редко.

Мы можем указать только на довольно крупные прямоугольные керамические плитки, украшающие поле арочных ниш на южном и восточном фасадах окружающей ядро храма галереи

церкви святой Екатерины, стоящей в западной части старых Фессалоник. Эти плитки с крестовидным или четырехлепестковым узором, заключенным в круг (в одном случае подобная композиция дополнена изображением птицы), покрыты зеленой или желтой поливой. Они расположены по две, по три или даже по четыре – в нише. У нас нет сомнения в византийском, возможно даже – фессалоникийском, происхождении этих плиток – и узор и техника свидетельствуют об этом. Вполне вероятно, что плитки изготавливались специально для строящегося храма Екатерины (он не имеет точной даты, но большинство ученых сходятся в том, что он сооружен где-то на рубеже XIII–XIV вв.).

Указанные плитки в какой-то степени могли послужить образцом для мастеров, строивших примерно полустолетием позже южную галерею собора монастыря Влатадон. Но в этом более позднем памятнике керамика была размещена по-другому – не в нишах, а прямо в плоскости стены. Кроме того, сама керамика была иной – в соборе Влатадона строители или даже заказчики приобрели где-то, возможно на рынке приморских Фессалоник, две золотоордынские чаши и несколько керамических сосудов из мавританской Испании. Сосуды из мавританской Испании были использованы в пазухах, т.е. не были столь заметны, как две золотоордынские чаши, помещенные в стенах симметрично и на довольно большой высоте. Эти две чаши проделали долгий путь на византийском, а скорее – генуэзском или венецианском корабле, путь от Таны или, возможно, Судака, куда приходили караванные пути из Сарая, до Константинополя по Черному морю и Босфору, а затем по Мраморному морю, через Дарданеллы и далее по Эгейскому морю.

Золотоордынская керамика (как и испано-мавританская) в стенах Влатадона свидетельствует о появившейся в поздневизантийской, палеологовской архитектуре тяге к экзотике, причем экзотике восточной. У нас нет данных для того, чтобы развернуть многочисленные сопоставления и указать на возможные аналогии – публикуемый памятник во многом уникален. Но несомненно, что в архитектурной декорации середины XIV в. в Фессалониках проявляется интерес к ярким пятнам и удивительным вещам, привезенным издалека. В какой-то степени аналогией этому византийскому экзотизму собора Влатадона может служить помещение в стены притворов ниш и орнаментов со сталактитами в Трапезунде, в соборе монастыря Софии, сооруженном в XIII в. (Balance, 1968. P. 8–36), хотя там эти детали, связанные с сельджукской архитектурой, были выполнены из камня.

Появившийся в архитектуре Византии в палеологовское время экзотизм пока представлен только двумя названными памятниками: сталактитовыми нишами Софии в Трапезунде и чашами в сте-

не монастыря Влатадон в Фессалониках. Но у нас нет сомнения в том, что этот список будет расширен. В гораздо более позднее время (в 1590-е годы) и уже в России, в церкви Троицы в подмосковной усадьбе Годунова в Хорошове в украшении кокошников были использованы восточные поливные керамические блюда (из Смирны, с Родоса, из Изника-Никеи – происхождение их с достоверностью не выяснено) – в чем, скорее, сказалось влияние итальянской культуры, но ведь источник блюд все же был опять восточным. Мы не можем проследить связи между Хорошевым и Влатадоном, но можем указать на общий интерес к восточной керамике в Византии середины XIV в. и в России конца XVI в.

Южная галерея монастыря Влатадон может рассматриваться как памятник “двусторонний”: она является как примером необычного для византийских зодчих интереса к импортной, восточной поливной керамике, так и, одновременно, свидетельством далекого, заморского экспорта кашинных чаш из Сарая на Волге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Булатов Р.М. Классификация поливной керамики золотоордынских городов Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.
- Скоробогатова Т.В. Одна из групп золотоордынской художественной керамики XIV в. // СА. 1983. № 2.
- Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.
- Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика. Торговля. Быт. М., 2001.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М. Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
- Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988.
- Ballance S. The Architecture // The Church of Hagia Sophia of Trebizond. Edinburgh, 1968.
- Buerger J. Morphological analysis of medieval fine pottery: provenance and trade patterns in the Mediterranean World // Archeological Approaches to Medieval Europe. Michigan, 1984.
- Bouras Ch. Byzantine architecture in the middle of the 14 century // Дечани и византијска уметност средином XIV века. Београд, 1989.
- Ćurčić S. The Role of Late Byzantine Thessalonike in Church Architecture in the Balkans // Dumbarton Oaks Papers. № 57. Washington, 2003.
- Gerstel S.E.J. Civic and Monastic Influences on Church Decoration in Late Byzantine Thessalonike // Dumbarton Oaks Papers. № 57. Washington, 2003.
- Krauthimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven; L., 1986.
- Kourkoutidou E., Tourta A. Wandering in Byzantine Thessaloniki. Athens, 1997.

Sășalov D. Problemes sur l'origine de la decoration de facade ceramoplastique // Culture et art en Bulgarie médiévale (XIIIe–XIVe s.). Sofia, 1979.

Velenis G. Building techniques and external decoration during the 14th century in Macedonia // L'art de Thessalo-

nique et des pays Balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle. Belgrade, 1987.

Vocotopoulos P. Church architecture in Thessaloniki in the 14th century. Remarks on the typology // L'art de Thessalonique et des pays Balkaniques et les courants spirituels au XIVe siècle. Belgrade, 1987.

Golden Horde bowls on the façade of the wall of Vlatadon Monastery Cathedral in Thessaloniki

M. D. Poluboyarinova, Vl. V. Sedov

S u m m a r y

The article is devoted to the study of two glazed bowls set in the wall of the Southern narthex of the Vlatadon Monastery Cathedral in Thessaloniki (Greece). The Cathedral was built by the local architectural school and is usually dated to within the 14th c. The two bowls, hitherto not published in detail, were produced in a workshop discovered in Sarai, the capital of the Golden Horde. The bowls were most probably created in the first half of the 14th c., and found their way into Thessaloniki due to the export of Golden Horde ceramics into this port town. The bowls, testifying to connections between Byzantium and the Golden Horde, allow to more precisely date the Vlatadon Monastery Cathedral to the middle of the 14th c.

ЛАПИДАРНАЯ ЭПИГРАФИКА МОСКВЫ XV–XVII ВВ.: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2007 г. Л. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва

Мы не знаем точно, по каким именно критериям отбирался в 1956 г. материал для первого номера “Советской археологии” (хотя известно, что его взяли из портфеля ежегодника с тем же названием)¹. Редколлегия, несомненно, старалась сделать его состав по возможности представительным, отразить все основные направления тогдашней науки. Поэтому вряд ли случайно включение в номер заметки Т.В. Николаевой, посвященной надгробиям Троице-Сергиевой лавры. Она логично замыкала публикационный блок журнала и была единственной, представлявшей материал XVII в.: переход к Новому времени виделся тогда (как, отчасти, и ныне) периферией археологии, но лапидарная эпиграфика сохраняла важность и для этого времени.

Редколлегия не ошиблась: выход небольшой статьи Т.В. Николаевой стал заметным шагом на пути изучения древнерусского надгробия. В 1950-е годы публикация старомосковских плит только робко возобновлялась после длительного перерыва. Она вообще шла с большими интервалами и дважды прерывалась войнами: около 30 лет прошло от выхода фундаментального каталога ГИМа (Щепкин, 1907; 1913) до публикации сборов на трассе строительства метрополитена (Арциховский, 1936), и еще почти 20 – до появления каталога плит Георгиевского монастыря (Гиршберг, 1954). Все исследования касались в основном не оформления плит или их места в контексте некрополя, а исключительно эпиграфических вопросов. Интерес к изучению плиты как произведения искусства, отчасти чувствовавшийся в XIX в. (работы В.А. Гамбурцева; см.: Беляев, 2006), оживится только после находок плит в районе Успенского собора Кремля, сделанных в 1960-х годах (Шеляпина, 1971; 1973), и найдет продолжение в исследовании, посвященном плите как объекту декоративно-прикладного искусства и архитектурной форме (Беляев, 1996). Но формальный анализ не отодвинул текст на второй план: надпись осталась наиболее привлекательной частью информации не только для историков, но и для археологов.

Вскоре после заметки 1957 г. появятся известные каталоги старомосковской эпиграфики, со-

стоявшие почти исключительно из надгробных надписей (Гиршберг, 1960; 1962) и не менее важные каталоги надписей из Троице-Сергиева монастыря, которые в 1950–1960-х годах собирала Т.В. Николаева, а с 1990-х годов и до настоящего времени – В.И. Вишневский (1998; 2000; 2006). Десятки надгробий с надписями фиксировали и другие археологи, работавшие на территории церковных кладбищ Руси (к сожалению, не все материалы попали в печать), в результате чего представление о надгробной эпиграфике расширилось (в том числе географически, включив Русский Север и Сибирь).

В 1990-х годах была начата работа над единым сводом древнерусских надгробий (как надписных, так и “немых”), выразившаяся в публикации двух томов “Русского средневекового надгробия” (с десятилетним перерывом; Беляев, 1996; 2006), второй из которых был в значительной степени ориентирован на проблемы эпиграфики и “просопографии” некрополя. Уже появление первого тома вывело отношение к раннему надгробию России как к источнику по истории культуры на новый уровень; к нему стала проявлять интерес и среда зарубежных русистов. Понятное внимание вызвало раскрытие романских элементов в оформлении надгробий, и особенно – введение в иконографический дискурс русских “копий” оформления трансенны Гроба Господня XII в. в Иерусалиме (материал быстро нашел место в кругу аналогичных европейских, войдя в сводку иконографии Гроба Господня Мартина Биддла: Biddle, 1999).

Еще больший отзвук получил вопрос о причинах появления на надгробиях Руси надписей в означенную эпоху, об их месте в общем процессе развития церковного поминовения, о связи с ментальными трансформациями в период перехода к Новому времени. В России внимание к лапидарной эпиграфике средневековой Москвы было усилено актуализацией интереса к национальным церковным древностям, наблюдающейся в последнюю четверть века, и возобновлением работ в области исторического некрополя (работы С.Е. Компанца, С.Ю. Шокарева, А.Г. Авдеева и др., напр.: Шокарев, 2000). Этот материал был замечен и на Западе, поскольку совпал с очередной волной никогда не затихающего там внимания к формированию

¹ См. в статье Р.М. Мунчаева в этом номере журнала.

механизма исторической памяти, истории литургического поминовения и “образа смерти” в мире Средневековья (Decorations..., 2002; Geary, 1994; Llewellyn, 1991; 2000; Constructions, 2006; Hallam, Hockey, 2001; Paxton, 1990; Platt, 1996; Williams, 2006 и др.).

О предыстории, причинах появления и развитии надписей высказались в специальных статьях двое известных в англоязычном мире русистов, Саймон Франклин (Англия) и Дэниэл Х. Кайзер (США) (Franklin, 2002; Франклин, 2006; Kaiser, 2004. P. 433–459)². Они важны для нас прежде всего тем, что отражают подход западных специалистов по письменной истории к древнерусским эпиграфическим материалам; кроме того, Франклином проделана серьезная работа по анализу материалов для предыстории надгробных надписей Руси.

Саймон Франклин, несомненно, один из самых знающих (без всяких скидок на его “иноземство”), много работающих и думающих специалистов по древнерусской культуре, он – настоящий энтузиаст ее письменности и книжности. Поэтому естественно, что в его статье задаются острые вопросы, из числа тех, что у западных коллег принято называть “провоцирующими дискуссии”. Главные среди них: причины возникновения старомосковской надписи на плите, ее мнемоническая функция и социальная роль. Предложенный в его статье метод рассмотрения явления в общеевропейском контексте с привлечением формального (типологического и генетического) анализа, безусловно, единственно верный: именно он был применен в моей книге об оформлении надгробных плит. Однако анализу надписей там отводилось минимальное внимание: краткий экскурс о них был целиком посвящен отслеживанию трансформации “формуляра” и гипотетическому объяснению причин переноса поминальных надписей на белокаменные надгробия. Именно переноса, а не “возникновения” традиции делать такие надписи вообще (ее существование вне плит, разумеется, учитывалось и о ней неоднократно упоминалось в тексте) (Беляев, 1996).

Более подробное изложение наблюдений над причинами появления надписей, их первоначальными и последующими функциями, безусловно, назрело. Юбилейный номер – удачное место подвести итог (разумеется, временный) изучения лапидарной эпиграфики за пятьдесят лет, прошедших после выхода первых работ Т.В. Николаевой; сформулировать новые задачи и ввести в оборот некоторые новые данные, которые могут способствовать прояснению ситуации.

Отмечу сначала очевидный факт: поминальные надписи, как таковые, конечно, не были “изобре-

тены” на Руси специально для того, чтобы наносить их на плиты. Наоборот, существует огромный диапазон носителей таких надписей: отдельно стоящие и закладные кресты, фрески с изображением патрональных святых, надгробные иконы, шитые покровы надгробниц, крышки саркофагов, церковные граффити и др. Отметим, что часть их эфемерна и плохо сохраняется. Таким образом, вопрос стоит не о появлении надписи над местом погребения, а о ее “необязательности” для горизонтально лежащих плит в промежутке от их появления (XIII(?)–XIV вв.) до конца XV в.; о причинах и обстоятельствах выноса надписи на каменные надгробия; наконец, о дальнейшем развитии ее формуляра применительно именно к надгробным плитам и о функции надписей. В этом смысле исторический очерк, предложенный С. Франклином, рисующий европейскую перспективу и древнерусский фон, на котором следует рассматривать надписи на плитах, очень полезен. Однако он явно не полон и, включая отдаленные во времени и культурной традиции примеры (прежде всего – рунические памятные камни), не дает описания всего круга записей о погребениях, которые существуют в поле московской средневековой культуры и современны изучаемым надгробиям. Создание такого очерка – первоочередная задача будущего исследования корней русской лапидарной эпиграфики XV–XVII вв.

Однако она не единственная. Не менее важно заняться статистикой надписей, поскольку имеющиеся представления о ней явно нуждаются в уточнении. Так, С. Франклин и Д. Кайзер полагают надписные плиты “верхушечным” явлением в обществе Московской Руси, свойственным элитным погребениям, и потому сравнительно мало распространенным. С. Франклин, например, пишет: «Ничего из московского материала конца XV или XVI в. не производит впечатления “массовой” традиции. Таким образом, любые общие комментарии относятся только к небольшой видимой части: к правителям и аристократам, к важным церковным и монастырским ктиторами, иногда к монахам и священникам. И даже среди этой ограниченной группы населения традиция адаптировалась с трудом. Подписные надгробия начали появляться все чаще и чаще в XVI и XVII вв., но никогда они не являлись абсолютно обязательными. Таким образом, мы наблюдаем процесс, а не законченную трансформацию» (Франклин, 2006).

Можно согласиться с тем, что мы наблюдаем процесс: культуру Московского государства вообще трудно назвать полностью оформившейся, все отведенные ей два-три (много четыре) столетия занял процесс становления (о чем прямо пишут ее исследователи, например: Плюханова, 1995. С. 8 и др.). Но вот постулат об ограниченности такого явления, как белокаменное надписное надгробие, не находит поддержки в реальном материале даже

² Статья Д. Кайзера до передачи в печать носила название “Marking a Life: the History and Meaning of Muscovite Grave Stones”, под которым отсылка на нее вошла в PCH, 2006.

для периода первой половины XVI в. Конечно, при использовании свода В.Б. Гиришберга как справочника (на него оба исследователя в значительной степени опираются) сильное ощущение элитарности может возникнуть. Однако следует помнить, что свод основан на очень ограниченном круге источников: это надписи престижных погребений главных кремлевских некрополей и крупнейших монастырей Москвы. Информацию рядовых кладбищ, археологическое исследование которых тогда только начиналось, свод впитал в очень малой степени. Конечно, надписные плиты и особенно крышки каменных саркофагов (действительно “элитных” изделий) типичны для царского двора, крупных землевладельцев, высшего духовенства. Однако ими дело не ограничивается. Известны плиты на погребениях простых священников (“попов”), людей с невысоким служебным рангом (провинциальных дворян, холопов из знатных домов), простых горожан и, возможно, крестьян. Стоимость плиты позволяла приобретать ее не только высшей знати, но и “среднему слою”: чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть список надгробий любого провинциального некрополя, например Спасо-Преображенского на Усть-Угры монастыря.

Другой аргумент в пользу “элитарного” характера надписей – кажущаяся немногочисленность надписных плит в сравнении с “чистыми”, а также то, что они, по мнению наших зарубежных коллег, никогда не составляют большинства и даже значительного числа от всех надгробий на некрополе, а значит – надпись не является обязательным элементом. Мне ситуация представляется обратной. Точное соотношение подписных и чистых плит (на отдельном кладбище и всех вообще известных) трудно подсчитать, поскольку исследователи обращают внимание прежде всего на камни с надписями, часто пропуская ненадписанные – и наоборот, при сплошном учете в выборку попадает много мелких фрагментов, особенно изножий, на которых надписей не бывает почти никогда. Но все же сплошная фиксация плит способна дать общее представление о реальных соотношениях, причем это верно даже для сильно разрушенных некрополей. Достаточно заглянуть в каталожную часть книги 1996 г., чтобы убедиться, что надписных надгробий на некрополях зафиксировано не меньше, чем “немых”: в Данилове монастыре их 10 из 13 (не считая плит иноземцев, которые все надписаны, но к данному некрополю не принадлежат); в Высоко-Петровском 26 из 56 (учтено много мелких фрагментов); в Богоявленском 22 из 42 (значительная часть выборки, около трети, надгробия XIV–XV вв., когда надписей еще не наносили), и т.д. Итак, в выборках, где соотношение плит и надписей подсчитано, оно дает пропорцию, обратную к ожидаемой: начиная, по крайней мере, со второй четверти XVI в. надписных плит на некро-

Рис. 1. Надпись на лицевой грани надгробия схимницы Анисы, жены Головкина, 1569 г. Москва, Зачатьевский монастырь, 2003 г. (фото А.М. Беляевой).

полях встречается несколько больше, чем плит без надписей (в период более ранний их, естественно, меньше, так как сама традиция зарождается только в 1480–1490-х годах). Новое яркое подтверждение такой статистики – московский Зачатьевский монастырь, где сборы плит за 2002–2006 гг. дали 81 археологически целый экземпляр, из которых половина (41) – плиты с надписями (неполная публикация: Беляев, Кренке, 2006) (рис. 1–7).

К выводу о степени распространенности надписей на плитах легче, однако, прийти не путем количественных сопоставлений, а путем наблюдения над особенностями декора. Совершенно очевидно, что уже с первой трети XVI в. орнамент рассматривается, в первую очередь, как рамка для текста: все плиты, выходящие из мастерских, рассчитаны на его последующее нанесение. Таким образом, сами изготовители и покупатели видят в надписи доминирующий, обязательный признак надгробия. Поэтому с точки зрения археолога все случаи, когда надписи нет, следует рассматривать как отклонение от нормы, а не как правило. Латентно она присутствует всегда, и вряд ли следует искать решение вопроса об отсутствующих надписях в средневековых особенностях памяти: они не объяснят

Рис. 2. Граффити на боковой грани надгробия Анисьи, жены Головкина (схимницы Еуферии), 1569 г. Читается: “Еуферья // Лет(а) ЗР[Е] декабря (в) Д д(е)н(ь) инока ск(имница)”. Москва, Зачатьевский монастырь, 2003 г. (фото А.М. Беляевой).

Рис. 3. Граффити на обороте плиты “Олексеевского попа” Ивана (инока Игнатия). Середина XVI в. Москва, Зачатьевский монастырь, 2003 г. (фото И.И. Елкиной).

Рис. 4. Надпись на лицевой стороне плиты “Олексеевского попа” Ивана (инока Игнатия). Середина XVI в. Москва, Зачатьевский монастырь, 2003 г. (фото А.М. Беляевой).

распространенности плит, заведомо оформленных как носители текста.

Напомню, что есть и группа надгробий, которые снабжают надписями *всегда*: это настенные таблички. Хотя очевидно, что их распространение приходится только на XVII в. (известны они с конца XVI в.), устойчивость надписей в данном случае объясняется не общим развитием плиты, а функциональными особенностями типа. Таблички никогда не бывают “пустыми”, поскольку без надписи теряют функцию: остается непонятным, где же размещено погребение (ясно, что не в стене); недаром большинство табличек содержит пояснительную формулу о погребении “против сей таблицы”, или иную. И напротив: для плиты, лежащей на кладбище, поясняющая надпись желательна, но все же не обязательна: по умолчанию предполагается, что камень отмечает место могилы.

Можно скорректировать наши представления о, так сказать, “социальном лице” русской надгробной надписи XVI–XVII вв. и более простым способом: достаточно внимательнее посмотреть, кого упоминают эти надписи на некрополях “средней руки”. Коллекция Зачатьевского монастыря дает хороший пример: этот известный сейчас девичий монастырь Москвы с середины XVI в. не входил уже в круг первостепенных, поскольку в 1547 г. пережил разорение и может быть отнесен, в лучшем случае, к обителям среднего уровня. Легко заметить, что в его надписях нет упоминания о знатных родах или высоких должностях: здесь хоронят горожан, священников, семьи высокопоставленных, но незнатных приказных (дьяков, подьячих) и дворян, вообще служилых людей. Конечно, род, имя и социальный статус многих погребенных “замаскированы” новыми, иночскими, но вряд ли стоит думать, что за скромным мо-

нашеским именем должен скрываться человек более знатный, чем те, кто назван полностью: в известных нам случаях погребения “чинов ангельских”, происходивших из знати, сведения об их положении до пострига, в миру, обычно с гордостью сообщают. “Непрестижность” некрополя Зачатьевского монастыря в сравнении с традиционными усыпальницами боярской знати подчеркивает практическое отсутствие каменных саркофагов (в боярской усыпальнице примерно того же времени в Новоспасском монастыре каменный саркофаг – почти обязательный элемент погребения, см.: Станюкович и др., 2005).

Отметим, что в течение XVI и XVII вв. пропорция плит с надписями и без надписей остается примерно одинаковой; отнюдь не увеличивается и количество плит “простонародья”. Это мешает говорить о распространении обычая надписывать плиту от высшего слоя общества к низшему: как в XVI, так и в XVII вв. надпись на плите могли, видимо, позволить себе все, кто вообще покупал плиту. Стоимость нанесения надписи, видимо, составляла незначительный процент общей стоимости покупки; встречающиеся надписи-граффити показывают, что можно было сделать ее и самому (т.е., в сущности, бесплатно). Таким образом, надгробная надпись вряд ли станет для нас яснее, если мы будем рассматривать ее как род социального отличия, престижный элемент, признак социальной выделенности. Скорее следует обратить внимание на единообразие и устойчивость формуляра плиты, начиная от погребений царей и цариц и кончая самыми скромными из погребенных, о которых подчас неизвестно ничего, кроме имени их святого и дня смерти.

Д.Х. Кайзер³ в специальном социологическом этюде, опираясь на достаточно однообразные тексты плит, демонстрирует постепенное нарастание возможностей “самоидентификации” и персонализации погребенных. Трудно согласиться с этим утверждением. Наблюдения над постепенным “наполнением” формуляра, от сухой заметки к более распространенному повествованию о смерти и прожитой жизни погребенного, его социальном статусе, многократно излагались, и они справедливы, как справедливы указания на изменения надписи по мере возрастания социального статуса умершего (самые длинные надписи принадлежат царской семье и высшему слою знати). Но нельзя забывать, что разница тут, по сути дела, количественная: уточняется сообщение о времени, моменте смерти, расширяется титул, но рубрики формуляра остаются прежними. Более того, развитие надписи во многом идет не от простого к

Рис. 5. Граффити в правом верхнем углу плиты Михаила (?) Беклемишева (?). 7045 (1537/38) г. Москва, Зачатьевский монастырь, 2003 г. (фото И.И. Елкиной).

Рис. 6. Нечитаемое граффити на боковой грани надгробия рубежа XVI–XVII вв. (лицевая сторона полностью стерта). Москва, Зачатьевский монастырь, 2006 г. (фото И.И. Елкиной).

сложному, и не от обобщенного к индивидуальному, а, наоборот, от более свободных, разнообразных и деловитых надписей рубежа XV–XVI вв. к устойчиво-сухому формуляру XVI–XVII вв., который лишь к концу последнего столетия начнет размываться, включая литературные тексты и всевозможные подробности (в том числе о положении погребенного в обществе).

Зависимость здесь примерно та же, что и в развитии орнаментации плиты: индивидуальные решения XV – начала XVI в. сменяются стандартной схемой, постепенно “усыхающей” вплоть до конца XVII в., когда ее фактически подменяет новое, скульптурно-архитектурное оформление всего памятника (отдельные примеры богато украшенных плит с обронными надписями известны и до этого, но они не более чем исключения). Угадываемый в этих процессах ритм еще четче проявлен в развитии ктиторского иконного портрета, прослеженного А.С. Преображенским: на рубеже XV–XVI вв. средневековая традиция изображения донатора завершается и сменяется ее субститутом – изображе-

³ Д.Х. Кайзер – специалист по проблемам исторической социологии и психологии в России XVII в., по истории брака и семьи (взаимоотношения супругов; отношение Церкви к брачному союзу; гендерные отношения) и вопросам организации социальной жизни (забота о бедных и т.п.).

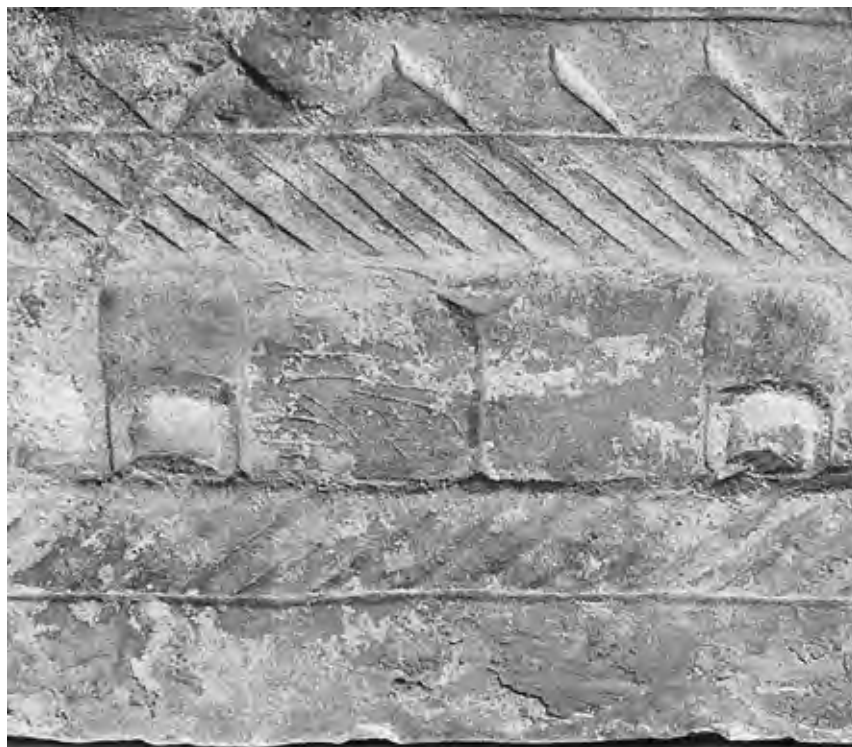

Рис. 7. Боковая грань надгробия рубежа XVI–XVII вв. с граффити. Москва, Зачатьевский монастырь, 2006 г. (фото И.И. Елкиной).

нием патронального святого или сцен из его жизни; новая линия развития портрета начнется не ранее XVII в. и будет связана с проникновением в Московию европейской реалистической живописи (Преображенский, 2004). Можно сказать, что во всех этих областях, а также во многих других эпоха последней трети XV – первой трети XVI в. выглядит тем периодом, когда стремление к индивидуализации и персонализму в культуре становится наглядным, но лишь для того, чтобы снова исчезнуть на примерно полтора столетия.

Оценка функций надписи на плите тесно связана с проблемой ее генезиса. И здесь мне хотелось бы отозваться на то место статьи С. Франклина, где он указывает на опасность апелляции к аргументам “от здравого смысла”. Ведь призыв отказаться от них, ставший общим местом в работах западных гуманитариев, гораздо опаснее. Чем больше мы узнаем о надгробиях, тем больше убеждаемся, что “прагматические”, основанные на наблюдениях над материалом суждения – вернейший путь к пониманию реального процесса. Новые наблюдения рождают уверенность, что начавшийся перенос записей о смерти с иных носителей на каменные плиты и постепенная его “формализация” имел очень простое, практическое объяснение. Мне уже случалось писать о том, что первые надписи выглядят не столько как поминальные, сколько как владельческие. Они отмечают

факт укладки (изготовления, приобретения) плиты или точно фиксируют место погребения покойного (Беляев, 1996. С. 249–252). Доминирующие в конце XV – начале XVI в. практические соображения явно сохраняются и позже, по крайней мере до середины XVII в., когда “формулярная” запись о дне смерти давно и полностью господствует.

Эта точка зрения получила весьма веское подтверждение и расширение в серии сравнительно поздних надписей, обнаруженных В.И. Вишневым на плитах Троице-Сергиева монастыря (Вишневский, 2006). Надписи “предварительные”, они указывают на владение местом и плитой того или иного вкладчика монастыря (не обязательно погребенного под плитой). Например: “занято место в кела[ря] старца Еустафия Головкина” (погребена Ксения Головкина в 1586 г.); “место Якова Васильевича Волинского” (погребен инок Иоасаф/Яков Головкин в 1573 г.); “занято место на Федора на Ондреевича Волинского (он же погребен в конце XVI в.). В вышеуказанных случаях, кроме записи о “месте” (которое обычно помещается в ногах плиты, вне рамки “нормальной” надписи) на плиту наносят и обычную запись о смерти погребенного (как видим, в одном из случаев эти записи называют разных персонажей, хотя и родственников; в двух – обе записи относятся к одному и тому же лицу). Однако много случаев, когда запись о месте является единственной на плите, и

рамка для текста о смерти остается пустой. Так обозначено “место Орины Федоровны жены Григорьевича Плещеева”; место некоего Михаила (Михайловича, Михайлова?), оба XVI в.; одно из погребений XVII в. (1639 г.: “зането место Иванны жены Федоровича Басманова Ирины Васильевны”).

Во всех этих случаях записи выполнены, хотя и не на своем месте, но рукой профессионального резчика; почерком, принятым для надгробий этого времени. Есть и смешанные случаи, когда нарезанный текст сочетается с граффити: надгробие Ивана (?) Андреевича, князя Ростовского, первой половины XVI в. надписано по лицевой поверхности: “зането место...”, с продолжением-граффити на боковой грани: “...ева на Андреевича Ростовского”. Исследователь некрополя добавляет списанный в XIX в. текст: “место старца Данила” и случай отражения обычая помечать место погребения в духовной князя Федора Ивановича Хворостинина 1602 г.: «положить мое грешное тело у Живоначальныя Троицы в Сергиевом монастыре, возле отца моего князя Ивана Михайловича, во иноцех Иосифа, а на месте и цка положена, а на ней написано “место князя Федора Ивановича Хворостинина”» (Вишневский, 2000. С. 17–19).

Давно предполагалось, на основе некоторых находок (например, Т.В. Николаевой), что плиты могли приобрести еще при жизни погребенного. Но то, что их *заранее укладывали* на место будущей могилы да еще снабжали надписями, фиксирующими собственность на нее, совершенно новая информация. Особенно интересно отсутствие на многих плитах, фиксирующих место, записи о смерти. Думаю, Вишневский прав, когда пишет: “вряд ли владельца плиты не похоронили вовсе, или погребли в ином месте. Скорее всего, просто обошлись сделанной надписью, она заменила ... традиционный текст в изголовье” (Вишневский, 2006).

Заслуживает рассмотрения и гипотеза В.И. Вишневского о том, что плиты вообще без надписей (их в Троице-Сергиевом монастыре сравнительно немного) – такие же заявки на владение, лежавшие на своих местах на кладбище, на которых владельцы купленных участков не смогли или не посчитали нужным сделать соответствующие надписи ни до, ни после смерти погребенного. Это объяснение подойдет если не для всех “немых” надгробий (их все-таки слишком много на других некрополях), то, безусловно, для их части.

Итак, появление надписей на плитах может быть связано с потребностью закрепить за собой место для погребения и отчасти указать на собственника или донатора плиты. Это не противоречит ранее высказанному мною предположению о вероятном вынесении надписей на плиты в тот момент, когда некрополи оказались тесно заполнен-

ными, и возникла потребность увереннее отличать плиты одну от другой. Просто дело обстоит еще “прагматичнее”: речь идет не столько о тесноте вообще, сколько о затесненности определенных зон. Дело в том, что плиты с надписями, фиксирующими “право на место”, встречаются в наиболее заполненной погребениями части некрополя, на особо почитаемой территории, близко к храму, что прямо указывает на сильную конкуренцию за помещение тела *ad sanctos*, хорошо знакомую и западному миру.

Ответ на вопрос, почему надпись часто вообще не нарезают, может иметь и “технические” объяснения, которые было бы опрометчиво исключить совсем. Среди них – очень простые. Например, можно предположить, что временная надпись была изначально на всех надгробиях, но ее писали без прорезки, красками (ведь давно доказано, что резные буквы и/или фон тоже обычно прокрашивали, причем использовали, как и в книжном письме, две краски: черную/синюю и красную для заглавных букв). Надпись могла наноситься не на плиту, а на деревянный крест (стоит ли видеть в нем обязательный элемент на русском кладбище ранее XV в. – другой вопрос) и т.п. Нельзя, наконец, исключить длительное отсутствие надписей нежеланием писать священные имена (включая имя Божие) на горизонтальной поверхности (подобный запрет, как известно, был сделан в отношении символа Креста еще при Юстиниане).

Итак, изучение показывает, что “владельческая” составляющая была особенно важна для заказчиков. Всегда, когда надпись предъявлялась миру, она исполняла функции представителя того, кто ее наносил, и этот представитель не пропускал возможности зафиксировать в ней отношение с этим миром. Яркие примеры этого – хорошо известные надписи на крестах XV в., одна из которых не только называет имя погребенного, но и описывает обязанности монастырской братии по его поминанию (крест дьяка Степана Бородатого). Это служит достаточным доказательством того, что надгробие и поминальные службы связаны прочно; связь формуляра надписи с практическим церковным поминанием, безусловно, демонстрирует и ее близость к записям в общеслужебных синодики и особенно в своеобразные монастырские путеводители по кладбищам. Вопрос о служении панихид на месте упокоения и о времени выноса служб в пространство некрополя, хотя и важен, но не первостепенен. Традиция таких служб – раннехристианская; как именно и когда она проявилась на Руси – трудно судить, учитывая несовершенство наших источников, но в интересующий нас период она уже существовала. Перед нами, несомненно, значительное поле для исследования этого вопроса, но его следует предоставить историкам-литургистам, мы же пока останемся в области археологии.

В сфере лапидарной эпиграфики есть и другие вопросы, которые напрашиваются сами собой, но почему-то до сих пор не поднимались. Например, вопрос о функциях пространственных надписей на крышках саркофагов. Они появляются примерно в тот же период, что и на плитах, и, действительно, трудно объяснимы с позиций “здорового смысла”. Если учесть, что такая надпись не была видна после погребения, то стремление к ее нанесению (тем паче подробнейшее описание именно в ней момента смерти), в сущности, загадка. Что это? Род “удостоверения личности” для “того света”, аналогичный “прощенной грамоте”? Своеобразный молитвенно-поминальный текст, напоминающий граффити на стенах (тоже, кстати, не рассчитанных на повторное прочтение)?

Важным вопросом в теме переноса надписей на надгробные плиты является связь этого процесса с развитием грамотности. С. Франклин, например, полагает, что связь здесь отсутствует или несущественна, что речь должна идти не столько о распространении умения читать и писать, сколько о появлении привычки пользоваться письменным текстом в каждой повседневной жизни, об усвоении манеры полагаться более на запись, чем на память. С этим вряд ли стоит спорить, просто лучше помнить, во-первых, о самом значении слова “грамотность”, в широком смысле обозначающем не столько умение разбирать буквы, но именно способность и даже привычку правильно и всесторонне использовать как процесс писания, так и “чтения”. Во-вторых, учтем отсутствие в слоях Москвы (в отличие от Новгорода) подтверждений широкому употреблению письма в быту XIII–XV вв. и, напротив, появление таких подтверждений в XVI в. Здесь мы сталкиваемся с известной проблемой “первой вестернизации” московской городской жизни, связанной с приездом сюда значительных групп иностранных специалистов в последней четверти XV – первой трети XVI в. (Беляев, 2005. С. 185–197; Подъяпольский, 2006. С. 219–312).

Рассуждая о возможном умножении надписей в связи с расширением грамотности, следует обратить внимание на ясные археологические указания гораздо более широкого употребления вербальной маркировки предметов именно в быту XVI–XVII вв. в сравнении с двумя-тремя предшествующими столетиями. Стоит учесть и возможную связь этого процесса с широким вхождением в употребление сравнительно дешевого материала для письма, бумаги, венчаемое распространением в XVII в. печатной книги. Добавлю, что археологически подтверждается и наш тезис о распространении традиции пользоваться письменностью для маркировки бытовых предметов там, где письменность была более привычна жителям (Новоселова, 2004. С. 111–120). Думаю, что следует еще раз обратить внимание на обилие надписей на самых

тесно заполненных кладбищах в больших монастырях и приходских городских храмах (хорошие примеры обилия надписей дают, кроме Троице-Сергиева, московского Зачатьевского и других монастырей Центра, обители Севера, например Кириллов Белозерский монастырь (Папин, 2006)).

Обдумывая генезис надписей на плитах Москвы, С. Франклин предлагает также сопоставить его с усилением влияния Запада в тот период, когда на плитах Западной Европы текст становится уже обязательным компонентом. Он пишет: “Может быть, следовало бы обратить внимание на внешние стимулы и предположить, что использование письма отражает некоторые (изначально ограниченные) влияния западноевропейской традиции? Сам анализ форм и орнаментов надгробных плит, проведенный Беляевым, убедительно демонстрирует их принадлежность к той же группе и их генетическую связь с Западной Европой, так что было бы естественным распространить эти связи также и на традицию вербальной надписи (если не самих формуляров)”.

Идея возможности влияния уже развитой западной традиции надписного надгробия на русский материал выглядит, действительно, заманчиво. Она хорошо сочетается с возможным временем появления первой более-менее многочисленной серии погребений иноземцев в Москве (группы мастеров из Италии прибывали сюда с конца 1470-х годов). Кроме того, западное воздействие заметно в орнаментике московских надгробий в XVI в. Однако на уровне текстов и их оформления такая гипотеза поддержки пока не находит: среди известных надписей на иностранных языках вплоть до первой трети XVI в. надгробных нет, а когда они появляются, то всегда выполнены строго по “московской модели”, отличаясь только языком и присутствием благопожелательной формулы. Можно говорить об отсутствии западного влияния в традиции надписывать плиты достаточно уверенно, поскольку известно, в какой форме выражалось такое влияние на соседних славянских землях, в Украине и Беларуси, где часто встречаются явно западные новшества: указание года смерти от Рождества Христова и нанесение надписи по периметру плиты. Восточнее Киева и Мстиславля ни того, ни другого мне неизвестно (Беляев, 2006).

Вообще, сопоставления с западным материалом в области письменной культуры нужно делать с большей осторожностью, чем в области технических и формальных заимствований. Культурные процессы в Европе и в Московии не были параллельны ни хронологически, ни даже стадийно; языковая ситуация Москвы XV–XVII вв. иная, чем во Франции или Германии IX–XII веков: в католических странах, где язык надгробных надписей Средневековья – латынь, употребление их, дей-

ствительно, не могло существенно выходить из пределов самого привилегированного слоя, и разрыв в степени грамотности (в широком понимании этого слова) должен быть более значительным, чем на Руси. Важнее было бы предпринять сравнительный анализ развития лапидарной эпиграфики в западных и восточных землях Древней Руси в послемонгольский период, с XIII в. до, по крайней мере, XVI в. Но для этого необходимо иметь гораздо больше данных о надгробных надписях Украины и Беларуси, которые пока представлены крайне скудно.

Последняя по счету, но не по значению задача лапидарной эпиграфики, которую хотелось бы выделить, это изучение “технических”, прежде всего буквенных, пометок на плитах. Их целенаправленный сбор – задача не менее важная, чем изучение парадных формулярных текстов. Именно они, думаю, помогут прояснить функцию надписи; узнать, как относились к ним современники. Среди черновых пометок можно выделить, по крайней мере, два типа: предварительные записи, близкие к будущему полному тексту на плите, которые мы пока воспринимаем как информацию, на которую резчик ориентируется при исполнении белой надписи. Таких записей довольно много, укажем, например, по одной в коллекциях Зачатьевского монастыря рис. 1; 2 (Беляев, Кренке, 2006) и храма Николы Большой Крест на Ильинке (надгробие младенца Г.И. Собычакова, 1584 г. См.: Векслер, Беркович, 2006). Обращает на себя внимание, что такая надпись может идти (как в случае с камнем с Ильинки) вокруг всего камня, а иногда повторяться несколько раз (включая случаи, когда она повторяется на одной стороне). Мы не знаем, кто “технически” нарезал эти надписи в каждом отдельном случае, ремесленник, заказчик или его представитель.

Другие граффити связаны не только с исполнением надписей, но также с выбором, оплатой и доставкой плит; они родственны владельческим и наносятся, видимо, заказчиками (собственниками) плиты. В последние годы репертуар таких надписей расширился. Например, на обороте надгробного камня середины XVI в. из Зачатьевского монастыря, с искусно выполненной записью о смерти “Олексеевского попа” (рис. 3), найдена размашисто, уверенно прочерченная пометка “*наша*” (рис. 4), по-видимому, она отмечает выбранную семьей покойного в монастырской или иной мастерской “цку”. Думаю, что подтверждению прав владельца плиты служат граффити на лицевой или боковой стороне, содержащие только имя (пример: мелкая, но точно начерченная надпись над верхней строкой надгробия Беклемишева (?) 1537/38 г., также из Зачатьевского монастыря: “М[и]хаїлов(?)[а]” (рис. 5); напомним в этой связи широко известную плиту с граффити “Мавра” из Зарядья). Довольно часто встречаются граффити

нечитаемые или нанесенные уже после того, как плиту уложили на могилу, возможно не связанные с самим погребением (рис. 6, 7). Все они также нуждаются в фиксации и публикации.

Завершая обзор современного состояния дел в области лапидарной эпиграфики, отмечу, что до сих пор не составлено палеографическое руководство для надписей на плитах XV–XVII вв. Таков круг задач археологии, связанных с областью лапидарной эпиграфики Московской Руси, которые, надеюсь, удастся решить в ближайшие годы, в ходе формирования общего свода древнерусского каменного надгробия.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “Русская культура в мировой истории”. Проект “Материальная культура и художественная среда Московской Руси”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ариховский А.В. Надписи, найденные на Метрострое // По трассе Первой очереди Московского метрополитена. Л., 1936.
- Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие: Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996.
- Беляев Л.А. От Ивана III к Петру Великому: “московская культурная модель” в эпоху ранней глобализации (архитектурно-археологическая версия) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 1. М., 2005.
- Беляев Л.А., Кренке Н.А. Монастырский некрополь XVI–XVII вв.: плиты из Зачатьевского монастыря (предварительная публикация работ 2003–2004 гг.) // РСН. 2006.
- Векслер А.Г., Беркович В.А. Монастырские и церковные кладбища XVI–XVII веков: плиты из сборов Центра археологических исследований г. Москвы (1989–1997 гг.) // РСН. 2006.
- Вишневский В.И. Новые находки средневековых надгробий некрополя Троице-Сергиева монастыря // Тр. по истории Троице-Сергиевой Лавры. М., 1998.
- Вишневский В.И. Средневековые белокаменные надгробия некрополя Троице-Сергиева монастыря (находки 1998–1999 гг.) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения 2000. М., 2000.
- Вишневский В.И. Об одном типе надписей на надгробиях Троице-Сергиева монастыря // РСН. М., 2006.
- Гиришберг В.Б. Надписи из Георгиевского монастыря. (По материалам наблюдений Музея истории и реконструкции Москвы. 1949 г.) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Вып. 5. М., 1954.
- Гиришберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 1. М., 1960.
- Гиришберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 3. М., 1962.

- Новоселова Т.Н.* Надписи-граффити на керамической посуде Троице-Сергиева монастыря (по материалам археологических раскопок 1999–2001 гг.) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2004.
- Папин И.В.* Некрополь Кирилло-Белозерского монастыря // РСН. М., 2006.
- Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Подъяпольский С.С.* Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы. М., 2006.
- Преображенский А.С.* Ктиторские портреты средневековой Руси и их воздействие на русскую иконографию (XI–XV вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черношвитов П.Ю. и др.* Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005.
- Франклин С.* К вопросу о предыстории русских надписных надгробий // РСН. М., 2006.
- Шеляпина Н.С.* Надгробия XIII–XIV вв. из раскопок в Московском Кремле // СА. 1971. № 3.
- Шеляпина Н.С.* Надгробия митрополитов Киприана и Фотия в Успенском соборе Московского Кремля // СА. 1973. № 4.
- Шокарев С.Ю.* Московский некрополь XV – начала XX в. как социокультурное явление (источниковедческий аспект). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Щепкин В.Н.* Описание надгробий (Собрание 1-е) // ОИМ за 1906 год. Прилож. М., 1907.
- Щепкин В.Н.* Описание надгробий (Собрание 2-е) // ОИМ за 1911 год. Прилож. М., 1913.
- Biddle M.* The Tomb of Christ, Phoenix Mill. 1999.
- Constructions of Death, Mourning, and Memory. Conference at Woodcliff Lake. Woodcliff Lake, 2006.*
- Decorations of the Holy Dead: Visual Embellishments on Tomb and Shrines. Turnhout, 2002.*
- Geary P.J.* Living with the Dead in the Middle Ages. Ithaca; L., 1994.
- Hallam E., Hockey J.* Death, Memory and Material Culture. 2001.
- Franklin S.* On the Pre-History of Inscribed Gravestones in Rus' // Palaeoslavica. 2002. V. X. № 1.
- Kaiser D.H.* Discovering Individualism Among the Deceased: Gravestones in Early Modern Russia // Modernizing Muscovy: Reform and Social Change in Seventeenth-Century Russia. L., 2004.
- Llewellyn N.* The Art of Death. Visual Culture in the English Death Ritual c. 1500-c. 1800. L., 1991.
- Llewellyn N.* Funeral Monuments in Post-Reformation England. Cambridge, 2000.
- Williams H.* Death and Memory in Early Medieval Britain. Exeter, 2006.
- Paxton F.S.* Christianizing Death. The Creation of a Ritual Process in Early Medieval Europe. Ithaca; L., 1990.
- Platt C.* King Death. The Black Death and its aftermath in late-medieval England. Toronto, 1996.

Current studies of the inscribed gravestones of the 15th – 17th-century Moscow

L. A. Beliaev

Summary

The article is devoted to the debates unfolding around the origin and purpose of the inscriptions on whitestone Muscovite gravestones of the end of the 15th–17th cc. Special attention is paid to graffiti and functional inscriptions which indicate the owners of the gravestones or the right of ownership to the grave. New data from the author's excavations at the Monastery of the Conception is published.

АХЕМЕНИДСКАЯ ЭМАЛЬ ИЗ ФИЛИППОВКИ (ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКА)

© 2007 г. А. С. Балахванцев*, Л. Т. Яблонский**

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

** Институт археологии РАН, Москва

В № 3 “Советской археологии” за 1957 г. была опубликована статья блестящего специалиста в области сарматоведения Константина Федоровича Смирнова (1957), в которой были сформулированы проблемы, на много лет вперед определившие основные направления отечественной сарматской археологии. В ряду этих проблем не последнее место занимали вопросы, связанные с хронологией памятников раннесарматского времени Южного Приуралья. За прошедшие 50 лет, благодаря усилиям самого Константина Федоровича и поколений ученых, принадлежащих к его школе, в области раннесарматской археологии были достигнуты огромные успехи как в накоплении базы данных, так и в их всестороннем анализе (сводку данных см. Мошкова, 1997). Определенным прорывом в этом плане можно считать раскопки в Южном Приуралье двух последних десятилетий. Это и исследование целого археологического микрорайона в левобережье Илека (Яблонский, 1993; 1994; 1995; 1996), и исследование эпонимного для сарматской археологии могильника у дер. Прохоровка в Оренбургской области (Яблонский, Мещеряков, 2006), и раскопки могильника у с. Филипповка, расположенного на водоразделе рек Урал и Илек.

Археологические материалы из знаменитого Филипповского могильника пока полностью не опубликованы. Но уже появившиеся в печати материалы (Пшеничнюк, 1989; 2001а; б; 2003; The Golden Deer..., 2000) не вызывают никаких сомнений в том, что этот замечательный памятник имеет ключевое значение для понимания и решения проблемы времени и обстоятельств формирования раннесарматской (прохоровской) культуры. Для решения этой проблемы принципиальное значение имеет и абсолютная датировка отдельных курганов и могильника в целом.

Раскопки Филипповского могильника, возобновленные Приуральской экспедицией ИА РАН в 2004 г., сразу дали новые и подчас сенсационные находки. Некоторые из них, безусловно, могут способствовать уточнению хронологии памятника. Значение таких находок далеко выходит за рамки проблематики собственно Филипповского могильника. Выводы, полученные при их изуче-

нии, могут быть учтены и при анализе синхронных комплексов, уже давно известных в сарматской археологии Южного Приуралья (Мошкова, 1962; Смирнов, 1964; Мошкова, 1974; Пшеничнюк, 1983; 1995).

Настоящая работа посвящена специальной публикации лишь одной из таких находок.

В 2005 г. экспедиция исследовала курган 15 Филипповского могильника, расположенный в центральной части памятника. Высота насыпи кургана превышала 2,5 м, а диаметр – около 60 м. У южной полы насыпи, на поверхности древней почвы, были расчищены два мощных скопления лошадиных костей. Под центральной частью насыпи было расчищено коллективное захоронение, совершенное на поверхности древнего горизонта. В центре погребальной композиции, на поверхности погребенной почвы располагался прямоугольный в плане глиняный жертвенник, символизирующий домашний очаг. Его поверхность в центральной части носила следы прокала и была обуглена – следы возжигания огня. У подножия очага были найдены ритуальные подношения – россыпи красного реальгара и антрацита, а также отдельные предметы: обломки железных кинжалов, алебастровая крышка от сосуда, золотая накладка от деревянной чаши и др.

Вокруг очага на поверхности погребенной почвы было расчищено 10 скелетов. Четыре из них располагались к северу от очага, парами, головами друг к другу, еще пара – к западу от очага, три скелета лежали в ряд с восточной от очага стороны, еще один скелет, находившийся в восточной части композиции, был представлен черепом и несколькими перемещенными костями (рис. 1). Все погребение было перекрыто радиально лежащими бревнами, которые не носили следов огня.

Из предметов сопровождающего инвентаря отметим массивный железный наконечник копья, многочисленные золотые, каменные и стеклянные бусы, бронзовые наконечники стрел, бронзовое зеркало, каменные оселки, железные ножи и др. Все эти предметы имеют типологические аналогии в других курганах могильника, раскопанных в 2004–2005 гг.

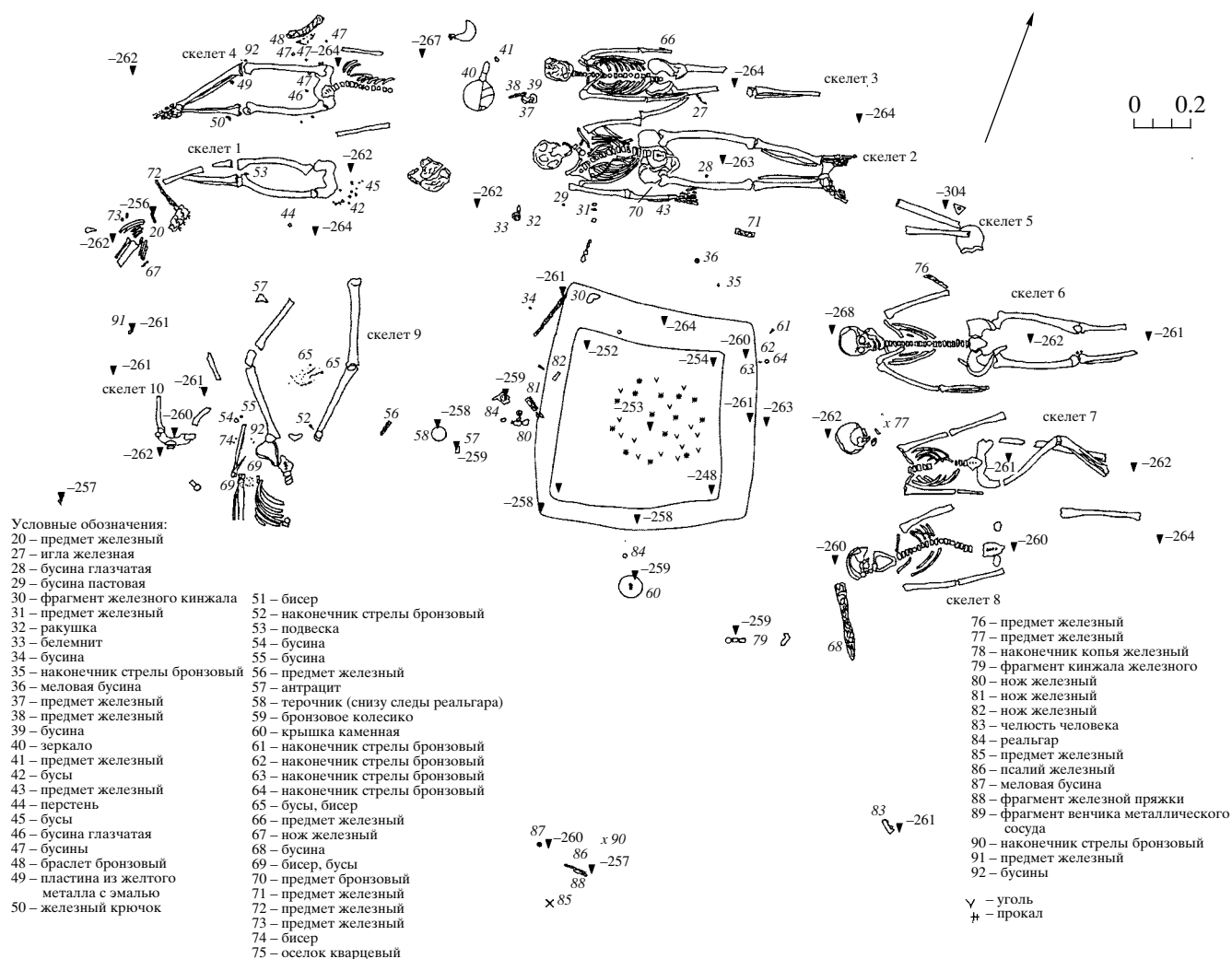

Рис. 1. Могильник Филиповка 1, курган 15, погребение 1: общий план.

Погребенная, от которой остался скелет № 4 (женщина зрелого возраста)¹, лежала на спине, головой на восток. Ноги сведены в стопах. Руки, очевидно, располагались вдоль тела. В районе ее правого коленного сустава² была обнаружена золотая пластина почти квадратной формы с размерами $1.7 \times 1.6 \times 0.3$ см (рис. 2; 3). Наличие припаянных к верхней и нижней граням пластины соответственно двух и одной цилиндрических петелек свидетельствует в пользу того, что некогда данный предмет являлся звеном в каком-то сложносоставном, возможно нагрудном, украшении. В центре лицевой стороны пластины находится золотое плоское изображение обращенной вправо полу-

фигуры бородатого человека в ахеменидском каннелированном головном уборе. Волосы на затылке собраны в валик. Персонаж облачен в просторное, с широкими рукавами персидское одеяние, гладкое выше пояса и собранное в складки в нижней части. Левая рука поднята в жесте поклонения или приветствия, правая, по-видимому, сжимает цветок. Остальная часть лицевой пластины занята эмалевым фоном, выполненным в технике клуазонне, или перегородчатой эмали. Суть данного способа состоит в том, что золотая поверхность пластины делится при помощи припаянных³ или

¹ Определение пола и возраста погребенной в поле выполнено Л.Т. Яблонским.

² Скелет был найден в полуразрушенном состоянии. Поэтому местонахождению предмета не стоит придавать принципиального значения (весьма вероятно, что уже после совершения захоронения он был перемещен).

³ Для паяния перегородок применяются припой, обладающие более высокой температурой плавления, чем температура обжига эмали на металле (Варгин и др., 1965. С. 310). Следует, впрочем, заметить, что если композиция рисунка проста, то можно обойтись без припайвания перегородок, так как их соединение с эмалью, а эмали – с металлом пластины является достаточно прочным (Litvinsky, Pichikjan, 1995. Р. 211).

Рис. 2. Могильник Филипповка 1, курган 15, погребение 1: золотая пластина с двумя ушками в верхней части, входившая в состав какого-то украшения (см. цветную вклейку № 3).

прикрепленных⁴ к ней перегородок на отдельные участки, которые и создают контур рисунка, а затем заполняются эмалью до верхнего края перегородки. После обжига эмалированная поверхность шлифуется так, чтобы слой эмали лежал с перегородками в одной плоскости (Кондаков, 1892. С. 3; Варгин и др., 1965. С. 309; Бреполь, 1986. С. 96).

На филипповской пластине идущий по ее периметру бортик создает внешний контур, в который вписан круг. В нижней части последнего находится полумесяц, служащий опорой для центрального персонажа. Полумесяц заполнен белой эмалью, покрытой многочисленными лиловыми пятнами, весь остальной эмалевый фон выдержан в бело-

⁴ В качестве клея используется сок астрагала или айвы (Бреполь, 1986. С. 25).

голубом. Сохранность пластины далека от идеальной: у центрального персонажа сильно пострадали тиара и руки, из-за многочисленных отслоений эмали поверхность приобрела неровный, бугристый характер, в ряде мест эмаль полностью утрачена и виден лежащий под ней коричневатый слой⁵. Не исключено, что из-за многовекового пребывания в земле мог измениться и цвет эмалевого покрытия (Кондаков, 1892. С. 98, 99).

Представленный на филипповской пластине сюжет неоднократно встречается на печатях (Pope, 1938. Pl. 123, K; Schmandt-Besserat, 1978. P. 51. № 59. P. 64. № 70⁶; Curtis, Tallis, 2005. P. 158, 159. № 202, 203. P. 228, 229. № 413) и буллах ахеменидского времени (Schmidt, 1957. P. 8. Pl. 6. № 15–18). Однако наиболее близкими аналогиями – как в сюжетном плане, так и по использованию клуазонне⁷ – являются два произведения ахеменидского ювелирного искусства: пара золотых медальонов из Суз, обнаруженная экспедицией Ж. де Моргана в 1901 г. (Curtis, Tallis, 2005. P. 174, 175. № 271), и пара золотых серег, одна из которых хранится в Музее Изящных Искусств Бостона, а другая – в коллекции Н. Шиммеля (Shahbazi, 1980. P. 124. Fig. 3). На лицевой стороне обоих изделий расположены по шесть заключенных в круг фигурок, полностью совпадающих с филипповской.

⁵ Определить в полевых условиях химический состав этой массы не представлялось возможным. Хотелось надеяться, что филипповская эмаль еще привлечет к себе внимание специалистов в области изучения древних производств.

⁶ В последнем случае персонаж держит в левой руке кольцо.

⁷ Информация об изделиях с перегородчатой эмалью ахеменидской эпохи собрана и проанализирована Б.А. Литвинским (Litvinsky, Pichikjan, 1995. P. 216, 217). Для филипповской эмали наиболее близкой в территориальном отношении является находка золотой пластины с изображением бактрийца, ведущего верблюда, сделанная при раскопках храма Окса в Южном Таджикистане (Litvinsky, Pichikjan, 1995. P. 198. Fig. 2).

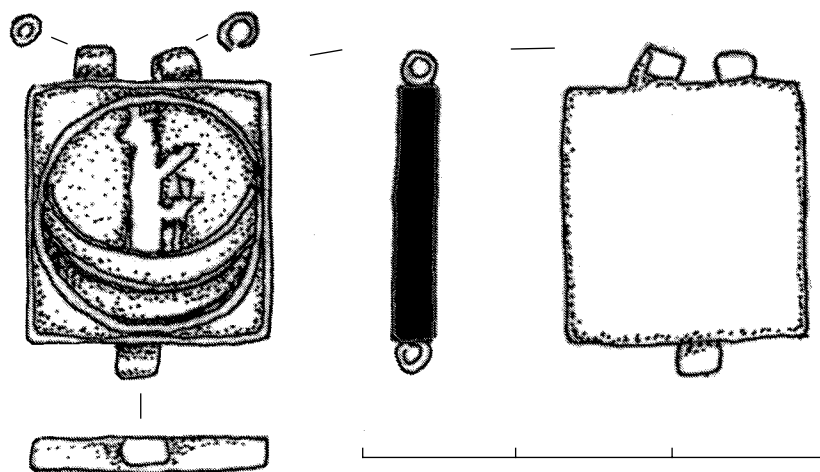

Рис. 3. Могильник Филипповка 1, курган 15, погребение 1: золотая пластина (прорисовка).

Рис. 1 (ст. Пилипко)

Рис. 2 (ст. Пилипко)

Рис. 2 (ст. Балахванцева, Яблонского)

Рис. 8 (ст. Храпунова)

Рис. 10 (ст. Храпунова)

Рис. 4. Буллы эпохи Ксеркса из Персеполя: 1 – № РТ4 444; 2 – № РТ4 704 (по: Schmidt, 1957).

Кого же изображает эта фигура, словно вырастающая из полумесяца? Ответить на этот вопрос непросто. Еще О. Дальтон не смог сделать окончательного выбора между царем и божеством (Dalton, 1964. Р. 31). Некоторые авторы видели в нем верховное божество зороастрийцев – Ахурамазду (Schmidt, 1957. Р. 25; Schmandt-Besserat, 1978. Р. 51, 64; Зеймаль, 1979. С. 63), а другие – бога луны (Никולי, 1994. ILL. № 405, 406). Ш. Шахбази, проанализировав изображение на золотых серьгах, пришел к выводу, что шесть персонажей, окружившие вырастающую из составного символа лунного полумесяца и солнечного диска центральную фигуру с двумя парами крыльев, представляют собой главы шести великих фамилий Ирана, происходящих от сообщников Дария I, при помощи которых он убил мага Гаумату (Schahbazi, 1980. Р. 125, 126). Данную точку зрения восприняла и М. Бойс (Boyse, 1982. Р. 93, 94)⁸, однако всеобщего признания она явно не получила (Moorey, 1978. Р. 146–148; Curtis, Tallis, 2005. Р. 151).

Переходя к оценке приведенных мнений, следует заметить, что ни с одним из них нельзя согласиться. Персонаж на полумесяце явно не может быть Ахурамаздой, так как на всех ахеменидских печатях, где он присутствует вместе с фигурой божества, вырастающей из крылатого диска, последняя всегда находится выше. Предположение о том, что перед нами бог луны – Māh, опровергается фактом существования ювелирных изделий, на которых представлены сразу шесть абсолютно идентичных изображений. Что же касается теории Ш. Шахбази, то нам кажется абсолютно невероятным, чтобы Дарий I, именовавший в Бехистунской надписи своих соратников Видарну (DB II. 19, 20), Виндафарну (DB III. 84, 85) и Гаубаруву (DB V. 7, 8) “рабами”⁹, позволил изображать их самих или их

потомков в образе божества, чего не делалось даже в отношении царей (Moorey, 1978. Р. 147). Вместе с тем именно рассмотренный Ш. Шахбази сюжет позволяет прийти к определенному выводу относительно идентификации божества на полумесяце. Учитывая, что центральный персонаж с двумя парами крыльев является простым вариантом “ахеменидского символа” с одной парой крыльев (Moorey, 1978. Р. 148), его можно уверенно отождествить с Ахурамаздой¹⁰. Но тогда следует признать, что каждая фигура на полумесяце с цветком в руке – и на золотых серьгах, и на филипповской пластине – изображает одного из шести Амеша Спента – “Святых Бессмертных”¹¹, ближайших помощников Ахурамазды¹². Наличие полумесяца хорошо объясняется тем, что луна являлась одним из мест пребывания Амеша Спента (Schwartz, 1985. Р. 678).

Для того чтобы уточнить датировку филипповской эмали в рамках ахеменидского периода, следует обратить внимание на два обстоятельства. Первое связано с определенными изменениями в

¹⁰ Как и М.А. Дандамаев (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 327. Прим. 21), мы не считаем, что “ахеменидский символ” можно идентифицировать в качестве фарна (Schahbazi, 1980. Р. 126). Принятию концепции иранского исследователя мешает отсутствие ответа на вопрос: почему на рельефах Дария I вместо десятки раз названного по имени Ахурамазды изображается только фарн, который царем вообще ни разу не упоминается?

¹¹ О них см.: Boyse, 1985. Р. 933–936; Лелеков, 1987. С. 67; Чунакова, 2004. С. 24–26.

¹² Ш. Шахбази выступает против такой идентификации, указывая на то, что половина Амеша Спента была женскими божествами (Schahbazi, 1980. Р. 124). Действительно, в ряде мест Младшей Авесты (Ясна 39, 3) об Амеша Спента говорится как о мужских и женских божествах, однако в других (Ясна 28,0; 37,4; 70,1) о гендерной принадлежности “божественных сущностей” нет никаких упоминаний (Humbach, 1991. Р. II; Р. 236). Наиболее же существенным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что в ахеменидскую эпоху в принципе не существовало общеобязательного и единого зороастрийского канона (Фрай, 1972. С. 162), на который были бы вынуждены ориентироваться ремесленники.

⁸ Вместе с тем в другом месте своей работы М. Бойс связывает фигуру на полумесяце с царем и его фарном (Boyse, 1982. Р. 115, 116).

⁹ Дарий использовал термин *banda*, что означает “раб, зависимый” (Дандамаев, Луконин, 1980. С. 167).

иконографии Ахурамазды. Если при Дарии I, судя по рельефам¹³ из Бехистуна (Curtis, Tallis, 2005. P. 22. Fig. 6) и Накш-и Рустама (Schmidt, 1970. P. 85), а также глиптике (Воусе, 1982. P. 101), в правой руке божества всегда находилось кольцо, то при Ксерксе и его преемнике Артаксерксе I ситуация начинает меняться: в одних случаях (дворец Ксеркса, рельефы из гробниц) Ахурамазда по-прежнему держит кольцо (Schmidt, 1953. Pl. 160), в других (Стоколонный зал) – цветок (Curtis, Tallis, 2005. P. 76. Fig. 38). Вместе с тем наиболее ранние буллы, (рис. 4) на которых персонаж на полумесяце также держит цветок (РТ4 444, РТ4 759), относятся к 19-му году правления Ксеркса, т.е. к 467/466 гг. до н.э. (Schmidt, 1957. P. 25). Все это вместе взятое позволяет предположить, что филипповская эмаль не может быть значительно старше середины V в. до н.э. Затем необходимо иметь в виду, что филипповская пластина вряд ли могла попасть на Южный Урал после отпадения от державы Ахеменидов Хорезма, через территорию которого в степи и шел основной поток вещей переднеазиатского и египетского происхождения (Савельева, Смирнов, 1972. С. 110, 118. Рис. 7). Приобретение же Хорезмом независимости следует датировать не позднее конца V в. до н.э. (Балахванцев, 2006). Таким образом, филипповская эмаль, скорее всего, относится к середине – второй половине V в. до н.э.

Среди инвентаря, сопровождавшего захороненных в погребении 1 кургана 15, в контексте хронологической атрибуции этого погребения отметим фрагменты железных кинжалов с почковидными перекрестиями (рис. 5, 6). Такие кинжалы в памятниках Южного Приуралья датируются обычно в пределах V в. до н.э. (Смирнов, 1961).

Исключительный интерес представляют фрагменты железного чекана, от которого сохранились обух и ударник (рис. 5, 7). Ударник имеет коническую в профиль форму, в сечении ромбовидный. Обух сохранился вместе с верхней частью втулки. Изделие украшено рельефом в “зверином стиле” и представляет собой изображение стоящего и опустившего голову вниз хищника, вероятно медведя. Из-за сильной коррозии детали чекана изображение до проведения реставрации не может быть точно описано. В районе лопатки хищника, из-под слоя ржавчины видна плоская тонкая проволока из желтого металла.

Бронзовые предметы в виде колесиков (рис. 5, 1) часто встречались в филипповских курганах и других памятниках Южного Приуралья. Подобные им известны, в частности, в Блюменфельдском мо-

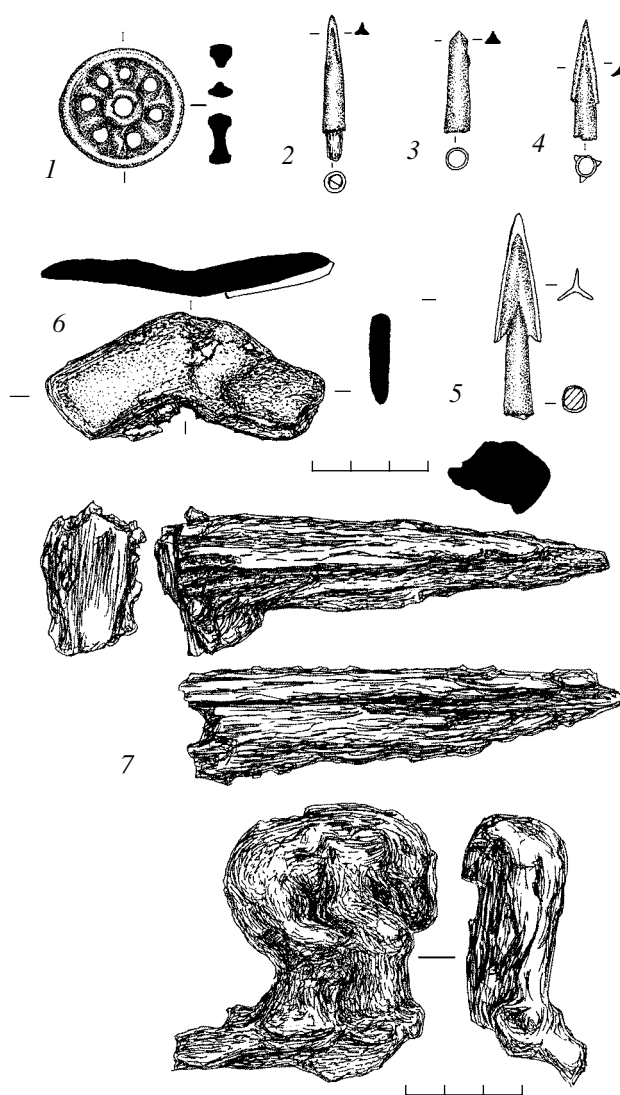

Рис. 5. Могильник Филипповка 1, курган 15, погребение 1. 1 – колесико-амулет; 2–5 – наконечники стрел; 6 – перекрестие кинжала; 7 – обломки клевца. (1–5 – бронза; остальное – железо).

гильнике (курган А12), который К.Ф. Смирнов (1964. Рис. 11А, 8) относит к концу VI – началу V в. до н.э. В принципе он датировал время бытования таких колесиков широко – VI–IV вв. до н.э., типологически относя их, однако, к савроматскому, а не к раннесарматскому периоду (Смирнов, 1964, с. 146)¹⁴.

Наконечники стрел из погребения 1 (рис. 5, 2–5) – все бронзовые, втульчатые, разнотипные. Один из

¹³ Мы не останавливаемся здесь на рельефах из Центрального дворца Персеполя (Schmidt, 1953. Pl. 75–79), так как если по мнению одних исследователей (Schmidt, 1953. P. 107; 1970. P. 80; Медведская, 2004. С. 688) он относится к Дарию I, то другие авторы (Calmeier, 1976. S. 71–76; Schahbazi, 1980. P. 136) приписывают его Артаксерксу I.

¹⁴ К.Ф. Смирнов рассматривал эти предметы в качестве амулетов, связанных с солярными культами, которые подвешивали к оружию, к костюму или надевали на шею (Смирнов, 1964. С. 146). Заметим в связи с этим, что в филипповских курганах в центральных отверстиях колесиков часто находили остатки деревянных палочек, по-видимому, изображавших ось колеса.

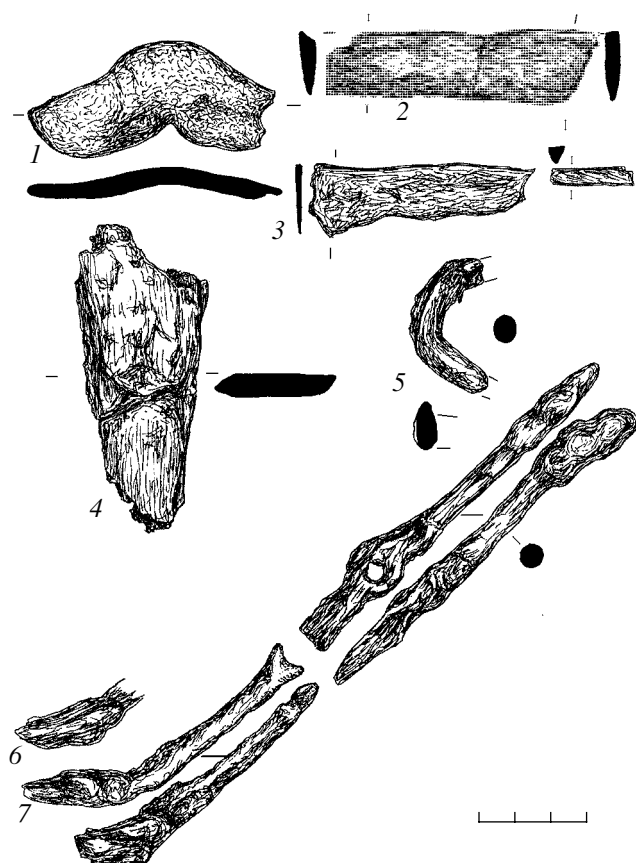

Рис. 6. Могильник Филипповка 1, курган 15, погребение 1. 1 – перекрестие кинжала; 2, 3 – фрагменты ножей; 4 – фрагмент клинка кинжала; 5 – фрагмент пряжки; 6, 7 – фрагменты псалиев (все железо).

них – крупный, с длинной выступающей втулкой, широкими лопастями и подтреугольной в профиль головкой, со слабо выделенным приостренным бойком (рис. 5, 5). По классификации К.Ф. Смирнова (1961. Табл. III) такие формы попадают в серию, которая датируется V в. до н.э. (1961. Табл. III, 15), два других – пулевидные (рис. 5, 2, 3), по классификации Смирнова (1961. Табл. IV) могут датироваться V или IV вв. до н.э. (тип Г1 Д1), и еще один (рис. 5, 4) с выступающей втулкой и узкой треугольной головкой без выделенного бойка – V или IV в. до н.э.

Фрагменты железных стержневидных двудырчатых псалиев с расширениями вокруг отверстий (рис. 6, 6, 7) имеют окончания, оформленные (насколько об этом можно судить до реставрации) в виде копыт – признак, характерный именно для савроматской эпохи.

Объемная фигурка горного барана или козла, отлитая из бронзы (рис. 7), выполнена в реалистической манере и не имеет ничего общего с предметами в зверином стиле, характерном для раннесарматской эпохи, и напоминает образцы, свойственные более раннему времени. Филипповская

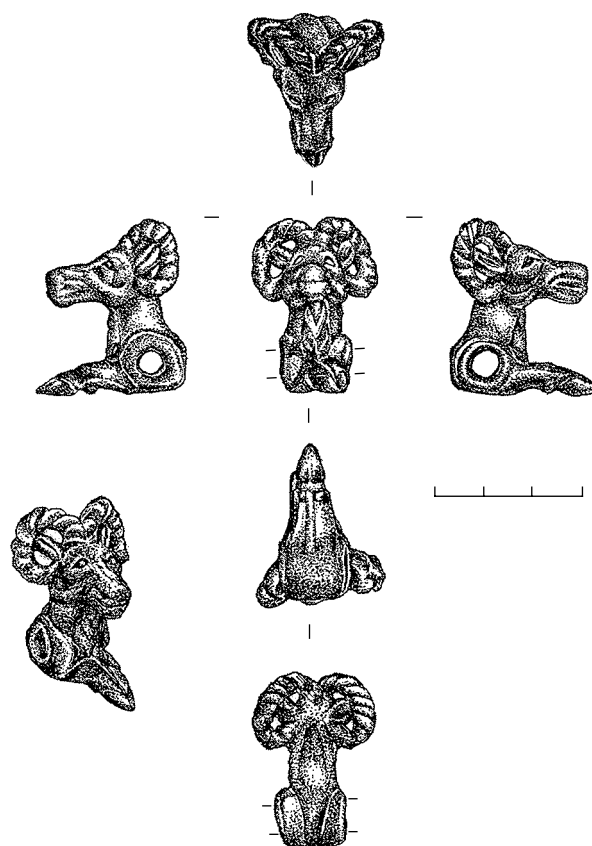

Рис. 7. Могильник Филипповка 1, курган 15, погребение 1. Объемная бронзовая фигурка горного барана или козла.

фигурка не имеет точных аналогий в сводке Е.Ф. Корольковой (2006). Однако по стилистике изображения головы животного и особенно его рогов она может быть сопоставлена с алтайскими образцами (2006. Табл. 11, 12), для которых не исключается дата даже в пределах VI в. до н.э.

Курган содержал впускные и, следовательно, относительно более поздние захоронения, в которых, в частности, были найдены вещи, выполненные в зверином стиле савроматской эпохи, включая серебряный литой крюк, представляющий синкретическое изображение головы пантеры и грифона. Стилистически Е.Ф. Королькова относит подобные изображения к группе орнаментированных имитаций кабаньих клыков (2006. Табл. 61), и для территории Южного Приуралья и Казахстана датировка большинства из них лежит в пределах V в. до н.э. (2006. С. 250).

Итак, нижняя дата кургана 15 могильника Филипповка 1 лежит в пределах V в. до н.э. (вероятно, второй его половины), а верхняя – в пределах IV в. (вероятно, первой его половины).

Таким образом, инвентарь кургана 15, имеющий широкий круг аналогий в памятниках Южно-

го Приуралья, в целом не противоречит дате, установленной для пластины с ахеменидской эмалью, и лишь подтверждает ее.

Дальнейшие исследования позволят синхронизировать курган 15 с некоторыми другими курганами Филипповского могильника и/или установить, что он является одним из наиболее ранних в этом некрополе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балахванцев А.С. К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект // ЗВОРАО. Т. 2 (в печати). СПб., 2006.
- Бреполь Э. Художественное эмалирование. Л., 1986.
- Варгин В.В. и др. Технология эмали и эмалирования металлов. М., 1965.
- Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979.
- Кондаков Н.П. История и памятники византийской эмали. Собрание А.В. Звенигородского. СПб., 1892.
- Королева Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2006.
- Лелеков Л.А. Амеша Спента // Мифы народов мира. Т. I. М., 1987.
- Медведская И.Н. Ахеменидское искусство // История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.
- Мошкова М.Г. (Отв. ред.) Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орск // МИА. № 115. М., 1962.
- Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мошкова М.Г. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. 2. Раннесарматская культура. М., 1997.
- Никулина Н.М. Искусство Ионии и Ахеменидов Ирана. М., 1994.
- Пиеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.
- Пиеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.
- Пиеничнюк А.Х. Раскопки “царского” кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа, 1989.
- Пиеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования // Золотые олени Евразии. СПб., 2001а.
- Пиеничнюк А.Х. Погребальный обряд Филипповских курганов // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001б.
- Пиеничнюк А.Х. Олени Филипповки // Золотые олени Евразии. СПб., 2003.
- Савельева Т.В., Смирнов К.Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. 1972. № 3.
- Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. № 3.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. М., 1961.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.
- Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.
- Яблонский Л.Т. (Отв. ред.) Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М., 1993.
- Яблонский Л.Т. (Отв. ред.) Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994.
- Яблонский Л.Т. (Отв. ред.) Курганы левобережного Илека. Вып. 3. М., 1995.
- Яблонский Л.Т. (Отв. ред.) Курганы левобережного Илека. Вып. 4. М., 1996.
- Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Раскопки курганов у д. Прохоровка (предварительное сообщение) // КСИА. 2006. Вып. 219.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism. V. II. Leiden; Köln, 1982.
- Boyce M. Amēša Spenta // Encyclopedia Iranica. V. I. L., 1985.
- Curtis J.E., Tallis N. Forgotten Empire. The world of Ancient Persia. L., 2005.
- Dalton O.M. The Treasure of the Oxus. L., 1964.
- Litvinsky B.A., Pichikjan I.R. Gold Plaques from the Oxus Temple (Northern Bactria) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. V. 2. Leiden, 1995.
- Moorey P.R.S. The Iconography of an Achaemenid Stamp-Seal Acquired in the Lebanon // Iran. 1978. V. XVI.
- Pope A.U. A survey of Persian art. V. IV. L.; N.Y., 1938.
- Schmandt-Besserat D. Ancient Persia: The Art of an Empire. Austin, 1978.
- Schmidt E.F. Persepolis. V. I. Chicago, 1953.
- Schmidt E.F. Persepolis. V. II. Chicago, 1957.
- Schmidt E.F. Persepolis. V. III. Chicago, 1970.
- Schwartz M. The Religion of Achaemenian Iran // CHI. 1985. V. 2.
- Shahbazi A.Sh. An Achaemenid Symbol: II. Farnah “(God given) Fortune” symbolised // AMI. 1980. Bd. 13.
- The golden deer of Eurasia. N.Y., 2001.

Achaemenid enamel from Filippovka and the chronology of the monument

A. S. Balakhvantsev, L. T. Yablonsky

Summary

In 2005, a gold cloisonné plate was discovered in mound № 15 of the Filippovka burial ground (Southern Urals). The male deity on a crescent depicted on the front side of the plate has been identified as one of the Amesha Spenta, the “Holy Immortals” who are helpers of Ahura Mazda. On the basis of Achaemenid analogies, and considering the fact that Iranian contacts with nomads of the Southern Urals ceased after Khorezm has fallen away from the Achaemenid state, the plate may be dated to the middle – second half of the 5th c. B.C., which corresponds with the other inventory of the burial.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТАРОЙ НИСЕ

© 2007 г. В. Н. Пилипко

Институт археологии РАН, Москва

Городище Старая Ниса, расположенное в Южном Туркменистане недалеко от Ашхабада в селении Багир, известно как выдающийся памятник парфянской культуры (рис. 1; 2). Раскопки городища ведутся давно, поэтому имеет смысл обозначить основные этапы в его изучении и обсудить главные их результаты.

Профессиональные раскопки Старой Нисы были начаты 29 июля 1930 г. экспедицией Института туркменской культуры под руководством А.А. Марущенко. Уже первый сезон исследований позволил документально установить аршакидский возраст памятника и ознаменовался обнаружением остатков монументальной архитектуры – Квадратного зала. Начальный цикл раскопок продолжался до 1936 г. По мнению руководителя работ, проведенные исследования подтвердили правильность более раннего, априорного предположения об отождествлении багирских городищ с Парфавнисой, упомянутой Исидором Харакским. О результатах своих раскопок в Багире А.А. Марущенко сделал сообщение на Третьем Международном конгрессе по иранскому искусству и археологии (Ленинград, 1935 г.). Несмотря на то, что доклад не был опубликован в итоговом сборнике, результаты раскопок городища Старая Ниса стали достоянием мировой научной общественности (Веймарн, Деннике, 1936; Дьяконов, Стрелков, 1936; 1937; Ackerman, 1936. Р. 49; Reuther, 1938. Р. 444).

Следующий цикл работ (1946–1967 гг.) связан с деятельностью Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР (ЮТАКЭ). В процессе этих исследований были продолжены раскопки архитектурных объектов, обнаруженных А.А. Марущенко, и сделаны новые выдающиеся открытия, изменившие общие представления о Нисе. Были найдены, а главное спасены знаменитые нисийские ритоны из слоновой кости, открыто большое собрание парфянских хозяйственных документов и много других замечательных вещей, сейчас хорошо известных по многочисленным публикациям (Массон, 1949; 1950; 1953; 1955; 1974; 1978; Массон, Пугаченкова, 1954; 1959; Пугаченкова 1958; 1967; Дьяконов, Лившиц, 1960; 1966; Diakonoff, Livshiz, 1976–1979).

На 80-е годы XX в. приходится третий период работ, ориентированный на полные раскопки Центрального комплекса. В решении этой задачи принимали участие несколько исследовательских групп: Парфянская экспедиция Института истории АН ТССР, под руководством В.Н. Пилипко (1988; 1996; 2001); экспедиция Института археологии АН СССР, под руководством Г.А. Кошеленко (Bader et al., 2002); экспедиция Ленинградского филиала того же института, под руководством В.М. Массона¹. Работы проводились достаточно интенсивно, но поставленная цель не была достигнута. Распад Советского Союза привел к прекращению финансирования этих исследований.

В 1990-е годы самостоятельные раскопки на Нисе стала проводить итальянские археологи из Туринского университета под руководством А. Инверници, ранее участвовавшие в нисийских исследованиях в составе экспедиции Г.А. Кошеленко. Эти работы можно выделить в четвертый период, но он был коротким, так как у итальянских археологов также возникли трудности с финансированием, и раскопки осуществлялись в очень ограниченных масштабах. Они были направлены на исследование Блока Круглого зала (БКЗ). Были извлечены остатки глиняной скульптуры из Круглого зала (Mollo, 1996) и проведены раскопки в пределах северного угла этого сооружения (Gabutti, 1996).

В 2000 г. фактически начался новый, пятый период исследований. На городище параллельно работают две экспедиции: итальянская, теперь уже возглавляемая К. Липполисом, и российская, под руководством автора.

Итальянская экспедиция все прошедшие семь лет занималась раскопками сооружения, расположенного в юго-западной части Центрального комплекса. Название этого объекта еще не устоялось. Сами итальянские исследователи предлагают называть его “Красным зданием”, считая его основной особенностью красные панели, обнаруженные в некоторых вспомогательных помещениях (но красные панели имеются и в Здании с Квадратным

¹ Материалы этих исследований остались неопубликованными. (Изложение общих их результатов см.: Пилипко, 2001. С. 103 и сл.).

Рис. 1. Старая Ниса. Общий вид.

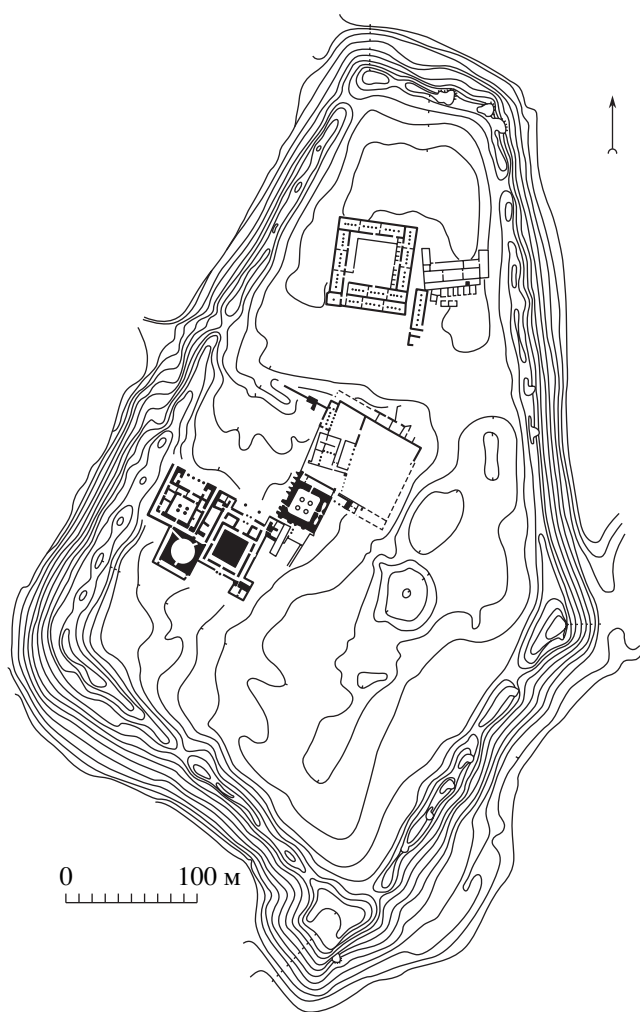

Рис. 2. Старая Ниса. Генеральный план.

залом – В.П.). Я предлагаю называть его Юго-западным сооружением (ЮЗС), в соответствии с его положением в структуре Центрального комплек-

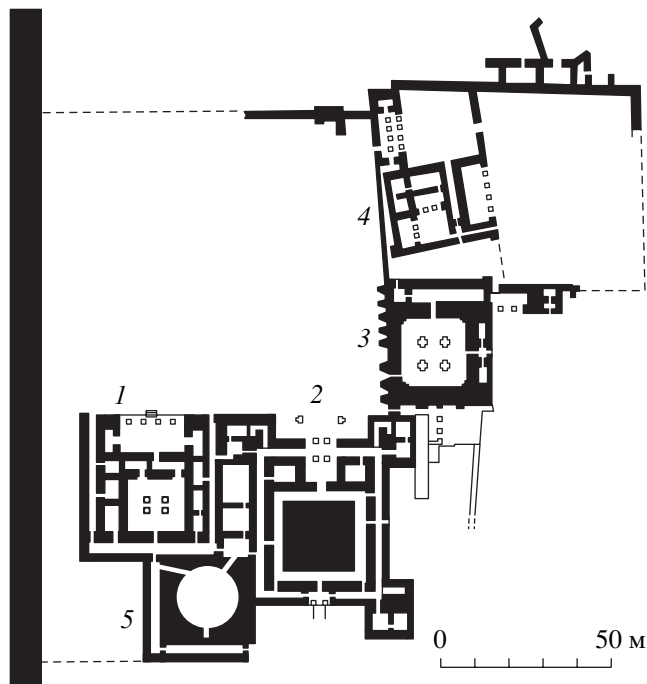

Рис. 3. Старая Ниса. Центральный комплекс (план составлен В.Н. Пилипко; использованы опубликованные материалы раскопок итальянской экспедиции (Lipolis, 2004)).

са, или Зданием с каменными панелями, именно каменные панели портика являются наиболее оригинальной его чертой. В структуре этого архитектурного объекта можно выделить три главные части (рис. 3). 1. Прямоугольный четырехколонный зал, занимающий середину постройки. 2. Узкий обводной коридор, отделяющий данный объект от остальных конструкций Центрального комплекса. 3. Монументальный колонный портик, открытый в обширный Главный двор, служивший композиционным центром всего Центрального комплекса. Помимо этих трех компонентов сооружение включало еще 10 помещений. Формально они П-образно обрамляют центральный зал и портик, но, на мой взгляд, не образуют самостоятельной структурной единицы. Два помещения располагались по сторонам портика и были его составными частями. Еще два разделяли зал и портик. Одно из них использовалось как тамбур между портиком и залом, а второе было связано только с залом. Шесть других помещений располагались вдоль коротких сторон зала, но функционально они были связаны с обводным коридором.

Планировка этого сооружения, в целом, обычна для древнеиранской и восточно-эллинстической парадной архитектуры. Исследователи объекта очень неопределенно характеризуют его как “парадное сооружение”, не уточняя датировки в пределах аршакидской эпохи. На основании поле-

Рис. 4. Башенное сооружение. Парадный портик. Фото 2006 г.

Рис. 5. Башенное сооружение. Фрагмент наборный терракотовой капители (см. цветную вклейку № 3).

вых наблюдений высказано предположение, что оно древнее, чем “Блок Круглого зала” (Lippolis, 2004).

Российская экспедиция все эти годы (начиная с 2001 г.) изучала расположенное рядом Башенное сооружение (БС). В результате длительных раскопок данного объекта (с 1934 г.) установлено, что это было наиболее крупное сооружение Центрального комплекса, вместе с угловыми башнями занимавшее участок размерами 66×60 м и достигавшее в древности в высоту не менее 12 м. Постройка была многоярусной. Со стороны центрального двора она воспринималась как двухэтажная, а с юга выглядела как трехъярусное сооружение. Высота нижнего этажа составляла около 7 м, а верхнего, вероятно, не менее 5 м. К двум этажам добавлялась высокая нивелировоч-

ная платформа, вблизи южного угла имевшая высоту около 4 м.

В наши дни сравнительно хорошо сохранился только цокольный этаж (рис. 3). В плане он представлял собой прямоугольник 48.5×41 м с выступающими по углам башнями однотипного устройства: внизу два служебных помещения и лестница, позволяющая подняться на второй этаж. Как и рядом расположенное Юго-Западное сооружение, Башенное сооружение открывалось в Главный двор большим парадным портиком шириной более 25 м и глубиной 7.5 м. Несохранившееся его перекрытие имело какое-то сложное устройство и поддерживалось оригинальными трехлопастными устоями (рис. 4). Верхние части стен и, возможно, потолок были украшены декоративной росписью. На оси входного портика располагался Вестибюль – второе большое нишеобразное углубление, из которого можно было попасть в прилегающие обводные коридоры. По всей вероятности, плоское перекрытие Вестибюля поддерживали четыре мощные колонны из обожженного кирпича. Наборные декоративные капители были раскрашены (рис. 5). Верхние части его стен также имели красочную декоративную роспись.

В Вестибюле смыкались концы наружного пояса обводных коридоров, достигавшего общей длины около 130 м. По сторонам Вестибюля располагались два вспомогательных помещения с изолированными входами, а в дальней его стене устроен вход во внутренний коридор. Последний был несколько шире внешнего (2.8 против 2.3 м) и обводил центральный сырцовый массив, имеющий в плане квадратные очертания (около 20 м в стороне) и высоту около 7 м.

С противоположной, юго-западной стороны здание имело второй вход, также оформленный в виде портика, но значительно более скромных размеров (пролет около 7 м). Его перекрытие поддерживали две кирпичные колонны с наборными терракотовыми капителями коринфского типа и базами аттического типа. Поскольку рассматриваемый портик располагался на краю сравнительно высокой платформы, от него к подножью здания вела специальная лестница. Через проем, устроенный в северо-западном наружном обводном коридоре, данный объект сообщался с рядом расположенным Блоком Круглого зала (БКЗ).

Помещения второго этажа Башенного сооружения практически не сохранились. При раскопках на вершине его руин обнаружены лишь жалкие остатки нескольких стен. Тем не менее археологи установили, что здесь располагались наиболее парадные помещения комплекса Нисы, украшенные колоннами, архитектурной терракотой, настенной росписью и скульптурой. Наряду с декоративной живописью, на стенах верхних помещений существовала сюжетная роспись, среди последней выделяется батальный фриз, представля-

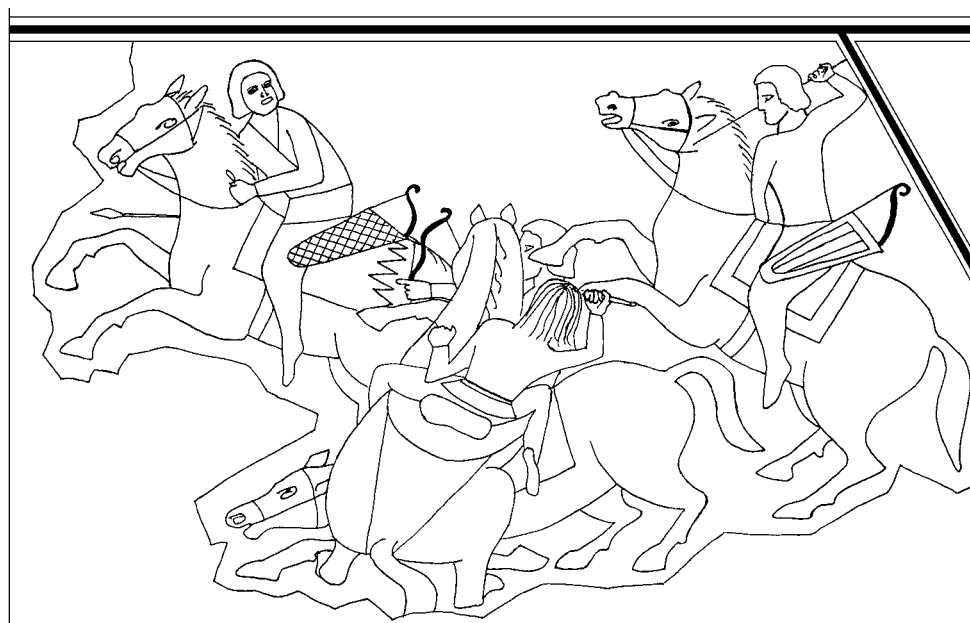

Рис. 6. Башенное сооружение. Фрагмент настенной росписи. “Всадник с копьем”.

ющий реальные или мифические победы парфян (рис. 6; 7).

Таким образом, за долгий период археологического изучения Нисы (76 календарных лет) ученые получили уже достаточно полную информацию об устройстве Центрального комплекса (рис. 2, 3). Он состоял из большого двора и пяти архитектурных сооружений, располагавшихся по его сторонам: Северо-Восточное сооружение, Здание с Квадратным залом, Башенное сооружение, Блок Круглого зала, Юго-Западное сооружение. Для Северо-Восточного сооружения еще возможны некоторые уточнения плана, но остальные объекты исследованы почти полностью, и, казалось бы, есть все предпосылки для выяснения функционального назначения Центрального комплекса и отдельных его составляющих. На деле же прогресс в археологическом изучении пока не привел к аналогичным достижениям в области интерпретации нисийских сооружений, чему препятствуют три обстоятельства. Во-первых, культура и в первую очередь архитектура Парфии изучены еще недостаточно полно, вследствие чего не хватает сравнительного материала даже для типологического определения нисийских сооружений. Во-вторых, нисийский комплекс уже при парфянах долгое время стоял пустым, предметы, связанные с его функционированием, из него были удалены, в распоряжении археологов оказалась только “голая” архитектура.

Наконец, существует третье обстоятельство. Над багирской Нисой уже три столетия витает фраза, оброненная около двух тысяч лет назад греческим географом Исидором Харакским о том, что в Парфии (Парфиене) есть город Парфавниса,

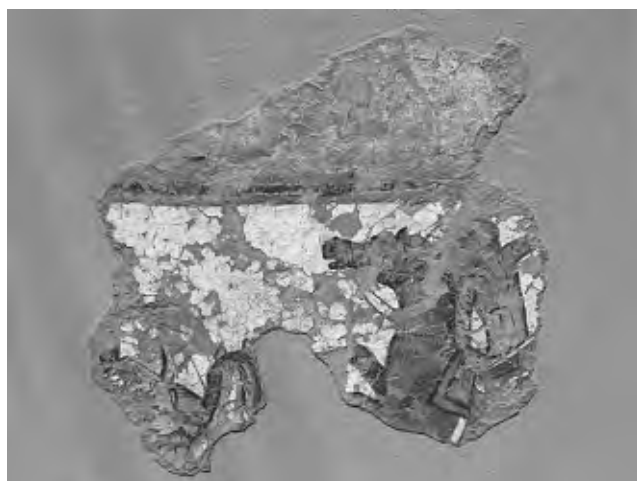

Рис. 7. Фрагмент настенной росписи “Всадник с копьем” (см. цветную вклейку № 3).

а в нем могилы парфянских царей. Несколько поколений востоковедов пытались установить местонахождение этой Нисы и таким образом определить место упокоения парфянских владык. Из текста Исидора следует, что Парфавниса, или просто Ниса (Нисайя), должна располагаться в треугольнике между Тегераном, Мервом (современный город Мары) и Гератом. Предлагалось несколько вариантов локализации этой легендарной Нисайи. В XX в., особенно после блестящих археологических открытий в Багире, утвердилось мнение, что расположенные здесь городища соответствуют Парфавнисе Исидора. Однако инакомыс-

лие не было искоренено. К числу диссидентов относится и автор этих строк. Я не возражаю категорически против этого отождествления, но не удовлетворен аргументами, приводимыми в его поддержку, точнее почти полным их отсутствием. Сторонники этой версии руководствуются больше верой, чем доказательствами. Между тем известные на сегодня факты плохо согласуются с этим предположением (Пилипко, 1989). По моему мнению, упомянутую Исидором Парфавнису, нужно искать в центральном Хорасане – на верхнем Атреке, около Мешхеда, знаменитого средневекового Туса, или Нишапура. Городища же, расположенные в Багире, были важными парфянскими центрами, несомненно связанными с деятельностью парфянских царей, но это была не Парфавниса. Необходимо учитывать, что из парфянских письменных документов, найденных на самой Старой Нисе, следует, что в I в. до н.э. это городище (или вся совокупность нисийских городищ – *В.П.*) называлась Михрдаткирт (Дьяконов, Лившиц, 1960. С. 22, 23). Топоним “Ниса” в этих документах вообще не упоминается.

В предлагаемой публикации недостаточно места для подробного рассмотрения этой проблемы, но все же отмечу, что при привлечении свидетельств Исидора Харакского обычно происходит методический сбой. Вместо того, чтобы заниматься независимым анализом архитектурных остатков, некоторые исследователи в каждом обнаруженном раскопках объекте прежде всего хотят видеть царскую гробницу. Между тем ни одна из известных нисийских построек не может быть типологически определена как погребальное сооружение. Ни одного человеческого захоронения парфянского времени в пределах Центрального комплекса не обнаружено.

Еще одно заблуждение, с которым я борюсь практически все время занимаясь нисийскими проблемами, – это определение застройки в центральной части городища как дворцово-храмового комплекса. Мне представляется странным утверждение о том, что один объект одновременно выполнял функции и некрополя и дворца. Я призываю сторонников этой версии конкретизировать свои представления о том, какие сооружения в пределах Старой Нисы они считают остатками дворца, а какие – некрополя и как эти объекты соотносятся хронологически.

Г.А. Пугаченкова как дворец определяла Северо-Восточное сооружение вкупе со Зданием с Квадратным залом (1958. С. 93). Как я постарался показать в своих публикациях (Пилипко, 1996; 2001), Здание с Квадратным залом и Северо-Восточное сооружение это рядом расположенные, но разные архитектурные объекты. Квадратный зал определенно не был приемным залом, а в Северо-

Восточном сооружении нет помещений, которые можно рассматривать как царские покои.

А. Инверницци рассматривает всю Старую Нису как царский дворец, но не дает ответа на вопрос, где конкретно обитал царь и почему этот “дворец” перенасыщен объектами культового характера (ЗКЗ, БС, БКЗ). У этого исследователя нет четкого представления о времени появления отдельных нисийских построек. В последних своих публикациях он склоняется к мысли, что древнейшим сооружением в пределах Центрального комплекса является Блок Круглого зала, определяемый как героон Митридата I (Invernizzi, 2001; 2004. Р. 139). Если принять это заключение, то получается, что БКЗ относится уже к постмитридатовской эпохе, а все остальные сооружения Центрального комплекса появились еще позднее (поскольку А. Инверницци не принимает вывода о его одновременном строительстве).

В публикациях А. Инверницци высказана еще одна оригинальная идея. Он считает, что Большой квадратный дом (БКД) первоначально строился и использовался как дворцовая трапезная, для всех обитателей Старой Нисы – Митридаткерта (Invernizzi, 2000). Однако это определение представляется несостоятельным. По своим архитектурным и функциональным характеристикам БКД не подходит для этих целей, поскольку имеет один единственный узкий вход, в котором непременно должны были сталкиваться слуги и гости. Для столь социально дифференцированного общества, как парфянское II века до н.э., трудно представить, что все посетители “столовой”, включая царя, располагались в однотипных, скромно оформленных помещениях. В качестве аналогий А. Инверницци ссылается на “банкетные залы” Македонии, но сходство ограничивается периметральным расположением помещений. Македонские трапезные имеют разновеликие залы, множество входов и обходных коридоров, позволяющих неприметно обслуживать знатных гостей (Hoepfner, 1996).

Наконец, по мнению ряда исследователей, в процессе использования назначение некоторых нисийских построек существенно изменилось. Приемный зал, по Г.А. Пугаченковой, на последних этапах своего функционирования был превращен в храм (1958. С. 93), а бывшая трапезная, по А. Инверницци, стала использоваться как хранилище ставшего ненужным подержанного инвентаря опустевшей царской резиденции (Invernizzi, 2000). Таким образом, оба основных моих оппонента признают, что Митридаткерта на последних этапах функционирования сменил свое назначение и из царской резиденции превратился в мемориальный, культовый комплекс.

В данном случае важное значение приобретают хронологические определения – когда это произошло. Вопросы хронологии на Нисе находятся в

том же состоянии, что и другие, – существует множество противоречивых мнений. Некоторые продолжают писать, что Ниса возникла в середине III в. до н.э. (при первых Аршакидах) и была разрушена Сасанидами. Имеются сторонники версии основания Старой Нисы Селевкидами. Большинство исследователей и пользователей археологической информацией, ориентируясь на древнее парфянское название крепости, а не на конкретные археологические данные, пишут, что Ниса была основана Митридатом I. Это вполне вероятно, но всегда надо указывать на предположительный характер такого заключения. В целом это все умозрительные построения, не подтвержденные строгими доказательствами. На основе имеющихся данных можно только утверждать, что крепость возникла в III – первой половине II в. до н.э. Соответственно в рамках этого периода возможны любые допущения, опровергнуть которые мы не в силах. Но с другой стороны, предлагаемые датировки должны иметь какое-то веское обоснование. Например, недавно появилась публикация А. С. Балахванцева, где предпринимается попытка обосновать строительство Нисийского комплекса в селевкидский период (2003). Однако предлагаемая система доказательств входит в явное противоречие с законами формальной логики, общепринятыми процедурами датировки археологических комплексов и здравым смыслом. Из всего нисийского археологического контекста автор взял два артефакта (терракотовую плиту с изображением якоря и шлем на голове одной из глиняных статуй), самостоятельно передатировал их и сделал указанный выше вывод. В данной статье нет возможности входить в детальное рассмотрение доказательств А.С. Балахванцева, но мне представляется странным игнорирование им многочисленных аналогий нисийскому шлему в изобразительных материалах II и даже I вв. до н.э. Кроме того, “голова в шлеме” (рис. 8) ничем не отличается от других скульптурных изваяний, обнаруженных на Нисе (имеется в виду глиняная скульптура). Получается странная картина – в течение нескольких столетий парфяне бережно сохраняют хрупкую глиняную скульптуру, созданную их политическими противниками, несколько раз перемещают ее из одного здания в другое, так как археологически надежно установлено, что Здание с Квадратным залом не относится к числу древнейших нисийских построек (под ним находятся остатки двух еще более ранних сооружений).

Существуют также проблемы с определением времени и причин, приведших к запустению Нисийского комплекса. Предположение о разгроме и осквернении аршакидского династического святилища Сасанидами сейчас должно быть оставлено. Представляется, что из-за природных катастроф (землетрясений), экономических или политических причин комплекс прекратил свое функциони-

Рис. 8. Голова в шлеме. Фрагмент глиняной статуи.

рование в I в. н.э. Судя по тому, что нисийские храмы, находясь в полуразрушенном состоянии, продолжали оставаться объектами поклонения (Пилипко, 2001. С. 287), больше оснований предполагать, что первопричиной запустения комплекса было сильное землетрясение, серьезно повредившее, но не разрушившее полностью основные храмовые постройки. Такое, видимо, случалось и ранее (в ЗКЗ и БС обнаружены следы капитальных ремонтов), но в I в. н.э., вероятно, отсутствовали политические предпосылки и/или экономические возможности для новой реставрации комплекса.

Выказав критические замечания в отношении некоторых существующих гипотез, попытаюсь еще раз изложить свои современные представления об этом памятнике.

Сообщение Исидора Харакского, скорее всего, не имеет прямого отношения к багирским городищам. Они расположены в стороне от магистралей, ставшей объектом внимания Исидора, и сейчас известно их подлинное древнее название – Михрдаткирт. Основным градостроительным объектом, административным центром прилегающей области было городище, ныне известное под названием Новая Ниса. Рядом с ним располагалось несколько объектов, связанных с активной деятельностью

аршакидской царской администрации – Старая Ниса, Мансур-депе.

Строительство Старой Нисы могло произойти в период с середины III в. до н.э. (время возникновения Парфянского государства) и до середины II в. до н.э. (по данным письменных документов, найденным на самом городище, в 150 г. до н.э. оно уже функционировало). Вполне возможно, что эту крепость, как одну из своих резиденций, действительно основал Митридат I, но это не более чем предположение, поскольку имеющийся археологический материал пока безоговорочно этого не подтверждает. К материальным остаткам первого периода строительства, надо полагать, относятся внешние оборонительные стены, система водоснабжения и остатки архитектурных сооружений под конструкциями Здания с Квадратным залом.

После смерти Митридата его багирскую резиденцию, вероятно, превратили в мемориальный центр. Во всяком случае, здесь была осуществлена радикальная перестройка, в результате которой возник Центральный комплекс. Это был уже явно не дворцовый, а храмовый ансамбль, предназначенный для отправления торжественных общественных церемоний. Судя по содержанию нисийских письменных документов, это мог быть храмовый комплекс, связанный с почитанием правящей династии или какого-то конкретного ее представителя.

Комплекс активно функционировал в I в. до н.э., но в начале (?) I в.н.э. из-за каких-то природных катаклизмов или политических осложнений он сильно пострадал, и регулярные обрядовые службы в нем прекратились. Археологические следы его активного использования во II в. н.э. отсутствуют.

Анализ устройства Центрального комплекса дает возможность составить некоторое представление о ритуальной стороне, проводившихся здесь церемоний. Центральный комплекс был архитектурным и сакральным центром Старой Нисы, сосредоточением основных храмовых и мемориальных сооружений. Все остальные объекты, в частности хранилища, расположенные в северной части городища, были призваны обеспечить нормальное функционирование основного святилища. На складах хранились продукты и вино, использовавшиеся при ритуальных трапезах, в Сокровищнице (БКД) были сосредоточены поступающие в храм подношения.

В торжественные дни приглашенные первоначально собирались у ворот крепости. Затем заходили внутрь и, вероятно, сразу направлялись в Главный двор Центрального комплекса, где проводились массовые мероприятия. Наиболее почетные участники церемоний посещали основные святыни, расположенные в дальней стороне двора: Здание с Квадратным залом, Сооружение с камен-

ными панелями, Башенное сооружение и расположенный в глубине комплекса Круглый зал. О назначении этих строений можно только гадать. Здание с Квадратным залом, возможно, было храмом богов-покровителей (о существовании таких храмов отчетливо свидетельствует Рабатакская надпись, и есть основания предполагать, что Кушаны при создании своего династического культа в определенной степени использовали и парфянский опыт). Круглый зал мог быть герооном, посвященным одному или нескольким парфянским царям. На назначении Башенного и Юго-Западного сооружений (или Здания с Каменными панелями – ЗКП) я остановлюсь несколько ниже.

После проведения торжественных церемоний на главной площади участники празднества (или моления, вызванного какими-то чрезвычайными причинами), вероятно, направлялись в Северо-Восточное сооружение, которое я склонен определять как трапезную. Здесь на помостах или просто коврах, расстеленных под навесами, устроенными вдоль стен двух больших дворов, совершалась коллективная трапеза, посвященная тому или иному событию.

Это обтекаемое описание, основанное на множестве допущений, экстраполяций и догадок, призвано дать общее представление о назначении памятника, его истории. В реальной же работе с материалом существует множество проблем, обусловленных недостатком фактов и возможностью их разной интерпретации. Например, я достаточно скептически отношусь к определению Старой Нисы как некрополя парфянских царей. В то же время, исходя из результатов новых археологических раскопок и аналитических обобщений, не исключая наличия на городище захоронения одного из парфянских царей, скорее всего Митридата I, предполагаемого основателя крепости. Ход моих рассуждений таков. Письменные источники сообщают, что накануне смерти Митридат находился в восточных пределах своей империи. Не исключено, что смерть настигла его в крепости Митридаткерт, и это обстоятельство могло послужить причиной последующего превращения багирской резиденции в мемориальный центр, с устройством в его пределах захоронения основателя.

Среди вновь возведенных строений Центрального комплекса выделяется Башенное сооружение с огромным центральным сырцовым параллелепипедом. Прямых аналогий этому сооружению найти не удалось. Но мне представляется, что оно обнаруживает определенное типологическое сходство с древними сооружениями, сочетающими в себе гробницу и поминальный храм. Такие сооружения были достаточно широко распространены в Малой Азии. Самый известный среди них Мавзолей – гробница царя Мавсола, возведенная в IV в. до н.э. Она имела кубовидное основание, в кото-

ром располагалась погребальная камера, а наверху – поминальный храм. Подобного типа постройки получили позднее достаточно широкое распространение на Востоке и даже в Риме. Ближайшей хронологической и территориальной аналогией может служить так называемый периптеральный мавзолей в Ай Ханум, где захоронения расположены в камере, устроенной в толще подстилающей платформы (Francfort, Liger, 1976, С.25–39; Пичикян, 1991. С. 232–236). Все эти сооружения оригинальны по архитектурному решению, но типологически одинаковы: массивные, условно монолитные основания с гробницей, выше которой расположен поминальный храм. Очень заманчиво отнести к этому типу и Башенное сооружение, покоящееся на массивном “монолитном” основании и имеющее верхнее парадное сооружение. До превращения этой догадки в научный факт остался один шаг – в недрах огромного центрального сырцового массива надо обнаружить остатки погребальной камеры или доказать ее отсутствие и тем самым окончательно исключить подобный вариант определения Башенного сооружения. Следует отметить, что на ранних стадиях изучения объекта была предпринята попытка уточнить структуру параллелепипеда, в центральной его части был заложен контрольный шурф, пройденный на глубину около 6 м и показавший, что на этом участке располагается сплошной массив сырцовой кладки. Однако небольшого шурфа недостаточно для столь ответственного вывода. Камера, если она существует, не обязательно должна располагаться строго в центре параллелепипеда, примером этого служит все тот же Галикарнасский мавзолей. Вход в нее мог быть тщательно замаскирован, и обнаружить его археологическими методами пока не удастся. Большие надежды в решении этого вопроса мы возлагаем на геофизиков, которые могут собственными независимыми методами установить наличие или отсутствие в центральном ядре Башенного сооружения больших полостей.

Существует еще одна проблема, пока не имеющая однозначного решения – хронологическое соотношение отдельных архитектурных сооружений Центрального комплекса. В процессе археологических исследований и последующего анализа их результатов высказывались самые разные мнения. В своей обобщающей работе о раскопках Нисы я высказал предположение, что одним из хронологических индикаторов для нисийских построек могут служить различия в технологии изготовления колонн; на ранней стадии строительства их деревянные стволы устанавливались на каменные базы, тогда как на поздней колонны стали полностью возводиться из обожженного кирпича (Пилипко, 2001. С. 241, 337).

Однако раскопки нового объекта, Юго-Западного сооружения, казалось бы, поставили под со-

мнение правильность этого заключения. В этой постройке, несомненно, входившей в Центральный комплекс, колонны имеют только каменные базы, а портик украшен великолепными каменными декоративными панелями. И все же я попытаюсь оказать некоторое сопротивление напору новых фактов. Юго-Западное сооружение, при следовании ранее высказанному тезису, действительно демонстрирует приверженность раннему этапу строительства и это может быть отражением реальности. Он мог быть реликтом ранней архитектуры, включенной в новый ансамбль. Итальянские археологи пришли к выводу, что Юго-Западное сооружение определено древнее Блока Круглого зала (Lippolis, 2004. Р. 177). Несмотря на наличие обводного коридора, Юго-Западное сооружение по своей планировке мало похоже на храм. Помимо центрального зала оно включает в себя десять комнат, что вполне позволяет рассматривать его как парадный жилой дом (дворец или часть дворца). Эти данные можно истолковать в том смысле, что Здание с каменными панелями является частью ранней дворцовой застройки Михрдаткирта, сохраненной как мемориал и включенной в новый поминальный комплекс.

Таким образом, на основе имеющихся на сегодня данных можно предполагать, что Здание с Квадратным залом, Башенное сооружение и Блок Круглого зала – это одновременно появившиеся архитектурные объекты, возведенные на одной нивелировочной платформе, стены Башенного сооружения и Блока Круглого зала имеют перевязку, а Здание с каменными панелями, как и некоторые части Северо-Восточного сооружения, это реликты более ранней застройки, включенные в новый ансамбль. На сегодняшний день это наиболее важный, независимый археологический вывод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балахванцев А.С. К вопросу о хронологии и интерпретации некоторых сооружений Старой Нисы // Центральная Азия: источники, история культура. М., 2003.
- Веймарн Б.В., Деннике Б.П. Итоги иранского конгресса // Искусство. 1936. № 1.
- Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Документы из Нисы I в. до н.э. Предварительные итоги работ. М., 1960.
- Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник. Вып. 2. М.; Л., 1966.
- Дьяконов И.М., Стрелков А. Выставка иранского искусства // Искусство. 1936. № 1.
- Массон М.Е. Городища Нисы в селение Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949.
- Массон М.Е. Некоторые новые данные к истории Парфии // ВДИ. 1950. № 3.
- Массон М.Е. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории

- Южного Туркменистана (Из работ ЮТАКЭ в 1951 г.) // ВДИ. 1953. № 1.
- Массон М.Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948–1952 гг. // Тр. ЮТАКЭ. 1955. Т. 5.
- Массон М.Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ 1953–1954 гг. // Тр. ЮТАКЭ. 1974. Т. 15.
- Массон М.Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1955–1957 гг. // Тр. ЮТАКЭ. 1978. Т. 16.
- Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Оттиски парфянских печатей из Нисы // ВДИ. 1954. № 4.
- Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Тр. ЮТАКЭ. 1959. Т. 4.
- Пилипко В.Н. Основные итоги археологического изучения Здания с квадратным залом на городище Старая Ниса // III Всесоюз. симп. по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тез. докл. Ереван, 1988.
- Пилипко В.Н. К вопросу о локализации Парфавнисы // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. № 2. Ашхабад, 1989.
- Пилипко В.Н. Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М., 1996.
- Пилипко В.Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М., 2001.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ. 1958. Т. 6.
- Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. М., 1967.
- Ackerman Ph. L'exposition d'art iranien a Leningrad // Syria. V. 17. Paris, 1936.
- Bader A., Gaibov V., Gubaev A. et al. Ricerche nel complesso dell Tempio Rotondo a Nisa Vecchia // Parthica. V. 4. Pisa; Roma, 2000.
- Diakonoff I.M., Livshiz V.A. Parthian economic documents from Nisa. L., 1976–1979.
- Francfort H.-P., Liger J.-Cl. L'heroon au caveau de pierre // Bulletin de Ecole Francaise d'Extreme-Orient. T. 63. Paris, 1976.
- Gabutti A. The Italian Excavations in Old Nisa: the Northern Corner of the Round Hall Complex // Mesopotamia. V. 31. Firenze, 1996.
- Hoepfner W. Zum Typus der Basileia und der koniglichen Andrones // Die Palaste der hellenistischen Konige. Mainz, 1996.
- Invernizzi A. The Square House at Old Nisa // Parthica. V. 2. Pisa; Roma, 2000.
- Invernizzi A. Arsacid Dynastic Art // Parthica. V. 3. Pisa; Roma, 2001.
- Invernizzi A. Thoughts on Parthian Nisa // Parthica. V. 6. Pisa; Roma, 2004.
- Lippolis C. Nisa-Mithradatkert: l'edificio a nord della Sala Rotonda. Rapporto preliminare delle campagne di scavo 2002–2003 // Parthica. V. 6. Pisa; Roma, 2004.
- Mollo P. The Italian Excavations in Old Nisa: the Round Hall // Mesopotamia. V. 31. Firenze, 1996.
- Reuther O. Parthian Architecture // The Survey of Persian Art. V. 4. L.; N.Y., 1938.

Some results of archeological investigations at Old Nisa

V. N. Pilipko

Summary

The article presents new data on the Central complex of Old Nisa, and discusses its general purpose and chronology. The author is of the opinion that the fortress was built by the Arsacids. It might have initially functioned as royal residence, but later (after the Central ensemble had appeared) it was transformed into a dynastic cult complex of the Arsacids. It is doubtful that this is the Parthavnisa mentioned by Isidor of Charax. In any case, the adherents of this theory have not yet presented valid proof of it.

ЭЛИТНЫЙ КОМПЛЕКС ЗАХОРОНЕНИЙ СЮННУ В ПАДИ ЦАРАМ

© 2007 г. С. С. Миняев*, Л. М. Сахаровская**

* Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

** Кяхтинский краеведческий музей им. В.А. Обручева

Исследования археологических памятников азиатских гуннов (сюнну) ведутся более ста лет, однако информации о захоронениях высшей сюннуской знати по-прежнему крайне недостаточно. Чтобы частично восполнить этот пробел Забайкальская экспедиция ИИМК РАН в последние годы ведет систематические работы на одном из могильников сюнну в пади Царам (Кяхтинский р-н Республики Бурятия, в 1.5 км южнее поселка Наушки). Захоронения в пади Царам были обнаружены в июне 1899 г. известным исследователем Забайкалья Ю.Д. Талько-Гринцевичем, который зафиксировал не менее 20 могил, “рассеянных по лесу”. Пять из них в июне 1903 г., были раскопаны им совместно с Я.С. Смолевым (Талько-Гринцевич. С. 93, 117, 118). Все могилы были ограблены, полученные находки крайне немногочисленны: железное шило с кольцеобразным навершием, фрагмент бронзовой накладки и фрагменты нескольких сосудов. Особенности внутримогильных конструкций позволили Ю.Д. Талько-Гринцевичу отнести эти погребения к выделенному им типу “захоронений в срубках”, которые он интуитивно правильно отождествлял с погребениями азиатских гуннов – хунну или сюнну.

Детальное обследование памятника Забайкальской экспедицией, составление топографического плана и обмеры намогильных сооружений показали, что здесь сосредоточены наиболее крупные среди известных ныне погребальных сооружений сюнну. Вполне очевидно, что в пади Царам располагалось элитное кладбище высшей сюннуской знати, погребальные сооружения которой до настоящего времени оставались практически неисследованными. Работы экспедиции в пади Царам были спланированы с учетом особенности планировки сюннуских могильников, которая демонстрирует отчетливую тенденцию к размещению захоронений в погребальных комплексах, состоящих из центрального кургана и расположенных вокруг него по определенной системе сопроводительных захоронений. Ряд наблюдений показал, что в таких захоронениях погребены лица, умершие насильственной смертью и, видимо, “сопровождаящие” своего хозяина в потусторонний мир (Миняев, 1985. С. 21–27; 1998. С. 70, 71).

Основным объектом исследования был выбран самый крупный курган могильника, расположенный в северной части пади. Заложенный раскоп включал как сам курган, так и площадь вокруг него, где выходы отдельных камней позволяли предполагать наличие небольших курганов с разрушенной кладкой. Общая площадь раскопа, включая и курган 7, составила 7700 м² (рис. 1). Кроме центрального кургана, на этой площади обнаружены и исследованы 10 сопроводительных погребений, располагавшихся с западной и восточной сторон кургана 7 двумя линиями по пять захоронений в каждой (подробную характеристику памятника и сопроводительных захоронений см. Миняев, Сахаровская, 2002. С. 86–118).

Работы на центральном кургане комплекса № 7 завершены в 2005 г. Его детальное исследование позволило получить принципиально новые данные о погребальном обряде сюнну. Курган 7 является самым крупным курганом могильника и одним из крупнейших курганов сюнну, известных к настоящему времени. Не исключено, что он представляет собой захоронение одного из сюннуских вождей (шаньюев). На поверхности курган был выражен насыпью размером 32 × 32 м, высотой около 1.5 м; в центре насыпи была западина глубиной 2.5 м. С южной стороны насыпи прослеживалось возвышение трапецевидной формы, длиной 20 м, полого понижавшееся к югу. Все намогильное сооружение состояло из смеси гумусированной почвы, суглинка и супеси и было покрыто тонким слоем переотложенного желтого материкового суглинка. По периметру насыпь была обложена вертикальными каменными плитами, расположенными в 1–2 ряда и образующими невысокие стены. Верхний контур могильной ямы практически совпадал с размерами намогильного сооружения: размеры ямы по этому верхнему контуру составляли 29 × 26.5 м. В верхней части могильной ямы была расчищена внутримогильная конструкция, которую условно можно назвать деревянной клетью. Она состояла из сложенных в несколько уровней сосновых бревен¹ и образовывала продольную перегородку и семь перпендикулярных к ней перегородок. Продольная перегородка проходила через

¹ Определения пород дерева произведены сотрудником Государственного Эрмитажа М.И. Колосовой.

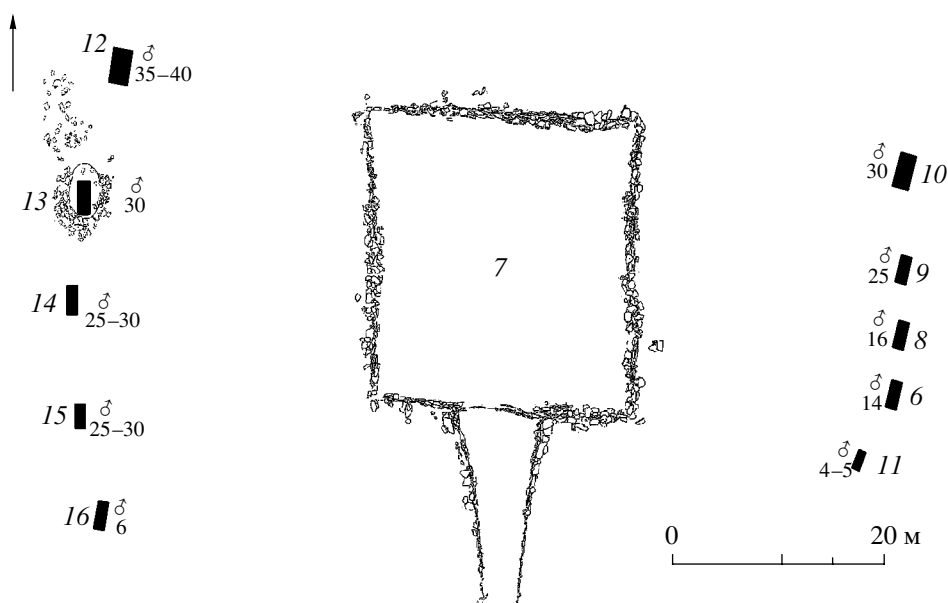

Рис. 1. План комплекса № 7 в пади Царам.

всю яму и дромос в направлении с севера на юг и разделяла яму и дромос на западную и восточную части. Поперечные перегородки располагались только в могильной яме, асимметрично по отношению к продольной перегородке: четыре перегородки зафиксированы в западной половине могильной ямы и три – в восточной половине. В целом данная конструкция из продольной и семи поперечных перегородок делила верхнюю часть ямы на девять отсеков (рис. 2).

При расчистке деревянной “клетки” под бревнами второго уровня продольной перегородки на глубине 218 см от репера кургана были обнаружены десять фрагментов ханьского зеркала, лежавшие *in situ*: шесть фрагментов один под другим и еще четыре – рядом с ними. Собранные вместе, они не образуют целое зеркало, однако позволяют реконструировать его размеры и орнамент (рис. 3, 7). Можно предполагать, что в рамках погребальной церемонии над рассматриваемым зеркалом совершался особый обряд, который, возможно, был нормой погребальной практики сюнну в целом. В ходе такого обряда зеркало подвергалось механическому (или температурному) воздействию и раскалывалось на несколько фрагментов. Один или несколько таких фрагментов сопровождали умершего в потусторонний мир, тогда как другие части зеркала изымались и, возможно, хранились в семье или у родственников покойного.

Ниже деревянной “клетки” были расчищены и зафиксированы четыре перекрытия могильной ямы. Верхнее перекрытие состояло из крупных каменных плит, уложенных на сосновые бревна, которые перекрывали всю могильную яму в направ-

лении с севера на юг. Под бревнами фиксировался слой покрытия из тростника. Второе перекрытие располагалось ниже первого на 120–150 см и состояло из лежащих встык каменных плит, ниже которых также фиксировался слой тростника. Третье перекрытие было многослойным: крупные каменные плиты средним размером 100 × 70 см, слой древесного угля и речной гальки, слой спрессованной березовой коры, мелких веток и шишек, слой крупной щебенки. Структура четвертого перекрытия была также многослойной: крупные каменные плиты средним размером 80 × 60 см, слой спрессованной березовой коры, мелких веток и шишек, слой крупной речной гальки, слой крупного щебня, слой мелкого древесного угля. При расчистке третьего и четвертого перекрытий были отмечены определенные различия между их западной и восточной частями. Они были выражены в цвете и структуре каменных плит: западные части этих перекрытий состояли из плит светло-серого песчаника, тогда как восточная часть была сложена из светло-розовых валунов.

При разборе третьего и расчистке четвертого перекрытий в центре кургана были обнаружены детали колесницы (тент, колеса, наосьники, втулки для колес, деревянные лакированные части дышла с орнаментом). Расположение этих деталей позволяет предполагать, что колесница была поставлена в северной половине могильной ямы на плиты четвертого перекрытия и затем покрыта заполнением ямы, а также щебнем, галькой, углем и плитами третьего перекрытия. Сохранность деталей колесницы была чрезвычайно плохой – деревянные части и органический материал тента

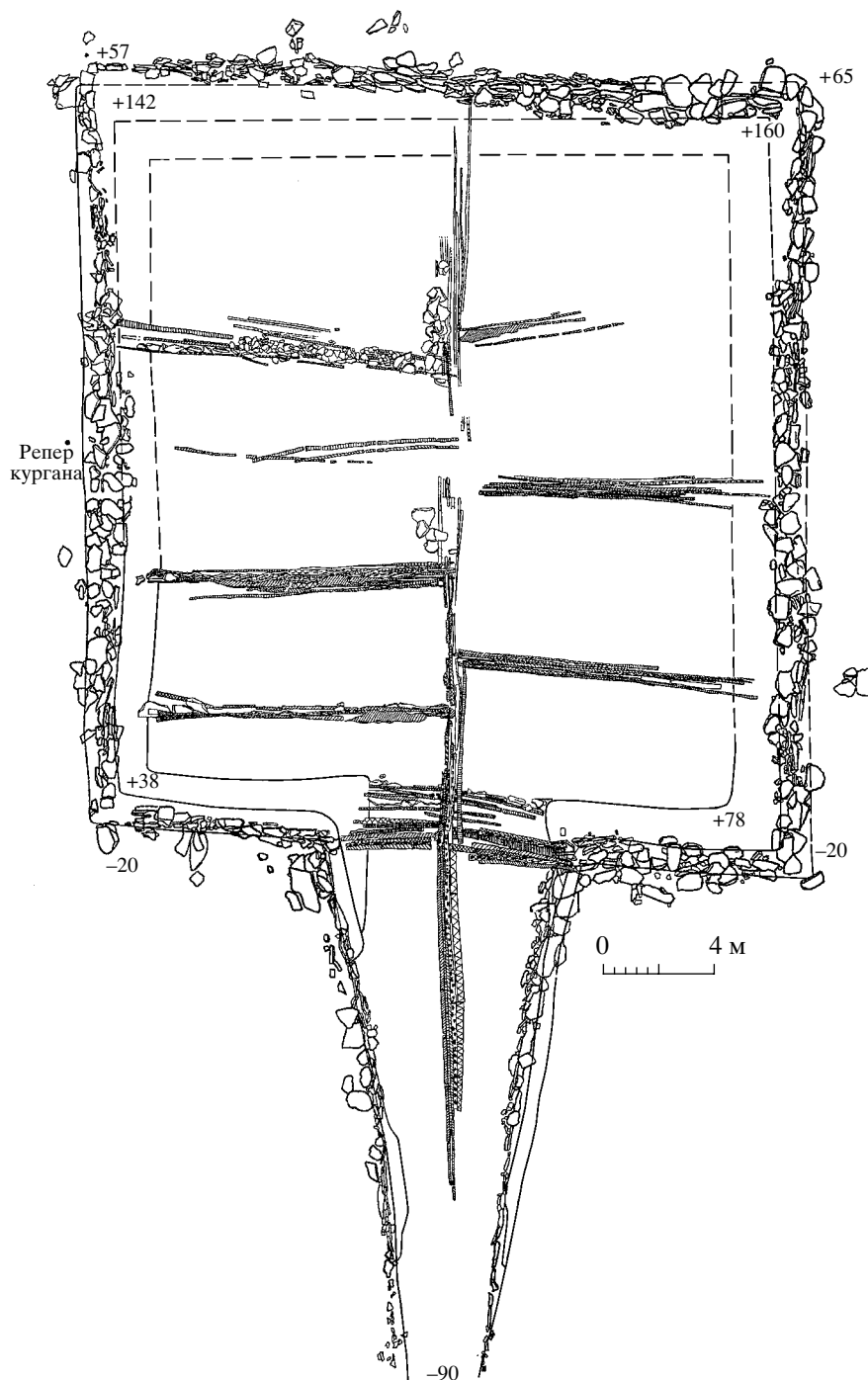

Рис. 2. План кургана 7 на уровне деревянной клетки.

практически полностью сгнили, бронзовые и железные детали сильно окислились, многие из них утратили первоначальную структуру и сохранились фрагментарно (рис. 4).

В центральной части могильной ямы прослеживались два грабительских хода, частично разрушивших центральную клеть, перекрытия и колесницу. Общая глубина могильной ямы от поверхности кургана составила 17 м.

Внутримогильное сооружение состояло из тройной погребальной камеры – наружный сруб, внутренний сруб и гроб – помещенной в саркофаг из крупных каменных плит. Наружная камера была сложена из семи венцов брусьев, общая высота камеры составляла около 170–180 см. Продольные и поперечные брусья соединялись между собой способом “в замок”, при этом врезы для соединения делались сплошными, на всю высоту бруса.

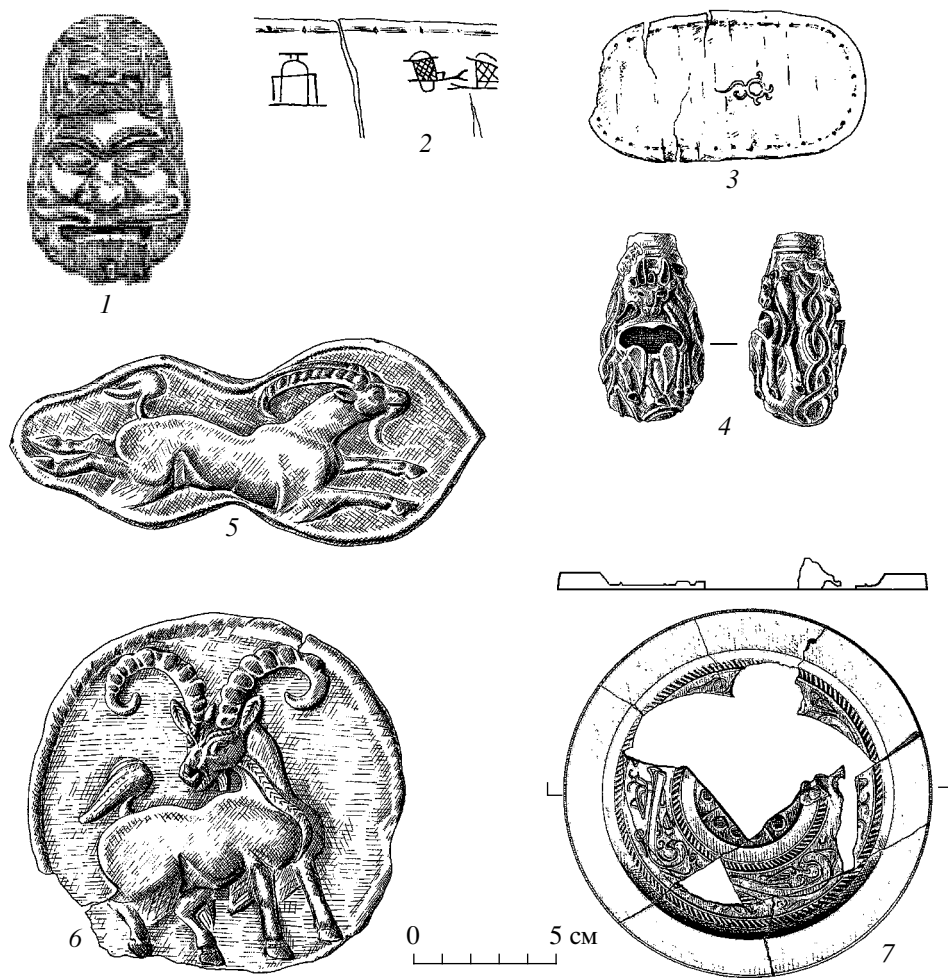

Рис. 3. Находки из кургана 7: 1 – золотая пряжка с изображением сатира; 2 – изображение юрты и карет на берестяном тuesке; 3 – изображение тамги на дне берестяного тuesка; 4 – золотой сосудик с изображением козла; 5 – бронзовая бляха с изображением козла; 6 – серебряный фалар с изображением козла; 7 – бронзовое зеркало.

Дополнительных креплений венцов брусев между собой не зафиксировано.

Потолок камеры состоял из досок, расположенных в направлении запад–восток шириной 20–35 см. Доски были положены встык, каких-либо дополнительных креплений досок между собой или к верхним венцам камеры не обнаружено. Доски потолка опирались по краям на верхние венцы сруба, а в середине – на три потолочные балки которые располагались в направлении север–юг на равном расстоянии друг от друга. Потолочные балки опирались на верхние венцы камеры (имевшие специальные врезы для крепления балок) и на колонны, расположенные вдоль северной и южной стенок с внутренней стороны камеры. В северной части погребального сооружения вдоль стенки наружной камеры располагались три колонны, еще три колонны располагались параллельно первым вдоль северной стенки внутреннего сруба. Вдоль южной стенки камеры располагались еще

три аналогичных колонны. Таким образом, каждая из трех потолочных балок наружной камеры имела пять точек опоры: две на северном и южном верхних венцах камеры (где концы балок вставлялись в специальные врезы), две – на колоннах с северной стороны и еще одну – на южных колоннах. Наружная камера стояла на полу из досок, сложенных в направлении запад–восток.

Внутренний сруб состоял из пяти венцов квадратных брусев размером 20 × 20 см. Соединение венцов сруба аналогично соединению венцов наружной камеры. Как и наружная камера, сруб имел перекрытие из поперечных досок и дощатый пол также из поперечных досок.

Гроб, находившийся внутри сруба, был в значительной степени разрушен южным грабительским ходом и последующим обрушением камеры. Предположительно его пол и перекрытие состояли из двух продольных досок, боковые стенки гроба бы-

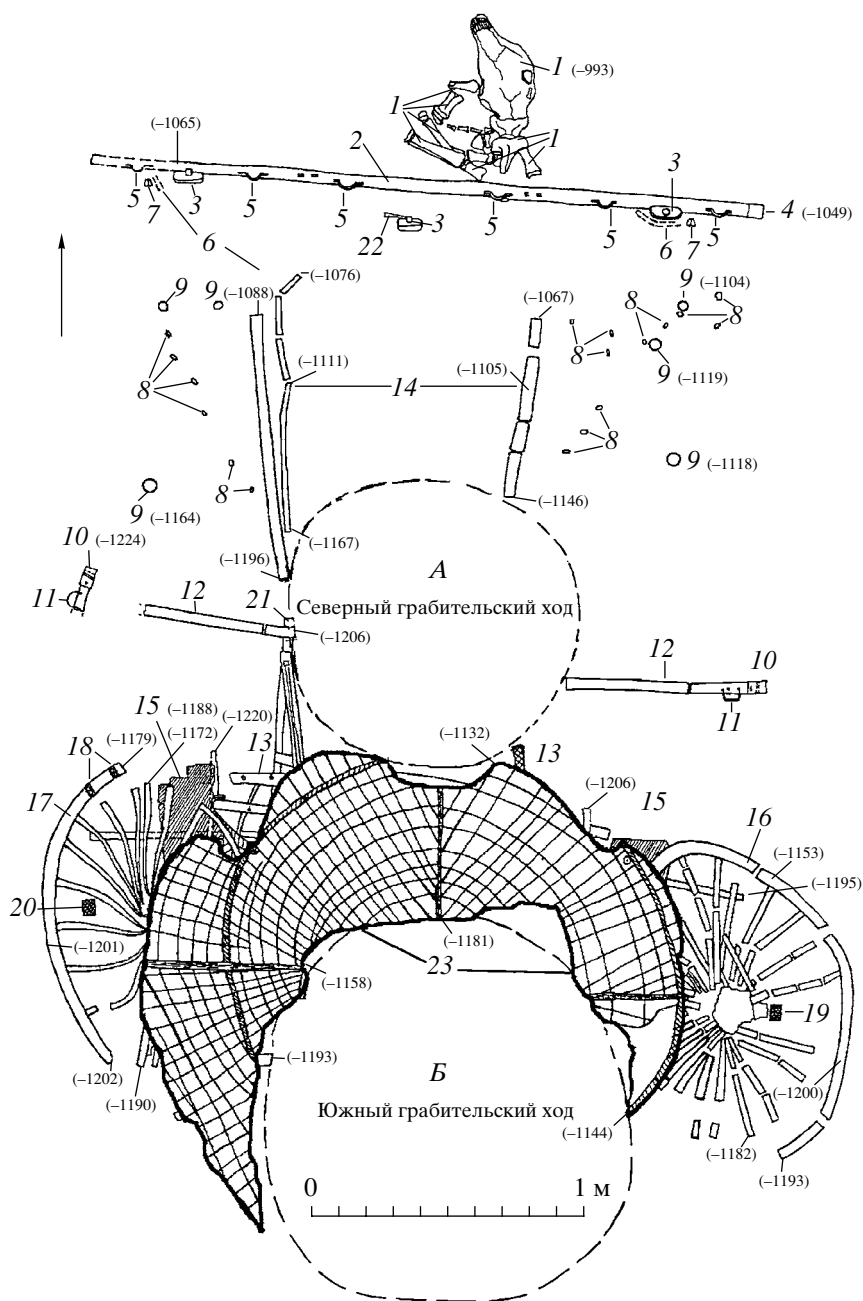

Рис. 4. План остатков тента и корпуса колесницы. Цифры в скобках – нивелировочные отметки. 1 – кости лошади (череп и метаподии); 2 – передняя яремная жердь; 3 – яремные наворачия; 4 – бронзовый наконечник яремной жерди; 5 – бронзовые дуги; 6 – остатки тонких круглых деревянных жердей; 7 – прямоугольные железные пряжки; 8 – железные бляшки; 9 – железные кольца; 10 – бронзовые наконечники задней яремной жерди; 11 – железные дуги; 12 – задняя яремная жердь; 13 – остатки решетчатого корпуса колесницы; 14 – оглобли; 15 – подлокотники сиденья; 16 – восточное колесо; 17 – западное колесо; 18 – железные скобы, 19, 20 – малые железные втулки; 21 – железная пластинка; 22 – кости ягненка; 23 – тент повозки.

ли сделаны из широких досок, по одной на каждую стенку.

Основной погребальный инвентарь размещался в наружных (между стенками ямы и камеры) и внутренних (между стенками сруба и гроба) коридорах. После обрушения внутримогильного соору-

жения и смещения венцов камеры и сруба многие вещи были деформированы и раздавлены; железные предметы (в основном детали конской сбруи) окислились и спеклись между собой. Большинство таких комплексов не могло быть разобрано в полевых условиях и поэтому взято монолитом для последующей расчистки и реставрации.

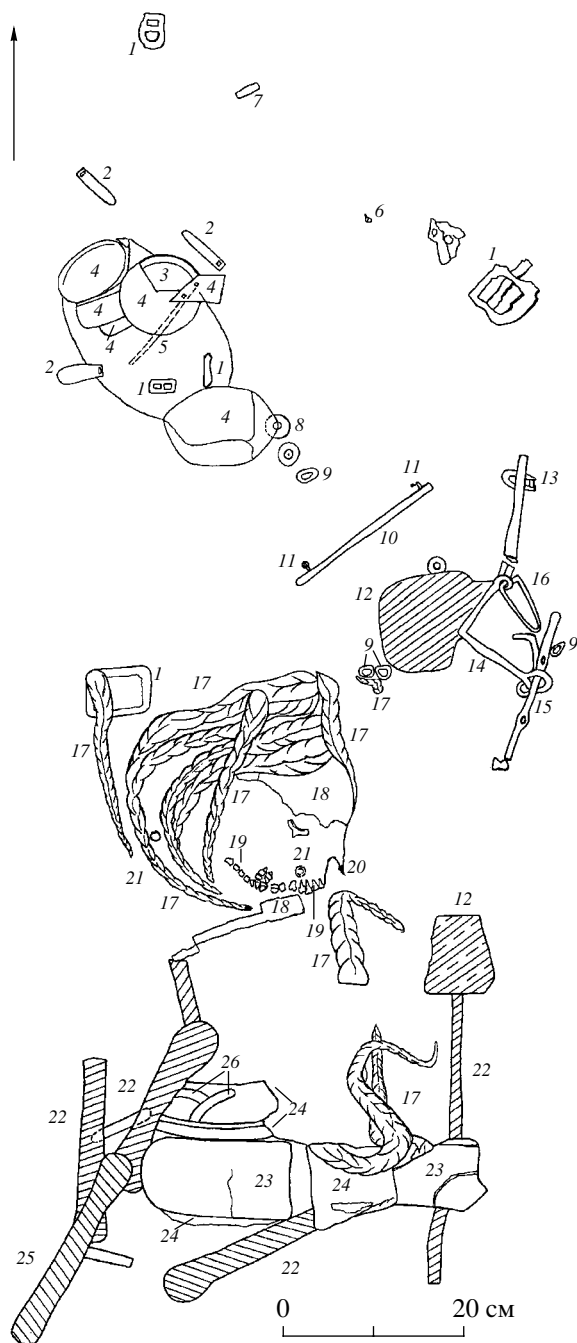

Рис. 5. Кукла 1 (западный коридор). 1 – железные пряжки; 2 – железные наконечники ремней; 3 – бронзовое зеркало; 4 – береста; 5 – заковка для волос из рога; 6 – железный гвоздик; 7 – фрагмент железного предмета; 8 – железные бляшки; 9 – железные обоймы; 10 – деревянная палочка; 11 – железные шипы с петлей; 12 – красный лак; 13 – кожаный ремешок; 14 – железные удила; 15 – железный псалий; 16 – железная рамка; 17 – косы; 18 – кости черепа; 19 – зубы; 20 – фрагмент слюды; 21 – бирюзовые подвески; 22 – деревянные лакированные палочки; 23 – железные пластины; 24 – кожа; 25 – железные пластины, покрытые красным лаком; 26 – кожаные ремни.

Северный наружный коридор был в значительной степени разрушен грабительским ходом, здесь были найдены только фрагменты керамики и лакированных деревянных предметов, фрагменты железного предмета, а также отдельные кости животных, покрытые окислами бронзы.

Западный наружный коридор. Находки представлены скоплением железных предметов и двумя погребальными куклами с сопутствующим инвентарем. Скопление железных предметов найдено в северо-западном углу коридора. Оно состояло, вероятно, из железных удил и псалий и других предметов, полностью покрытых сросшимися между собой окислами. Железные крюки, найденные в стенках наружной камеры, позволяют предположить, что первоначально уздечные наборы висели на таких крючьях и оказались на полу камеры только после ее деформации.

Кукла, найденная в центре западного коридора (северная из двух, получившая условное наименование “кукла 1”) была смоделирована следующим образом. Голова куклы изготовлена из человеческого черепа, судя по молочным зубам – из черепа ребенка в возрасте 2–4 лет. На черепе куклы найдены шесть кос из черного жесткого волоса, которые, вероятно, были прикреплены к черепу с помощью какого-либо клейкого вещества. Рядом с косами на черепе было найдено несколько бирюзовых бус. Еще две косы были найдены перед и за черепом и две косы – в области пояса рядом с железными пластинами. Длинные конечности куклы моделировались в виде деревянных палочек, покрытых красным лаком (рис. 5).

Погребальный инвентарь куклы 1 состоял из двух разложившихся железных пластин пояса размером 15 × 6 см (кожаная основа пояса сохранилась рядом с пластинами; рис. 5, 24, 23) и расположенной за головой куклы лакированной деревянной шкатулки, рядом с которой найдены четыре берестяных туюска (не исключено, что первоначально они находились внутри шкатулки). Шкатулка была покрыта красным лаком и по краям украшена аппликациями красным лаком по полосе желтого лака. Под шкатулкой обнаружена заколка для волос из органического материала (возможно – из черепашьего панциря). Под берестяными туюсками лежал берестяной круг, на котором найден фрагмент бронзового зеркала. На одном из берестяных туюсков сохранился рисунок юрты и карет (рис. 3, 2).

Перед черепом и за черепом куклы найдено несколько железных пряжек, удила, псалии и фрагменты железных предметов. Вероятно, они не имели отношения к инвентарю куклы, а первоначально висели на стенке камеры и оказались на полу после ее деформации.

Сходным образом была смоделирована и другая кукла, найденная в западном коридоре и полу-

чившая условное обозначение “кукла 2”. Она лежала в 1 м южнее куклы 1. Основу куклы 2 также составлял череп человека, который полностью разложился; сохранились лишь мелкие молочные зубы, судя по состоянию которых, череп мог принадлежать младенцу в возрасте нескольких месяцев. За областью черепа лежала короткая коса из жестких черных волос. Моделирования верхних конечностей не зафиксировано, нижние конечности были сделаны из тонких железных пластин, помещенных в деревянный футляр и покрытых красным лаком.

В области шеи куклы 2 найдено ожерелье из стеклянных, бирюзовых, флюоритовых и крупных хрустальных бус. В области пояса куклы – две истлевшие железные пластины размером 20 × 11 см, лежавшие на кожаной основе пояса, которая сохранилась фрагментарно и местами была покрыта красным лаком. От кожаного пояса спускалась низка бус, основу которой составляли практически полностью разложившиеся стеклянные бусы. Кроме них обнаружены также сердоликовые, флюоритовые и янтарные бусы.

Ниже пояса куклы 2 под нижним венцом наружной камеры найдены остатки раздавленного деревянного лакированного сосуда с геометрическим орнаментом. Внутри сосуда найдены: фрагмент бронзового зеркала, кусочек слюды, два деревянных гребня и набор железных игл в деревянном футляре. На внешней поверхности сосуда сохранилась иероглифическая надпись.

Восточный наружный коридор. Находки в восточном наружном коридоре были практически аналогичны находкам в западном. В северной его части обнаружено скопление полностью окисленных железных предметов, наиболее вероятно – удила, псалии, пряжки. Погребальная кукла, лежавшая в середине восточного коридора южнее деталей сбруи и получившая условное обозначение “кукла 3”, была смоделирована так же, как и куклы в западном коридоре. Череп куклы практически полностью сгнил, в области черепа лежали несколько кос из жесткого черного волоса. На кончиках кос прослеживались бирюзовые, стеклянные и янтарные бусинки, конечности были смоделированы из деревянных лакированных палочек. В области шеи справа и слева от области черепа зафиксированы остатки двух круглых подвесок из дерева, покрытых лаком. Не исключено, что эти подвески были изготовлены из стенок деревянных лакированных чашечек.

На поясе куклы также лежали две широкие окисленные железные пряжки размером 19 × 12 см. За головой куклы обнаружены остатки деревянного предмета (возможно шкатулки), на котором найден маленький берестяной туесок и крупный фрагмент китайского зеркала.

Южнее куклы 3 в восточном коридоре было свободное пространство на протяжении 2 м, далее

были обнаружены стопы ног человека. По всей вероятности, здесь лежала еще одна кукла (или труп человека), которая практически полностью была извлечена грабителями. В юго-восточном углу коридора под смещенными бревнами наружной камеры были обнаружены окисленные железные бляшки.

Южный наружный коридор был полностью перекрыт смещенными бревнами камеры и сруба. После разбора этих бревен находок в коридоре обнаружено не было, лишь на стенках наружной камеры с внутренней стороны фиксировались мелкие фрагменты шелка и шерстяной материи. В северном внутреннем коридоре, полностью разрушенном грабителями, находок не было.

В западном внутреннем коридоре обнаружены только два бронзовых поручня гроба у юго-западного и юго-восточного углов гроба. Поручни имели цилиндрическую форму с небольшими утолщениями на концах, длину 40 см и диаметр 4 см.

В восточном внутреннем коридоре остатки инвентаря найдены только в южной части коридора, северная часть коридора была разрушена южным грабительским ходом. В юго-восточном углу коридора обнаружено скопление окисленных железных предметов, среди которых можно предположительно различить удила, псалии, а также несколько железных трехперых наконечников стрел. Далее к северу вдоль стенки сруба найдены два серебряных фалара с изображением горного козла (рис. 3, 6). Западнее фаларов лежал деревянный посох, сохранившийся целиком. Его длина 153 см, диаметр 4 см, окончание посоха плоское, навершие выполнено в виде резного шара. Посох покрыт темно-коричневым лаком с орнаментом в виде коротких волнистых линий, нанесенных красным лаком. Под рукоятью посоха лицевой стороной вниз лежала бронзовая бляха с изображением горного козла в прыжке (рис. 3, 5).

Ниже посоха найдена деревянная лука седла. Она состояла из трех пластин трапециевидной формы, лежавших в виде буквы П. На коротких сторонах пластин имелись несколько отверстий для скрепления пластин между собой. Ниже луки седла под слоем разложившейся кожи были найдены фрагменты серебряных блях с изображением козла в прыжке, идентичным изображению на бронзовой бляхе.

У нижней части посоха найдена коса из плотного волоса каштанового цвета и лакированная деревянная чашечка, рядом с которой лежал небольшой железный черпачок.

В южном внутреннем коридоре, в его юго-восточном углу обнаружено плоское железное кольцо и две железные скобы.

Находки внутри гроба. Как отмечалось, северная часть гроба разрушена южным грабительским ходом. У северо-восточного угла гроба с его на-

ружной стороны лежала верхняя часть черепа козла, покрытая серебряной фольгой. В сохранившейся южной части гроба найдены остатки покрытия из органического материала (войлок или спрессованный мех). После расчистки этого покрытия в центре гроба у края грабительского хода были найдены две золотые пронизки с изображением горного козла, маленький сосуд из золота грушевидной формы также с изображением горного козла (горловина сосуда закрыта деревянной пробкой; рис. 3, 4) и остатки длинного железного предмета в деревянных ножнах, покрытых лаком. Изображения животного на пронизках и сосуде полностью аналогичны. Голова и ноги козла изображены рельефно, тогда как глаза, туловище и хвост выполнены бирюзовыми вставками.

У южной стенки гроба под остатками покрытия обнаружены две пряжки из железа, покрытые золотой фольгой. Прямоугольные наконечники ремешков из железа, также покрытого золотой фольгой, лежали между пряжками. Форма пряжек в виде усеченного овала размером 7.5×5 см. На лицевой стороне пряжек, поверхность которых почти полностью покрыта окислами железа, можно видеть изображение мистического существа, которое можно условно назвать сатиром. Морда этого сатира показана рельефно, глаза, брови и усы исполнены в виде агатовых вставок, основания рогов и застежка на прическе подчеркнуты бирюзовыми

вставками. В пасти одного из сатиров сохранились остатки ремешка из ткани (рис. 3, 1).

Типология погребального инвентаря, фрагменты ханьских зеркал из заполнения могильной ямы и инвентаря кукол, особенности надписи на лакированной шкатулке, а также сведения письменных источников позволяют датировать комплекс № 7 в пределах I в. до н.э. – I в. н.э. Монументальность погребальной конструкции, как и обилие в инвентаре (несмотря на двойную ограбленность) престижных золотых, серебряных и лакированных предметов позволяют предположить, что в кургане был погребен один из представителей высшей знати сюнну, возможно – один из сюннских вождей (шаньюев).

Финансирование работ осуществлялось при постоянной поддержке Российского гуманитарного научного фонда, а также за счет бюджетных средств ИИМК РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Миняев С.С. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. 1985. Вып. 184.
 Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998.
 Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Сопроводительные захоронения "царского" комплекса № 7 в могильнике Царам // Археологические вести. № 9. СПб., 2002.
 Талько-Гринцевич Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб., 1999.

An elite complex of Xiongnu burials in the Tsaraam valley

S. S. Miniaev, L. M. Sakharovskaya

Summary

The article is a first publication of the newest data on the excavations of the royal complex of Asiatic Huns (Xiongnu) burials in the Tsaraam valley (Kyakhta region of the Republic of Buryatia), conducted by the Trans-Baikal archeological expedition of the RAS Institute of the History of Material culture in 1997–2005. The complex under investigation consisted of a central mound, the largest of the Xiongnu mounds in Russia, and of 10 accompanying burials with human sacrifices. The article describes the construction of the above-grave structure, the inter-grave structure (outer cist, inner log structure and coffin), the characteristic of finds within the grave pit (chariot and mirror) and within the cist. Among the finds one may single out the inventory of funeral figurines discovered in the outer corridors of the cist (lacquered boxes and birchbark vessels with pictures), and also details of horse harness and clothes from the inner corridors and the coffin.

КЕРАМИЧЕСКИЕ СОСУДЫ В ВИДЕ БАРАНОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ

© 2006 г. И. Н. Храпунов

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь

Могильник Нейзац расположен в самом центре крымских предгорий, приблизительно в 20 км к юго-востоку от Симферополя, в долине реки Зуя. К 2005 г. там было раскопано 268 погребальных сооружений. Они представляли собой склепы, подбойные могилы и грунтовые могилы разных конструкций. Захоронения, исследованные в Нейзаце, распадаются на два культурно-хронологических горизонта. Ранний датируется второй половиной II – первой половиной III в. н.э., поздний – IV в. н.э. Несколько погребений совершили во второй половине III в. н.э. Ранние погребения оставлены, по всей вероятности, сарматами, а поздние, в большинстве – пришедшими с Северного Кавказа аланами (Храпунов, 1998; 2003; 2004а; в; Храпунов, Мульд, 2000; 2004).

Во время раскопок могильника обнаружено четыре керамических сосуда в виде баранов. Кратко опишем обстоятельства находок.

Первый сосуд (рис. 5, 1; 7, А) найден в могиле № 2 (рис. 1). Это необычное погребальное сооружение не имеет аналогий ни в могильнике Нейзац, ни в других синхронных и однокультурных памятниках. Оно представляло собой яму, в плане близкую прямоугольнику, но отличающуюся от стандартной грунтовой могилы рядом деталей. Грабители выбрали ее заполнение почти полностью, но не заметили вырубленную в углу нишу, рядом с которой лежала каменная плита. В нише находились краснолаковый кувшин и одиннадцать разнообразных лепных сосудов, в том числе один – в виде барана. Сосуды стояли вплотную друг к другу, некоторые были составлены “стопкой”, частично опираясь на плиту. На краю плиты лежали железные удила.

Второй сосуд (рис. 5, 2; 7, Б) обнаружен в обычном для могильника Нейзац и подобных ему памятников склепе № 19 (рис. 2). Склеп был разграблен. В его заполнении обнаружены фрагменты керамических и стеклянных сосудов, бронзовые пряжки и перстень, часть костяного гребня, бусы и некоторые другие вещи. Сосуд в виде барана был разбит, вероятно, во время разграбления склепа. Он склеен из обломков не полностью, некоторые фрагменты отыскать не удалось.

Третий сосуд (рис. 6, 1; 7, В) находился в одном из двух подбоев могилы № 238 (рис. 3). Могилы с

одним или двумя подбоями представляют собой обычный для крымских могильников позднеримского времени тип погребального сооружения. Вместе с сосудом в виде барана детское погребение, совершенное в подбое, сопровождали девять лепных и четыре краснолаковых сосуда, железный нож, бронзовое зеркало, множество бус и бронзовая монета императора Максимиана II (305–313 гг. н.э.).

Особенностью могильника Нейзац являются выкопанные среди могил ямы, заполненные сосуда. В течение раскопочных сезонов 1996, 1997, 1999–2004 гг. их обнаружено двадцать. Яму с сосуда № 2 (рис. 4) сверху накрыли плитой. Она была заполнена двумя стеклянными, шестнадцатью лепными, двумя краснолаковыми и одним фигурным в виде барана (рис. 6, 2; 7, Г) сосуда.ми.

В данной публикации невозможно проанализировать многочисленные находки, сделанные вместе с фигурными сосуда. В общем можно сказать, что датировка всех описанных выше комплексов IV в. н.э. сомнений не вызывает. Обнаруженный в них инвентарь типичен для культуры, распространенной в это время в крымских предгорьях.

На части территории могильника Нейзац накопился культурный слой, перекрывший многие погребения III в. н.э. Он насыщен обломками керамики, датированные образцы которой относятся к IV в. н.э. Среди них найден небольшой фрагмент сосуда в виде барана (рис. 6, 3). В том, что фрагмент принадлежал нижней части сосуда именно такого типа, не позволяет усомниться почти прямой угол между стенкой и дном, а также врезной орнамент на его внешней поверхности (ср. с сосудом из склепа № 19).

Все фигурные сосуды из Нейзаца вылеплены от руки. Они схожи между собой, но каждый имеет индивидуальные особенности. Сходство, помимо того что все сосуды изображают вполне определенное животное, проявляется в присущих каждому из них деталях. Животные изображались в строго фронтальной позе. Все сосуды имеют на спине выделенное горло, через которое они наполнялись, а во рту – маленькое отверстие, предназначенное для слива жидкости. Каждый сосуд снабжен ручкой (у сосуда из могилы № 2 она утрачена в древности, но места прилепов видны четко). Оди-

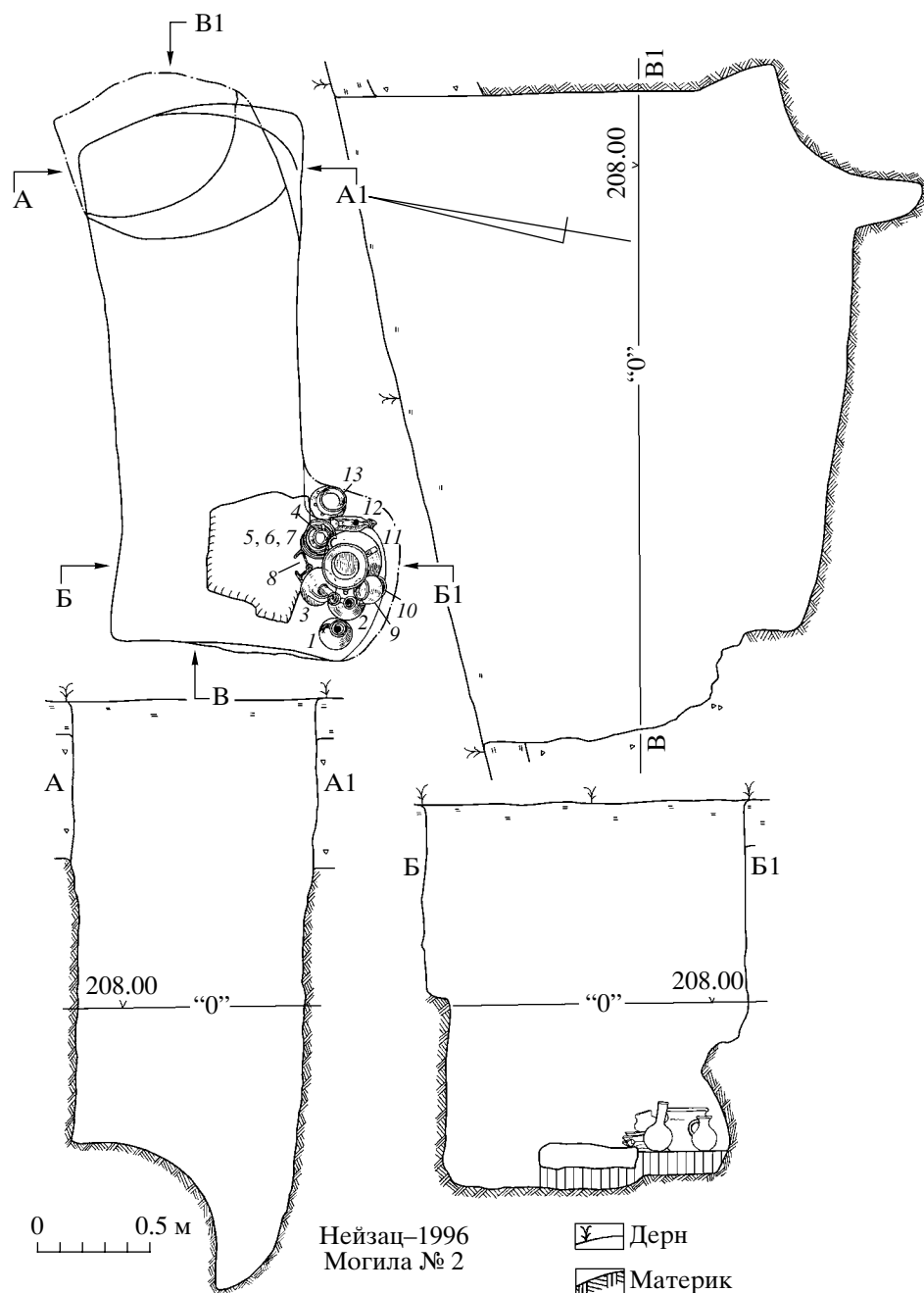

Рис. 1. Могила № 2. План и разрезы. 1 – сосуд краснолаковый; 2–7, 9–11, 13 – сосуды лепные; 8 – удила железные; 12 – сосуд в виде барана.

наково, в виде полукруглых рельефных валиков изображались рога. Все сосуды орнаментированы с помощью отпечатков штампов и врезных линий. В целом не подлежит сомнению, что фигурные сосуды в виде баранов из могильника Нейзац стилистически однородны.

Каждый сосуд, тем не менее, отличается индивидуальными размерами и пропорциями. Сосуд из склепа № 19, в отличие от всех остальных, не имеет ног (у сосуда из могилы № 238 одна из ног утра-

чена в древности), в его основании лежит плоское дно. Он единственный, где рельефом показаны уши барана, а глаза изображены в виде круглых углублений (у других экземпляров глаза выпуклые с углубленными зрачками). Хвост барана на сосуде из склепа № 19 имеет вид рельефного валика, расположенного вертикально на задней части сосуда. В трех других случаях хвост показан коротким отростком, которым заканчивается ручка. Ручки экземпляров из склепа № 19 и ямы с сосудами № 2

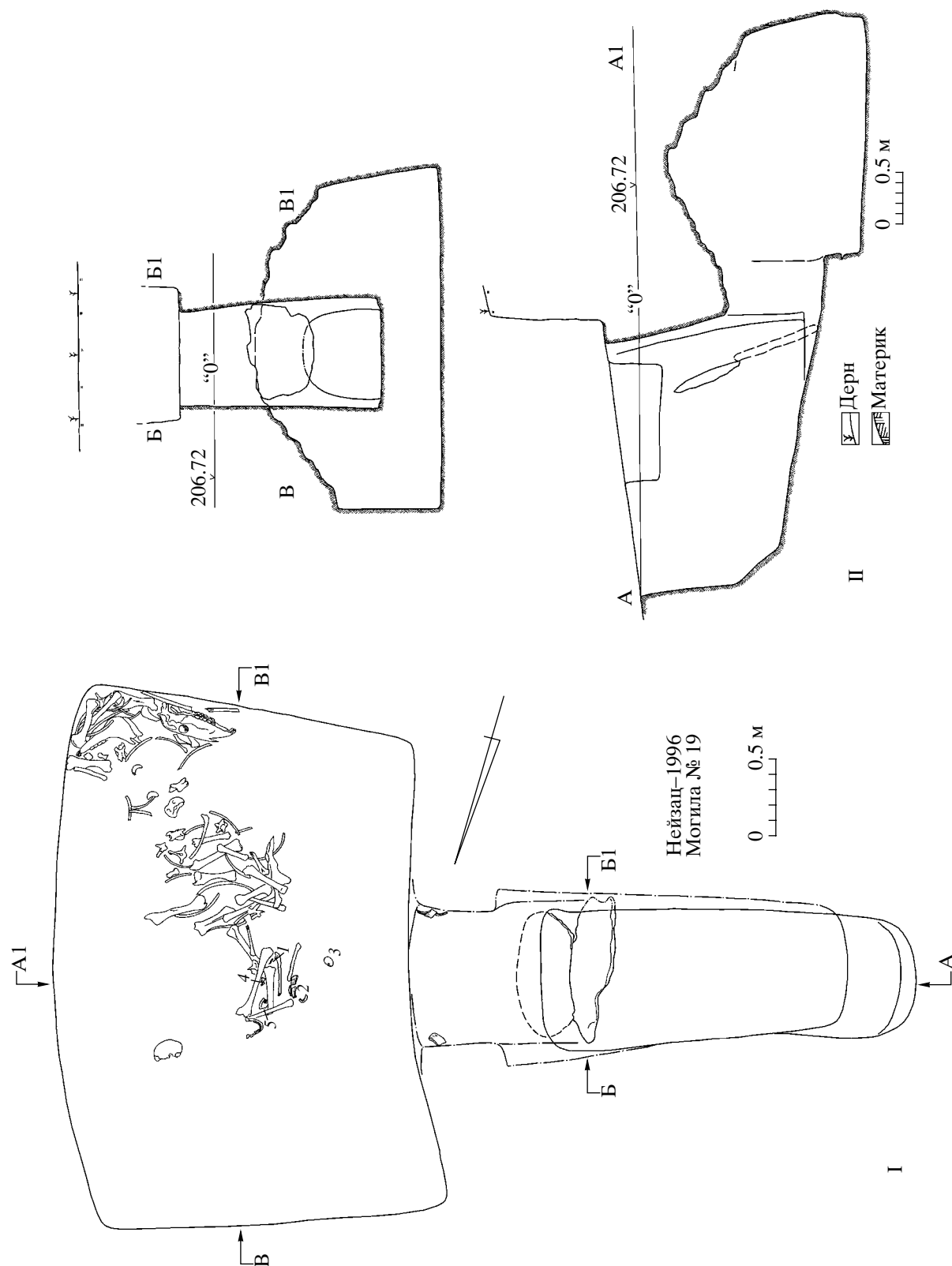

Рис. 2. Могила № 19. I. – План: шило железное (1); фрагменты сосуда в виде барана (2); галька (3); фрагменты сосудов краснолаковых (4, 5). II – Разрезы.

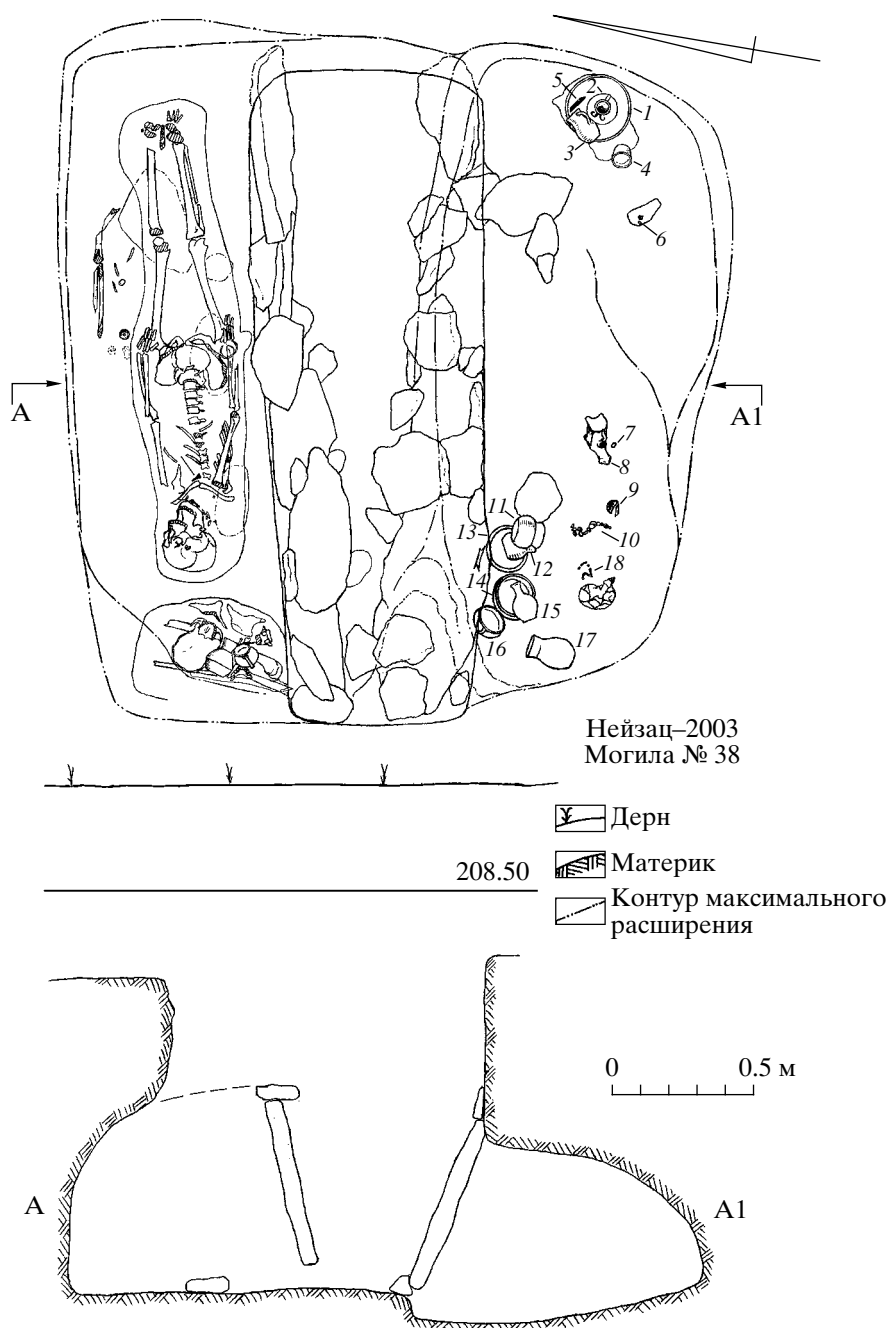

Рис. 3. Могила № 238. План и разрез. 1, 13–15 – сосуды краснолаковые; 2–4, 11, 12, 16, 17 – сосуды лепные; 5 – нож; 6, 10 – бусы; 7 – монета; 8 – сосуд в виде барана; 9 – зеркало.

профилированы и орнаментированы, в отличие от гладкой ручки из могилы № 238. Рога у баранов из могил № 19 и 238 гладкие, а из могилы № 2 и ямы с сосудами № 2 – орнаментированы насечками, причем по-разному.

Все представленные в данной публикации сосуды орнаментированы, но каждый по-своему. Сосуд из могилы № 2 украшен отпечатками двух штампов, маленького квадратного и имеющего вид круга с вписанным в него крестом. Поверх-

ность сосуда из склепа № 19 покрыта отпечатками кольцевого штампа и короткими насечками, очевидно, имитирующими шерсть. Сосуд из могилы № 238 тоже орнаментирован отпечатками кольчатого штампа и короткими насечками, но расположены они иначе, и имитировать шерсть художнику, если он ставил перед собой такую задачу, не удалось. Экземпляр из ямы с сосудами № 2 украшен отпечатками кольцевого штампа и короткими глубокими насечками, направленными сверху вниз.

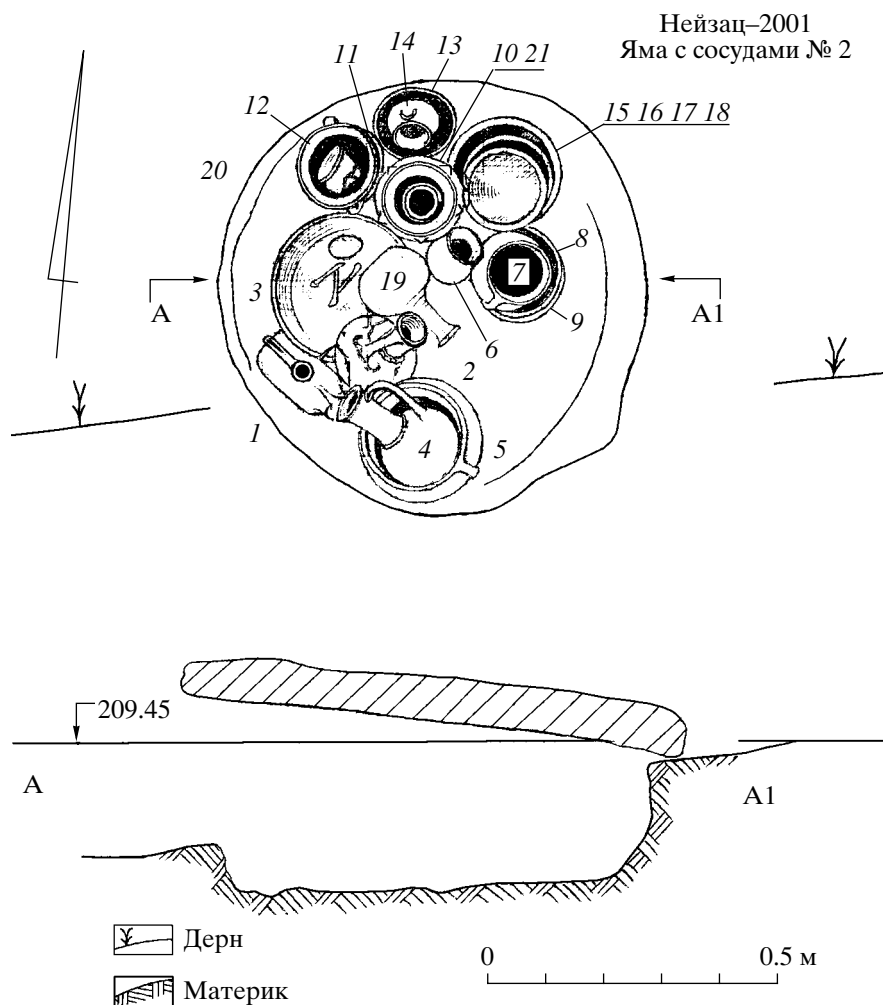

Рис. 4. Яма с сосудами № 2. 1 – сосуд в виде барана; 2, 4–14, 16–18 – сосуды лепные; 3, 15 – сосуды краснолаковые; 19, 20 – сосуды стеклянные.

Мелкие отличия в форме и орнаментации можно перечислять и дальше, но и так ясно, что сосуды, имеющие несомненное общее сходство, отличаются друг от друга многими деталями, причем каждый из них индивидуален.

Культура населения крымских предгорий IV в. н.э. представлена, кроме нейзацкого, такими могильниками, как Дружное (Храпунов, 2002), Суворово (Зайцев, 1997; Зайцев, Мордвинцева, 2003; Юрочкин, Труфанов, 2003), Озерное III (Лобода, 1977), Инкерманский (Веймарн, 1963), Чернореченский (Бабенчиков, 1963), Курское (Труфанов, Колтухов, 2001–2002) и др. В каждом из них найдено множество аналогичных вещей, что наряду с унифицированными нормами погребального обряда и позволяет объединить эти памятники в единую археологическую культуру. Сосудов в виде баранов нет нигде, кроме нейзацкого могильника. Их нет даже в Дружном – могильнике, в культурном отношении очень близком, почти тождествен-

ном нейзацкому и расположенному от него всего в 10 км. Причем в Дружном участок с могилами IV в. н.э. исследован полностью. Таким образом, можно говорить о локальной культурной специфике небольших коллективов. У тех людей, которые жили в долине Зуи, она проявлялась в некоторых особенностях орнаментации лепных сосудов, в устройстве в стенах грунтовых могил пазов, предназначенных для удержания концов деревянного перекрытия, в большом количестве погребений лошадей (для этого использовали входные ямы склепов и подбойных могил, погребальные камеры склепов, подбой, выкопанные во входных ямах склепов, и специальные грунтовые могилы), в изготовлении из железа различных деталей шкапулок, которые в других местах обычно делали из бронзы, и т.д., но наиболее ярко – в производстве фигурных керамических сосудов в виде баранов.

О том, почему именно баранов решили воплотить в глине изготовители нейзацких сосудов,

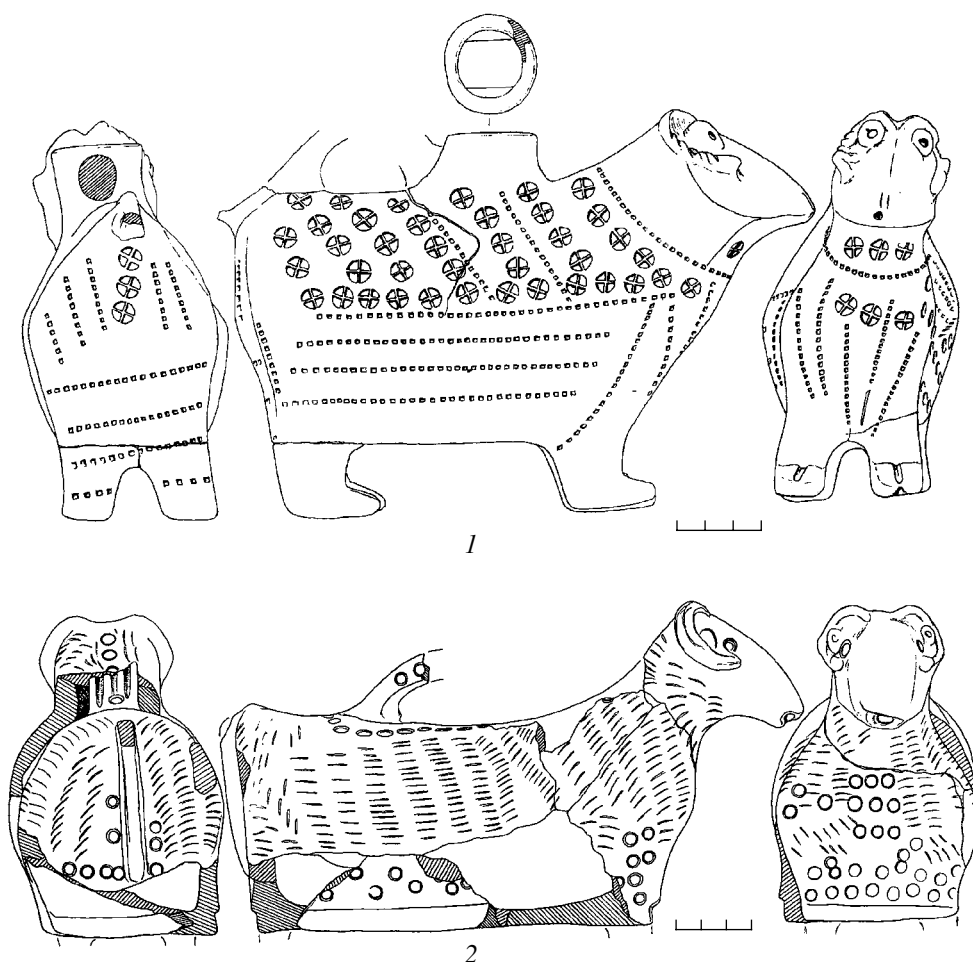

Рис. 5. Сосуды из могил: 1 – № 2; 2 – № 19.

можно выдвигать лишь предположения, основанные на нескольких допущениях. Различные зооморфные сосуды были широко распространены в разных частях ойкумены, у разных, в том числе никак не связанных друг с другом народов, в огромном хронологическом диапазоне. Поэтому первая и едва ли не главная проблема заключается в поиске культурного контекста, где следует искать прототипы или идеи, на которых основывались мастера, изготовившие уникальные нейзацкие сосуды. Наиболее вероятная гипотеза о формировании населения предгорного Крыма в IV в. н.э. заключается в следующем. Приблизительно на рубеже III и IV вв. н.э. происходило массовое переселение в Крым северокавказских племен. Их, оставшихся на Северном Кавказе соплеменников, в средние века называли аланами. Кавказские мигранты столкнулись в предгорном Крыму с издавна обитавшими там сарматами, а также со своими собственными соплеменниками, в небольшом количестве переселявшимися на полуостров, начиная с первой половины III в. н.э. (Храпунов, Мульд, 2004. С. 310, 312). Двигаясь через Керченский полуост-

ров, они увлекли с собой какую-то часть боспорского населения, а в предгорном Крыму застали, кроме сармат, немногочисленных потомков разгромленных в середине III в. н.э. поздних скифов. Доминанту этнических процессов IV в. н.э. можно определить как ассимиляцию сарматов численно преобладавшими аланами. Впрочем, этот процесс не завершился из-за вторжения гуннов в конце IV в. н.э. (Храпунов, 2004б. С. 153, 154).

Если эта гипотеза верна, то придется признать, что все основные участники этнических процессов, происходивших в предгорном Крыму в позднеримское время, принадлежали миру ираноязычных народов. Следовательно, именно в иранской среде, по всей вероятности, бытовали идеи, воплотившиеся в образе баранов, изображения которых найдены при раскопках могильника Нейзац.

В 1997 г. сразу две исследовательницы обратились к изучению краснолаковых, античного производства сосудов в виде баранов, найденных в сарматских погребениях. Обе они, Н.П. Сорокина (1997. С. 39) в очень лаконичных выражениях, а Э. Иштванович (1997; Istvánovits, 1997–1998) с до-

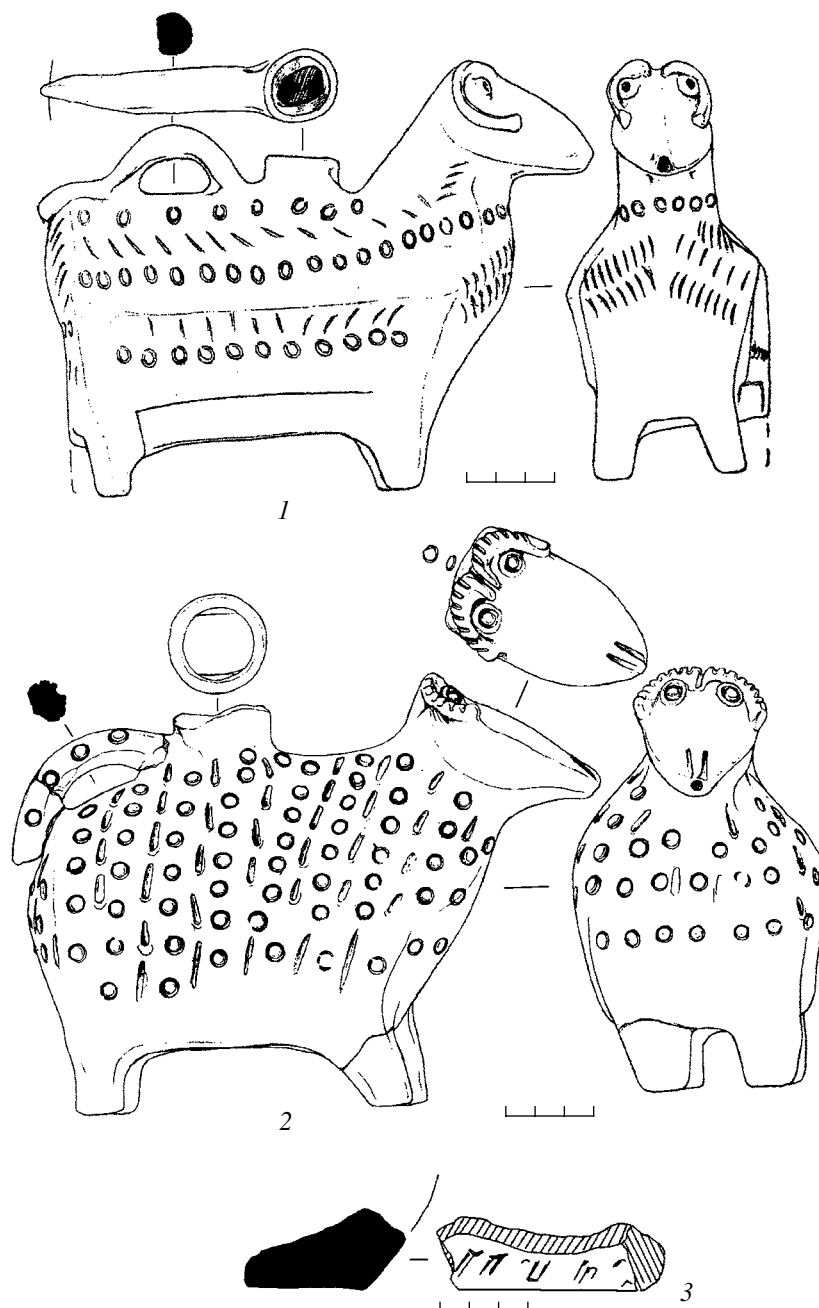

Рис. 6. Сосуды: 1 — из могилы № 238; 2 — из ямы с сосудами № 2; 3 — фрагмент сосуда в виде барана из культурного слоя.

статочно подробным обоснованием, пришли к выводу о том, что сарматы видели в этих сосудах воплощение фарна. К мнению Э. Иштванович (но почему-то не Н.П. Сорокиной) критически отнесся Д.В. Журавлев, указав, что краснолаковые сосуды в виде баранов в большинстве производились античными мастерами для нужд эллинов (Журавлев, 2000. С. 338). Однако венгерская исследовательница и не пыталась оспорить это очевидное обстоятельство. Согласно ее точке зрения, сарматы выбирали сосуды именно в форме баранов (а не

другие фигурные, которых тоже было много в античных городах) потому, что они соответствовали их представлениям о художественном, материальном воплощении фарна. Н.П. Сорокина и Э. Иштванович по существу распространили на находки из сарматских курганов наблюдения Б.А. Литвинского, который, во-первых, тщательно проанализировал значение сложного, присущего всем иранцам понятия “фарн”, а во-вторых, привел бесспорные литературные, иконографические и этнографические доказательства частой матери-

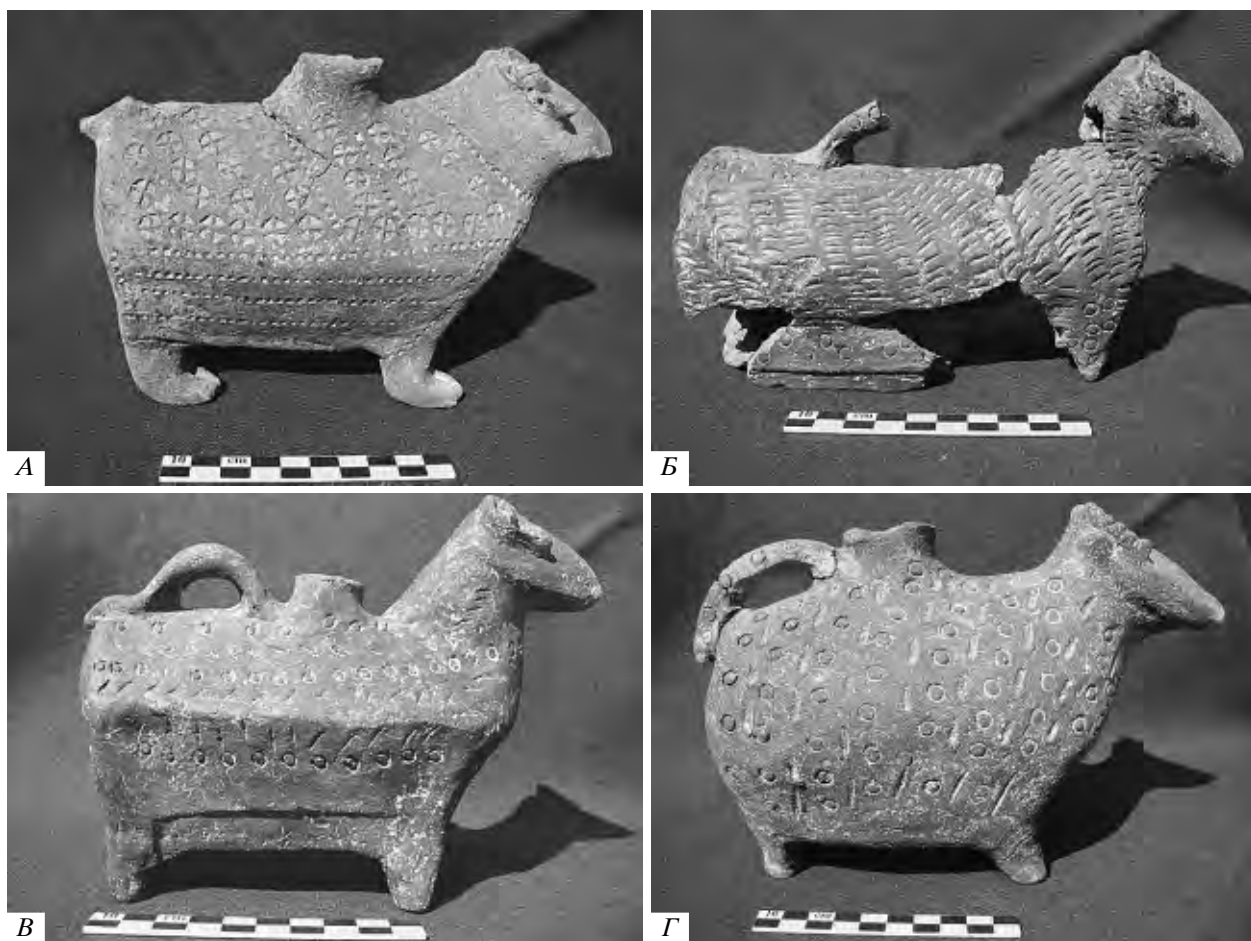

Рис. 7. Сосуды из могил. Фото: А – № 2; Б – № 19; В – № 238. Г – из ямы с сосудами № 2 (А, В – см. цветную вклейку № 3).

ализации фарна в образе барана (1968). Вполне вероятно, что теми же идеями вдохновлялись и нейзацкие мастера, лепившие глиняных баранов. Пониманию семантики нейзацких сосудов, возможно, могут помочь и другие заключения Б.А. Литвинского. Образ барана был, наряду с воплощением фарна, еще и инкарнацией Веретрагны, иранского бога войны и победы. Так что у разных иранских племен возможна контаминация обоих смыслов (Литвинский, 1968. С. 91). Фарн в некоторых древних текстах был связан с водой, поэтому сосуды, воплощавшие его, должны были обезопасить содержимое от действия злых сил, гарантировать здоровье, обеспечить обилие (Литвинский, 1968. С. 110).

Идея изготавливать сосуды в виде баранов зародилась у небольшого коллектива людей, обитавшего в долине Зуи, по всей вероятности, независимо от внешних влияний. В той культурной среде, которой они принадлежали, изображения баранов в какой-либо форме не известны. Их предшественники в крымских предгорьях – поздние скифы украшали изображениями бараньих голов керамические, так называемые очажные подставки (Дашевская, 1991. Табл. 8). По данным

О.А. Махневой, лепной сосуд в виде барана обнаружен в некрополе позднескифской столицы. Несколько можно судить по плохому рисунку, стилистически он ничем не напоминает нейзацкие находки (Махнева, 2004. С. 101. Рис. V, 11). Бронзовое навершие, украшенное изображениями голов баранов, найдено в мавзолее скифской знати (Погребова, 1961. С. 174. Рис. 28, 2). На позднескифском Усть-Альминском городище раскопана яма, заполненная костями ягнят. На костях лежали две вылепленные из необожженной глины ноги барана (Высотская, 1984. С. 136. Рис. 3). Напомним в связи с этим, что позднескифская культура прекратила свое существование приблизительно в середине III в. н.э. К этому времени прерывается традиция придавать сходство с баранами ручкам лепных сосудов, нашедшая некоторое распространение у сарматов, живших на Северном Кавказе и Подонье (Скалон, 1941. С. 174–184). Более всего напоминают нейзацкие сосуды уже упоминавшиеся краснолаковые изделия античного производства. Самые поздние из них датируются второй половиной III, а может быть и началом IV в. н.э. (Симоненко, 1998. С. 72, 73) и, следовательно, близки

по времени сосудам из нейзацкого могильника. Однако они найдены далеко от Крыма, в Нижнем Приднепровье и Венгрии. Нет никаких доказательств того, что нейзацкие мастера видели краснотерракотовые сосуды и могли использовать их в качестве образца для своих изделий.

Подводя итоги, необходимо акцентировать внимание на следующем. Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац уникальны. Их наличие позволяет говорить о локальной культурной специфике различных коллективов, создавших в целом однородную культуру крымских предгорий IV в. н.э. Можно предположить, что в образе барана воплощалась общая для ираноязычных народов идея фарна. Однако следует иметь в виду отсутствие прямых доказательств этой гипотезы. Она основана лишь на ряде более или менее логичных предположений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII.
- Беймарн Е.В. Археологічні роботи в районі Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII.
- Высотская Т.Н. Некоторые аспекты духовной жизни населения Усть-Альминского городища // Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984.
- Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д1-7. М., 1991.
- Журавлев Д.В. О сарматских мотивах в краснотерракотовой керамике // ΣΥΣΤΙΤΑ. СПб., 2000.
- Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997.
- Зайцев Ю.П., Мордвинова В.И. Исследование могильника у с. Суворово в 2000 г. // МАИЭТ. Вып. X. Симферополь, 2003.
- Иштанович Э. Данные по религиозным представлениям сарматов Карпатского бассейна // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997.
- Литвинский Б.А. Кангюско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
- Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4.
- Махнева О.А. Новые данные о лепной керамике населения Неаполя скифского // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). Симферополь, 2004.
- Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского // МИА. 1961. № 96.
- Симоненко А.В. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. 1. Краснодар, 1998.
- Скалон К.М. Изображение животных на керамике сарматского периода // Тр. отдела истории первобытной культуры. Т. 1. Л., 1941.
- Сорокина Н.П. Религия и короластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ). М., 1997.
- Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // Stratum plus. 2001–2002. № 4.
- Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin, 2002.
- Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. Симферополь, 2003.
- Храпунов И.Н. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, 2004а.
- Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Боспорские исследования. Вып. VI. Симферополь; Керчь, 2004б.
- Храпунов И.М. Ніж з тамгообразним знаком з могильника Нейзац у Криму // Археологія. 2004в. № 3.
- Храпунов И.Н., Мульд С.А. Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.
- Храпунов И.Н., Мульд С.А. Склепы с захоронениями III в. н.э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь; Керчь, 2004.
- Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII. Севастополь, 2003.
- Istvánovits E. A szarmaták és a kos. Adatok a Kárpát-medence szarmatáinak hitvilágához // A Jóna András Múzeum Évkönyve. 1997–1998. V. XXXIX–XL.

Ceramic vessels in the form of a ram from the Neizats burial ground

I. N. Khrapunov

Summary

The Neizats burial ground is located in the center of the Crimean foothills. In the course of excavations four ceramic vessels in the form of a ram were discovered. All these vessels are dated to the 4th c. A.D. They are modelled by hand and made in the same style but each vessel is different in its size, form and ornamentation. The vessels in the form of a ram from the Neizats burial ground are unique. They have no parallels even in synchronous monuments belonging to the same culture and located hereabouts. Their presence permits to testify a local cultural specificity of different groups, that created the culture of the Crimean foothills of the 4th c. A.D., which is, on the whole, uniform. The submountain Crimea in the late Roman period was populated predominantly by the Sarmats and the Alans. On this basis one can suppose that the notion of farn, which was common for all Persian nations, was embodied in the image of a ram. However, one should take into consideration the absence of direct proofs of this hypothesis. It is based only on a range of more or less logical suppositions.

ИРАНСКАЯ ЧАША XII В. ИЗ БИЛЯРА

© 2007 г. С. И. Валиулина

Казанский государственный университет

В Билярской коллекции Археологического музея Казанского университета хранится кашинная чаша (АКУ-307/1), обнаруженная в 1978 г. на XXIII раскопе в центре внутреннего города Билярского городища. Руководитель работ А.Х. Халиков считал сосуд продукцией Мавераннахра и датировал X–XII вв. (Дроздова и др., 1979. С. 170, 171). Чаша многократно публиковалась, но лишь в качестве в иллюстрации без анализа и сопроводительного текста (Дроздова и др. 1979. С. 170, 171; Halikov, 1991. С. 81; Биляр и Волжская Булгария, 1997; Моця, Халиков, 1997. С. 37. Рис. 11). Специальное изучение уникальной находки и найденные аналогии позволили в итоге ограничить дату изготовления сосуда XII в. (Валиулина, 2001. С. 51). В то же время вышла статья М.Г. Крамаровского с сюжетом о билярской находке, где говорится, что чаша обнаружена “в слое из позднего Биляра, возможно, раннемонгольского времени” (2001. С. 29), и далее автор датирует чашу “монгольской эпохой” (2001. С. 30). Оба определения вызывают возражения. Время слоя, в котором найдена чаша, определено произвольно, без анализа стратиграфии и археологического контекста, которые показывают отсутствие в Биляре золотоордынского слоя. В последнее время датировка самого изделия домонгольским XII в. получила дополнительные доказательства, благодаря выявленным новым, датированным аналогиям (Fehervari, 2000. P. 98. № 105).

Билярская находка представляет собой глубокую чашу (рис. 1), из твердого полуфаянса, орнамент выполнен высоким рельефом прессовкой в формах-матрицах. Цвет основы молочный, теплый, имеет оттенок слоновой кости, толщина стенок – 2–3 мм. По контуру рельефа сделаны сквозные точечные проколы. Поверхность покрыта прозрачной свинцовой глазурью, так что на просвет отверстия остаются прозрачными. Чаша дополнительно расцвечена подглазурными пятнами яркого кобальтового цвета. Верхняя часть оформлена фестонами, на которых расположены рельефы – 14 неповторяющихся женских лиц в высоких головных уборах (коронах?) с парным изображением птиц на них – голубей, соколов, куропаток, уток, гусей и лебедей, причем лебеди изображены с переплетенными шеями. Гуси украшают три головных убора, все остальные пары птиц присутствуют дважды – повторные изображения уток и

куропаток можно предположить на утраченных фрагментах. На одном головном уборе вместо птиц в центре помещен подквадратный щиток, возможно, на нем был изображен какой-то знак или символ (рис. 2).

Лица отличаются мягким округлым овалом, длинными дугами бровей, характерной складкой вдоль лба, широко открытыми, чуть раскосыми глазами, прямым, довольно широким носом и небольшим ртом. Верхнюю часть лица, виски и лоб обрамляют завитки – деталь головного убора или волосы (?).

Нижний орнаментальный пояс состоит из двойного венка пальметток, отдельные элементы которых схожи с обрамлением лиц. Лепное украшение, отмеченное кобальтовой краской, вероятно, находилось и на дне, внутри чаши, но, выполненное накладным налепом, а не тиснением, оно оказалось не долговечным после обжига. Возможно, утраченное изображение, могло быть ключом к прочтению всей изобразительной композиции.

Пропорции чаши строго соответствуют принципу “золотого сечения”.

В качестве модуля – условной мерной единицы координации элементов конструкции – мастером был принят диаметр поддона, равный 7 см, высота чаши составляет 10 см, т.е. равна диагонали квадрата, сторона которого равна модулю. Откладывая по одной стороне квадрата полученную диагональ (10 см), получаем прямоугольник, диагональ которого равна 14 см (диаметр венчика без фестонов). Правило расчета пропорций из построения квадрата и правильного прямоугольника было одним из основополагающих в искусстве средневекового Востока (Ремпель, 1978. С. 157, 158).

Количественным спектральным анализом определен состав основы-фаянса билярской чаши (таблица, анализ 1), который содержит значительно меньше глинозема (3.78%) и больше кремнезема, соединений кальция и магния, чем все эти составляющие в тесте сосуда “минаи” (таблица, анализ 2). Эта специфика формовочной массы может указывать на более раннее происхождение чаши с рельефами.

Главным центром производства сосудов из твердого полуфаянса, декорированных простой гравировкой или прорезным ажуром, залитым прозрачной глазурью, считается юг Ирана (Квер-

Рис. 1. Иранская чаша из Биляра. Фото (см. цветную вклейку № 4).

фельдт, 1947. С. 100). В Северном Хоросане эта техника появилась в конце XII – начале XIII в. (Пуганченкова, 1949. С. 477; Атагарриев, Бяшимова, 1979. С. 100). В Старой Гяндже, городе X–XIII вв. такие сосуды, покрытые бирюзовой или синей глазурью, происходят из наиболее глубоко лежащих слоев (Левиатов, 1940. С. 35). В X–XI вв. белоглиняная керамика известна в Армении, где она также украшалась гравировкой, тиснением и ажуром, узор располагался по борту чаши в виде сравнительно неширокого фриза или размещался на дне. Ни ярких красок, ни густой гравированной орнаментации на армянских фаянсах X–XI вв. нет. Исследователи отмечают лишь “робкие отступления от принципа одноцветности в раннеармянской керамике, выразившиеся в оживлении поверхности изделий беспорядочно разбросанными синими или зелеными пятнами” (История искусства...,

1973. С. 170). Часто такие сосуды украшались тиснением крупной розеткой, известной только в армянских изделиях, а также ажуром в виде сквозных дырочек (Измайлова, Айвазян, 1969. С. 75). Наиболее полные образцы фаянсовых чаш с гравировкой и ажуром происходят из развалин дворца Багратидов в Ани, из слоя XI в. (Шелковников, 1957. С. 34, 43–45). Причем большинство сосудов украшает пояс непрерывно выходящего орнамента, выполненного гравировкой. Б.А. Шелковников считает его типично анийским орнаментом, повторяющимся в рукописных миниатюрах и в архитектуре (1957. С. 44).

В Закавказье известны также фаянсовые чаши с рельефными украшениями накладной техники, так называемыми “маскаронами” – личинами в своеобразных и разнообразных головных уборах. Поверхность таких чаш покрыта цветными прозрачными глазурями (Шелковников, 1957. С. 51, 52). Установлено, что нигде, кроме Кавказа, такие маскароны не встречаются. На Кавказе же, кроме Ани, фрагменты сосудов с аналогичным декором найдены в Двине и Дманиси (1957. С. 52). В Ани часть сосудов с маскаронами датируется XI в., и гораздо больше фрагментов относятся к XII–XIII вв. (1957. С. 53). В целом же Э.К. Кверфельдт рассматривает рельеф как пережиток старинной керамики (1947. С. 71).

По технологическим признакам, характеру и стилистике декора билярская чаша входит в круг ближневосточной и закавказской художественной фаянсовой посуды со сложным декором, выполненным тиснением и ажуром под бесцветной прозрачной глазурью. Близость билярской чаши с анийской и двинской посудой обусловлена, очевидно, их общим первоисточником – иранским фаянсом. Декор билярской чаши не содержит специфических приемов украшения, отличающих армянские изделия (гравировка, крупные розетки, выходящий орнамент, маскароны). Лица рельефов

Химический состав кашинной основы чаши с личинами и “минаи” Билярского городища

Проба Анализ 1	As	P	Mn	Pb	Sn	Mo	Cu	Ag	Zn	Ti	Co	Ni	Zr	Cr	Sr	Ba	Y
Чаша с личинами. Биляр	0.03	0.09	0.03	3.0	0.006	+	0.01	+	0.005	0.13	0.1	0.002	0.008	0.014	0.02	0.02	+
Кашин “минаи”. Биляр	0.005	0.06	0.04	2.5	0.5	+	0.02	0.002	0.005	0.5	0.002	0.002	0.015	0.007	0.074	0.006	+
Проба Анализ 2	Yb		Na		K		B		Mg		Ca		Al		Fe		Si*
Чаша с личинами. Биляр	+		2.08		1.22		0.02		0.83		2.6		3.78		0.85		85.2
Кашин “минаи”. Биляр	+		8.00		1.5		0.005		0.8		6.00		6.04		0.6		75.00

* SiO + потери при прокаливании.

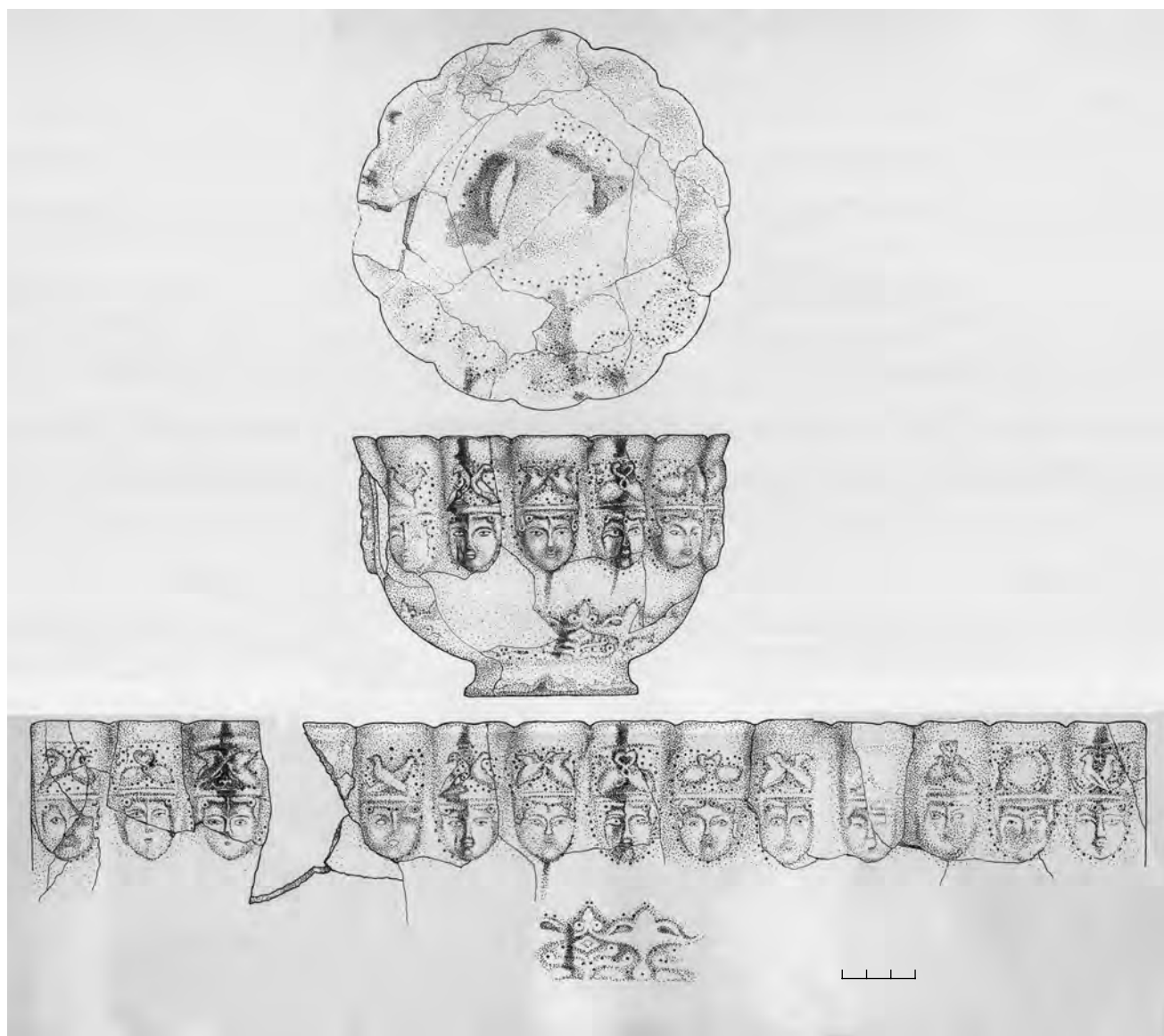

Рис. 2. Иранская чаша из Биляра. Прорисовка.

на чаше существенно отличаются от изображений на армянских книжных миниатюрах, поливных чашах, архитектурных рельефах и напоминают изображения на некоторых иранских металлических изделиях. Причем тип лица на этих металлических изделиях, как и на билярской чаше, “более ранний, чем у подчеркнуто узкоглазых персонажей росписей иранской керамики XII – начала XIII в.” (Сокровища Приобья, 1996. С. 136). Определенное сходство изображений на чаше можно увидеть в средневековых глиняных и фаянсовых статуэтках, изделиях из резного стука с территории Южного Ирана и Ирака, в том числе должен быть назван глиняный сосуд XI в. из собрания иракского музея в Багдаде (Веймарн, 1974. № 35). Верхнюю часть изделия украшают две лепные го-

ловки. Богатство зооморфных и антропоморфных изображений на билярской чаше как будто также свидетельствует в пользу ее иранского происхождения. “Тогда как большинство исламского мира отбросило изображение живых существ, Иран, имевший длительную и богатую художественную традицию, создал специфическую иранскую иконографию” (Diva, 1935).

Одним из наиболее ранних образцов, оформленных ажурным декором “*grain de riz*” с кобальтовой подцветкой под бесцветной глазурью, является кувшин из собрания Лувра. Жан Сустиль определяет его как продукцию Рея XI в., обращая внимание, что сосуд повторяет бронзовые иранские и месопотамские кувшины IX–X вв. (Soustiel, 1985. Р. 100). Другой кувшин с вертикальными ко-

бальтовыми подтеками и рельефной надписью, оконтуренной сквозными проколами также рейского производства, датирован значительно позднее – XIII в. (*Islamische keramik*, 1973. № 208. S. 149). В XII в. сосуды с ажуром и рельефом, кроме Рея, производились в Нишапуре и Кашане (*Islamische keramik*, 1973. № 206, 207. S. 148, 149). Рельефное изображение лиц в ряд и растительный орнамент украшают фрагмент неполированного кувшина из Музея турецкого и исламского искусства в Стамбуле, однако эти изображения имеют иной, более узкий разрез глаз. Изделие относится к сельджукскому периоду и датируется XII–XIII вв. (*The Anatolian...*, 1983. P. 79).

В музейных и частных собраниях имеются сосуды, сочетающие в себе все декоративные приемы, украшающие биларскую находку (Lane, 1948. Fig. 37). Размеры и пропорции некоторых из них точно совпадают с чашей из Билара (Azarnoush-Maillard, 1978. № 15). Чаша из коллекции Эдмунда Унгера украшена рельефной надписью, почерком насх, и птицами, окруженными сквозными отверстиями под бесцветной глазурью, производство, предположительно, – Рей, XII в. (*World Ceramics*, 1968).

В Иране и в Месопотамии в XII–XIII вв. производились и глиняные сосуды – кувшины (Fehervari, 1973. P. 116. Pl. 62. № X, 7), и чаши (Grube, 1976. P. 166. № 114) с рельефом и гравировкой. В собрании Национального музея Кувейта хранится глиняная чаша, оформленная десятью ложками с женскими лицевыми изображениями и парами птиц над головами, а также овальные формы для выполнения ложков с лицами. Изделие иранского производства датируется XII–XIII вв. (Watson, 2004. P. 140–142).

Г. Фехервари считает, что изделия с резным орнаментом возникли в подражание китайским фарфоровым сосудам “*ch'ing-pai*” периода Сун. Исследователь предлагает эволюцию этой группы керамики на материале коллекции Tareg Rajab музея (Fehervari, 2000. P. 96–98. № 98–105). Наиболее ранние образцы, по его мнению, были просты по форме и значительно уступали своим китайским современникам. В качестве наиболее раннего примера предлагается маленький красноглиняный сосуд с двусторонней прозрачной бесцветной глазурью с зеленым оттенком (2000. P. 96. № 98). Следующий сосуд – кувшин имеет рельефную дольчатую поверхность тулова, покрыт бесцветной глазурью, с сеткой кракле и вертикальными подглазурными кобальтовыми подтеками (2000. P. 98. № 104), декорация обогащается выдавленными или оттиснутыми в форму изображениями бегущих животных, рельефными валиками, надписями, синими брызгами и сквозными проколами. Кувшин принадлежит финальной фазе развития приемов декорирования рассматриваемой группы изделий. Послед-

ний образец в эволюционном ряду – фрагментарно сохранившийся сосуд дольчатой формы, каждая доля которого украшена лицевыми изображениями. Эта чаша является самой близкой аналогией биларской находке, кроме приемов украшения обе чаши имеют и одинаковые размеры. Исследователь пишет, что красота этого сосуда может быть полностью представлена подобным изделиям, но покрытым бирюзовой поливой (Fehervari, 2000. P. 101. № 111). Можно утверждать, что биларская чаша, является наиболее совершенным образцом этой группы изделий из всех известных на настоящий момент. Г. Фехервари датирует “финальные образцы”, сочетающие в себе весь комплекс декоративных приемов – ажурность, оттиснутые лице-вые изображения, кобальтовые подтеки, прозрачную, бесцветную поливу – XII в. и считает, что они могли быть изготовлены как в Кашане, так и в Джераде (Афганистан) (Fehervari, 2000. P. 98).

Рассмотренные аналогии позволяют сделать вывод, что биларская чаша была выполнена в Иране в XII в.

Обратившись к семантике декора, можно предположить, что на чаше изображены пари-пэри-пери – в ирано-персидской мифологии злые или добрые духи (Мифы..., 1992. С. 286). В зооморфном изображении добрые пери предстают в виде красивых птиц. В антропоморфном облике доброжелательные пери – красивые девушки или женщины в белой, синей или красной одежде. В некоторых тюркских мифах пери имеют связь с водной стихией, являются “хозяйками воды” (1992. С. 287). Если взглянуть на прекрасные лица и пары птиц над ними как на единый образ, то он ассоциируется с фравашами – фраварти, которые в иранской мифологии считаются олицетворением души. Фраваша имеют женский облик и “реют в небесах” (1992. С. 571). В облике крылатого существа в иранских мифах предстает и Каршиптар – владыка водной стихии, царь пернатых в земном мире. Образ Каршиптар восходит к архаичному евразийскому мифу о божестве Демиурге в образе водоплавающей птицы (1992. С. 625).

Согласно Корану, в вечно весеннем цветущем райском саду праведников ждут прекрасные гурии. На средневековых миниатюрах, в частности к тексту “Ми’радж-наме”, на головах гурий можно видеть “ангельские” головные уборы из двух крыльев, у некоторых гурий на головах сидят птицы (Бертельс, 1997. С. 385).

В армянской мифологии культу птиц также отводилось большое место. Группа птиц: голубь, аист, фазан, орел-грифон, павлин, лебедь, утка – связывается преимущественно с небесным культом, символизируя бессмертие души (Калантарян, 1982. С. 35). В.П. Даркевич, обращая внимание на то, что в средневековом искусстве многозначный образ птицы имеет разные смысловые оттенки,

указывает, что парные изображения птиц на стенках чаш являются любовными символами, образами благополучия и счастья в семье, т.е. в этих изображениях видели апотропеи, отвращающие всякое зло (1975. С. 230). Особого внимания в этой связи заслуживают парные изображения птиц с перевитыми шеями и соприкасающимися клювами, как бы для “поцелуя”. И.А. Орбели, анализируя такие изображения в средневековой армянской миниатюрной живописи, указывает на очень ранние аналогии этой композиции в искусстве древней Месопотамии и сообщает, что символическое значение этой сцены “в миниатюрах раскрыл, или во всяком случае объяснил, выдающийся армянский ученый, проповедник и поэт XIII в. Иоанн Ерзнкаци: он определял этих свившихся шеями водяных птиц, пеликанов, соприкасающихся клювами, как символ любви” (Орбели, 1968. С. 118). Этот мотив восточного происхождения был известен и в Византии (Даркевич, 1975. С. 312). На Дальнем Востоке в танское время широкое распространение получили “так называемые свадебные зеркала, орнамент которых состоял из парных птиц, символизирующих счастливый брачный союз” (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 19). Парные изображения водоплавающих птиц с переплетенными шеями известны и на китайских стеклянных украшениях династии Минь (Хан, 1998. С. 40).

Кроме сюжетной и персональной символики в оформлении чаши очевидна символика числовая и цветовая. На чаше 14 ликов – в исламе священным является число семь. “Пророк пролетает семь небес, входит в них через семь врат, затем спускается в ад, где проходит семь кругов”. Умножения числа семь дают символы множественности и универсальности. (Бертельс, 1997. С. 377). Некоторые аллегории, вероятно, могло бы объяснить нанесение как будто беспорядочных синих подтеков по почти белой поверхности чаши. Так, например, согласно системе цветовой символики, суфизма “завеса” жизненного начала имеет синий цвет (1997. С. 302).

Исследователи неоднократно отмечали, что рельефные оттиски человеческих головок на керамических сосудах на Востоке известны с глубокой древности, выполнялись они в подражание сосудам металлическим и имели культово-магическую функцию. С.Б. Лунина при этом считает, что “в своем значении антропоморфные изображения как бы перекликаются с многочисленными надписями – благопожеланиями на тех же сосудах. Те же пожелания владельцу сосуда благополучия, могущества, счастья, силы, ума, богатства, процветания лишь выражаются в иносказательной форме. Эту же идею передают в керамике и образы зооморфные” (Лунина, 1962. С. 341).

На основании датированных аналогий по технологии и декору, а также исходя из условий находки, можно сделать вывод, что чаша была изго-

товлена в Иране или Месопотамии в XII в. В настоящее время билярская коллекция восточной посуды на кашинной основе составляет более 300 находок, что вместе со стеклянными и другими изделиями отражает интенсивные торговые связи Волжской Булгарии со странами Ближнего Востока. В то же время уникальный характер билярской чаши с личинами позволяет предположить, что в Биляр она попала в качестве дорогого, может быть свадебного подарка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атагарриев Е, Бяшимова Н. Кашинные изделия Миссариана // Каракумские древности. Вып. VIII. Ашхабад, 1979.
- Бертельс А.Е. Художественный образ в искусстве Ирана IX–XV вв. (слово, изображение). М., 1997.
- Биляр и Волжская Булгария. Изучение и охрана археологических памятников. // Тез. науч. конф. Казань, 1997.
- Валиулина С.И. Иранская стеклянная и фаянсовая посуда из Биляра // Россия и Иран. Иранистика в Татарстане. М., 2001.
- Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана VII–XVII вв. М., 1974.
- Даркевич В.П. Светское искусство Византии. М., 1975.
- Дроздова Г.И., Халиков А.Х., Фаттахов Р.М., Членова Н.Л. Работы на Билярском городище и в его окрестностях // АО-1978. 1979.
- Измайлова Т., Айвазян М. Искусство Армении. М.; Л., 1969.
- История искусства народов СССР. Т. 2. М., 1973.
- Калантарян А.А. Раннесредневековые буллы Двина // Археологические памятники Армении. Т. 13. Средневековые памятники. Вып. V. Ереван, 1982.
- Кверфельдт Э.К. Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.
- Крамаровский М.Г. Художественный металл и керамика в XIII–XIV вв. (по материалам золотоордынских находок) // Культура и искусство христиан-негреков. СПб., 2001.
- Левиатов В.Н. Керамика Старой Гянджи. Баку, 1940.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975.
- Лунина С.Б. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII вв. // Тр. ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.
- Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992.
- Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар-Киев. Пути-связи судьбы. Киев, 1997.
- Орбели И.А. Избранные труды. Т. 1. Из истории культуры и искусства Арменни X–XIII вв. М., 1968.
- Пугаченкова Г.А. Глазурованная керамика Нисы XV–XVI вв. // Тр. ЮТАКЭ. Т. 1. Ашхабад, 1949.
- Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. М., 1978.
- Сокровища Приобья. № 64. СПб., 1996.
- Шелковников Б.А. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957.
- Хан Хан (Ло Юань Юань). Древнее китайское стекло (на китайском языке). Тайбей, 1998.

- Azarnoush-Maillard M.* Ceramiques islamiques. V. I. Iran. Bruxelles, 1978.
- Diva M.* Quelques aspects de L'iconographie Musulmane en Iran // Иранское искусство и археология. М.; Л., 1935.
- Grube E.J.* Islamic Pottery of the Eighth to the Fifteenth century in the Keir collection. L., 1976.
- Fehervari G.* Islamic pottery a comprehensive study based on the Barlow Collection. Faber and Faber Limited. L., 1973.
- Fehervari G.* Ceramics of the Islamic World in the Tareg Rajab Museum. L., N.Y., 2000.
- Halikov A.H.* Tataarit, keita te olette? Uammala, 1991.
- Islamische keramik. Hetjens-Museum, Dusseldorf in Zusammenarbeit mit dem Museum fur Islamische Kunst. Berlin, 1973.
- Lane A.* Early Islamic Pottery. Mesopotamia, Egypt and Persia. Of the Victoria and Albert Museum. N.Y., 1948.
- Soustiel J.* La ceramique islamique. Paris, 1985.
- The Anatolian civilizations. III. Seljuk // Ottoman. Topkapi Palace Museum. Istanbul, 1983.
- Watson O.* Ceramics from Islamic Lands. The al-Sabah Collection Dar-al-Athar al Islamiyyah, Kuwait national Museum. Kuwait, 2004.
- World Ceramics. L.; N.Y.; Sydney; Toronto, 1968.

The 12th-century Iranian chalice from Biliar

S. I. Valiulina

Summary

The article is devoted to the analysis of a faience chalice discovered in the cultural layer of Biliar – the capital city of pre-Mongol Volga Bulgaria. On the basis of morphological features and, primarily, the abundance of decorations – impressions of face images with festooned pairs of birds, underglaze cobalt leaks, open-work, transparent colorless glaze, – the vessel can be included in the circle of Iranian and Mesopotamian artifacts of the 12th–13th cc. The stratigraphic conditions of the find and the closest analogies (Fehervari, 2000, p. 98, № 105) allow to date the Biliar Iranian chalice to the 12th c.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СТАРОРЯЗАНСКОГО КЛАДА 2005 г.

© 2007 г. А. В. Чернецов

Институт археологии РАН, Москва

31 июля 2005 г. на Старорязанском городище был обнаружен замечательный клад высокохудожественных ювелирных изделий, сокрытый жителями города в связи с драматическими событиями декабря 1237 г. (рис. 1). Это уже шестнадцатая по счету находка подобных драгоценностей на памятнике (упоминаются только учтенные, попавшие в руки ученых предметы; сколько было других, случайно обнаруженных на городище, площадка которого столетиями использовалась под пашню, мы не знаем – они утрачены безвозвратно).

Предварительные публикации клада в сборнике “Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы” (Буланкина и др., 2005) и в журнале “Природа” (Чернецов, 2006) ни в коей мере не являются исчерпывающей характеристикой комплекса. Она невозможна до завершения работ по реставрации и детального анализа каждой вещи с ее конструктивными и художественными особенностями, что, естественно, требует значительного времени. Эта статья, специально написанная к юбилею журнала “Российская археология”, также является предварительной. Автор решил ограничиться анализом наиболее своеобразных вещей из клада, а также рассмотрением некоторых вопросов, связанных с находкой этого и других кладов Старой Рязани.

Хорошо известна история находки в 1822 г., первого из опубликованных Старорязанских кладов, повлекшая за собой начало археологических исследований на городище (Калайдович, 1823). В дальнейшем наиболее “урожайным” в плане количества найденных кладов был период раскопок экспедиции Института археологии АН СССР (РАН) и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника в 1966–1979 гг., возглавлявшихся А.Л. Монгайтом и В.П. Даркевичем, когда было найдено восемь кладов (Буланкина, 2005. С. 191). Еще один клад был найден В.П. Даркевичем в 1992 г. в ходе небольших охранных работ (Даркевич, Борисевич, 1995).

Несмотря на то, что работы на городище были возобновлены в 1994 г., новых находок кладов в течение ряда лет обнаружено не было.

В 2002 г. нами была получена информация о том, что в ходе незаконных кладоискательских работ на Старой Рязани были обнаружены два клада ювелирных изделий. Один из них благодаря

сотрудникам ФСБ удалось найти и передать в Рязанский музей, местонахождение второго неизвестно.

Поступивший в Рязанский музей клад 2002 г. опубликован в сборнике “Великое княжество Рязанское” Е.В. Буланкиной (2005. С. 191–197). Он включал многочисленные серебряные изделия тонкой работы: два лучевых колта и обломки третьего; десять трехбусинных полуколец и обломок еще одного; три перстня, украшенных чернью и гравировкой; фрагменты медальона; 52 колодочки для подвешивания колтов; криновидную подвеску; бусину, украшенную зернью; 41 нашивную бляшку и пластину, украшенные позолотой. Особенно интересны два пустотелых перстня (очевидно, имитирующих массивные литые изделия) – (рис. 2). На щитке одного из них два переплетенных овала с приостренными концами, на щитке другого монограмма или тамга сложных очертаний. Диаметр кольца первого перстня 24 мм, ширина – 4 мм. Максимальный диаметр щитка (имеющего квадрифолийную форму) 23 мм. Диаметр кольца второго перстня также 24 мм, ширина 3 мм. Диаметр щитка 20 мм. В целом основной набор украшений из клада представлен типами, хорошо известными по другим находкам из Старой Рязани.

Клад 2005 г. был найден в ходе научных раскопок на заложенном новом раскопе 37. Этот раскоп был заложен по предложению И.Ю. Стрикалова, который в начале полевого сезона заметил здесь еще один след сравнительно недавних грабительских раскопок. Раскоп 37 расположен в 45 м к северу от раскопа 35 и в 140 м к СЗ от древних Пронских ворот городища (Великое княжество Рязанское, 2005. С. 29. Рис. 4). Отметим, что раскопы, заложенные начиная с 2003 г. в юго-восточной части Южного городища по следам грабительских “раскопов” выявили здесь ряд богатых усадеб. Ранее эта часть городища считалась слабо заселенной и мало перспективной.

План раскопа с нанесенными на нем очертаниями ямы, в которой был обнаружен клад, а также разрез, на котором показано место находки, опубликованы (Буланкина и др., 2005. С. 198. Рис. 1. 199. Рис. 4).

Клад был сокрыт не в самой глубокой части ямы, а примерно на середине ее глубины в специально отрытом небольшом подбойчике-пещерке.

Рис 1. Комплекс клада 2005 г.

От кладоискателей, вооруженных металлоискателями, его уберегло то, что он находился на значительной глубине (более 1 м).

Клад лежал компактной кучкой. По-видимому, он был спрятан в кожаной сумке, фрагменты которой сохранились. В отличие от кладов, найденных близко к поверхности, он не был ни поврежден плугом, ни растащен, и мы можем быть совершенно уверены, что археологам достался закрытый комплекс в точном смысле слова, именно тот полный комплект вещей, который был положен сюда в 1237 г.

Разборка клада велась с предельной осторожностью почти четыре часа и сопровождалась подробной фото- и видеофиксацией.

Как уже говорилось раскоп, на котором обнаружен клад, был заложен по следам незаконных кладоискательских раскопок. Эти разрытия были, к сожалению, безуспешными – в верхнем пахотном слое кладоискателями, видимо, был найден клад ювелирных изделий. Он был, по-видимому, поврежден при пахоте; ряд мелких фрагментов серебряных изделий был “недобран” кладоискателями и найден нами при научных раскопках (Буланкина и др., 2005. С. 199. Рис. 2). Среди этих находок колодочки для подвески колтов разных типов (от нескольких наборов украшений), цепочки с круглыми и каплевидными подвесками от колоколовидных рясен, фрагмент верхней части таких рясен, “лучики” от колтов и т.п.

Таким образом, позитивный факт обнаружения в 2005 г. клада ювелирных изделий в ходе научных раскопок оказывается омраченным тем обстоятельством, что находки последних лет свидетель-

ствуют о большей эффективности (в плане обнаружения кладов) незаконной кладоискательской деятельности по сравнению с научными раскопками. Из четырех кладов, найденных на городище в 2002–2005-х годах, три были добыты в ходе грабительских работ. То обстоятельство, что один из этих кладов все же, в конце концов, попал в Рязанский музей, может служить весьма слабым утешением, поскольку информация о кладе, найденном непрофессионалами, неизбежно страдает неполнотой.

Ситуация с незаконными раскопками на Старорязанском городище – важнейшем памятнике древнерусской археологии, территории, принадлежащей Рязанскому историко-архитектурному музею-заповеднику, еще раз возвращает нас к больному вопросу об охране памятников археологии. Представляется, что она должна быть достаточно надежной, особенно в тех случаях, когда речь идет об уникальных, ключевых памятниках.

Клад 2005 г. (рис. 1) состоит из украшений, крепившихся к головному убору и входивших в состав ожерелья. Украшения ожерелья включают три уникальных серебряных медальона с гравировкой и чернью; девять крупных бусин, а также две подвески, украшенные растительными мотивами. Можно достаточно правдоподобно реконструировать это парадное украшение – один из медальонов, более крупный и украшенный позолотой, явно являлся центральным. Сравнительно простые криновидные подвески, вероятнее всего, располагались между медальонами (рис. 3). Среди головных украшений два чечевицеvidных колта, украшенных гравировкой и чернью, и ряд серебряных

Рис. 2. Перстни из клада 2002 г. (см. цветную вклейку № 4).

изделий, декорированных зернью и сканью – пара подвесок-рясен в форме колокольчиков с длинными привесками, около 30 трехбусинных колец и полуколец, декор которых представлен несколькими вариантами.

Наиболее уникальными находками клада 2005 г. являются три медальона.

1. Медальон круглый. Диаметр 79 мм, длина ушка 18 мм, максимальный диаметр ушка 17 мм, минимальный диаметр ушка 7 мм. Ушко биконическое. По центру украшено зернью, по краям – гладкой проволокой. По внешнему краю медальона – гладкая кайма, обрамленная с обеих сторон рядами зерни, в восьми местах между рядами зерни – такие же перемычки, расположенные попарно сверху, снизу и по сторонам (наподобие крещатого нимба). Ушко, кайма и изображенный в центре шестиконечный крест позолочены. Навершие

Рис. 3. Ожерелье из клада 2005 г.

Рис. 4. Второй медальон из клада 2005 г. (см. цветную вклейку № 4).

креста имеет вид ромба. Перекладины креста на концах расширяются. Поверхность креста украшена гравированными ромбическими фигурами и насечками. Вертикальная часть креста переходит в П-образное основание (Голгофа), в основании – знак в виде горизонтальной S-видной фигуры. У основания креста – по изображению птицы с каждой стороны, головы их обращены к кресту, лапы птиц четырехпалые, одной лапой птицы опираются на основание креста. Над фигурами птиц – растительный орнамент.

2. Медальон круглый (рис. 4). Диаметр 72 мм, длина ушка 20 мм, максимальный диаметр ушка 15.4 мм, минимальный диаметр ушка 6 мм. Ушко биконической формы, по краям и центру украшено зернью. По внешнему краю медальона – гладкая кайма шириной 5.5 мм, обрамленная с обеих сторон рядами зерни, в восьми местах между рядами зерни – зерненные перемычки, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга (и ориентированные, в отличие от перемычек первого медальона, четко по направлениям верх–низ, право–лево, а также наискось). В центре на черном фоне – шестиконечный крест, перекладины которого

расширяются к концам, поверхность покрыта насечками. Между перекладинами – по одной четырехлепестковой розетке с каждой стороны вертикальной части креста. У основания креста – две птицы с каждой стороны, головами повернуты наружу. По сторонам креста – растительные мотивы. Изображения птиц и растительных побегов гораздо менее искусные, чем в декоре первого медальона.

3. Медальон круглый (рис. 5). Диаметр 70 мм, длина – 18,5 мм, максимальный диаметр ушка 15,5 мм, минимальный диаметр ушка 7 мм. Ушко биконическое, по краям и центру украшено гладкой проволокой. По внешнему краю медальона – гладкая кайма шириной 6 мм, обрамленная с обеих сторон рядами зерни, в восьми местах между рядами зерни – зеренные перемиčky, расположенные так же, как на втором медальоне. На белом фоне – черневой восьмиконечный крест, конфигурация которого осложнена дополнительными элементами (мотив полумесяца в верхней части, загибы книзу на центральной перекладине и криновидные мотивы в нижней части). Крест обрамляет черневой растительный орнамент, в который вписаны четыре изображения человеческих ликов. Одно – под основанием креста, второе, примыкающее к его вершине, перевернуто, два последних – по сторонам креста на уровне двух верхних перекладин. Изображения схематические, волосы (шапки?) вписаны в растительный орнамент. Лица, изображенные по сторонам креста, имеют ворот (ожерелье), изображенные двумя параллельными линиями, соединенными короткими перпендикулярными штрихами. Нижнее изображение снизу имеет сходное обрамление, повторяющее овал лица, у верхнего подобная деталь отсутствует. Медальон, по-видимому, изготовлен тем же мастером, что и медальон 2 (менее искусным, чем создатель медальона 1). Вместе с тем, по своей иконографии (особенности трактовки креста, наличие четырех личин) этот медальон представляет исключительный искусствоведческий интерес.

Три уникальных медальона из клада 2005 г. являются выдающимися произведениями ювелирного искусства, представляющими большую художественную ценность и значительный научный интерес в плане иконографии и символики изображений.

Уже говорилось о том, что гравированные и черненные изображения на разных медальонах отмечены значительным стилистическим разнообразием. Для мастера, изготавливавшего самый крупный, дополнительно украшенный позолотой медальон, характерен уверенный, артистический, несколько эскизный характер изображений птиц. Сами птицы представлены упитанными; мелкие детали (например, окончания лап) проработаны не вполне отчетливо. Широкие ленты растительных

Рис. 5. Третий медальон из клада 2005 г. (см. цветную вклейку № 4).

побегов изгибаются плавно и свободно. Очевидно, “главный” медальон был украшен ведущим ювелиром мастерской. По-видимому, почерк того же мастера можно видеть в декоре знаменитого пластинчатого браслета с изображением гусяра из клада 1966 г. (Даркевич, Монгайт, 1967) и на браслете из клада 1970 г. (Даркевич, Монгайт, 1978. С. 32. Табл. XVII. С. 36, 37. Табл. XVIII, XIX).

Декор двух других медальонов из клада 2005 г. заметно отличается от декора первого. Неуклюжие, угловатые фигурки птиц на медальоне 2 (в данном случае это какие-то слегка гротескные птенцы-заморыши) резко контрастируют с изображениями птиц на медальоне 1. Вся композиция на медальонах 2 и 3, так же как и на первом медальоне, обрамлена растительным орнаментом. Узкие ленты с жестким контуром опять-таки сильно отличаются по своему характеру от растительных мотивов медальона 1. Значительные стилистические отличия между медальоном 1 и медальонами 2 и 3, очевидно изготовленными одновременно в одной мастерской для одного заказчика, свидетельствуют о том, что индивидуальный почерк разных мастеров может очень существенно варьировать в рамках единого “стиля эпохи”, и о том, что стилистические отличия не всегда надежны в качестве хронологического индикатора. Большое изящество декора первого медальона и особенности стиля второго и третьего медальонов, очевидно, позволяют реконструировать традиционную для средневекового художественного ремесла ситуацию – сотрудничество двух ремесленников, один из которых, более искусный, является главным, мастером, а второй – учеником, подмастерьем.

Смысловое значение изображений на первом и втором медальонах в целом сравнительно легко поддается истолкованию. Распространенный в христианском искусстве мотив процветшего кре-

ста отражает представление о животворящем кресте, который ассоциировался с деревом жизни. Медальоны с мотивом процветшего креста известны в Старорязанскихкладах. Однако иконография и трактовка мотивов совсем иные, чем на медальонах из клада 2005 г. (Даркевич, Монгайт, 1978. С. 29, 31. Табл. XI, XIII). Птицы по сторонам креста также связаны с этой идеей. Пара птиц по сторонам древа или стилизованного растительного мотива – обычная в древнерусском искусстве идеограмма райского сада. В контексте женского парадного костюма пара птиц может также связываться с темой плодородия, свадебной символикой.

Наибольшие затруднения представляет осмысление особенностей иконографии третьего медальона, с необычным рисунком креста, окруженного четырьмя личинами (рис. 5).

Иконография процветшего креста, осложненная изображениями четырех человеческих личин (одна из которых представлена перевернутой), представляет исключительный интерес в плане истолкования скрытой в ней символики. Личина в основании креста могла бы быть истолкована как “лоб Адамов”, обычный на изображениях Распятия, однако всегда имеющий вид человеческого черепа, а не личины. Два лика по сторонам креста можно было бы интерпретировать как аллегорические изображения солнца и луны, также обыкновенные на многих подобных композициях. Единственный, но весьма важный иконографический элемент, не позволяющий ограничиться этими традиционными моделями – наличие четвертой личины, имеющей к тому же необычное перевернутое положение. Четыре личины наводят на мысль о четырех евангелистах, призванных проповедовать евангелие во всех четырех странах света, однако образы последних трактуются традиционно в виде святых или символизирующих их существ (льва, орла, тельца и ангела); в любом случае при изображении евангелистов в антропоморфном облике они должны иметь нимбы. Учитывая эти соображения, следует остановиться на возможности иной трактовки антропоморфных личин в качестве четырех ветров, также связанных со странами света. В таком контексте, в связи с представлениями о конце света, четыре ветра упоминаются в Новом Завете (Матфей, 24, 31; Марк, 13, 27). Особенно выразительно упоминание четырех ветров в Апокалипсисе: “видел я четырех ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли...” (Апок., 7, 1).

Отметим, что по средневековым представлениям земля имеет четырехугольную форму и омывается рекой Океаном. На медальоне можно видеть образованную побегами процветшего креста четырехугольную фигуру с вогнутыми сторонами и скругленными углами – мотив, который вполне мог восприниматься как “идеограмма” земли. В со-

ответствии с текстом Нового Завета две личины расположены на углах этой фигуры. Появление необычных криновидных мотивов в нижней части креста, очевидно, связано с тем, что побеги по его сторонам перестали осмысляться как растительные мотивы. Теперь идея процветшего креста воплощается за счет введения в композицию дополнительных растительных мотивов.

Предложенные допущения могут показаться недостаточно обоснованными, но они находят свое подтверждение в особенностях иконографии основного элемента композиции – креста. Здесь прежде всего имеется в виду наличие у основной перекладки креста отростков, направленных книзу. Эти необычные особенности креста могут быть связаны с переосмыслением значения композиции, коль скоро она воспринималась как изображение креста, вписанное в “идеограмму” земли. В том случае, если “побеги” процветшего креста стали восприниматься как очертания суши, мастер неизбежно должен был вспомнить о локализации креста Господня и Голгофы в контексте мироздания. Согласно общераспространенным средневековым представлениям, Голгофа и Иерусалим расположены в центре земли (там же находится и пресловутый “пуп земли”). По всей вероятности, мастер, коль скоро ему пришло в голову подобное истолкование создаваемой им композиции, должен был стремиться разместить основание креста в центре “земли”. По этой причине он отказывается от трактовки наиболее длинной перекладки креста, оказавшейся посередине “земли”, как той его части, к которой были пригвождены руки Спасителя. Эта перекладка, оказавшаяся на месте основания креста, превращается в Голгофу, на что указывают изгибы перекладки книзу (не имеющие иного объяснения). Теперь главной перекладкой креста, к которой были пригвождены руки Спасителя, становится его верхняя перекладка, первоначально, очевидно, задуманная как изображение таблички с надписью “Иисус Назорей, царь иудейский”.

Предложенная модель заставляет нас признать значительную изменчивость древнерусской иконографии и символики, которая, очевидно, допускала кардинальное переосмысление значения элементов популярных композиций. Действительно, принимая предложенное истолкование, мы должны согласиться с тем, что растительные побеги могли переосмысляться как изображение реки Океан и т.п. Следует, однако, заметить, что вполне аналогичные метаморфозы почитаемых христианских мотивов давно известны. Г.Д. Филимонов (1866) давно и весьма убедительно показал, что мотив процветшего креста обнаруживает ближайшее типологическое родство с мотивами креста, попирающего змея первородного греха или полумесяца. При этом очевидно, что бесспорное генетическое родство иконографии не означает автома-

тически родства символики соответствующих изображений и их отдельных деталей. Возвращаясь к конкретным особенностям рассматриваемой композиции, отметим, что перевернутое положение верхней личины может объясняться знакомством мастера с пассажем “Христианской топографии” Космы Индикоплова, посвященной антиподам (Редин, 1916. С. 131–134; 186, 187; Табл. IX, 2).

Данная интерпретация рассматриваемых особенностей композиции на медальоне заставляет задуматься еще об одном вопросе. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с переосмыслением традиционной композиции, возникшем непосредственно в ходе ее создания (мастером, украшавшим данный медальон, или создателем композиции, которую он воспроизводит). Дело в том, что другим образом трудно объяснить необычайно широкую “Голгофу”, которая обычно значительно уже основной перекладины креста, и то, что вертикальный столб, основа креста, продолжается книзу от “Голгофы”. Полукруглое обрамление, которым завершается нижний конец креста, в которое вписана нижняя личина, является как бы второй Голгофой.

Клад 2005 г. представляет собой единый комплекс. Вместе с тем трудно себе представить, что три комплекса височных украшений могли носить одновременно (колты, колоколовидные рясны и украшения из трехбусинных колец). Теоретически такое нагромождение драгоценных украшений возможно, но маловероятно. Таким образом, перед нами, скорее всего, единичное семейное сокровище, включающее, однако, компоненты нескольких наборов парадного костюма, предназначавшегося разным членам семьи или носившихся одним лицом, но попеременно.

Обращает на себя внимание еще одна особенность клада: судя по богатству ювелирных изделий (свидетельствующем о богатстве семьи заказчиков), в нем должны были бы находиться и другие драгоценные украшения, например нашивавшиеся на одежду, поясные накладки, а также такие непременные составляющие парадного наряда, как перстни и браслеты. Видимо, в состав клада попало не все, что принадлежало его владельцу. Впрочем, нельзя исключать того, что семейные драгоценности могли утрачивать свою комплектность при разделе наследства между родственниками.

Обнаруженные в Старой Рязани 16 кладов – это не 16 богатейших владельцев сокровищ. Последнее, как показывают материалы Старой Рязани, могли сознательно рассредоточивать имевшиеся у них ценности. На “усадьбе воеводы” найдено четыре клада, один из них включает золотые изделия (а таких кладов в Старой Рязани только два), другой – наиболее художественные. По-видимому, все это принадлежало одному владельцу. В подполье жилища около Спасского собора обнаружены

два небольших клада и одна отдельная находка драгоценной серебряной чаши, также явно принадлежавших одному владельцу. То же касается и находки 2005 г. В вышележащих слоях был найден грабителями еще один клад, явно принадлежавший владельцу той же усадьбы. Клады Батыева времени содержат, преимущественно, женские украшения. Однако, судя по нравам эпохи, им распоряжались преимущественно мужчины – дворовладельцы. Впрочем, учитывая обстоятельства осады и штурма города, нельзя исключать возможность того, что часть кладов могла быть сокрыта теми самыми женщинами, которые ранее красовались в этих драгоценных украшениях.

Безусловно, в процессе сокрытия старорязанских кладов играли роль не только представители княжеского рода или богатейшего боярства, но и обслуживавшие их ювелиры, у которых могли временно находиться подобные ценности, ключники и иные княжеские чиновники, а также грабители, похитившие сокровища в суматохе, связанной с захватом города монголами.

Обилие в Старой Рязани кладов профессионально изготовленных ювелирных изделий ставит вопросы о том, являлись ли они изделиями местных мастеров и где находились соответствующие мастерские. Отметим, что в кладе 1822 г. присутствует византийская перегородчатая эмаль с пространной греческой надписью (Банк, 1966. С. 308, 309. Рис. 181), что свидетельствует о том, что не все вещи в составе кладов были обязательно изготовлены на месте. Все же, наиболее вероятно, большинство мастеров были русскими, работавшими в Старой Рязани. При этом необходимо учитывать, что в средние века мастера могли быть “бродячими” (Максим, чьи подписные литейные формочки найдены в Киеве и захолустном Серенске – Медынцева, 1978).

Рассмотренные в публикации Л.А. Беляева и А.В. Чернецова две каменные иконки (одна, несомненно, резана византийским мастером) имеют на обороте следы использования в качестве литейных форм (Беляев, Чернецов, 2005. С. 180. Рис. 1, 181, 185). Это редкая особенность, скорее всего местная. Следует отметить, что в средневековой Руси изготовление резных каменных иконок было связано с обслуживанием верхушки общества; художественная резьба по камню и кости обыкновенно совмещалась с ремеслом ювелира. Особенности рассматриваемых старорязанских иконок свидетельствуют о том, что в старорязанской мастерской мог работать византийский ремесленник. Найденные на Северном городище две крупные матрицы для тиснения серебряной или золотой фольги; одна из них с мотивом, наделенным несомненной державной символикой – “Полет Александра Македонского”, указывают на то, что где-то поблизости находилась ремесленная мастер-

ская, обслуживавшая княжеский двор (см.: Беляев, Чернецов, 2005. С. 185–189). Этой незаурядной находке в ближайшее время будет посвящена отдельная статья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Банк А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М., 1966.

Беляев Л.А., Чернецов А.В. Новые находки произведений художественного ремесла // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.

Буланкина Е.В. Клад 2002 г. // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.

Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.

Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Старорязанский клад 1966 г. // СА. 1967. № 2.

Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Клад из Старой Рязани. М., 1978.

Калайдович К.Ф. Письма к А.Ф. Малиновскому об археологических изысканиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 г. древностей. М., 1823.

Медынцева А.А. О литейных формочках с надписями Максима // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Редин Е.К. Христианская Топография Космы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916.

Филимонов Г.Д. Значение луны под крестом // Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866.

Чернецов А.В. Шестнадцатый клад из Старой Рязани // Природа. 2006. № 6.

To characterize the hoard discovered in 2005 at Staraya Ryazan'

A. V. Chernetsov

Summary

On July 31, 2005, an outstanding hoard, containing jewelry of high artistic merit, was discovered at the site of the ancient city of Staraya Ryazan'. The hoard had been hidden in December 1237, when the army of Batu Khan stormed the city. It is the 16th hoard hitherto discovered at Staraya Ryazan', and contains decorations which were attached to the headdress, and necklace components. Among the decorations there are three engraved silver niello medallions, nine large beads and two pendants. The iconography of the medallions, which is published in the article, is of especial interest.

L'ART D'AFGHANISTAN DE LA PRÉHISTOIRE À NOS JOURS. NOUVELLES DONNÉES. ACTES D'UNE JOURNÉE D'ÉTUDE. UNESCO. 11 Mars 2005. Paris, 2005. 199 p.

Широко известно, как сильно пострадали памятники прошлого Афганистана в ходе длившейся два с половиной десятилетия (и, строго говоря, еще не окончившейся) гражданской войны. Однако проблема уничтожения древностей очень долгое время оставалась как бы “в тени”, хотя лучшие специалисты по археологии и искусству Афганистана пытались обратить внимание мирового общественного мнения на эту сторону афганской трагедии. Только после варварского уничтожения талибами двух гигантских статуй Будды в Бамиане ситуация изменилась, и на некоторое время судьба памятников прошлого данной страны оказалась в фокусе внимания всего мира.

Последующее свержение режима талибов и ввод войск международной коалиции в Афганистан, хотя и вновь отодвинули эту проблему на периферию общественного интереса, тем не менее впервые за много лет создали условия для того, чтобы специалисты могли (хотя бы в ограниченных масштабах) заняться реальной работой по сохранению и изучению наследия прошлого народов Афганистана.

Характерно, что наиболее активны в этом отношении французские ученые, что естественно, поскольку именно Франция была пионером в археологическом изучении Афганистана и на протяжении нескольких десятилетий обладала здесь монополией на археологические исследования. Работы DAFA (Французской археологической делегации в Афганистане) привели к важнейшим открытиям и заложили основы наших знаний о древнем прошлом Афганистана.

Одной из форм проявления деятельности французских исследователей является и издание рецензируемого сборника. Он представляет собой публикацию докладов (некоторых – в расширенном виде), прочитанных на однодневной конференции, проведенной под эгидой ЮНЕСКО и посвященной сохранению культурного наследия Афганистана. Организаторами ее стали несколько французских общественных объединений: CEREDAF (Центр изучения и документальных исследований по Афганистану), AFAO (Французская ассоциация друзей Востока) и SPA (Спасение наследия Афганистана).

Начинается книга, как и все подобные издания, с изложения нескольких коротких выступлений официальных лиц: Генерального директора ЮНЕСКО К. Мацууры, Президента CEREDAF В. Мариго, Постоянного представителя Афганистана при ЮНЕСКО З. Азиза. В этих выступлениях говорилось о тех огромных утратах, которые претерпело культурное наследие страны в результате долгой гражданской войны и присутствия на ее территории иностранных войск, о необходимости предпринять экстраординарные усилия по спасению памятников культуры, которые имеют мировое значение.

Самых общих проблем коснулся в своем докладе “Афганистан, возвращение” П. Жантель, подчеркнувший, что и в современных крайне тяжелых условиях население и руководители страны стремятся к сохранению ее культурного наследия.

Собственно научная часть сборника начинается публикацией доклада А.-П. Франкфора “Искусство эпохи бронзы (примерно 2300 – 1700 гг. до н.э.)”. Объектом изучения автора

являются произведения искусства, относящиеся к “зрелой” стадии того, что обычно называют “Цивилизацией Окса”, хотя не меньшей популярностью пользуется и другой термин, который употребляется также достаточно часто – “Бактрийско-маргианский археологический комплекс” (БМАК). А.-П. Франкфор несколько непоследовательно определяет ее как “протоисторическую цивилизацию”. “Зрелой” стадии предшествует “формативная”, наиболее яркими памятниками которой являются Саид кала депе и Мундигак, расположенные к югу от Гиндукуша, и Талукан (Афганистан) и Саразм (Таджикистан) – к северу.

Время упадка этой цивилизации – период примерно с 1700 по 1400 гг. до н.э., после чего всякие следы ее полностью исчезают. Главным очагом БМАК исследователь считает северный Афганистан, несколько менее важными – южный Таджикистан и Узбекистан, а также Мервский оазис (Туркменистан). Данное положение не кажется бесспорным, поскольку до сего времени наиболее яркие образцы рассматриваемых древностей (за немногими исключениями) обнаружены все-таки в Маргиане (Мервском оазисе).

Анализ феномена искусства цивилизации Окса затрудняется тем обстоятельством, что большинство объектов появляются в результате “неразрешенных” раскопок (автор почему-то стесняется прямо назвать их – грабительскими).

А.-П. Франкфор анализирует некоторые из наиболее ярких образцов искусства БМАК, уделяя основное внимание торевтике, чтобы “поставить это искусство в международный контекст эпохи”. С точки зрения автора, исследуемые произведения, их темы и стилистика свидетельствуют о наличии очень широких связей: с Индией, Эламом, народами степей, а также с более отдаленными районами, такими, как Месопотамия и даже Сирия и Анатолия. Особое значение имеют связи с Аккадом и Уром времени третьей династии на рубеже тысячелетий.

В данной статье несколько удивляет то обстоятельство, что автор никак не ставит произведения торевтики в связь с общим культурным контекстом, представление о котором можно получить на основе раскопок в Маргиане.

Следующая статья архитектора Г. Лекюйё носит название “Система 3D, примененная к греко-бактрийскому городу Ай Ханум в Афганистане”. В ней рассказывается о проекте визуализации остатков греко-бактрийского города, известного под современным названием Ай Ханум, и ряда его объектов (система укреплений, главное святилище, дворцовый комплекс, героон Кинья, мавзолей, жилой дом в юго-западном квартале, гимнасий, театр, арсенал). Эта работа была осуществлена совместно японским телеканалом NHK (продюсер – Кикучи) и группой французских археологов во главе с П. Бернармом, которые участвовали в раскопках данного городища. Мне трудно судить о методике, с помощью которой был реализован проект, но результат – телефильм, который мне удалось посмотреть – превосходит все ожидания. У зрителя создается впечатление, что он реально идет по древнему городу, заходит в здания, видит их интерьер. Точность реконструк-

ций обеспечивается высочайшей квалификацией ученых, которые выбирали наиболее вероятные варианты. Думаю, что подобного рода работам, которые очень популярны среди французских специалистов, суждено большое будущее.

Проблемам греко-бактрийской и индо-греческой нумизматики посвящена статья известного исследователя О. Бопеараччи "Греческие царства в Афганистане: новые данные". Автор совершенно справедливо указывает, что монеты, выпускавшиеся многочисленными правителями эллинистической эпохи в центрально-азиатском регионе, представляют собой важнейший источник по его политической истории.

В связи с общими проблемами истории Средней Азии в эллинистический период О. Бопеараччи подчеркивает, что, с его точки зрения, необходимо хронологически увязывать возникновение государств Греко-Бактрии и Парфии, как это указано Юстином. Соответственно, отпадение этих государств от царства Селевкидов имело место при Антиохе II, т.е. примерно в 250 г. до н.э., а не при Селевке II – в 239/8 г. до н.э. – как полагают некоторые исследователи.

Обрисовав в начале статьи общую ситуацию, автор переходит к анализу новых источников, полученных в последние годы, а затем – к выводам, которые можно сделать на основе этого анализа. Важное место он отводит, в частности, публикации двух недавно обнаруженных надписей: из Кандагара (Афганистан) и Куляба (Таджикистан) (Bernard et al., 2004. P. 227–336). Кроме того, важен документ фискального характера (на коже), также сравнительно недавно найденный в Афганистане (Rea, 1994. P. 261–267; Bernard, Rapin, 1994. P. 261–294). В распоряжении исследователей оказался и огромный новый нумизматический материал – результат или случайных находок или, чаще, грабительских раскопок. По подсчетам О. Бопеараччи, начиная с 1993 г. на территории Афганистана и Пакистана было обнаружено более 50 кладов (Vorearachchi, 1999a. P. 15–119). Среди них особенно важен один, который был случайно найден между 1992 и 1994 гг. в Мир Закахе на территории афганской провинции Пактия, недалеко от пакистанской границы. По мнению автора, данный клад – вообще самый крупный в мире. О. Бопеараччи считает, что в нем насчитывалось примерно 550 000 чеканных монет, главным образом, серебра и меди (около 4 тонн) и еще примерно 500 кг объектов из золота (Vorearachchi, 1999b. P. 36–43; Vorearachchi, Flandrin, 2005).

О. Бопеараччи на нескольких примерах показывает, как новые источники модифицируют представления об отдельных проблемах истории Греко-Бактрии. В частности, он обращается к монетам, чеканным от имени некоего Софита. В последнее время в связи с обнаружением в Кандагаре надписи, поставленной Софитом, была предпринята попытка "перенести" эти монетные серии в Арахосию, столицей которой был Кандагар. П. Бернар высказал предположение, что Софит, установивший надпись, является потомком Софита, чеканившего монеты. С его точки зрения, последний Софит был местным арахосийским правителем, поставленным Чандрагуптой, когда данный регион был уступлен тому Селевком I. О. Бопеараччи доказывает, что эта излишне усложненная гипотеза не может быть поддержана. Монеты Софита встречаются только в долине Окса (Амударьи) и наиболее вероятно, что они и выпускались где-то в этом районе. Они в ряде отношений очень близки монетам, обращавшимся здесь в IV в. до н.э. О. Бопеараччи считает, что Софит был одним из местных правителей, который осуществлял свою власть в какой-то период времени от смерти Александра до установления власти Селевка. Особое положение этого правителя отмечается тем, что он чеканил золотые монеты – в кладе из Акчи была найдена золотая октодрахма от его имени.

Исследователь указывает еще на одно важное событие в восточно-эллинистической нумизматике. Он имеет в виду обнаружение клада с многочисленными золотыми монетами создателя независимого греко-бактрийского царства Диодота (Vorearachchi, Grigo, 2001. P. 22–24). Ранее было известно очень небольшое количество золотых монет этого правителя (О. Бопеараччи отмечает, что он лично знал всего два экземпляра). Клад был найден в Индии, в штате Бихар, возле деревни Вайсали (недалеко от Патны). Он состоял, по подсчетам автора, из 1000 золотых статеров и свидетельствует о широких торговых связях Бактрии середины III в. до н.э. В Индию подобные монеты поступали не как собственно монета, но как слитки драгоценного металла.

Наконец, О. Бопеараччи обращает внимание на новый тип монет Агафокла, у которых оборотная сторона полностью скопирована с монет Александра Македонского. Он считает, что это свидетельствует о намерении бактрийского царя "обозначить" себя в качестве прямого преемника великого завоевателя.

Далее представлена публикация интересного во многих отношениях доклада В. Шильц. Она носит название "Тилля-тепе: новая ставка". Прежде всего автор подчеркивает, что комплекс находок из раскопок некрополя Тилля-тепе служит самым ярким примером того искусства, которое существовало в Афганистане после его кочевнического завоевания 30-х годов II в. до н.э. Вслед за этим исследовательница описывает драматическую историю открытия этого памятника, осуществленного археологами Советско-афганской экспедиции, и последующую, еще более драматическую, историю находок из некрополя.

Коротко рассказав о раскопках (вскрыто шесть погребений), В. Шильц сообщает, что находки тогда же были отправлены в Кабул. Поскольку несколько лет их никто не видел, то распространились слухи об их судьбе: говорили (и писали), что они находятся в Москве, у известного полевого командира Шах Масуда, наконец, что они были проданы в Пешаваре или Исламабаде. Пессимисты утверждали, что золотые предметы были переплавлены. Некоторое успокоение в умы внес президент Афганистана Наджибулла, который в 1989 г. сообщил иностранным дипломатам, что все находки остаются в Афганистане. Однако сами вещи не были показаны, и слухи продолжали распространяться. Они усиливались благодаря тому обстоятельству, что на антикварном рынке появились предметы, поразительно похожие на найденные членами Советско-афганской экспедиции. Как обнаружилось позднее, на рынок поступили находки из седьмого погребения, которое экспедиция не успела вскрыть и которое было разграблено местным населением вскоре после ее отъезда.

Только в самое последнее время выяснилась судьба сокровищ Тилля-тепе. Ящики, в которых хранились находки, как оказалось, никогда не покидали Кабул. Они были тайно перевезены из Музея в подземное центральное хранилище Национального банка. В период господства режима талибов делалось несколько попыток найти сокровища, но они оказались безуспешными. Не подлежит сомнению, что если бы талибы преуспели в своих поисках, то находки Тилля-тепе ожидала бы та же судьба, что и статуи в Бамиане.

В 2003 г. президент Афганистана Карзай в присутствии большой группы официальных лиц открыл хранилища спасенных сокровищ. По всей видимости, вскоре они будут выставлены для всеобщего обозрения. Планируется, в частности, организовать выставку их в Париже, в Музее Гиме.

После такого введения В. Шильц переходит к собственно исследовательской части своей работы. Она, прежде всего,

указывает, что анализировать данный комплекс находок очень трудно, так как в нем представлены объекты самого различного происхождения: китайские, индийские, греческие, парфянские, римские, итальянские. В одной статье, естественно, невозможно решить все проблемы, поставленные этим комплексом, поэтому В. Шильц для анализа выбирает только несколько предметов.

Первый объект исследования – пара браслетов с изображением антилоп. Эти браслеты более чем какие-либо другие среди рассматриваемых древностей являются произведениями чисто кочевнического искусства, выполненными в зверином стиле. Они напоминают не только объекты из Амударьинского клада и Сибирской коллекции (как это отмечал публикатор памятника), но и находки, сделанные в устье Дона (в 1986 г.), которые датируются последней четвертью I в. до н.э. и считаются аланскими. В. Шильц обращает внимание на то обстоятельство, что в этом же погребении были массивное золотое греческое кольцо с изображением Афины и китайское зеркало.

Второй объект исследования – две идентичных подвески с изображением “хозяина зверей”. Данное изображение – один из очень древних азиатских сюжетов, представляющих божество в мужской или женской ипостаси. Другие варианты его истолкования кажутся менее вероятными.

Третий объект – пластина с изображением Диониса и Ариадны. В. Шильц согласна с тем, что здесь действительно изображено греческое божество, но в трактовке его, по мнению исследовательницы, присутствуют черты, которые указывают на глубокую местную переработку.

Четвертый объект – застегки на обуви с изображением человека на колеснице, запряженной фантастическими животными. Автор обращает внимание на то обстоятельство, что в Монголии были найдены при археологических раскопках подлинные колесницы, изображения которых представлены на рассматриваемых застегках. Погребения с такими колесницами датируются I–II вв. н.э.

Наконец, последний объект, привлечший внимание В. Шильц, – ножны меча. Она отмечает, что прообразы мечей с подобными ножами находят на Алтае, в Туве, Монголии. С другой стороны, несколько более поздние их образцы встречены в сарматских погребениях в устье Дона.

Во всяком случае, отмечает В. Шильц, некрополь Тиллятепе служит одним из источников, показывающих движение кочевников из глубин Азии к берегам Азовского и Черного морей. Автор подчеркивает необходимость анализов, посредством которых можно будет, например, установить происхождение камней, которые украшают предметы из некрополя.

В статье Ф. Грене “Новые открытия памятников сасанидского периода в Афганистане” проводится анализ двух относительно недавно открытых памятников монументального искусства. Они, с точки зрения автора, свидетельствуют о сасанидском присутствии (или влиянии) на территории Афганистана. Первым из них является скальный рельеф, расположенный около Пуль-и Хумри. О нем стало известно только в 2001 г. На рельефе представлен сасанидский царь (вероятнее всего, Шапур I), охотящийся на носорога. Видимо, этот рельеф должен был увековечить первое проникновение Сасанидов на территорию Индии. Второй памятник – живописное панно в пещере Гульбиян (в провинции Фарьяб). Оно было известно с 1978 г., но хорошие фотографии были сделаны только 20-ю годами позднее. Здесь изображены царь (сасанидского облика), его жена и придворные. Панно передает сцену поклонения зороастрийским божествам. Среди последних,

кажется, представлены Тиштрийя (божество дождя и охоты) и Фарр (божество счастья).

Большая статья З. Тарзи носит название “Раскопки французской археологической миссии в Бамиане”. З. Тарзи в 70-е годы XX в. являлся Генеральным директором службы древностей в Афганистане. Позднее он эмигрировал во Францию и в настоящее время является профессором археологии древнего Востока на историческом факультете Университета им. М. Блока в Страсбурге. Исследования в долине Бамиана З. Тарзи начал еще в 1967 г. Во время гражданской войны раскопки, естественно, были прекращены, возобновились в 2002 г. и продолжаются по настоящее время. Результатом этих исследований является открытие так называемого “восточного (буддийского) монастыря”. Сейчас вскрыта часть его помещений, где найдено значительное количество глиняных статуй. Вещественные находки указывают, что монастырь возник в III в. н.э. и просуществовал до IX в. н.э. (точнее, до 871 г.). Его жизнь делится на два периода: 1) с III по V в. н.э.; 2) с VI по IX в. н.э. Естественно, данный памятник был тесно связан со знаменитыми гигантскими статуями Будды, которые были взорваны талибами.

Р. Жилль является автором статьи “Исламское искусство средневекового Афганистана”. Автор указывает, что северные, равнинные части территории страны были завоеваны арабами достаточно быстро, но центральная, горная часть очень долго оказывала сопротивление завоевателям. Только после 871 г. этот регион окончательно перешел под их контроль. Последняя четверть IX в. – время, когда происходит резкое ослабление буддийских, индуистских и зороастрийских общин и, соответственно, упадок их искусства.

Статья представляет собой самый общий очерк искусства Афганистана средневекового времени. Она состоит из следующих разделов: “Эпоха Саманидов”, “Царство Гуридов”, “Минарет в Джаме”, “Произведения искусства от IX до XII в. Искусство металла”, “Средневековая афганская керамика”, “Тимуридская эпоха в Афганистане. Архитектура и декор”, “Тимуридская живопись. Гератская школа (1420–1506)”.

Следующая статья сборника – “Современное состояние памятников Афганистана”, ее автором является Б. Дюпень. Он подчеркивает, что в результате гражданской войны и присутствия иностранных войск памятники прошлого в Афганистане сильно пострадали. Тем не менее их насчитывается сейчас около 250. Для их сохранения необходимы не только участие государства и финансовые усилия международных организаций, но и широкое участие международной общественности.

Автор перечисляет основные памятники и сообщает имеющуюся о них информацию. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что мусульманские объекты культового характера (мечети, мавзолеи и т.п.) пострадали, как правило, только в результате случайностей, практически не было попыток сознательно разрушить их. В то же время памятники более ранних эпох (городище Ай Ханум, Сурх-Котал, многочисленные буддийские ступы и т.п.) в громадном большинстве случаев подвергались сознательному разграблению и разрушению.

Странно, что о создании огромного международного “черного рынка” афганских древностей автор упоминает только вскользь и в применении лишь к памятникам доисторической эпохи, не говоря ни слова об объектах античного времени.

Следующая статья сборника носит название “Строительный бум времени короля Амануллы”, ее автор Н. Хатч Дюпье. Исследователь характеризует особенности архитектуры общественных сооружений и жилищ верхов афганского об-

щества не только в период правления Амануллы (1919–1929 гг.), но и более раннего времени – при короле Хабибулле (1901–1919 гг.). В конце статьи автор рассматривает современное состояние этих сооружений.

К. Манар представил в рецензируемый сборник статью “Мандат ЮНЕСКО и деятельность по реабилитации культурного наследия Афганистана”. Исследователь указывает, что в 2002 г. Временное правительство Афганистана обратилось к ЮНЕСКО с просьбой взять на себя координацию всех усилий, предпринимавшихся различными организациями по помощи в сохранении различных памятников прошлого страны. Начиная с 2004 г. этой международной организацией осуществляется большая программа сохранения культурного наследия народов Афганистана. Автор детально рассказывает о проектах, которые в настоящее время финансируются ЮНЕСКО, а также рядом правительственных и неправительственных учреждений различных государств.

В частности, в долине Бамиана собираются фрагменты гигантских статуй Будды и живописи из гротов, расположенных возле них. Было выяснено, что погибло примерно 80% этой живописи. Широко обсуждаются возможные методы восстановления памятников.

Значительные работы проводятся по укреплению ряда объектов в Герате (в частности, знаменитой “Пятничной мечети”) и в Джаме (прославленного минарета гуридской эпохи). ЮНЕСКО и ряд европейских правительств выделили для этих целей значительные денежные суммы.

В Кабуле основные усилия направлены на восстановление национального музея, который, как известно, очень сильно пострадал в годы гражданской войны. В частности, полностью были утрачены огромные нумизматические коллекции, знаменитая резная слоновая кость из Беграма, сильно повреждены буддийские статуи из раскопок в Бамиане. После падения режима Талибана для восстановления музея были приняты срочные меры: восстановление перекрытий, остекление окон, ремонт канализации и т.д. В дальнейшем началась реконструкция здания. Особое внимание было уделено созданию современной реставрационной лаборатории. С помощью

специалистов различных стран начата работа по восстановлению ряда коллекций (в тех случаях, когда это возможно). Помимо перечисленных, основных, проектов, под эгидой ЮНЕСКО проводятся работы и в других местах (в Балхе, Газни и т.д.).

Наконец, последняя статья, написанная Р.Д. Мак-Честни, посвящена проблемам сохранения ранних афганских публикаций (в частности, первых газет) с помощью техники дигитализации.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что рецензируемый сборник представляет большой интерес. Он содержит значительную информацию и по проблеме сохранения памятников Афганистана, и по интерпретации ряда малоизвестных объектов искусства. В книге имеется большое количество иллюстраций. К сожалению, при высоком качестве они очень часто имеют маленькие размеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bernard P., Pinault G.-J., Rougemont G.* Deux inscriptions grecques de l'Asie Centrale // *J. des savants*. 2004.
- Bernard P., Rapin C.* Un parchemin gréco-bactrien d'une collection privé // *CRAI*. 1994.
- Bopearachchi O.* La circulation et la production monétaire en Asie Centrale et dans l'Inde du Nord-Ouest (avant et après la conquête d'Alexandre) // *Indologia Taurinensia. Official Organ of the International Association of Sanskrit Studies*. № XXV. Turin, 1999a.
- Bopearachchi O.* Le dépôt de Mir Zakah. Le plus grand trésor du monde, son destin et son intérêt // *Dossiers d'Archéologie*. № 248. 1999b.
- Bopearachchi O., Flandrin Ph.* Le Portrait d'Alexandre. Histoire d'une découverte pour l'humanité. Monaco, 2005.
- Bopearachchi O., Grigo K.* Thundering Zeus revisited // *Oriental Numismatic Society. News Letter*. 2001. № 169.
- Rea J.R.* A tax receipt from Hellenistic Bactria // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 1994. № 104.

Институт археологии РАН,
Москва

Г.А. Кошеленко